

Денис Махалов

*Штрафбат для
Ангела-Хранителя*

Часть третья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Махалов

Штрафбат для Ангела-Хранителя. Часть третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69136600

SelfPub; 2023

Аннотация

Заключительная часть трилогии. Нерадивый Ангел-Хранитель спущен на землю, чтобы исправить свои ошибки, и спасти своего подопечного – лёгчика штурмовой авиации, лейтенанта Андрея Чудилина. Изначально обозначенная мера наказания – 8 раз спасти Андрея от смерти выполнена и перевыполнена, но миссия почему-то продолжается. Нарушенная, и не раз, Ангелом-Хранителем главная заповедь «не убий», меняет условия игры. Задание ещё более усложняется, срок отбытия наказания удлинится. Знания, боевые навыки, и мастерство Агнии, бортстрелка штурмовика Ил-2, растут феноменально быстро, и вскоре боевые возможности Ангела-Хранителя достигают почти Абсолюта. Вздорная, взбаламошная девчонка-неумеха исчезает, а вместо неё появляется умелый, жёсткий и беспощадный к врагам боец. Но одновременно с этим происходит и внутренняя трансформация Ангела-Хранителя – он всё больше и больше «очеловечивается».

Содержание

Глава 1. Воскресшие.	5
Глава 2. Смуглянка.	31
Глава 3. Индикатор на лобовом стекле.	45
Глава 4. Дуэль с зениткой.	80
Глава 5. Два ордена.	117
Глава 6. Контурь будущего.	129
Глава 7. Мамонт.	161
Глава 8. Их восемь, нас двое.	173
Глава 9. Подвиг.	206
Глава 10. Встречная карусель.	246
Глава 11. Никогда не сдавайся!	279
Глава 12. Ультабс.	298
Глава 13. Русиш вервольф.	312
Глава 14. Рвусь из сил, из всех сухожилий.	322
Глава 15. Сникерс.	346
Глава 16. По самому по краю.	353
Глава 17. Вознесение.	361
Глава 18. Трибунал.	372
Глава 19. Госпиталь.	381
Глава 20. Передовой авианаводчик.	394
Глава 21. Невероятный рассказ.	402
Глава 22. Частичное Просачивание Сущности.	414
Глава 23. Райское яблочко.	435

Глава 24. Броня крепка.	441
Глава 25. Рейхстаг.	455
Глава 26. Высший приоритет.	470
Глава 27. Сбывшиеся пророчества.	473
Глава 28. Берегиня.	480

Денис Махалов

Штрафбат для Ангела-Хранителя. Часть третья

Глава 1. Воскресшие.

Первую половину дня весь аэродром гудел, как растревоженный улей – самолёты заправлялись, в них загружался боекомплект, подвешивалась боевая нагрузка; поэскадрильно взлетали, уходили на задание, возвращались – шла интенсивная боевая работа. Во второй половине дня, когда почти все пилоты совершили по два боевых вылета (а кто и по три), аэродром затянуло низкой облачностью. Тяжёлые, свинцовые тучи, гонимые северным ветром, стремительно неслись над полем. Нижняя кромка облачности опустилась ниже 100 метров, хлопьями посыпал мокрый, густой снег. Последняя восьмёрка штурмовиков с трудом приземлилась, вернувшись с задания.

***

Александра сидела, пригорюнившись, на пустой деревянной укупорке от авиабомбы, и тихонько хныкала, размазывая слёзы. Рядом с ней стояли Коля Никишин и Толик Веселовский, и как могли, пытались её успокоить.

– Ну, подбили, ну, упали! Так что с того? Вон, Мишку Никитенко тоже подбили, так живой же! – терпеливо увещевал её Николай.

– Так коне-е-е-чно! Вы со Славой Мироновым, вон, сели, и подобрали их! – глотая слёзы, с отчаянием произнесла Александра, – а их то, их то! Никто вот не сел, и не спас!

Она опять заревела в полный голос.

– Так... это... обстановка так складывалась, – пытался на ходу оправдаться Коля, – мессеры навалились, как снег на голову, всем было несладко! Я только видел, как по ним мессер долбанул, и всё... больше ничего и не видел! Потому как на нас сразу четверо наскочили. Но дыма я не видел! И взрыва на земле тоже! Скорее всего, просто на вынужденную сели... Так что ещё не всё потеряно!

– Ага... не всё... – закричала Антонина плачущим голосом, – их позавчера утром сбили! Больше двух суток прошло!

– Так а что ты хочешь? – вклинился в разговор сержант Веселовский, – их эвон где сбили-то! Далече! Попробуй-ка, доберись обратно! Да на своих двоих! Ты ж давно в полку, с лета, что, не помнишь, как в августе, когда за Харьков бились, Сашку Пилипенко с Насыром... как его, чёрт, а, во! С Садулаевым сбили? Помнишь?! Так они неделю по болотам из немецкого тыла обратно шли. И ведь вышли! Обросли, как два партизана! И ничего! И твои выйдут! Я тебе точно говорю! Может, ещё целую неделю будут идти. А ты терпи.

– Да вдоль моего терпения уже все швы полопалились! – с надрывом крикнула Александра, – целую неделю ждать! Да у меня сердце разорвётся!

– Ну, может, и не целую неделю, может, и побыстрее, – Коля закурил, и перебрасывая языком папироску справа налево, почесался и продолжил, – я вот чего думаю: Андрюха с Агньюхой, они же просто так, не за понюх табаку, пропасть не могут. Эти выкрутятся. Угнали же они в прошлый раз мессер секретный у немчуры из-под носа, ну тот, что на водке летает!

– Ага-а-а... А вот сейчас почему-то не угнали! – шмыгая распухшим от постоянных слёз носом, плаксиво не согласилась с ним Шурка.

– Так потому и не угнали, – опять влез в разговор Толик, – что не над аэродромом их сбили, а над полем боя, где танковый бой шёл. О! – вскричал он, пронзённый гениальной мыслью, – так они, может, у фрицев танк угнали! Точно, танк! А на танке быстро назад не приедешь, тут дня три ехать, не меньше...

Шурка подняла на него заплаканные глаза с затаённой надеждой:

– Так они же не умеют на танке-то...

Толик засунул руки в карманы, и пожал плечами:

– Ну, знаешь, может, и не умеют, так научатся. Кто на самолёте могёт, тот и на всём остальном тоже смогёт.

Шурка горько-горько вздохнула, и бессильно уронила го-

лову:

– Сил никаких нет, не могу больше.

– А тут через немогу надо! Держись! – Коля мягко обнял её за плечи.

Александра измученно улыбнулась ему и промолчала. Слёзы катились по её щекам...

Послышался тихий стрёкот, и тут же, через пять-шесть секунд, прямо из-за кромки леса, вынырнул лёгкий грязно-белый самолёт с лыжами. Он прострекотал у них над головами, снизился почти до земли, заложил глубокий вираж, чуть не чиркнув законцовкой по земле, и выровнявшись, полетел, снижаясь и гася скорость, прямо на них.

Папироска выпала у Кольки изо рта, он подхватил Шурку за плечи, и рванул, таща её за собой, в сторону. Толик с вскочил, и с матюгами метнулся в другую...

Самолёт задрал нос, лихо плюхнулся лыжами в снег, проехался полтора десятка метров, тормознул¹, и продолжая стрекотать пропеллером на холостых оборотах, остановился в десяти метрах от того места, где только что сидела вся троица.

– Тв-в-в-о-ю мать!!! Фриц! – Колька лапнул кобуру и выхватил из неё ТТ. Толик, ни секунды не промедлив, сделал то же самое.

Мотор самолёта чихнул ещё пару раз, и заглох, винт остановился. Дверь с правой стороны кабины открылась, и на

---

¹ у «Шторха» были тормоза на лыжах.

снег соскочил...

– Андрюха!!! Вернулся!!! – Колька чуть не сорвал голос. Они с Толиком бросились к «Шторху». Александра стояла с трепещущим сердцем, как вкопанная, не веря своему счастью. Лицо её порозовело, волосы растрепались, слёзы радости текли по щекам, оставляя на них светлые дорожки. Потом вдруг сорвалась, помчалась, задыхаясь от ветра.

Андрей поймал её в объятия, закружил, поставил на землю. А она никак не отпускала его, и плача от счастья, часто-часто повторяла:

– Вернулись, вернулись, вернулись, вернулись!

Наконец оторвалась, кинулась обнимать Агнию:

– Агнюшенька, милая моя, у меня чуть сердце не разорвалось! Я уж все слёзы повыплакала! Ну почему вы так долго?!

Агния звонко и счастливо рассмеялась:

– Ну что, заждались? Пришлось повоевать, на танке.

Толик победно вскинул голову:

– Во! Я ж говорил, на танке! Так что, вы действительно у гансов танк угнали? А потом ещё и этого, этого, э... птеродактиля? – он кивнул на немецкий самолётик.

– Нет, танк был наш, – пояснила Агния, – но повоевать пришлось. А «Шторха» мы не угнали, а просто напрокат взяли, покататься!

С этими словами она нахлобучила Толику на голову немецкую офицерскую фуражку, которую держала в руках.

Колька с Толиком весело и оглушительно зареготали. Аг-

ния обернулась, и приобняв за плечи скромно стоявшую рядом с ней девушку, подтолкнула её вперёд:

– Вот, подружку свою привезла. Зовут Антонина.

– О! Подружка? – Толик подскочил, галантно поклонился: – разрешите представиться – Анатолий Иванович Веселовский, сержант. Что вы делаете сегодня вечером? У нас в клубе сегодня после ужина танцы. Приглашаю!

Антонина смутилась от такого напора, и, ища поддержки, обернулась к Агнии. Та нашлась мгновенно:

– Отлично! Тоня сегодня в клубе и танцует и поёт, а я... – она полезла в кабину «Шторха», и поднатужившись, выдернула оттуда тяжёлый немецкий аккордеон, – а я – играю.

– Ого-го! Фисгармония! Откель? А ну-ка дай нажму на клавиши! – Колян заинтересованно облапил музыкальный инструмент.

– Трофей. У фрицев отбили, и это... давай-ка, не лапай попусту! Всё равно же не умеешь! – осадил его Андрей.

Подбежал ещё народ, привлечённый видом севшего незнакомого самолёта. Стало шумно и весело. Андрей и Агния, прихватив с собой Антонину, оставив аэродромный люд рассматривать трофейный «Шторх» вместе с аккордеоном, двинулись в сторону КП. Там уже, видать, доложили о происшествии, т.к командир полка самолично уже шёл им навстречу.

Андрей, приблизившись чётким, строевым шагом к командиру полка, бросил руку к виску и доложил:

– Товарищ командир полка! Во время выполнения задания были сбиты, сели на вынужденную прямо на поле боя. Были спасены экипажем нашего танка. Из всего экипажа танка остался жив только механик-водитель, и нам со стрелком, – он скосил глаза на стоявшую тут же Агнию, – пришлось заменить погибших танкистов. Потом приняли бой в составе первого батальона 958-го стрелкового полка 299-й Харьковской дивизии по обороне села Городище. Вот сопроводительные документы, выданные командиром батальона, – Андрей вынул из кармана стопку свёрнутых измятых бумажек и вручил её командиру полка.

Майор Беляев широко улыбаясь, пожал руку лейтенанту:

– Ну, Чудилин, ну учудил... Точно говорю, в рубашке родился! Везунчик! Оба везунчики! – он скосил глаз на Агнию, увидел, что весь лётный комбез у неё спереди искромсан, и покрыт побуревшими пятнами, да и у Андрея на животе было подозрительное небольшое обгорелое отверстие, похожее на пулевое, – вы что, ранены?

– Да так... ерунда, – улыбнулся Андрей, – на нас, как на собаках, быстро заживает! – и видя, как майор вопросительно уставился на стоявшую неподалёку и переминавшуюся с ноги на ногу Антонину, поспешил доложить:

– Товарищ командир! Во время рейда, в составе экипажа танка, по территории, временно занятой фашистами, спасли от смерти девушку, – он кивнул на Антонину, – Шумейко Антонина. Фашисты её чуть не повесили. Отбили. Во время

обороны села Городище участвовала в бою, проявила себя героически, вытащила на себе с позиций полсотни раненых. Вот её документы, вот предписание!

Андрей вынул и подал майору её красноармейскую книжку и свёрнутую бумажку. Тот открыл книжечку, бегло прочитал написанное на первой странице, развернул бумажку, пробежал глазами по написанному, и поднял глаза на лейтенанта:

– Тут написано – младший авиационный специалист, вооруженец... А тут – что она направляется к месту службы в истребительный авиационный полк. Как так получилось, что она к немцам попала?

– Немцы же фронт прорвали. А она на попутке ехала, вот и заехали к фрицам в лапы... Да там долгая история!

Во время разговора к ним от КП подошли замполит и начальник штаба. Тепло поздоровались.

– Так, пойдём-ка на КП, чайку попьём, там ты нам всё подробно и расскажешь, – предложил замполит, дружески хлопнув Андрея по спине.

– Правильно, – подытожил ком.полка, – но сначала пусть в сан.часть сходят, надо, чтобы врач их осмотрел.

– Да ничего у нас уже не болит! – выступила вперёд Агния, – так... синяки да шишки! Всё уже давно зажило!

Весь ком.состав полка дружно посмотрел на её лётный комбинезон, дырявый и со следами запёкшейся крови – вид её никак не вязался со сказанными ею словами.

– Да это не её кровь! – быстро нашёлся Андрей, придя ей на помощь, – то есть, есть и её, но совсем чуть-чуть, а всё остальное – это когда мы убитых танкистов из танка вытаскивали, вот тогда и испачкались! И порвала она комбез тогда же, вот! И это... – он с надеждой посмотрел на замполита, – уж очень чаю хочется! Промерзли, как цуцики...

Замполит повернулся к командиру полка:

– Ну, а что, Михалыч? Чего их мучить-то? Может, ну её, к лешему, сан.часть эту, а? Успеют ещё! Может, сразу чайковского?

– Лады, – махнул рукой майор Беляев, – чай, так чай! Заодно и обскажете, что там да как, да как вы на танке воевали, да где вы это чудо немецкое затрофеить сумели! – он кивнул на стоявший неподалёку «Шторх», облепленный любопытными.

***

На огонёк подтянулся и новый особист, капитан Засохин, небольшого роста, жилистый мужик с серыми внимательными глазами. В разговоре он особо не участвовал, а по большей мере сидел, слушал, и наблюдал за вернувшимися с того света.

Андрей кратко пересказал обстоятельства того, как их подбили, про немецкий танк, раздавивший их Ил-2, про героический экипаж нашей тридцатьчетвёрки, ценой своей гибели спасший их от смерти, про единственного выжившего из экипажа механика-водителя. Про то, как им пришлось на

время стать танкистами, и про то, как они навели шорох в селе, занятом немцами, попутно вынув из петли Антонину. Рассказал про сожжённых фашистами жителей деревни, мимо которого они проезжали, и про оборону села Городище, и про то, как пришлось принять бой с превосходящими силами фашистов. И конечно, он умолчал про те страшные осколочные ранения, которые получила Агния, про то, как она закрыла его, приняв в себя крупнокалиберную пулю из противотанкового ружья, и про то, каким образом она смогла уничтожить столько немецких танков.

Пока Андрей рассказывал, из столовой принесли свежие, румяные, с пылу-с жару, горячие пирожки с повидлом. От их дурманящего аромата у вновь прибывших потекли слюнки и заурчало в животах.

– Давайте, давайте, подкрепляйтесь! – нач.штаба пододвинул большую тарелку с пирожками поближе к Андрею, Агнии и Антонине. Все трое дружно накинулись на угощение.

– А расскажи-ка, девица-краса, как же ты ехала к месту службы, а угодила к фрицам? – внимательно глядя в глаза Антонине, и мягко улыбаясь, спросил замполит.

Антонина чуть не поперхнулась пирожком, с трудом проглотила, но в этот момент в голове у неё как будто пощекотало мягкой лапкой, она сразу же вспомнила всё то, что ей положила в память Агния, когда они летели на самолёте, и Антонина тихо ответила:

– Я опоздала, и машина, на которой можно было в полк

уехать, ушла...

– А чего опоздала?

Она смутилась, и глядя в пол, тихо ответила:

– Живот прихватило... и я пешком пошла.

– И долго шла?

– Не очень. Машина остановилась, там дядька пожилой был. Садись, говорит, дочка, подвезу. И мы поехали...

– А дальше?

– А дальше: ехали, ехали, всё никак не приедем, метель началась, ничего впереди не видно! Я уже беспокоиться стала, а тут раз! И немцы нам навстречу! Целая колонна, танки! На повороте, их даже не видно было, а ихний передний танк нашу машину прямо в мотор с разбега и ударил. Машина от удара в кювет слетела, набок упала...

Все присутствующие молча смотрели на неё, и ждали продолжения. Она судорожно вздохнула, и сглотнув, продолжила:

– Водителя, дяденьку того старого, сразу застрелили, из автомата: тра-та-та, и всё... – она замолчала, видимо, вспоминая своего деда, и всхлипнув, продолжила: – а меня хотели... того-этого самого... А я драться с ними стала... Я палкой их троих прямо по бошкам... А они меня прикладами! И ногами!

Она, пытаясь совладать с готовыми брызнуть слезами, замолчала на несколько секунд, но несколько раз глубоко вздохнув, продолжила:

– Избили, и повезли с собой в какую-то деревню... – она опять замолчала, с трудом совладала с готовыми брызнуть слезами, и продолжила: – собрали народ, кто в деревне жил, и стали вешать... Меня.

Тут она не выдержала, и обуянная нахлынувшими воспоминаниями, бурно разрыдалась. Агния бросилась её успокаивать. Слушатели угрюмо молчали.

– Тут мы на танке-то и поспели, – заполнил паузу Андрей, – аккурат в тот самый момент. В общем, разнесли всё их осиное гнездо вдребезги! И девчонку из петли вынули.

– Что, прям вот так, и болталась в петле? – разлепил губы особист.

– Не совсем, чтобы болталась, – пояснила Агния, – пока фашисты петлю ладили, ей, пока она стояла и ждала, какой-то местный мальчуган веревку на руках сзади ножом подпилит. Да не допилит. А как ей петлю эту на шею фашист накинул, она поднатужилась, да верёвку-то и порвала, да фашисту в шею вцепилась!

– Ого! Вот это да!! – воскликнул замполит, – молодчина!

– А тут мы, трам-тара-рам! Танк-то наш уже на площадь выскочил! Ну, я их из курсового и причесала! Первым – палача, потом – по верёвке. Она и упала с обрывком на шее.

– И что, вот так, сходу запросто верёвку перестрелила? – сощурился начальник особого отдела.

Агния скромно улыбнулась:

– А чего не перестрелить-то? Я – лучший стрелок в полку.

Вам разве не говорили?

Особист вопросительно повернулся к командиру полка. Тот утвердительно кивнул, подтверждая сей значимый факт.

– Хм, складно рассказываешь, – улыбнулся особист, – дальше.

– А что дальше? Дальше – больше, – продолжила Агния, – доехали до Городища, а там наш батальон оборону держит. Там от батальона две сотни бойцов всего осталось. Да раненых сотни три по хатам лежит. Они уже несколько атак отбили. А против них сила – немчура танков нагнала. Для ночной атаки. А этим – уже край. Помогайте, говорят, танкисты. Ну, мы и помогли...

– А ну-ка, иди сюда, к свету! – поманил пальцем Антони-ну начальник особого отдела, – покажи-ка шею.

Антонина испуганно зажалась, но Агния, зыркнув глазами, прищурилась, и с вызовом посмотрела на особиста:

– Не верите?! А ну-ка, Тоня, не жмись... – она быстро и ловко расстегнула у неё на вороте несколько пуговиц.

Антонина судорожно схватила ворот гимнастёрки и замотала головой.

– Успокойся, так надо, – тихо и успокаивающе негромко прошептала ей на ухо Агния, и завернула вниз ворот гимнастёрки, продемонстрировав всем присутствующим синие следы от верёвки на её шее.

– Мало? Вот ещё! – Агния быстро расстегнула пуговку на её рукавах и задрала их до локтей. Все руки Антонины были

тёмные от синяков и ссадин.

– Всё, всё, хорош! – замахал на неё руками начальник штаба, и обращаясь к начальнику особого отдела: – ну ты, Вениамин Сергеевич, тоже, давай тут, допросы не устраивай! Девка, можно сказать, с того света вернулась! – повернулся к Антонине: – Ты давай, давай, красавица, на пирожки-то налегай...

***

Через полчаса Андрей сидел на старой, покосившейся скамеечке рядом с полуразвалившимся сараем, недалеко от бани. Из бани изредка долетали приглушённые девичьи разговоры, песни, и залиvistый смех.

– Что, с собой не взяли? – участливо спросил Коля Никишин, только что подошедший «на огонёк» и теперь стоявший рядом.

Андрей поднял на него глаза, и беззлобно ругнулся.

Колька сделал вид, что обиделся:

– Ну вот, я ж с участием, а ты меня по матушке! А я, может, переживаю за тебя! Такой цветник у тебя тут вырос, а ты вроде садовника в нём. Разве нет? Слу-у-ушай! А пойдём, да в окошечко поглядим маненько, а? Интересно же! Девки, и в бане! Голые! Три штуки! – для верности понимания значимости сего факта Коля показал три оттопыренных пальца.

– Да видел я их голых, не переживай!

– Так это ты видел, а я-то нет!! Ну, пойдём, пойдём! Ну хоть одним глазком!

– Колян, да вали ты уже на хрен! – с чувством послал его Андрей.

– Ладно, ладно, не переживай! – Коля покровительственно похлопал товарища по плечу, – щас они попы свои закопчёные ототрут, и тогда...

Андрей, окончательно потеряв терпение, угрожающе встал. Коля-егоза с неожиданной прытью отскочил в сторону, спасаясь от заслужённой оплеухи.

– Да ладно, чё... вон, беги, ужо зовут! – он махнул рукой в сторону бани. Андрей обернулся, и увидел, как из предбанника вышли Шурка с Антониной. Распаренные, с красными лицами, они замахали ему руками. Подойдя ближе, Шурка, стреляя глазами на стоявшего в небольшом отдалении Колю, улыбаясь, несильно ткнула Андрея кулаком с бок:

– Иди уже, мойся! – и добавила, пряча смешинки в глазах, – она там, ждёт тебя!

Андрей, подхватился, и помчался к бане.

– И в тот же миг прекрасное созданье, включив форсаж, помчалось на свидание! – с хохотом прокомментировал стоявший неподалёку старший сержант Никишин.

– Дурррак ты, Колька, ничего ты не понимаешь! – расхохоталась Александра.

– А чего тут понимать? – картинно раскинул руки Колька, – жена она ему, али не жена? Дело-то молодое...

***

– М-да... – Андрей легонько потрогал синюшные шрамы

на её голом животе, поднял глаза на Агнию: – не болит?

Она улыбнулась в ответ:

– Да что мне делается? На мне, как на собаке... всё враз заживает.

– Враз заживает... – вздохнул Андрей, – бедная ты моя собака...

Пальцы прошлись по трём шрамам от осколков на животе, потом скользнули по следу от 14,5мм пули с противотанкового ружья... На её спине он ничего смотреть не стал, но знал, что там тоже остались следы от двух пулевых отверстий – одно поменьше, от немецкой пули 7,92мм, второе – от нашей, калибра 14,5, оба от сквозных ранений. Взгляд скользнул по её груди – там тоже была отметина от выходного отверстия калибра 7,92...

Два таких же небольших шрамика украшали её красивую, изящную шею – там, где её пробила 7,62мм пуля из трёхлинейки. Левая ладонь тоже имела с обеих сторон хорошо видимый шрам от винтовочной пули, той самой, что пробила навывлет и её шею...

У Андрея запершило в горле. Кое-как прокашлявшись, он сипло выговорил:

– Это сколько же раз ты меня уже от смерти спасла?

Агния грустно улыбнулась:

– Сегодня был двенадцатый, – и прибавила: – и сегодня ровно месяц, как я здесь...

Ёкнуло сердце... и остановилось! Андрей ошарашенно

смотрел на Агнию:

Месяц! Месяц!! Месяц!!!

Она тогда говорила про один месяц! И всё! А что потом?!

Сильный удар её ладони по его груди вернул его к действительности: сердце заколотилось в груди, гоня кровь по артериям.

– Ты что, дурак?! Или сроду так?! – она, округлив глаза, испуганно смотрела на него.

Андрей сглотнул, и совладав с собой, глухо спросил:

– Ты тогда говорила про один месяц. Месяц прошёл. Что потом?

– Суп с котом! – Агния шумно выдохнула, – я не знаю... живём в обычном режиме, бьём фрицев. Делай, что должно; и будь, что будет. Понял?

Андрей тяжело вздохнул, свёл брови к переносице, и подтянув к себе Агнию за талию, уткнулся лбом ей в живот...

Она легонько упёрлась обеими руками в его плечи:

– Да будет тебе! Полно! Гони её, тугу-печаль! – она шуточно оттолкнула его от себя, – давай-ка я тебя ещё разок попарю!

И схватила веник:

– А ну-ка, ложись! Смирррно!

Хлёсткие удары посыпались на спину.

– Давно хотела тебе сказать... да всё никак не получалось – не было времени...

Она осыпала спину Андрея ударами веника и одновре-

менно с этим повела свой рассказ, желая отвлечь Андрея от тяжких раздумий, охвативших его.

– ...то на танке воевали, то на Шторхе летали, то... Короче: два дня назад довелось нам с тобой пересечься с одной примечательной личностью.

Андрей повернулся и спросил:

– И кто же это?

– Эрик Хартманн, один из лучших истребителей Люфтваффе.

Она опустила веник и показала на шрамы от осколков на своём животе:

– Это, кстати, от него нам с тобой приветик!

– От сука... вот падла! – не сдержался Андрей, сел на лавке, и ввернул ещё пару непечатностей.

Агния грустно улыбнулась, и покачала головой:

– Хорошо, хоть так закончилось, а могло и гораздо хуже...

– Гораздо хуже! – вскипел Андрей, – куда же хуже?! Сначала три осколка тебе в живот, потом нас танком фашисты чуть не переехали, потом... эта пуля с ПТРа тебе, опять же, в живот, потом...

– Ты ошибаешься, мой хороший! – Агния положила свою ладошку ему на плечо: – без ведома Господа волос с головы у человека не упадёт. Значит, всё так и должно было случиться. А как иначе мы Антонину спасли бы? Ведь повесили бы её! Да и с Пашей познакомились! Значит, это стоило того!

– Да, пожалуй... – согласился Андрей со своим Ангелом

после некоторого раздумья, – ну, так и что там этот, как его... Хартманн, что ли?

– А вот что – доживёт гадёныш до конца войны, и живой останется. Правда, в плен к нам попадёт, и десяточку-то свою в лагерях отсидит.

– Да и поделом! Я бы больше дал... а лучше вообще к стенке!

– Ишь ты, какой кровожадный! – засмеялась Агния, и продолжила: – но самое интересное не это, а то, что после войны американцы про него книжку напишут. И уж так в своей книжке они его расхвалят! Герой! Белокурый рыцарь! Чёрный дьявол! Что он чуть ли по десятку самолётов за один вылет сбивал!

– Чего-о-о-о?! – возмутился Андрей, и аж привстал с лавки.

– А вот так... – расхохоталась Агния, – мало того, знаешь, сколько этот засранец себе в сбитые написал?

– Ну, и?

– Не поверишь – 352 штуки.

– Да он чё, вообще, что ли, офонарел? Звездун! – возмутился Андрей.

– Во-во! Ну, на данный момент у него, само собой, поменьше, около 150...

– Да брешет он! – с нажимом продолжил возмущаться Андрей, – хы... 150! Да как считали-то?

– Да вот так и считали, – засмеялась Агния, – у них же

в Люфтваффе как? Прилетел – «я сбил!», ведомые подтвердили, анкетку заполнил, кадры кинофотопулемёта² зафиксировали факт стрельбы. И всё – дело в шляпе – пиши себе сбитого!

– Ха-ха-ха! – Андрей согнулся от смеха пополам так, что едва-едва не соскользнул с лавки, – анкетку он заполнил, ведомые подтвердили... А указание точного места на карте, куда упал сбитый противник? А подтверждение факта нахождения на этом месте обломков самолёта? А подтверждение факта сбития от наземных частей?! Ну, чудны дела твои, Господи! – Андрей покрутил головой, – дак так и я могу скок хош настрелять! Да сотню в месяц – легко! Вот жуки, а?!

– Жуки, и ещё какие! – кивнула соглашаясь, Агния, – были случаи, когда на один и тот же самолёт поочерёдно четвёрка заходила, обстреливала, и поди ж ты, у всех на кинофотопулемётах – кадры атаки! Прилетают, заявляют, друг другу сбитых подтверждают, анкеты заполняют – и вуаля! У каждого – по одному сбитому за бой! А самолёт тот, хоть и израненый, но до аэродрома дотянул, и сел. Вот так!

Андрей махнул рукой:

– Что и требовалось доказать! Звездун!

– Но с другой стороны, – продолжила Агния, – он, хоть и засранец, но до конца войны знаешь, сколько боевых вылетов сделал? 1405!

---

² кинофотопулемёт – кинокамера, направленная вперёд, включающаяся одновременно с нажатием гашеток. Фиксирует результат стрельбы.

– Ско-о-о-лько? – опешил Андрей и потянулся за мочалкой и мылом.

– 1405. И провёл 825 воздушных боёв. Вот так-то...

– Хрена себе... он что, круглые сутки воевал, что ли?

– Круглые, не круглые, а по нескольку вылетов в день делал очень часто. Так что, хоть он и наврал с три короба, и, само собой, столько, сколько заявил, конечно же, не сбил, но... лётчик-истребитель он классный, и ещё учти – в Люфтваффе специально культивируются подобные герои – их немного, основная масса пилотов до них о-о-очень сильно не дотягивает... А этим экспертам никаких особо сложных задач командованием не ставится, они на привилегированном положении, их дело – летать на свободную охоту³ и сшибать зазевавшихся, то бишь, работать на пропаганду. Вот и всё.

– Выходит, мы – те самые зазевавшиеся?

– Да нет, на этот раз, видать, здорово им всем хвост прижало, поэтому и бросили всех, в том числе и его, на реальную боевую задачу, вот они и отработали. Ну, а мы просто ему в прицел попались... Ладно, всё, хватит уже меня по третьему разу намыливать! Я уже чистая! Вся!

---

³ свободная охота – боевой вылет, не связанный конкретно ни с какой боевой задачей. Основная цель – самостоятельный поиск и уничтожение любой подвернувшейся цели. Как воздушной, так и наземной. Желательно, с минимальным риском для атакующего. Именно так в первой главе и была атакована полуторка, в которой Андрей ехал к новому месту службы. Свободная охота позволяла быстро наращивать личные счета лётчикам Люфтваффе, но отнюдь не способствовала общей победе над противником.

– Да я тебя и дальше могу намыливать! – весело хохотнул Андрей, усилив свой нажим, и пытаясь удержать её гибкое и скользкое от мыла тело.

Она с силой вырвалась из его рук и схватив ведро, с головой окатилась тёплой водой.

Встряхнула гривой мокрых волос:

– Всё, пойдём, нас уже заждались!

***

После бани, прихватив до кучи и Антонину, всё-таки дошли до сан. части.

Настояла на этом Агния. Николай Филлипович сначала вознамерился, по обыкновению, хорошенько отлать вновь прибывших за то, что не явились на осмотр сразу, но увидев Агнию, как-то сразу подобрел и успокоился. После чего спокойно приступил к осмотру. С Андреем никаких сложностей не возникло – его ранения и ожоги он особо серьёзными не считал, а вот с Антониной возникла заминка. Для начала, перед тем, как её осмотреть, он позвал медсестру, и передал Андрея в её руки. Медсестра повела Андрея в соседнее помещение, где принялась обрабатывать его ожог на животе, раны и ссадины.

Доктор тем временем долго осматривал Антонину, крутил со всех сторон, проверял работу опорно-двигательного аппарата, простукивал, прослушивал, громко сопел, вздыхал... Потом Андрей услышал приглушённое дверью: «ладно, одевайся», а спустя минуту более громко: «лейтенант,

всё, можешь заходить!» Андрей к этому времени уже перевязанный, и обработанный должным образом, несколько минут томился, сидя на табуретке в соседней комнате.

– Ну что, красавица, тебе сказать? – доктор горестно вздохнул, – вот что я тебе, как врач, скажу – тебе на месяцок в санаторий бы... отлежаться, отоспаться, здоровье поправить. На тебе места живого нет. Сплошные синяки, ссадины и раны.

– Доктор, да вы что?! – вскинулась Антонина, – какой санаторий?! Я воевать хочу!

– Милая моя! Да я ж говорю: на тебе места живого нет! – по-доброму глядя на неё грустно ответил доктор.

– Ништо! Я на себе вон сколько раненых перетаскала? И что, теперь отдыхать, что ли? Ну-у-у нет, на это я не согласная!

– То, что ты пережила и перетерпела, не каждый мужик сдюжит. Это я тебе как врач говорю, – продолжал увещевать её военврач.

– Пережила, перетерпела... и что с того? И ещё столько же перетерплю! Меня что, для того Андрей, Агния и Пашка из петли вытаскивали, чтобы я тут по вашим санаториям прохлаждалась?

– Что за Пашка? – повернулся Николай Филлипыч к Андрею.

– Это танкист. Когда нас позавчера утром сбили, нас с Агнией спас экипаж нашей тридцатьчетвёрки. И весь экипаж

погиб, кроме него. Он нас с Агнией к себе в экипаж зачислил. Так и воевали, на танке, вместе с ним. И Антонину у фашистов отбили.

– Агния верёвку перестрелила на которой меня фашисты вешали, и всех фашистов положила из пулемёта, – взхлёб быстро-быстро заговорила Антонина, словно опасаясь, что её прервут, – а Андрей выскочил, и меня в танк затащил, вот... А Пашка как дал по газам! И они всё там разнесли вдребезги! Вот как они меня спасли! – победно закончила свое короткий рассказ Антонина.

– Вот как значит, дело было... – военврач посмотрел поверх очков на Андрея, а потом на Агнию.

– Да вы не волнуйтесь, Николай Филлипович! – с крайней степенью убеждения, моляще смотря на него, попросила Агния, – я за ней посмотрю. Если что нет так, то я её сама лично за руку к вам отведу! Ведь у неё ничего серьёзного нет?

– Хм... как сказать. Налицо крайняя усталость и истощённость всего организма.

– Это я-то истощённая? – Антонина шагнула к Андрею, мгновенно обхватила его за пояс, и оторвав от пола, подняла в воздух!

Андрей от неожиданности даже ругнуться не успел!

– Ну, вот! А вы говорите – усталость и истощённость! Да я вот так знаете, сколько мужиков раненых вчера перетаскала? Там были и потяжелей!

– Так, всё, всё! – замахал на неё руками военврач, – иди!

Иди с глаз моих долой! Только потом не жалуйся!

И вся троица дружно потопала к выходу.

– Сержант Чудилина!

Агния обернулась.

– Задержись-ка на минутку, – попросил доктор, – а вы идите, идите! – махнул он рукой Андрею и Антонине. Они переглянулись, но всё же молча вышли.

– Поди-ка сюда, – поманил Агнию военврач.

Она молча подошла.

Он помолчал, а потом негромко спросил:

– А ты-то сама как? У тебя всё нормально?

Агния ни слова не говоря, расстегнула ремень и задрала гимнастёрку с нательной рубахой вверх, почти до самой груди. На животе красовались три здоровенные, синюшного цвета шрама – один точечный, от пули противотанкового ружья, и два вытянутые, от осколков. Она молча повернулась спиной, демонстрируя шрам выходного отверстия от противотанковой крупнокалиберной пули.

– Сквозное... – глухо констатировал военврач, рассматривая шрамы.

– 14,5 мм, противотанковое ружьё, – дала краткий комментарий Агния.

– Поразительно... – доктор покачал головой, – такая пуля раскурочивает раневой канал размером с бутылку, после такого никто не выживает... там же все внутренности в фарш... а это осколочные?

Она молча кивнула.

– Извлекли?

– Да, Андрей вытаскивал. Там ещё одно есть, ниже, где аппендикс. Но там я вам показывать не буду... Не хочу.

Доктор тяжело вздохнул, откинулся на стуле:

– Не надо. Верю.

Агния молча поправила форму, застегнула ремень, и попрощавшись, вышла.

А доктор ещё долго сидел, уставившись в одну точку, и молчал...

Глава 2. Смуглянка.

В столовой было полно народу. Ужин подходил к концу, ложками стучать уже почти перестали, кто-то допивал свой компот, многие, уже допив, негромко гомонили, обсуждая минувший день. Время от времени, то там, то сям, разговор прерывался взрывами хохота: напряжение, накопившееся за целый день, и частично снятое боевыми 100 граммами, требовало выхода.

– Ты вот что, Андрюха! – придвинулся поближе сидевший напротив командир эскадрильи, – пока тебя не было, мне пришлось другого ведомого взять, не обижайся.

– Да я не обижаюсь, – спокойно ответил Андрей.

– Ну и правильно, – кивнул в ответ капитан Миронов, – да оно же и к лучшему – тебе давно уже положено своего ведомого иметь. Это как минимум. А по-хорошему – пора тебе уже звено принимать. Старший лейтенант – звание позволяет. Согласен?

Андрей молча кивнул.

– Вот и отлично. Как раз новое пополнение прибыло. За те два дня, что тебя не было, жаркие бои были, потеряли очень многих... – комэск замолчал, вздохнул, и продолжил: – в тот же день, когда вас сбили, та пара, что тебя обстреляла, на остальных накинулась. В упор расстреляли самолёт Горидзе, убили стрелка, Лёшку Зыкина. Георгия задняя бронеплита

спасла, там всё ж 12 миллиметров, как-никак, но сзади под бронеколпак осколки влетели, всю голову ему искромсали. Георгий до аэродрома еле-еле дотянул – уже на пробеге сознание потерял. Большая кровопотеря была. Но мужик он здоровый, выжил. Филлипыч его подлатал немного, перевязали, морфием обкололи, да в госпиталь отправили.

– У нас ребята вчера, уже вечером, в госпиталь смотались, узнать – что да как, – вклинился в разговор Колька, – так вот! Жив, курилка! Вся башка бинтами перемотана, один нос торчит! Ну чистая мумия! Был в Эрмитаже-то? Мумию египетскую видал? Так вот, то же самое, очень похоже! Но живой! Смеётся, шутит! Скоро, говорит, к вам вернусь!

– А сегодня утром, в первом же вылете, Авдеева зацепило, – продолжил комэск, – оно вроде как и не сильно, ранение лёгкое, его даже в госпиталь с этой ерундой не отправили. Но рука забинтована, на перевязи висит, от полётов отстранён. Да вон он, сидит, на Филиппыча ругается, – капитан глазами показал вправо, на один из столов, что стояли ближе к входу в столовую.

Там действительно, сидел старший лейтенант Авдеев, и что-то горячо доказывал собеседникам, время от времени потрясая забинтованной левой рукой.

– Так что завтра принимаешь под свою команду звено Авдеева. Справишься?

Андрей опять молча кивнул.

– Он справится! – Агния положила свою ладонь на его

руку, – я его знаю.

– А самолёт? – поднял на комэска глаза Андрей.

– Будет тебе самолёт. Я уже распоряжение отдал. Возьмёшь себе самолёт Лёхи Авдеева – ему с его рукой по любому ещё неделю на земле сидеть, раньше не выпустят. Ведомым у него Мишка Никитенко был. Как тебе такой ведомый? Подходит?

– А чего, Мишаня – нормальный парень, в полку уже пару месяцев, обстрелянный. Лёха же не жаловался. Пойдёт, беру, – легко согласился Андрей.

– Я тоже так думаю. Пилот он аккуратный, внимательный. Опыта ещё, правда, маловато, но это – дело наживное. Но зато его уже сбивали. А за одного битого двух небитых дают. Слетаетесь, короче.

Капитан немного подумал, и добавил:

– Вторая пара из твоего звена будет «на подхвате» – только если полным составом вылетаем. А так – лучше им пока на земле посидеть. Там ведущий – Юрка Сизов.

– А что Сизов-то? – удивился Андрей, – он же вроде одного выпуска с Никитенко? Они же с Мишкой в полк вместе пришли, в октябре?

– Да это-то понятно, но ведомый у него совсем желторотик, боевых вылетов – ноль. Этого надо пасти всей толпой, чтоб не отбил, да чтоб не сожрали в первом же бою... Только вчера в полк с пополнением прибыл. Федька Пистимеев.

– Поня-я-я-тно... – понимающе протянул Андрей. Новая должность обещала и много новых проблем.

– Да не дрейфь, прорвёмся! – Слава Миронов ободряюще хлопнул его по плечу.

– Эт точно! – уверенно улыбнулся Андрей в ответ, – прорвёмся! Где наша не пропадала?

Все четверо дружно засмеялись.

– Ладно, пойдём уже в клуб, там уж, наверное, патефон надрывается! – старший сержант Коля Никишин, и отточённым движением разгладил складки на гимнастёрке, отправляя их за спину, и посмотрев на Агнию, вдруг хлопнул себя по бедру: – мать моя женщина! А фисгармонь-то твоя трофейная где?

– Так в клуб уже отнесли, – улыбнулась она.

– Так валим скорее в клуб! – вскричал Колька, увлекая всех за собой, – щас ты там на клавиши как нажмёшь!

***

Клуб располагался в большой избе, ранее принадлежавшей местному кулаку-мироеду. Кулака в своё время раскулачили, а освободившийся дом стал местной избой-читальней, а проще говоря, библиотекой. В самой большой комнате, она же гостиная, до войны располагался «читальный зал». Теперь же эта комната служила местом сбора и отдыха лётного и технического состава полка. Народу порой набивалось столько, что было не продохнуть. От старой, кулацкой, обстановки остался патефон, стоявший в углу на столи-

ке с точёными, фигурными ножками, овальное зеркало, да затейливые кружевные занавески на окнах. Пузатый двухведёрный самовар был экспроприирован, и стоял теперь в столовой.

Патефон, действительно, уже четверть часа, как надрывался, заполняя помещение музыкой. Стоял весёлый гвалт. Почти треть лётного состава (из тех, что поужинали быстрее всех) была уже здесь. Также присутствовали несколько представителей тех.состава. Яркой, шумливой стайкой выделялись девчонки из числа техников, оружейников и укладчиц парашютов.

– А ну не трожь инструмент! – Колька подскочил к Петьке Гордиенко, одному из лётчиков первой эскадрильи, который, сидя в дальнем уголке, облапил трофейный аккордеон, и с детским любопытством тыкал пальцами по клавишам. Аккордеон сопел, мычал, и издавал прочие непотребные звуки.

– Да ладно, Колян, чё ты? Я ж не поломаю!

– Ага, знаем мы, как ты не поломаешь! Вон, позавчера на посадке такого козла дал, левую ногу подломал на пробеге! Мастер-ломастер. Дай сюда!

– Да ладно! – не сдавался Пётр, – попробуй-ка, не скозли – у меня с левой законцовки обшивку на метр взрывом сняло, ты хоть видел? У меня всё крыло осколками посекло, – щитки я даже и выпускать не стал! Вот и скозлил!

– Ага! Плохому танцору, знаешь, что мешает? – оконча-

тельно вскипел Колька, – дай струмент, говорю! Его Андрияха с Агнухой на танке отбили у фрицев! А они – с нашей, со второй эскадрильи! Дай сюда, говорю!

Отобрав аккордеон, он с победной улыбкой вручил его Агнии:

– Вот, Огонёк, держи! Так, мужики, освободи место гармонисту! – суетился Колька.

Открылась дверь. И в неё ввалились ещё несколько лётчиков и стрелков.

– Ого! Да у нас и гармонист теперь есть!

– Давай, Огонёк, сыграй!

Агния села поудобнее на услужливо придвинутый ей стул, накинула ремни аккордеона на плечи, и посмотрела на окружающих. Посмотрела хитро на Николая, обернулась на Андрея, улыбнулась...

– Ну, что ж, сыграю.

И растянула мехи – полилась мелодия, и Агния запела:

*– «Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего,
Мы приземлимся за столом, поговорим о том, о сём,
И нашу песенку любимую споём!*

Пора в путь дорогу,

Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём.

Над милым порогом

Качну серебряным тебе крылом!...»

И так ловко у неё получалось! Всех захватила новая песня

– кто-то стоял, и улыбаясь, прислушивался к словам незнакомой песни, кто-то стал отбивать такт ногой, поддерживая ритмом аккордеон, несколько парней не выдержали, и решительно подходя к стайке девушек, стали разбирать их, и вытаскивать на середину комнаты. А дверь всё открывалась и открывалась, каждый раз впуская в клуб припозднившихся... Среди прочих протиснулись в комнату и Александра с Антониной. Шурка стала подталкивать Тоньку поближе к своим, к Андрею с Колькой. Антонина слегка очумело осматривалась, и с трудом продиралась вперёд.

Агния, не отвлекаясь от игры на аккордеоне, увидев их, весело им подмигнула, и продолжила:

*– «... нам нынче весело, весело, весело,
Чего ж ты, милая, курносый нос повесила?
Мы выпьем раз и выпьем два,
За наши славные Ил-2
Но так, чтоб завтра не болела голова!»*

После слов про Ил-2, те, что не были заняты танцами с девушками, а стояли у стенок, вразнобой, но дружно, коротко проорали что-то одобрительно-невразумительное, слившееся в общее победное «А-а-а-а!».

А девушка с аккордеоном весело продолжала:
*– «...мы парни brave, brave, brave,
но чтоб не сглазили подруги нас кудрявые,
мы перед вылетом ещё их поцелуем горячо
и трижды сплюнем через левое плечо!...»*

и тут уже окружающие в несколько десятков глоток подхватили несложный и быстро запоминающийся припев:

– *«Пора в путь дорогу,
Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём.
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом!...»*

Замолк аккордеон, слушатели дружно захлопали. Агния скинула с плеч ремни, встала, и раскланялась на все стороны. Комната утонула в дружном гвалте.

– Давай ещё!
– Ещё сыграй!
– Ну чего ты, сыграй ещё!

Агния встряхнула гривой выющихся волос, и счастливо рассмеялась:

– Что, неужто понравилось?
Ответом ей был хор голосов:
– Ещё бы! Конечно! Давай ещё!
– Ну что, «землянку»?
– А давай «землянку»!

Она села, накинула ремни, откашлялась, и запела известную всем песню:

– *«Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола – как слеза...»*

Эту песню знали все, и подпевали очень многие. Те, у кого после тяжёлого лётного дня ещё оставались силы, и «чесались ноги», пошли на середину комнаты с приглашёнными

девушками.

Антонина стояла в двух шагах от Агнии и Андрея, и старательно натягивала рукава гимнастёрки на запястья, чтобы присутствующие не видели тех страшных синяков, коими были покрыты все её руки.

– Антонина, вас можно пригласить? – услышала она прямо над ухом, и от неожиданности вздрогнула. Повернулась, и столкнулась с взглядом голубых глаз Толика Веселовского.

– Потанцуем? – мягко спросил он. Антонина в смятении оглянулась на Шурку. Александра стала настойчиво подталкивать её к Толику, и жарко шепча на ухо:

– Давай, давай, иди, чего ты?

Антонина, ища поддержки, поймала взгляд Андрея. Он ободряюще подмигнул ей, и слегка хлопнул по руке:

– Да иди, иди! Чего ты испугалась?

Антонина позволила себя увлечь на середину комнаты.

А Агния всё пела и пела:

– *«...ной гармоника, вьюге назло,*

Заплутавшее счастье зови.

Мне в холодной землянке тепло

От твоей негасимой любви...»

Закончив и эту песню, она сняла аккордеон, поставила его на скамейку, и со словами:

– Ффффу! Умаялась! Заводите патефон! – вытерла пот со лба.

– А чего сразу патефон-то?! – заорали ей в ответ, – нам

больше нравится, как ты играешь и поёшь!

– Да играть-то я могу! А вот перекрикивать вас, горлопанов, мне уже не под силу! Ещё чуть-чуть, и охрипну!

– Так мы ж подпеваем! Ну, сыграй ещё, спой!

Агния села на стул, послушно взяла аккордеон, мотнула головой:

– Ладно! Но петь буду тогда то, чего вы не слышали. Вы хотя бы орать не будете.

– Давай, давай! Это ещё интереснее! А что споёшь-то?

– «Тёмная ночь». Слышали?

– А это что за песня?

– Это... – она одарила всех своей лучезарной улыбкой, – из нового кинофильма, «Два бойца» называется. Совсем недавно вышел, в октябре был первый показ, – она обернулась на Андрея, – нам в ШМАСе, перед выпуском показывали, в кино водили. До фронта, видать, картина ещё не добралась. Ладно, слушайте.

И она запела:

*– «Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь...»*

Видно было, что песня всех тронула с первых же строк. Все слушали внимательно – проникновенные слова брали за душу, дёргали её за струнки. У всех остались родные и близкие, у многих остались дома любимые. Слова песни никого

не оставили равнодушным.

Агния закончила играть и петь. Все дружно захлопали, бросились хвалить:

– Вот молодец! Запомнила! Скорей бы нам это кино привезли! С такой хорошей песней кино не может быть плохим!

– Хорошее кино, хорошее, – кивнула Агния, – всё ребята, у меня уже горло болит. Видать, простудила всё-таки!

– А мы сейчас тебе чайку горяченького, – засуетился Коля, – щас, щас, щас! Слышь, Мишаня! – обратился он к Мишке Никитенко, – сгоняй-ка за чаем в столовку! Видишь, у гармониста горло пересохло!

– А чё я-то? – нахохлился Мишка, – сам и сгоняй! Тоже, нашёл молодого!

– Да не надо никуда бегать! – уже охрипшая, пытаюсь их перекричать, замахала на них Агния, – да сыграю я ещё, сыграю! Я ж только петь не могу.

– А кто ж споёт-то?

Агния поманила к себе пальчиком Антонину. Тоня нагнулась, чтобы услышать. Горячо, в самое ухо, Агния её негромко спросила:

– Ты помнишь то, что я тебе в бане напела?

Антонина сделала испуганное лицо, и приложила руки к груди:

– Ох, Агнюшенька, боюсь я, не смогу... Я ж, поди, усё забыла...

– Да ничего ты не забыла! Я ж тебе эти слова на подкорку

зашила!

– На какую такую корку... чего зашила? – недоумённо захлопала глазами Тоня.

Агния одарила её обворожительной улыбкой, покачала головой:

– Да всё ты помнишь, выходи давай!

– Та ни-и... я ж не смогу!

– Сможешь, – она решительно выпихнула Антонину вперёд, и объявила:

– Новинка сезона! – секунду подумала, и со смешинками в глазах добавила непонятную фразу: – арфы нет, возьмите бубен!

После этого она положила руки на клавиатуру и растянула мехи...

Полилась мелодия. Антонина стояла, не зная, куда деть руки, в смятении шаря глазами по сторонам, наконец, собравшись с духом, вобрала в лёгкие воздуха, и запела:

– *«Как-то летом на рассвете заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка собирала виноград...»*

Голос у неё был сильный, мелодичный. Все взгляды устремились на неё. Пропев первый куплет, она немного распелась, осмелела, раззадорилась, и припев у неё пошёл уже совсем легко:

– *«...Раскудрявый клён зелёный, лист резной,
Здесь у клёна мы расстанемся с тобой,
Клён зелёный, да клён кудрявый,*

Да раскудрявый резно-о-ой!...»

Она пела и пела, народ уже начал хлопать ей в такт. Видя, что песня в её исполнении всем нравится, Антонина совсем осмелела, щёки её порозовели, глаза наполнились блеском, и уже окончательно распевшись, она лихо пропела последний куплет. А когда в третий раз, под конец песни, затянула припев, его уже подхватили все, кто был в клубе!

Закончив петь, Антонина неловко и смущённо раскланялась, развернулась, и попыталась ускользнуть назад, протиснувшись в щель между Андреем и Колькой Никишиным. Но её ухватил Андрей, приобнял её за плечи, и развернув её лицом в середину, громко прокричал, перекрывая весёлый гам:

– Антонина Шумейко, кто ещё не знает! Наш новый товарищ, служит в полку с сегодняшнего дня! Специалист по вооружению, вторая эскадрилья, прошу любить и жаловать!

Со всех сторон послышался одобряющий смех, кто-то прокричал:

– Ого! Это хорошо! Загрузка бомб вдвое быстрее пойдёт! Все засмеялись.

– А вот зря ржёте! – перекрывая смех, зычно проорал Андрей, – Антонина, если кто не знает, вчера полсотни раненых с поля боя вынесла, а за день до этого, позавчера, трём фашистам дубиной бошки поразбивала, да руки-ноги переломала! А четвёртого голыми руками чуть не задушила!

– Ого-го! А чего ж не додушила?

Опять взрывы молодецкого хохота...

Антонина моментально зажалась, подбородок у неё предательски задрожал, она, боясь разрыдаться прямо здесь, в панике обернулась к Агнии, ища поддержки. И та, тонко чувствуя её состояние, тут же пришла ей на помощь:

– А потому, что как-то долго у неё всё это получалось, живучий, гад попался! – внесла необходимые пояснения Агния, – пришлось мне его из пулемёта пристрелить. Чтоб не мучился!

Взрыв ещё более оглушительного хохота надолго перекрыл все прочие звуки в клубе.

Глава 3. Индикатор на лобовом стекле.

– Павел Сергеич, ну давай я тебе хоть помогать буду, – канючила Шурка, ходя кругами вокруг пожилого техника, который, нагнувшись, копался с амортизатором левой ноги шасси.

– Отзынь, малахольная! – вяло отбрехивался техник.

– Ну, дядя Паша! – Александра от негодования аж капризно притопнула левой ногой, – ну, на этом же самолёте сейчас мой пилот полетит! Старший лейтенант Чудилин!

– И что?

– А и то! Щас на этом самолёте он будет летать, а, стало быть, я, его техник, и должна этот самолёт обслуживать!

– Это машина старшего лейтенанта Авдеева! – разогнувшись, отрезал техник, и степенно вытирая испачканные руки куском промасленной ветоши, назидательно добавил: – вот поправится старший лейтенант Авдеев, и снова на своего скакуна сядет.

– Так его на неделю от полётов отстранили, ну и вы, дядь Паш, отдохнули бы, – жалобно продолжила нудить Александра, – а я пока за самолётом послезу.

– Ага! Разбежалась! Последит она... Развинтишь тут на хрен всё, разрегулируешь, а мне потом отвечать!

– Что за шум, а драки нет? – к ним не спеша подходил старший техник эскадрильи.

– Филимон Кодратич, миленький, – рванула к нему Александра, – выручайте...

И она, размахивая руками, размазывая по замурзанным щекам уже брызнувшие от обиды слезы, принялась эмоционально объяснять возникшую проблему.

Тот, послушав её бабы всхлипы с четверть минуты, решительно отстранил её в сторону:

– Так, ну-ка, девка, пойди-ка погуляй пару минут.

После этого между ним и техником самолёта произошёл короткий деловой разговор, после которого Филимон Кондратич, хлопнув техника самолёта по спине, пошёл по своим делам.

Шурка шмыгая носом, нерешительно подошла к самолёту.

– Слышь, это... – не оборачиваясь, крикнул через плечо техник дядя Паша, – там, в ящике, ключ на шестнадцать лежит. Подай.

Шурка стремглав бросилась к ящику и загремела там железяками, ища нужный ключ.

Найдя, сунула его в протянутую руку.

– Ты это... девка... не обижайся, – пробубнил дядя Паша, – давай вот, держи здесь. А я сейчас подтяну...

Через минуту, разогнувшись, он покровительственно посмотрел на притихшую Александру, и усмехнувшись, доба-

вил:

– Ладно, договорились. Пока на этом самолёте твой орёл будет летать, временно допускаю тебя до аппарата. Будешь на подхвате. Но смотри у меня! – его тёмный от масла палец внушительно покачался у Шурка перед носом, – не вздумай тут что-то сама делать, не спросясь у меня!

Вся сияя от счастья, она радостно кивнула.

***

– Фашисты упёрлись вот в этом населённом пункте, – палец командира эскадрильи упёрся в точку на карте, – полтора десятка танков, бронетранспортёры, две батареи противотанковых орудий, несколько ДЗОТов, до батальона пехоты. Зарылись, как кроты, их уже третьи сутки оттуда выкурить не могут. Сейчас на этом направлении готовится атака наших войск. Они концентрируются вот в этом лесу, – палец капитана Миронова обвёл по контуру небольшое зелёное пятнышко на карте, – наша задача: перепахать там всю эту сволоту, и дать нашим войскам возможность провести атаку с наименьшими потерями. Поэтому! – командир эскадрильи обвёл глазами обступивших его пилотов, – поэтому! Делаем 6-8 заходов, не даём гансам головы поднять. Как только мы начнём, наши войска пойдут в атаку. Время согласовано – над целью мы должны быть через... – он посмотрел на часы, – через 46 минут. Боевая загрузка – ФАБ-50, ПТАБы, АО-10, ЭРЭСы. Как только наши подойдут к окраине села на две сотни метров – дают две зелёные ракеты. Это – нам от-

бой. Прекращаем атаку, уходим домой. И самое главное! Ни в коем случае не зацепить своих! Бить только туда, куда бьют командиры звеньев! Никакой самодеятельности! Понятно?

– Зениток там много? – спросил Андрей Чудилин.

– Если и есть, то немного. Скорее на истребителей напоремся, поэтому в воздухе осмотрительнее! Всё, наносим на планшеты ЛБС⁴ и по коням!

Лётчики присели на ближайшие скамейки для курения и пару минут тщательно наносили на свои карты необходимые отметки.

***

А невдалеке, метрах в пятнадцати от группки лётчиков, кучковались бортстрелки. Агния намеренно отвела стрелков своего звена чуть в сторонку и давала им свой, не совсем понятный для них инструктаж:

– Твой, Сашок, сектор – правый внизу. Твой, Славка, – левый внизу, – она образно показала это рукой, нарубив ладонью в воздухе воображаемые сектора задней полусферы, – твой, Катерина, сектор, она упёрлась взглядом в стоявшую рядом девушку-стрелка, – весь верх, и левый и правый.

– А чё это нам с Саньком только по четвертушке нарезала, а Катьке – весь верх, и правую, и левую стороны! – вскинулся Славка, молодой, горячий хлопец с густой, вьющейся шевелюрой и блестящими, как маслины, глазами.

---

⁴ ЛБС – линия боевого соприкосновения.

– А и то! – назидательно отчеканила Агния, сузив глаза, – что у женщин более широкоугольное зрение, и они лучше видят то, что делается на периферии. Поэтому и сектор у неё пошире, понятно?

В ответ – пару секунд обиженное сопение, а затем:

– А себе ты какой сектор взяла?

– Не волнуйся! У меня тоже будет, чем заняться. Моё забота – чтобы все живыми обратно вернулись. Всё наше звено. Это как минимум.

Она окинула всех взглядом, покосилась на комэска, который заканчивал инструктаж пилотов, и закончила уж совсем странной и непонятной фразой:

– И главное: чтоб у всех голова пустая была. Вымести оттуда на фиг все мысли. В голове оставить только нужное – ты, и твой сектор. Ну, и пулемёт, конечно же! – подытожила она, улыбнувшись.

Мазнув ещё раз по лицам, её взгляд скользнул ниже – у Катерины едва заметно подрагивали руки.

– Катюша, это твой первый вылет. Страшно?

– Есть трохи...

– Зачем тогда в стрелки пошла? Ты ж парашюты укладывала?

– А то и пошла! – Катя вздёрнула вверх свой носик, – за Витьку отомстить!

– Так живой же, Витька-то твой, – улыбнулась Агния.

– Живой, живой, – радостно покивала головой Катери-

на, – спасибо тебе, спасительница! Мне Николай Филипыч так и сказал: что если бы не ты тогда, то всё... Так только ещё месяца два в госпитале лежать.

– А ты значит, пока он в госпитале лежит, за него?

– Ага, – она согласно кивнула. И добавила: – парашюты есть кому укладывать, а стрелков не хватает, вот я и пошла...

***

Через пятнадцать минут вторая эскадрилья в полном составе взлетела с заснеженного поля. К цели пошли по кратчайшему пути – никакого особого прикрытия цели зенитками не ожидалось, да и время поджимало. По пути подхватили истребительное прикрытия – с аэродрома, над которым они пролетали, поднялись два звена Ла-пятых, быстро набрали высоту и пристроились к строю штурмовиков. Два истребителя – слева, два – справа, два – сзади с превышением в 200 метров, и ещё пара – тоже сзади, но с превышением уже в 600 метров.

Время от времени косясь вправо на самолёты своего звена, идущие строем пеленга, и изредка бросая взгляд на мотающиеся где-то высоко истребители прикрытия, Андрей тяготился ощущением навалившейся на него ответственности. Да, несколько десятков вылетов на штурмовку, да, несколько сбитых фрицев и куча переколошмаченной наземной техники. Но всё это – в положении ведомого. А сейчас он – уже не ведомый, а ведущий. И не просто ведущий, а командир звена. Эх, не облажаться бы!

– Не волнуйся, всё будет хорошо, – чётко прозвучал в голове спокойный и уверенный голос его Ангела.

Андрей улыбнулся – они с Агнией уже давно не пользовались СПУ: она слышала его, он слышал её. Прямо в голове.

– Да за парней беспокоюсь, как бы не отстали, из строя не вывалились, – озвучил он свои опасения.

– Давай им в бою чёткие команды, и не отстанут. И не вывалятся.

– Угу... – хмыкнул Андрей, косясь в правую форточку на три самолёта своего звена. Самолёты покачивались, колебались, то чуть-чуть отставая на пару метров, то немного вываливаясь вперёд, но строй пеленга держали. Уверенно так держали.

Андрей опять услышал её голос в своей голове:

– Идут, как влитые, – успокоила она его, и добавила, явно кого-то цитируя: – наши тела – меч, в наших душах – покой!⁵ Не подведут они тебя, не бойся!

– Стрелки ихние ещё бы не подвели... желторотые... – буркнул Андрей, – Катька, вон, вообще – первый вылет. В самое пекло.

– Не боись, стрелки – моя забота. Есть у меня тут одна задумка...

Что там у неё была за задумка, Андрей спросить не успел: в наушники ворвался, надёжно перекрывая шелест помех, рёв командира истребителей прикрытия:

---

⁵ Б.Гребенщиков, песня «Козлы».

– Внимание, горбатые! Истребители противника. Впереди по курсу, правее двадцать! Идут с превышением.

И точно! Почти прямо по курсу, правее на двадцать градусов, в небе обозначились несколько малюсеньких чёрточек. Два звена Ла-пятых, поддав газу, и задрав носы, полезли вверх, резво набирая высоту. Те же, что были сзади, тоже поддали газу, и чтобы оставаться позади штурмовиков, запетляли, нарезаая зигзаги, держа повышенную скорость, и контролируя заднюю полусферу.

Андрей беспокойно заёрзал в чашке сиденья: командир звена – это не просто решительный и сообразительный пилот. У командира звена должны быть в наличии ещё и такие качества, как умение руководить боем, распределять боевые задачи между подчинёнными. Как бы не сплеховать... не растеряться.

Чёрточки увеличивались в размерах, росли. Командир эскадрильи дал команду всем пилотам, и строй штурмовиков стал уплотняться, уменьшая дистанцию между отдельными звеньями. Истребители сопровождения, как вздрюченные цепные псы, заметно активизировались. Эфир заполнился скупыми и сосредоточенными командами. Но немцы боя не приняли – разбившись на две четвёрки, и обойдя по широкой дуге ударную колонну, сопровождаемую истребителями прикрытия, они набрали высоту около 3500 метров, и пошли в отдалении, справа и слева.

– Командир, гляди-кась, какой эскорт-то у нас сегодня,

прям с оркестром! – раздался в наушниках нервный смешок Ильи Кутеева.

– Ага... – подтвердил капитан Миронов, и добавил веско: – маловато их, щас они по радио камрадов своих ещё подключут, локальный перевес создадут, и вот тогда нам всем мало не покажется. И оркестр нам на отходе устроят...

– Угу... – был угрюмый ответ.

Звено Ла-пятых, набравшее высоту, так и осталось там, чертя небо ломаной змейкой, готовое парировать любые движения мессеров в сторону штурмовиков. Но две четвёрки мессершмиттов, как будто чего-то ожидая, спокойно шли справа и слева, на трёх с половиной тысячах метров, не предпринимая никаких попыток атаковать эскадрилью штурмовиков, прикрытых четырьмя парами Ла-пятых.

– Передать стрелкам: усилить наблюдение за нижней полусферой! – скомандовал командир эскадрильи.

Все пилоты, услышав приказ, передали его своим стрелкам. Агния, смотревшая назад, хорошо видела, как стрелки Славка и Санёк стали усиленно вытягивать шеи, пытаясь заглянуть вниз, как можно дальше за борт, шаря глазами каждый в своём секторе.

– Вовремя! – услышал Андрей в голове голос Агнии, – пока эти восемь говнюков демонстративно на трёх с половиной тыщах, как на жёрдочке, сидят, и на них все наши стрелки пялятся, вот тут самое время снизу подобраться... Но я пока ничего не чувствую...

Томительно текли минуты...

Кося глазом на планшет, прикрепленный к левому колену, Андрей отметил, что они почти подошли к линии боевого соприкосновения, и до цели уже рукой подать. Впереди, слева по курсу, через густую дымку, застилавшую землю, показалось, наконец, небольшое село, дворов в тридцать. Маленькая полуразрушенная церквушка притулилась сбоку, на северной окраине села. Вся поверхность земли вокруг села была густо испещрена чёрными воронками от мин и снарядов. На поле, изрезанном балками и небольшими оврагами, торчали полузасыпанные снегом остовы подбитой и сгоревшей техники. То тут, то там, стелясь по земле, ещё чадили несколько грязно-бурых столбов дыма.

У Андрея тоскливо сжалось сердце: «это сколько ж здесь фрицы нашего народу положили?»

– Не отвлекайся! – мгновенно отреагировал Ангел за спиной, – сейчас будет команда на начало атаки!

И точно! Через три секунды все пилоты эскадрильи услышали в наушниках голос комэска:

– Внимание! Цель слева по курсу! Делаем шесть заходов. Дистанция между самолётами – 500 метров. За Родину!

И самолёт командира эскадрильи, накренившись на левое крыло и опустив нос, стал доворачивать на цель. С трёхсекундным интервалом все самолёты первого звена повторили его маневр, выстраиваясь в длинную цепочку. За ними последовали все четыре самолёта второго звена, и наконец,

Андрей, дождавшись своей очереди, тоже дал левый крен и свалил свой самолёт на крыло. И все три самолёта его звена точно также довернули за ним на цель. Впереди по курсу уже бушевал огненный торнадо – к моменту, когда третье звено, ведомое старшим лейтенантом Андреем Чудилиным, только выходило на боевой курс, самолёты первого звена уже начали работать по цели – в нескольких местах села уже начали вспухать десятки взрывов от мелких осколочных бомб.

Сбросив газ, Андрей отдал ручку от себя, и планируя под углом около 30 градусов, уже намётанным глазом искал себе цель для удара... так... так... здесь уже всё... здесь тоже причесали... так... Вот! На окраине села, схоронясь за большим амбаром, стояли, замаскированные досками и ещё каким-то деревянным хламом, два немецких танка. Андрей плавно довернул на них, вынес марку прицела вперёд на несколько десятков метров, дождался, пока дистанция сократится до двух сотен метров, и как только нос самолёта напоз на цель, правым пальцем утопил кнопку сброса бомб.

Распахнулись створки на двух из четырёх крыльевых бомбоотсеков, и из кассет горохом сыпанули девяносто два ПТАБа. За секунду самолёт полегчал на полтора центнера – его заметно тряхнуло. Ручка плавно на себя, вывод в сотне метров от земли.

– Есть накрытие! Оба! – Ангел за спиной не сдерживает эмоций.

Пологий левый вираж. Быстрый взгляд через левое плечо

– село быстро уходит за спину, но хорошо видно, что один из двух танков, на которые он только что вывалил половину своей бомбовой нагрузки, полыхает ярким оранжевым факелом.

– Детонация боекомплекта, – мгновенно следует исчерпывающий ответ из-за спины.

Самолёт командира эскадрильи уже замкнул круг, пристроившись к последнему самолёту в хвост.

Второй заход, поиск цели...

– Вон-вон-вон там! левее, левее! – подсказывает Ангел за спиной.

И тут... на лобовом стекле появляются...

Что за чёрт?! Какие-то зелёные метки!

Нет! Это какие-то бегущие символы, линии, шкалы с циферками!

– Что за х-х-х-рррень?! – Андрей на секунду крепко зажмуривается, встряхивает головой, открывает глаза: нет, всё так же по центру колеблется какой-то смутно знакомый символ, похожий на схематичный самолётик на авиагоризонте, над ним подрагивает горизонтальная пунктирная линия, привязанная к шкале слева, а наверху, в углах, слева и справа, скачут, меняя показания, какие-то трёхзначные цифры!!

И в довесок ко всему прямо по центру, прыгает, как чёртик, зелёный незамкнутый кружок с перекрестием. А разомкнутая окружность вокруг крестика, как живая, стремительно убывает против часовой стрелки! И поверх перекре-

ствия, перешёлкиваясь, быстро сменяют друг друга какие-то непонятные циферки: 0,6...0,5...0,4...0,3!

– **ВЫВОД!** – предупреждающе грохочет в голове голос Ангела, сидящего за спиной.

Андрей, замешкавшись, так и не сбросив ПТАБы из двух оставшихся кассет, в последний момент выдёргивает самолёт из пике, и прижатый к креслу навалившейся перегрузкой, выполняет боевой разворот⁶.

– Почему не сбросил? – слышит он в голове требовательный вопрос Агнии.

Андрей отчаянно пытается проморгаться: зажмуривает и вновь распахивает глаза, пытается их протереть, глубоко дышит:

– Агнюш, беда... что-то с глазами! Похоже, долетался... Перегрузка, что ли. Галлюцинации у меня – я какую-то хренотень всё время вижу! Прямо по курсу! Зелёную!

– Дурак! Это не хренотень! Это Я ТЕБЕ ПОДСКАЗЫВАЮ! Не понял, что ли?

Андрей секунду тупо пялится прямо перед собой, уставившись в непонятную зелёную чехарду на лобовом стекле, потом спохватывается:

– ЧТО ты подсказываешь?

– Я! Тебе! Вывела! На лобовое стекло! Показания приборов! Авиагоризонт, скорость, высота, угол пикирования, дальность до цели! Чего непонятно-то?

---

⁶ Боевой маневр, разворот с набором высоты.

Слева внизу уходит под левое крыло село с окопавшимися в нём фашистами, накрытое плотными столбами дыма. Карусель из двенадцати Илов быстро вращается, разнося опорный пункт фашистов вдребезги. Уже пошли в ход ЭРЭСы, и эскадрилья, крутя свою смертоносную карусель на целью, долбит-долбит-долбит, грызёт-грызёт-грызёт всё, что расположено внизу.

Так... Сейчас надо делать очередной разворот с последующим заходом на цель. Вот впереди идущий самолёт, накренившись на крыло, входит в левый вираж, снова разворачиваясь на цель.

Мысли шарахаются в голове: «это невозможно» и «как она до ЭТОГО вообще додумалась?» и «что это за приборы такие, которые показывают дальность до цели и угол пикирования?»

– Андрей! Я тебе потом всё объясню! – тараторит она, как ШКАС, из-за спины, – просто прими как должное: я это сделала для тебя, чтобы тебе было удобнее! Быстрее, быстрее, не щёлкай клювом, выходи на боевой**!

– А? ага... – Андрей положим левым виражом доворачивает на цель, продолжая пялиться на шкалы и цифры на лобовом бронестекле. Адреналин бурлит в крови, но внешне Андрей – само воплощение спокойствия. Ещё чуть-чуть, так... на боевом. До цели – чуть более километра. На размышления – 5-6 секунд. На выбор цели, прицеливание и атаку – ещё столько же.

– Так, ещё раз. Поясни для тупого. Что здесь и где? – спокойно вопрошает он.

– По центру – авиагоризонт! Слева наверху – твоя скорость. Справа наверху – твоя высота. Кружок по центру – марка прицела. Над ним – дальность до цели. Уменьшается дистанция – кружок вокруг крестика убывает против часовой стрелки. Подсекаешь?

– Да! Куда бить?

– Вон-вон! Видишь?! Самоход! Вон, из сарая вылутился! Накрой его!

И точно! Андрей отчётливо видит, как из одного большого сарая, с одного угла уже полыхающего огнём, сломав сёну и разбрасывая брёвна, выламывается большая самоходка с огромной, угловатой рубкой и длинным-длинным стволом орудия.

«Фердинанд! Т-твою маковку!» – ёкает сердце.

Плавное, несуетливое движение ручкой управления, палец правой руки – на кнопке «Б»(сброс бомб). Немного помотавшись туда-сюда, самоходка плотно «садится» в перекрестие яркого, зелёного крестика. Не отрывая глаз от стремительно растущей в прицеле цели, Андрей теперь чётко видит изменение высоты – справа бегут, сменяя друг друга, цифры – 300, 250, 200, 150. Это высота. Слева скорость, она растёт – 300,310, 320, 330. Чётко над кружком с перекрестием – текущая дальность до цели. 0,4-0,3-0,2... пора! Удобно,

чёрт возьми!

Ручку чуть-чуть на себя, капот закрывает самоходку. Сброс! Лёгкая дрожь самолёта подтверждает, что ПТАБы пошли.

Вывод. Полный газ. Набор высоты. Левый разворот.

Сзади радостно-возбуждённое:

– Есть накрытие! Готов «Фердинанд»!

И немного погодя:

– Ну как, рацуха⁷ помогает?

– Солнышко моё, откуда ты такие слова-то знаешь?

– Из твоей же бестолковки, вот откуда! – веселится Ангел за спиной, явно обрадованный успехами своего подопечного, – ну так как, удобнее?!

Самолёт на полном газу в боевом развороте набирает высоту. Андрей медлит с ответом – крутит головой по сторонам, контролируя обстановку, нет-нет да и мазнёт глазом по зелёным цифрам на лобовом стекле. Зелёные цифры быстро меняют друг друга: высота растёт: 400, 450, 500, 550, 600, 650 метров. Скорость падает: 300, 290, 280, 270, 260, 250. Не надо опускать глаза вниз, на приборную доску. Хм... действительно удобно!

– Да, удобно. Но непривычно. Пока ещё не подстроился.

Андрей помедлил пару секунд, и решился уточнить ещё пару деталей:

– А вот это не совсем понятно – горизонтальный пунктир,

---

⁷ Рацуха – рационализаторское предложение.

который то вниз, то вверх двигается и шкала слева от него ползёт с циферками. Это что?

– Пунктирная линия – линия горизонта. Ты пикируешь – она поднимается вверх, набираешь высоту – уходит вниз. Она привязана к шкале слева, двигается вместе с ней, на шкале – угол пикирования или кабрирования!

В наушники врывается голос комэска:

– Внимание! Проснулись три зенитки! Тем, кто сейчас будет делать заход – подавить!

«Ох, ёлки зелёные! Это ж мне команда! Чёрт, где эти зенитки?! А вот!»

Андрей видит, что с северной окраины села к самолёту, который идёт в трёх сотнях перед ним, тянется мощная, густая трасса.

– Вон, вон он, гад! На перекрёсток выполз! – тараторит сзади Ангел.

Андрей и сам уже видит, что на перекрёстке стоит полугусеничный транспортёр, на вроде «ганомага», и из него дует огненной струёй что-то многоствольное и скорострельное.

Впереди идущий Ил, попавший под обстрел, начинает резко маневрировать, сбивая прицел немецкому зенитчику. Трасса, как огненный хлыст, мечется, изгибается, и пытается хоть краем, но задеть борющийся за свою жизнь русский штурмовик. Самолёт ныряет вниз, к самой земле, огненный хлыст – за ним, но... внезапно обрывается.

– Быстрее! Быстрее! Ты следующий! У тебя три секунды,

пока перезаряжают! – ШКАСом тараторит сзади Ангел-хранитель.

– Не успеют.

Андрей спокойно «сажает» транспортёр с четырёхствольным 20-мм автоматом на зелёный крестик прицела и нажимает обе гашетки. Четыре трассы рванулись в сторону цели. Глаз фиксирует, как бегут циферки над маркой прицела – уменьшается дальность до цели. 0,8-0,7-0,6-0,5... Вокруг мобильной зенитки снаряды и пули вздыбили целый фонтан снежной пыли. Из этого поднятого разрывами снарядов снежного облака вырывается огненный сноп, состоящий из отдельных огненных чётрочек, и неприцельно ложится где-то правее, метров на тридцать. Немецкому зенитчику из-за этой снежной пелены ничего не видно, и он стреляет наугад, в надежде всё-таки хоть случайно, но зацепить очередной атакующий русский штурмовик.

– Ты не попал! Не попал! Долбани его ЭРЭСами! – срывающийся голос Агнии звенит от напряжения.

Большой палец левой руки топит кнопку «РО». С крыльев с рёвом снимаются четыре РС-82 и через полторы секунды кучно ложатся в белое облако. На месте транспортёра с четырёхствольной зениткой вспухает облако разрыва четырёх ЭРЭСов. Вверх и в стороны, кувыркаясь в полёте, разлетаются какие-то тёмные ошмётки.

– Е-е-е-сть!!! Молодец, попал!

Уходит вниз земля, нос самолёта ползёт в небо.

– Молодец, так держать! – Андрей отчётливо ощущает на правом плече одобрительный хлопок ладонью. От неожиданности он оборачивается, и бросает зачумлённый взгляд в маленькое окошко справа от подголовника. Сзади, в кабине стрелка, в полутора метрах от себя, он видит озорную мордочку Ангела.

– Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Ты чё делаешь-то?

Ангел сзади коротко всхохатывает:

– Здорово получилось, правда?! Это я так пошутила!

– Тьфу ты! – плюётся Андрей, но в душе улыбается: да, с такой помощницей не заскучаешь!

Снова заход, найдя новую цель – батарею миномётов, опавшихся во дворе одного из домов, Андрей вбивает туда оставшиеся четыре ЭРЭСа, и для верности добавляет туда же и длинную очередь из ШКАСов.

– Делаем ещё два захода! – все пилоты эскадрильи слышат в наушниках голос комэска.

Смертельная для фашистов карусель продолжает вращаться – все бомбы уже сброшены, все реактивные снаряды ушли с направляющих, но самолёты продолжают штурмовать опорный пункт гитлеровцев и добивают всё, что ещё может шевелиться, огнём из пушек и пулемётов. Пятый, шестой заход...

Наконец, команда:

– Зелёная ракета! Всё! Наши пошли в атаку! Прекратить огонь!

И чуть погодя:

– Делаем ещё два холостых захода! Не даём этим гадам поднять головы!

Выполняя вираж, Андрей видит, как из леса, подминаемая гусеницами густой кустарник на опушке, вываливается два десятка наших танков и самоходок. Вырвавшись на открытое поле, они набирают скорость, и вздымая снежные вихри, рвутся к селу, в котором окопались фашисты. Сколько их там осталось-то? За шесть заходов эскадрилья Илов способна и не такое количество фашистов с говном смешать...

Самолёты делают ещё два холостых захода: пикируют, но не стреляют – наши уже близко. Вот первые танки, а за ними и самоходы ворвались на окраины села. Вот с них посыпались, как тетёрки в снег, пехотинцы из танкового десанта. Вот фигурки наших бойцов, под прикрытием огня танков и самоходов и под рёв штурмовиков сверху, разбегаются по дворам, зачищая село от очумевших от воздушного налёта фашистов (от тех, кто остался в живых).

– Всё ребята, кончаем работу! – все слышат приказ комэска. Самолёт командира эскадрильи разрывает круг, и на «змеяке» собирает всю группу.

На максимальной скорости и на небольшой высоте эскадрилья стремительно уходит на восток...

Истребители подтягиваются ближе к штурмовикам.

– Ну что, горбатые, дождались? Вот и гости к нам! Теперь держитесь! – в наушники врывается голос командира истре-

бителей прикрытия.

Через пару секунд уточняющий вопрос капитана Миронова:

– Много?

– Да. С хвоста нагоняет ещё три звена. Сейчас начнётся...

– Сдюжите? Вас всего восемь.

– Не ссыте, горбатые! – коротко хохочет командир истребителей, – когда врагов много, их легче бить – они со всех сторон!

Пятисекундная пауза...

– Парни, внимание! – это комэск Миронов обращается уже к пилотам своей эскадрильи, – сзади ещё 12 истребителей противника подтягиваются. С теми, что нас уже давно пасут, ровно 20. Предупредите стрелков. Уплотняемся, держим строй. Будет жарко.

Мессершмитты, нагоняющие эскадрилью Илов сзади, разделились – два звена продолжили держаться на той же высоте, на которой и шли, но разошлись двумя четвёрками в стороны, чтобы одновременно атаковать справа и слева, а третья четвёрка, разгоняясь в пологом пикировании, пошла вниз, с явным намерением поднырнуть под Илы и атаковать их снизу.

Наперерез им рванули Лавочкины прикрытия... и грянул бой!

Мессеры бросились на эскадрилью Илов почти все разом, одновременно. Эфир тут же наполнился гвалтом пилотов,

командами комэска и командиров звеньев, взорвались ответным пулемётным огнём задние огневые точки Илов, полосуя небо росчерками трасс. Прорываясь сквозь их огонь, и уворачиваясь от пытающихся перехватить их Ла-пятых, атакующие мессеры, активно маневрируя, и сбивая прицел борт-стрелкам, поливали пушечно-пулемётным огнём строй штурмовиков. Вот задымил один, вот второй... Один из штурмовиков, окутавшись облаком разрывов прямых пушечных попаданий, вяло и уже неуправляемо переворачивается на спину, и увеличивая угол пикирования, стремительно уходит к земле. Из него вываливается только один тёмный комочек, и через пару секунд повисает на стропах парашюта буквально метрах в тридцати от земли. Успел! Вроде живой...

Капитан Миронов пытается руководить боем, да куда там! Строй разбивать нельзя – иначе огонь борт-стрелков размажется по всему небу, и тогда... Остаётся одно – идти, сжав зубы, на максимальной скорости, и надеяться на броню, огонь стрелков и помощь Ла-пятых.

Немцы, создав, наконец-то, для себя локальное преимущество, отрывались по полной: три четвёрки мессеров связали боем наши Ла-пятые, а две свободные четвёрки атаковали строй летящих штурмовиков беспрестанно, сразу со всех сторон. Огонь стрелков при этом рассредоточивался, плотность огня падала. На двух самолётах замолчали задние огневые точки – по всей видимости, стрелки были или ранены,

или убиты. Огонь оборонительных УБТ становился всё более вялым, и всё более слабым – боекомплект, активно расходуемый во время беспрестанных атак немцев, подходил к концу, да и количество стрелков заметно поубавилось.

И только огонь с четырёх самолётов второго звена, которое вёл Андрей, продолжал оставаться эффективным и слаженным, как будто им управлял один опытный и искушённый дирижёр. Тот, кто каким-то сверх естественным способом руководил борт-стрелками звена, безошибочно определял, какой из атакующих истребителей в данный момент времени представлял из себя наибольшую опасность, и в доли секунды давал команду на наведение всех четырёх стволов только на эту цель. Следовал короткий залп, все четыре трассы безошибочно сходились в одну точку, и, не выдержав массивного огня, истребитель противника или резким рывком уходил с линии огня, не завершив атаку, или подбитый, отворачивал в сторону с дымным хвостом. Вот один, а за ним сразу и второй мессершмитт, выскочившие сдуру под концентрированный огонь четверых стрелков, разбрасывая в стороны ошмётки сорванных кусков обшивки и разбитых фонарей кабин, устремились в свой последний путь к земле...

Стремясь обезопасить себя от атак снизу, штурмовики, сохраняя плотный строй, стали опускаться всё ниже и ниже, прижимаясь к земле. Вот ещё один штурмовик, получив снаряд в двигатель, обильно задымил, и, теряя высоту и ско-

рость, отстал от строя и пошёл на вынужденную. На отставшего сразу же надели два мессера, предвкушая лёгкую добычу. Заход, короткая, но точная пушечная очередь с пятидесяти метров по крылу – консоль надламывается у самого центроплана, самолёт мгновенно переворачивается на спину, и в перевёрнутом положении встречается с землёй. Вспышка бензина, и огромным огненным болидом, подпрыгнув от удара о землю, и разломившись на части, самолёт ещё раз рушится на землю, теперь уже в виде отдельных обломков, похоронив в огненном бензиновом аду пилота и стрелка. Безупречно совершив изящную победную горку, два «эксперта» люфтваффе устремляются за основной группой. Время от времени какой-либо из Ла-пятых, сбросив с хвоста очередного настырного мессера, бросается в кучу атакующих Илы Месеров, пытаясь сорвать их атаки. Но его быстро оттесняют, и вновь закручивают в собачью свалку, связывая боем...

– Ниже, ещё ниже! – Андрей слышит в голове голос Ангела. И рискуя врубиться на полном ходу в верхушки сосен, опускается ещё ниже. Его маневр повторяют все пилоты его звена. Земля, непривычно близкая, стремительно проносится мимо, винты Илов буквально стригут верхушки деревьев.

Короткими, злыми очередями стрекочет сзади за спиной УБТ Агнии. Всё внимание Андрея сосредоточено на том, чтобы сохранять высоту и держать строй – смотреть по сторонам нет времени. Минута, вторая, третья... четвёртая... В первые несколько секунд он даже не понял, что бой уже

закончился – он так же летел, выдерживая высоту и стараясь не вывалиться из плотного строя, но почему-то не стало слышно пулемёта за спиной! Патроны кончились?! И трассы почему-то больше не полощутся вокруг самолёта...

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Разгадка была проста: немцы получили по радио сообщение, что с ближайшего аэродрома истребителей были экстренно подняты ещё два звена Лавочкиных, и они на полном газу уже спешили на помощь. Не дожидаясь их прибытия к месту схватки, Мессеры резко вышли из боя и на полном газу уже удалялись на запад. А потрёпанная эскадрилья Илов, сбросив газ и шадя перегретые на форсаже моторы, на скорости в 250 километров в час летела к своему аэродрому. За тремя самолётами тянулись жиденькие струйки дыма, у одного из них весь фонарь и фюзеляж почернели от масла, которое выбивало из повреждённого мотора. Лётчик открыл сдвижную часть фонаря, и пилотировал самолёт, ориентируясь, главным образом глядя по сторонам.

***

Сели, зарулили, два самолёта так и остались на полосе – у одного не вышли стойки, и ему пришлось садиться на пузо, а второй пилот, не рискнув выпускать из продырявленного насквозь центроплана посадочные щитки⁸, и садясь на

---

⁸ если во время боя Ил-2 получал повреждения, то при посадке пилоты старались не выпускать посадочные щитки – если в результате повреждения один из щитков (правый или левый) не выходил, то самолёт переворачивало на спину, и авария была неизбежна. При невыпущенных щитках посадка проходила на по-

повышенной скорости, несколько раз скозлив, подломил-таки одну из ног шасси. И теперь его самолёт стоял на полосе, уткнувшись левой подломанной консолью в землю, и задрав в небо правую.

Пилоты и стрелки устало вылезали из кабин, некоторых вынимали – на поле суетились медики, туда-сюда бегом таскали носилки. Оставшиеся невредимыми, неспешно вылезали из кабин, и спрыгнув на грешную землю, нервно закуривали. У многих тряслись руки, все сумрачно молчали.

Из двенадцати самолётов вернулись десять, в которых было ранеными три пилота и четыре стрелка, один из стрелков был в крайне тяжёлом состоянии. Всех их срочно, сначала бегом на носилках, а потом на машине, транспортировали в сан. часть. Один легко раненый пилот шёл сам, поддерживаемый сопровождавшими.

С трудом выпроставшись из кабины, Андрей вместе с вскочившей на крыло Александрой помог вылезти Агнии – на ней лица не было, так она устала. Чмокнув Андрея в губы, она спрыгнула с крыла:

– Я сейчас! – и покачиваясь, пошла к соседнему самолёту, где из кабины стрелка медленно, как пьяная, вылезала Катерина, держась за голову.

– Что, плохо получилось? – тревожно заглядывая в глаза, и кусая губы, спросила Шурка.

вышенной скорости, что часто было причиной нештатных ситуаций, вроде подлома стоек шасси.

– Да уж... напоролись на мессеров. Двадцать штук. Еле ушли. – шумно выдохнул Андрей, вытирая пот с мокрого лба, – две машины фрицы сбили, если честно, ещё даже не понял, кого... Ладно, я пошёл, доложусь комэску.

Обернулся назад – у соседнего самолёта Агния бинтовала притихшей Катерине голову и успокаивала её:

– Да ерунда, до свадьбы заживёт! Гляди-ка: и сама повоевала, и за Витьку фрицам приветик передала, и сама получила... сплошное удовольствие! Подумаешь, чуть-чуть по лбу царапнуло! Под волосами и не видно будет!

Принимая доклады от оставшихся пилотов, капитан Миронов отметил с удивлением, что в звене Андрея Чудилина повреждения самолётов минимальные, все пилоты живы-здоровы, а среди борт-стрелков только один легко раненый. А когда выяснилось, что два сбитых огнём борт-стрелков мессершмитта тоже на счету стрелков из его звена, глаза его слегка полезли на лоб. Но против истины не попрёшь – факт сбития мессеров именно этими стрелками подтверждали многие. Похмыкав, и почесав вспотевшую, мокрую от пота голову, командир эскадрильи пошёл с докладом на КП.

Андрей догнал Агнию, ведущую Катерину в сан. часть. Агния обернулась:

– Андрюша, мне надо туда. Я там буду нужна, – она подняла на Андрея глаза, – там тяжёлый, новенький этот, Серёжка Колядин. Там... в общем... сложный открытый перелом, болевой шок, кровопотеря... Я там нужна, Андрюш!

Андрей молча и понятливо покивал, пропуская их с Катериной в дверь сан.части. Остался один, задумался – мысли ворочались тяжёлые, невесёлые. А ещё занимал один вопрос – как так получилось, что у него в звене – все живые, самолёты почти без пробоин, да ещё в довесок и пара сбитых мессеров? Он подозревал, что Агния, когда вернётся, сможет ответить на все его вопросы. Она перед вылетом говорила про какую-то задумку... Нет, без неё точно не обошлось!

Что она ещё такого отчебучила?

Вторая эскадрилья в этот день больше не летала – большинство самолётов были серьёзно повреждены, да и лётному составу требовалось прийти в себя. Ещё до обеда на поиски выпрыгнувшего члена экипажа (ещё никто не знал, кто это – пилот или стрелок) вылетели два самолёта – У-2 и «Шторх». Повезло «Шторху» – в его кабину, помимо пилота, поместился ещё и наблюдатель – техник того самого Ила, что был сбит. Он-то и заметил парашют, повисший на кустарнике. Борт-стрелок Максим Кожевников, молодой, 21-летний парень, там же и сидел, в снегу, при приземлении он сломал обе ноги – парашют раскрылся слишком низко, и в момент приземления не успел погасить скорость до безопасного значения. Пилот погиб в самолёте.

После ужина, во время которого на столе остались стоять три стакана с водкой, покрытые кусками чёрного хлеба, Андрей в смурном настроении, отмахнувшись от товарищей, пошёл в дом, где они жили. Агния, понимая его состояние,

пошла за ним. Приняв боевые 100 грамм, и помянув погибших товарищей, Андрей никак не мог вспомнить, что же такого он хотел спросить у Агнии.

– Знаешь, – вздохнула она, – я... знала, что что-то случится, но... не знала, что будет ТАК тяжело. И я корю себя, что я не смогла спасти всех.

И тут Андрей вспомнил!

– Всех? Да... я вспомнил! – он хлопнул себя по лбу: – Все самолёты нашего звена прилетели почти без повреждений! И ни одного раненого, не считая царапины у Катерины! Скажи, это твоя работа?!

Она посмотрела на него исподлобья и молча покивала головой.

Он взял её за плечи, и требовательно посмотрел ей в глаза:

– Как?! Что ты сделала?

– Я? Ну, я... – она почесала кончик носа, – я смогла взять под контроль всех стрелков нашего звена. Ну, помнишь, как тогда, Пашу, в том бою на танке?

Андрей молча кивнул.

– Ну вот... понимаешь, так бы они палили вразнобой, кто куда горазд, а под моим контролем... все разом, и туда, куда надо!

– Так значит... значит... и этих двух мессеров стрелки нашего звена завалили именно поэтому?!

Она вздохнула, и молча кивнула. Андрей немного повеселел, нежно обнял её за плечи, ласково погладил по волосам:

– Ты совершила невозможное! Управлять действиями нескольких борт-стрелков! И сохранить при этом столько жизней! Не только мою. Получается, ты... ты... не только мой личный Ангел-хранитель, ты... ты...

Она невесело улыбнулась уголком рта:

– Тактический координатор.

Андрей кивнул:

– Точно! Какое правильное название.

Помолчал, вспоминая, и вспомнив, опять спросил:

– А вот эта хреновина... ну, эти зелёные значки, линии, циферки на лобовом стекле – это ты сама придумала?

Агния улыбнулась, и покачала головой:

– Да не-е... Не сама. Подсмотрела.

– Где подсмотрела?

– Помнишь, я тебе про энерго-информационное поле рассказывала?

– Это где есть информация про всё-всё-всё?

– Да. И про это тоже. Эта штука через несколько десятков лет будет в кабине каждого боевого самолёта. Называется – индикатор на лобовом стекле или сокращённо ИЛС. Вот я тебе нечто подобное, в упрощённом виде и воспроизвела. Вроде получилось... Удобно, ведь правда?

– Хм... Индикатор на лобовом стекле... Да, удобно, хоть и немного непривычно. Но если привыкнуть... Скорость, угол пикирования, высота, дальность до цели.... Хм... Придумают же!

– Да уже почти придумали. У меня-то на УБТ прицел К8-Т – можно сказать, зародыш данного изобретения. Перекрестие прицела лампочка подсвечивает. ИЛС – по сути, развитие этой идеи. Только в более развёрнутом, и доведённом до совершенства виде.

– Поня-я-я-тно... Но вот я чего думаю, только ты не обижайся: может, для пилотов, которые на самолёт с такой штукой на лобовом стекле с самого начала переучиваются, оно, конечно, полезно и нужно, а вот меня, думаю, будет отвлекать. Я же как летать и врага бить учился? Целиться – по трассе, бомбить – по сапогу, самолёт пилотировать – так я его и так жопой чую. Что мне ещё надо? Ты уж милая, оставь, всё, как есть. А вот твои подсказки в бою мне в тыщу раз нужнее, чем все эти зелёные чёртики на лобовом стекле.

Она с сожалением махнула рукой и отвернулась.

– Ну чего ты вздыхаешь, координатор ты мой? Обиделась? – Андрей мягко приобнял её за плечи.

– Да прах с ним, с эти индикатором! Понимаешь, мне не это горько... – Агния тяжело вздохнула, – фиговый я координатор, не смогла спасти всех. Трое погибли, семеро ранены. Дура я, неумеха... Вот если бы я смогла всех борт-стрелков под контроль взять, вот тогда...

– Если бы, да кабы... ты и это-то еле сдюжила, я-то видел, как ты из кабины вылезала! Бой был очень тяжёлым. И если бы не ты, то потери были бы гораздо тяжелей.

– Угу... иди спать. – Агния легонько отпихнула его от се-

бя: – завтра будет очень тяжёлый день, тебе надо выспаться.

Но сон никак не приходил – какая-то не оформившаяся мысль назойливо ворочалась в голове. Что-то такое, что беспокоило его уже несколько дней. Мысли, как шаловливые мыши, разбегались в разные стороны и тут... вот! Он уже открыл рот, чтобы задать свой вопрос Агнии, но она его опередила:

– Уже месяц и один день мы вместе, да. Месячный срок прошёл, сегодня я спасла тебя уже в тринадцатый раз. Я не знаю, что происходит. По всем расчётам, меня уже давно должны были отсюда выдернуть: и срок я отбыла сполна, и план по спасениям тебя от смерти тоже выполнила, даже с перевыполнением. Я не знаю...

– Может, это... тово... забыли о тебе там, в твоей небесной канцелярии, а? Может, оставят? – рискнул выразить осторожное предположение Андрей.

Агния хмыкнула, дёрнув плечом:

– Ага! Эти забудут! Эти оставят! Держи карман шире...

Андрей расстроено замолчал, не зная, что сказать.

– Думается мне, что всё там видят и всё учитывают. Помнишь, неделю назад мы с тобой гадали, почему меня тогда не забрали? В тот раз аккурат восьмой раз был. А вот оставили же! Я тогда предположила, что мне дают возможность отмотать весь срок, «от звонка до звонка», то бишь месяц. Для исправления, так сказать, своих ошибок.

– Какие у тебя могут быть ошибки? Что ты не только меня

спасала, а ещё и кучу других людей с того свету вытащила? Это, что ли, ошибка?! Да ты святая! Вот что я тебе скажу! – возмутился Андрей.

– Святая... скажешь тоже! Спасала и других, да, было дело, потому как не могла иначе. А знаешь, сколько я при этом положила? Сотни! Сотни жизней отняла! На что я никаких прав, как Ангел-хранитель, в принципе не имею!

– Да у кого жизни ты отняла?! То ж фашисты! – Андрей аж подскочил на кровати, – насильники! Убийцы! Неужто тебе их жалко?!

– Этих – не жалко! – отрезала Агния. – чтоб они все сдохли! Но ТАМ, – она подняла палец к небу, – ТАМ не поймут.

Она горько вздохнула и добавила:

– ТАМ другая мораль. И судить меня ТАМ будут по всей строгости ЗАКОНА. Когда вернусь. А вернут обязательно. Может, просто мне ещё немного времени дают, шанс исправиться?

– Сколько?

– Не знаю, может, неделя, может, две... Да вот только хренушки я исправлюсь! – она в исступлении хлопнула рукой по табуретке, стоявшей подле кровати. – Я теперь больше человек, чем Ангел, и поступать иначе НЕ МОГУ! Всё, спи! Что будет, то и будет!

Она отвернулась от Андрея и замолчала. Андрей обнял её сзади, и, зарывшись лицом в её волосы, тихонько поцеловал её в затылок.

– И то хорошо. Неделя – это много. А две – вообще целая вечность. Тут день-то, не знаешь – проживёшь ли, нет...

– Угу. Спи уже, философ.

Глава 4. Дуэль с зениткой.

На востоке небо стало светлеть, и тонкие ниточки тёмных, длинных облаков, сгрудившихся на горизонте, окрасились снизу в нежно-розовый цвет.

Несмотря на столь ранний час, над аэродромом висела деловитая суэта: соблюдая светомаскировку, к стоянкам самолётов по очереди подъезжали заправщики и машины подвоза боеприпасов. Оружейники быстро и аккуратно выполняли свою ответственную работу: поднатужась, и ухватывая втроем-вчетвером толстые тушки «соток», загружали их в крыльевые бомбоотсеки, тащили наверх, срывая краску с передних кромок крыла, тяжёлые, клыкастые ленты с 23-миллиметровым снарядами к пушкам ВЯ-23. Техники уже в который раз проверяли работу общесамолётных систем. То тут, то там раздавались окрики, подбадривающие возгласы, изредка слышался смех и нервный матерок...

В полста шагах от стоянок самолётов лётчики второй эскадрильи сгрудились вокруг комэска.

– Парни, дело серьёзное, – капитан Миронов обвёл глазами окруживших его пилотов, – железнодорожный узел бомбить – это вам не хухры-мухры. Идёт весь полк, три эскадрильи. Плюс звено управления. Всего сорок машин. Наша эскадрилья идёт во второй волне. Перед нами первая, за нами – третья. Вылетаем всем составом.

По маршруту идём в колонне звеньев. Атаку осуществляем всем звеном, в четыре самолёта. Боевое построение в режиме атаки – растянутый пеленг.

Командирам звеньев, – капитан на секунду задержал свой взгляд на старшем лейтенанте Чудилине, – особое внимание за новичками. Все делают по одному заходу.

Все молча слушали командира эскадрильи, понимая, что предстоит весьма нешуточное дело. Железнодорожный узел – одна из самых сложных целей, по максимуму прикрытая зенитным огнём. Словно отвечая их мыслям, командир эскадрильи продолжил:

– Да, зениток там понатыкано – мама не горюй. Поэтому выделяются мощные силы для их подавления. В первой эскадрилье только одно ударное звено идёт с ФАБ-100, а два – выделяются для подавления ПВО. У нас – уже два звена, второе и третье, работают по эшелонам, и только одно, то есть первое, – бьёт по зениткам. Первое звено веду я, второе – старший лейтенант Чудилин. Третье – старший лейтенант Кутеев.

При этих словах комэск взглянул на старшего лейтенанта Кутеева, командира третьего звена. Тот, согласно кивнул, попутно сделав отметку на карте в планшете.

– Чудилин!

– Я! – бодро отозвался Андрей.

– Ты ведёшь второе звено. У самолётов звена загрузка – АО-25 и ЭРЭСы. Если всё идёт штатно, то вываливаете всё

это на эшелоны. Если по ходу дела выясняется, что ПВО до конца не подавлена, то бьёте по зениткам. Задача ясна?

– Так точно.

Комэск помолчал, и добавил:

– Вся третья эскадрилья идёт, загруженная под завязку сотками. Они-то и должны разнести весь этот узел в пыль. Наша, то есть, первой и второй эскадрилий, основная задача – вдолбить в говно всю ихнюю зенитную артиллерию, и дать спокойно отбомбиться третьей. Задача ясна?

Все дружно закивали головами.

***

Небо заметно посветлело, тьма стала рассеиваться. Тяжкий рёв нескольких десятков моторов стоял над аэродромом. Поднимая клубы снежной пыли, искрящейся в свете прожекторов, подсвечивающих взлётку, один за другим стартовали тяжело нагруженные машины. Взлетевшие первыми нарежали круги над аэродромом, только что оторвавшиеся от земли неспешно набирали высоту и пристраивались в круг. А на поле аэродрома всё вздымались и вздымались белые вихри, поднятые работающими на взлётном режиме моторами всё взлетающих и взлетающих штурмовиков. Через десять минут штурмовой авиаполк в полном составе, во главе которого шло звено управления, ведомое самим командиром полка, выстроившись в колонну звеньев, длинной змеёй потянулся на запад...

Внизу плавно проплывали лесные массивы, перемежае-

мые полями. Изредка то там, то здесь, виднелись большие и маленькие населённые пункты. Прошло ещё пять минут. Колонна стала загибаться влево, меняя курс на сорок градусов. Потом, по прошествии ещё нескольких минут, снова поворот, ещё на 40 градусов.

На востоке уже вовсю алела заря – десятки мелких тёмных облаков, кучно толпясь на бирюзовом небе, и освещённые восходящим солнцем, выделялись своими ярко-оранжевыми нижними половинками. Три эскадрильи штурмовиков, кромсая винтами морозный зимний воздух, дважды изменив свой курс, теперь подбирались к цели с запада, и были почти не видны на фоне тёмного неба.

– Похоже, выходим на боевой, – посмотрев на карту в планшете, произнёс скорее для себя Андрей.

– Так и есть, – услышал он ответ в голове голос Агнии, – посмотри немного левее, видишь?

– Ага, точно!

В нескольких километрах, сквозь застилавшую землю дымку, уже отчётливо был виден железнодорожный узел: здание вокзала, много путей, коробки каких-то складов, стрелки, рельсы, рельсы, и на них...

Огромное скопище вагонов!

Через полминуты вокруг головы колонны штурмовиков показались, отчётливо видимые на светлом бирюзовом небе, чёрные кляксы разрывов зенитных снарядов. С каждой секундой их становилось всё больше и больше. Через четверть

минуты они, размазываясь, как капли туши на мокрой бумаге, заляпали собой всё небо.

– Понеслась вода за рыбой! – буркнул Андрей, и тут же услышал в наушниках спокойный голос командира полка, ведущего первую эскадрилью:

– Внимание! Первая эскадрилья! Цель слева по курсу! – и спустя пять секунд: – Атака!

Было хорошо видно, как в сплошном мареве из разрывов зенитных снарядов самолёты первой эскадрильи с левым доворотом последовательно ныряли в пологое пики. И тут же к кляксам разрывов зениток среднего калибра присоединился огонь малокалиберной зенитной артиллерии. 20-мм зенитки хлестали длинными, с огненными росчерками, плетями, а 37-миллиметровки выплёвывали навстречу атакующим их самолётам трассы, каждая из которых была увенчана шестью огненными шариками – по количеству снарядов в магазине⁹.

И все вместе они хлопотливо плели свою гибельную паутину, стремясь зацепить настырно лезущие в самое пекло советские штурмовики.

Андрей намётанным взглядом отметил, что позиций МЗА¹⁰ не меньше трёх десятков. Это было много, очень много – железнодорожный узел фашисты прикрыли очень хорошо.

– Т-т-твою мать! Плотно у них тут... – чертыхнулся Ан-

---

⁹ немецкие 37-мм зенитки имели 6-снарядные магазины

¹⁰ МЗА – малокалиберная зенитная артиллерия

дрей.

И тут же голос Ангела в голове, уже с железными нотками:
– Не ссы, прорвёмся!

Андрей мимолётно ухмыльнулся: «ну, всё, похоже, Она уже включилась!».

Чувствовать своего Ангела-хранителя не где-то там, на небе, а вот так, прямо за спиной, это было феерическое ощущение! Появилось чувство, что у него самого вырастают крылья, а всё тело покрылось грозной бронёй.

«Под грозной бронёй ты не чувствуешь ран!» – вспыхнула в голове мысль... кто-то из классиков... Пушкин?

И тут же требовательный, почти осязаемый головой мысленный подзатыльник от Ангела:

– Не отвлекайся! Сейчас будет команда к атаке!

И точно! Щелчок с наушниках, и уверенный голос комэска Миронова из эфира:

– Вторая эскадрилья! На боевом!¹¹ Приготовиться к атаке! – и через пару секунд: – второе звено – работаете по зениткам! Как понял?

Андрей встрепенулся, переключился на волну командира эскадрильи:

– Второе звено! Принято! Работаем по зениткам!

Переброс передатчика на соседнюю частоту:

– Парни! Работаем по зениткам! Разбиться на пары, дистанция – не более 200 метров! Далеко не отрываться!

---

¹¹ «на боевом» – сокращённо: на боевом курсе

– Понял... принято... есть! – почти одновременно прилетели три ответа от пилотов его звена.

Первая эскадрилья уже по полной программе работала по целям – два её первых звена насмерть врубались в смертельную схватку с батареями малокалиберных зениток фашистов, прикрывающих железнодорожный узел: глаза в глаза, зубы в зубы!

На тех участках неба, где шли в атаку две первые четвёрки Илов первой эскадрильи, казалось, сошёл огонь всех зениток – самолёты прорывались сквозь сплошное море огня. Сотни снарядов малокалиберной артиллерии, ежесекундно изрыгаемые в воздух десятками стволов, сплошным огненным ливнем полоскали небо вокруг самолётов, идущих в атаку. Казалось, ничто и никто не сможет прорваться сквозь эту огненную стену. Но невзирая на смерть, несущуюся навстречу, самолёты упорно шли вперёд, и пушечно-пулемётным огнём, перемежаемым залпами ЭРЭСов, сметали всё на своём пути.

Немецкие зенитчики, видя, что эти две четвёрки русских штурмовиков, пришли, чтобы забрать ИХ жизни, дорого их продавали – один за другим, с минимальным интервалом, два самолёта из первых двух атакующих четвёрок огненными факелами рухнули на привокзальные постройки. Третий, тоже объятый пламенем, но видимо, до последнего момента управляемый пилотом, в последний момент повернул, и врезался в самую гущу вагонов, скопившихся на рельсах. На

месте падения взметнулся большой факел пламени.

Но две четвёрки первой эскадрильи, задачей которых было подавление зенитной артиллерии, сделали своё дело – не выдержав бешеного напора их атаки, почти все зенитки прекратили на некоторое время свой огонь. Несколько позиций МЗА были уничтожены, почти на всех остальных фрицы прекратили огонь, и спасая свои шкуры, попрыгали в открытые на позициях щели. Третье звено первой эскадрильи, по самую пробку загруженное ФАБ-100, вывалило все 16 «соток» на сотни вагонов, плотными рядами стоявших на путях.

Несколько зениток фашистов, не прекративших свой огонь, обстреляли и эту четвёрку. Один из самолётов, напорвшись на очередь 20-мм «эрликона», «проглотил» целых три снаряда, и оставив порхать в небе кучу больших и малых ошмётков из сорванных взрывами кусками фанерной обшивки крыльев, тем не менее продолжил свой полёт.

Как только штурмовики первой эскадрильи проскочили над целью, тут же активизировалась противовоздушная оборона – надрюченные ежедневными тренировками, зенитчики в считанные секунды заняли свои боевые посты, и небо вновь раскрасилось смертельным фейерверком. Несколько зениток, посылая прощальный привет, долбили вослед уходящим от них самолётам, но большинство со всей яростью накинулись на вторую волну атакующих самолётов, ставя на их пути плотный заградительный огонь.

Куча разрывов приближалась, трассы малокалиберных

снарядов полоскали своими смертельными вениками всё ближе и ближе, секунда... вторая... И вот, они, как по команде, вцепились в первое звено второй эскадрильи, самолёты которого, доворачивая влево на цель, уже начали свой убийственный рывок навстречу смерти.

Самолёты первого звена второй эскадрильи, активно маневрируя, пошли в атаку на позиции «эрликонов»¹² слева от здания вокзала. Один за другим самолёты, окутываясь дымом стартующих ЭРЭСов, выбрасывали в сторону цели длинные дымные струи, увенчанные огненными точками. Периферийным зрением Андрей отметил, что большинство ракет из залпа первого звена легли на позиции МЗА. Не снижая скорости и продолжая пикировать, четыре штурмовика огнём пушек и пулемётов заткнули ещё несколько батарей слева от здания вокзала. В течении нескольких секунд почти все зенитки на той стороне замолчали – кого-то уже успели разнести в пыль, остальные прекратили огонь, т.к. прислуга снова мгновенно попрыгала в заранее отрытые на позициях щели. Но тут же мгновенно усилился огонь батарей, которые были расположены справа от здания вокзала. Они открыли шквальный фланговый огонь по атакующей четвёрке.

Уже нырнув в пике, и примериваясь, куда бы половчее вмазать, Андрей наметил сразу несколько позиций, откуда шёл особенно интенсивный огонь по четвёрке капитана Ми-

---

¹² советские лётчики все немецкие малокалиберные зенитки называли «эрликонами».

ронова.

– Бьём тех, что справа! – срывая голос, проорал он в ларингофон своим парням, забыв в горячке боя перебросить тумблер радиостанции на передачу.

Но странное дело – все трое его услышали! И послушно повернули на позиции, выбирая себе цели.

И тут же, увидев новую угрозу, немецкие зенитчики почти мгновенно перебросили огонь на четвёрку, ведомую старшим лейтенантом Андреем Чудилиным. Плотная огненная трасса из десятков ярких штрихов рванулась навстречу. Ноги и руки сами собой отработали привычное движение: левая нога ушла вперёд до упора, выворачивая руль направления влево, и удерживая самолёт элеронами, Андрей ввёл самолёт в скольжение, заставив его идти по дуге, и сбивая тем самым прицел наводчику зенитки. Сноп трассеров ушёл левее. Андрей плавными, мягкими движениями ручки управления вогнал клокочущую огнём зенитку в перекрестие прицела и задержав дыхание, втопил до упора кнопку пуска ЭР-ЭСов.

Ффффуууух – с тяжким гулом сошли с направляющих четыре реактивных снаряда, разом облегчив самолёт на сотню килограммов и заставив его вздрогнуть от залпа. Четыре дымных струи с оголовками из ярких точек на своих остриях через пару секунд точно накрыли позицию, где в капонире стояла установка счетверённых 20-миллиметровых эрликонов. Андрей тут же чуть-чуть прибрал ручку на себя,

уменьшив угол пикирования, и уже довернул было на следующую зенитку, намереваясь вывалить на неё все восемь осколочных-фугасных бомб, томившихся в крыльевых бомбоотсеках...

***

Курт Грюнберг начинал войну пилотом-истребителем, и сначала всё шло очень даже неплохо. Начав 22 июня с штурмовок русских аэродромов, и в тот же день открыв свой счёт, сбив в небе над Вильнюсом двухмоторный русский бомбардировщик СБ, он из дня в день стал наращивать свой личный счёт. Пять, десять, пятнадцать сбитых «Иванов»... Часток столбиков на киле его «Фридриха»¹³ рос, перевалив уже на второй ряд. Казалось, так будет продолжаться до самой победы над большевиками, но...

Всё испортил тот проклятый русский «Иван» на «Рате»¹⁴, который попался им с Клаусом Вельке в тот памятный день февраля 42-го. Русский «Иван», по всему виду, неопытный и самонадеянный лётчик, ввязался с ними в драку, не имея решительно никакого преимущества: у него не было ни высоты, ни скорости (где уж русской тупорылой «крысе» тягаться с «Фридрихом»?!). И их с Клаусом было двое, а русский был один. И тем не менее, «Иван» принял бой и мало

---

¹³ «Фридрих» – так немецкие лётчики называли модификацию Мессершмитта Вф.109F

¹⁴ «Рата» – крыса (нем.). Так немецкие лётчики называли советский истребитель И-16

того – он не стал играть по их правилам, а втянул их в маневренный бой на виражах. Вернее, они с Клаусом, как два самонадеянных идиота, позволили «Ивану» втянуть себя в бой на виражах. За что и поплатились – после пятнадцатиминутной карусели «Иван»-недотёпа на своём старом сарае сумел завалить их обоих.

И Курту ещё повезло – раненный, с простреленной рукой, он сумел выброситься с парашютом, и лишь чудом не переломал себе ноги при приземлении. Ему дьявольски повезло остаться в живых – он смог таки выбраться из чащобы на большое поле, где его через полчаса подобрал «Шторх», приписанный к их эскадре, и посланный на поиск пилотов пропавшей пары истребителей. А вот фельдфебелю Вельке повезло гораздо меньше – после того, как его Vf.109f взорвался при ударе о землю, он так и остался висеть в виде синюшных кишок на раскидистых русских соснах.

После этого Курт больше не летал: госпиталь, долгое лечение, медкомиссия, и списание на землю. После этого – памятная гулянка в ресторане, и... всё покатило к чертям! Невесёлая история. Да-а-а... если бы не та пьяная драка в ресторане...

В ресторане он с друзьями отмечал выписку из госпиталя. Ну, расстроился человек, что его списали на землю, выпил лишку, ну подрался, с кем не бывает? Да вот только та красная обрюзглая рожа, что попалась ему на кулак, оказалась рожей какого-то высокого чина из интендатской служ-

бы. Крыса тыловая! Дальше всё было грустно и предсказуемо: военно-полевой суд, лишение офицерского звания, полгода в дисциплинарном батальоне.

После отбытия наказания оказался в войсках ПВО люфтваффе – полученное ранение прочно закрыло путь в небо. Теперь, сказали ему, будешь помогать сшибать «Иванов» с земли. В должности подносчика боеприпасов. Подносчиком он прослужил всего неделю – командир расчёта, поговорив с ним, сразу понял, кем должен быть Курт Грюнберг в расчёте его зенитного орудия. Вот теперь он – наводчик. И уже в звании обер-ефрейтора. Исключительно ответственная должность. До него наводчиком был растяпа Эдуард Пихлер с кличкой «Эд-тормоз». Если он и мог хоть во что-то попасть, то только в сарай, да и то, не дальше, чем с двухста метров. А уж стрельба по движущейся цели была для него чем-то вроде неразрешимой задачки...

Bundesarchiv, Bild 1011-206-1768-13
Foto: Schreck | 1943/1944

Работа наводчика на малокалиберной зенитке – штука очень ответственная, тут помимо хорошей реакции нужна ещё и развитая координация в движении обеих рук, в самое главное – талант. А попробуй, покрути скоординировано два маховичка! Левой рукой крутишь горизонтально расположенный маховичок – наводишь орудие по горизонту, а правой крутишь вертикально расположенный маховичок – этот даёт вертикальную наводку. И всё это одновременно, внося на глаз поправки! Да, у пушки есть механический вычислитель, который сам вычисляет упреждение, позволяя держать перекрестие на цели, да вот только вычислитель этот – тупая железка! Самолёт в прицеле маневрирует, меняет скорость,

высоту, меняется дистанция стрельбы – всё это вычислитель в расчёт не берёт, он этого не умеет. Зато умеет Курт Грюнберг. Не зря же на киле его «Фридриха» были отметки о пятнадцати победах!

За эти три месяца в должности наводчика он почти втрое увеличил свой личный счёт, что отразилось в нанесении на ствол его зенитки 22-х белых колец, каждое из которых обозначало сбитого «Ивана». Почти все – русские штурмовики Ил-2. Или, как их ещё называли «бетонный бомбардировщик».

Да ни черта он не бетонный! Курт знал это наверняка. Просто стрелять надо уметь. А стрелять он умел! И ещё он

знал, чего делать категорически нельзя. А нельзя бить русский штурмовик в лоб – там, действительно, броня, и большинство попаданий, даже если попадёшь, даёт рикошеты – угол встречи снаряда с бронёй слишком мал. Бить «бетонный бомбардировщик» надо в борт! Уж там точно никакого рикошета не будет, да и боковая проекция явно больше лобовой. При стрельбе в борт есть только одна проблема – упреждение.

Многие этого не умеют, поэтому и лупят русский штурмовик в лоб. И погибают – русский штурмовик, вышедший на тебя в атаку, ни за что не свернёт. Оно и понятно – на русских штурмовиках летают только лётчики-штрафники. А они – бандиты и конченные садисты, которые своих евреев-комиссаров боятся больше, чем смерти...

А вот он, бывший истребитель, наметанным глазом всегда легко определял дальность до цели, её скорость, и чётко знал – какое надо взять упреждение. Отсюда и такие высокие результаты. И вот теперь, похоже, наступил его звёздный час! Уже несколько недель русские не трогали этот железнодорожный узел, Курт и его расчёт даже заскучали без дела, а вот поди ж ты! Прилетели, наконец-то! Несколько десятков штурмовиков! Сколько целей!

Он любил свой Flak 38 – простое и надёжное оружие. 480 выстрелов в минуту! Это вам не старый Flak 30 с его 200... 240 выстрелами в минуту. Это гораздо быстрее и смертоноснее. Правда, был повод для зависти – новый 4-х ствольный

автомат 2,0cm Flakvierling 38.

Их как раз, второго дня, как привезли и окопали по соседству, целую батарею. Тот же калибр, но уже четыре ствола, и 1800 выстрелов в минуту! Только успевай магазины втыкать! Так там и расчёт вдвое больше – аж 8 человек. Да-а-а... Адская машинка. Ну так с такой и дурак попадёт – там и целиться-то особо не требуется. Надо всего лишь нацелить стволы «просто в ту сторону» и дуй туда во все четыре дудки – авось куда-нибудь да попадёшь...

Да-а-а, дураков хватает... вон, взять хотя бы тех, что по ту

сторону вокзала стоят! Больше, чем полсотни стволов лупят в небо! В белый свет, как в копеечку! А сколько «Иванов» сбили?! А всего одного!

А он, Курт Грюнберг, с одного ствола за то же самое время двоих на землю уронил! И все это видели! А почему так? Да стрелять надо уметь!

Курт Грюнберг сегодня был явно в ударе. Да, сегодня знаменательный день, ЕГО день! Сегодня он всем покажет, КАК надо стрелять!

Flak 38 Курта Грюнберга жадно дожирал уже седьмой магазин, подносчик и заряжающий работали в максимальном темпе, а командир расчёта, обер-фельдфебель Петер Шульте, едва высовывая голову в каске из-за среза капонира, зорко следил за малейшими изменениями быстро меняющейся боевой обстановки.

И не зря! Уже дважды, сначала один, а потом другой штурмовик пытались достать их зенитку, но высокий вал капонира оба раза спасал и его самого, и весь его расчёт – снаряды и осколки зарывались в отвалы земли, не причиняя заметного вреда. Да-а... не зря командир орудия гонял расчёт, заставляя выкапывать капонир по полному профилю, как полагается по уставу!

Правда, молодой он ещё, да и дуrolом приличный, но всё что касается устава, это он чтит свято. Служака. А вот опыта боевого у него – всего ничего. Вон, стерео-дальномера своего лишился при первых же разрывах бомб – шальной

осколок разбил один из окуляров, и всё! Приехали! На глаз то дистанцию до цели определять не умеет! Без своего стерео-дальномера – он так, ноль без палочки, не командир, а одно недоразумение... Наводчику Курту Грюнбергу он и со своим дальномером-то не очень был нужен, а сейчас – так и вообще. Лучше бы сидел в окопе, не мешался под ногами!

Но вот очередная, уже вторая, волна русских штурмовиков накатила на железнодорожный узел, вот они по очереди, опуская носы, стали выходить в атаку... Ну, сейчас точно... ага! Вот сейчас выйдут на дистанцию открытия огня! Сейчас точно ещё парочку подстрелю! Вот одно звено атакующих явно решило разобраться с батареями по ту сторону вокзала. Отлично! Пикируют! Дистанция – метров 800... 850. Скорость – около трёхста. Можно открывать огонь.

– Внимание! Цель – четыре «бетоненбомбер». Скорость 300! Дистанция... 1000 метров! По головному – упреждение 9 корпусов. Огонь! – пролаял, оборачиваясь к расчёту, командир Петер Шульте.

«Ага, как же! Не 1000, а 900 метров! И не 300, а 280!» – злорадно подумал Курт и взяв упреждение по своему разумению, нажал правой ногой педаль спуска.

Как адская молотилка, зенитный автомат весь затрясся, и выплюнул длинную, 20-и снарядную очередь в сторону атакующих русских. Свора осколочных и бронебойно-зажигательных 20-миллиметровых снарядов, оставляя за собой ро-счерки трассеров, рванулась наперерез русскому штурмови-

ку. Через секунду они почти достали его. Почти. Намётанным глазом наводчик увидел, что трасса всё-таки идёт мимо. Он тут же попытался довести ствол по трассе, но так и не смог добиться попадания – кончились снаряды в магазине. Курт Грюнберг чётко увидел, что трасса проскочила чуть выше и прямо за хвостом у ведущего штурмовика. Один из снарядов всё же зацепил киль штурмовика и снёс ему половину киля. В прицел было хорошо видно, как разрыв снаряда выбил в небо кучу щепок, которые тут же унесло назад потоком воздуха.

– Чёрт! Они идут слишком быстро! – выругался Грюнберг, и оторвавшись от прицела, буркнул себе под нос: – упреждение чуть больше – не 7, а 8 корпусов! И чуть ниже! Бьём по следующему.

Заряжающий с лязгом воткнул в окно приёмника очередной магазин. Обе руки синхронно и плавно вращают рукоятки наведения – правая медленно, по чуть-чуть, правая, по горизонту – быстрее. Правая нога плавно жмёт педаль спуска.

Штурмовик, идущий вторым, буквально напоролся на его, Грюнберга, трассу. В свете восходящего солнца в прицел было хорошо видно, как несколько 20-мм снарядов оставили серию разрывов вдоль его фюзеляжа, продырявив его в нескольких местах. Штурмовик тут же клюнул носом. И перевернувшись через крыло, врезался в землю, размазавшись по ней огромным огненным факелом из вспыхнувшего бен-

зина.

– Есть! – хором заорал весь его расчёт, – третий!

Но опытным глазом Курт Грюнберг уже отметил возникшую серьёзную угрозу: на их позиции заходило следующее звено русских штурмовиков. Они шли чуть в сторонке, сосредоточив своё внимание на соседях, которые стояли от позиции его орудия метрах в двухстах, ближе к железнодорожным путям.

«Ну и хорошо, что не на нас! А мы их сейчас сбоку, с pistolетной дистанции!» – подумал он, и тут же отдал расчёту команду на прекращение огня, чтобы не выдать свои позиции атакующим штурмовикам русских.

***

Андрей уже чётко видел капонир, видел зенитку, и ему казалось, что он видит, как рядом с ней суется расчёт. Мозг автоматически отсчитывал дистанцию до цели 1800... 1700... 1600... 1500 метров. Уже можно открывать огонь...

– Не-е-е-ет!!! – оглушающий вопль Ангела-хранителя в голове взъерошил волосы на затылке. Мгновенно похолодела спина, по которой толпа мурашек рванулась от шеи куда-то к пяткам.

– Эту не бей!!! Это мазилы! Вправо пять градусов! Вон ещё один капонир!!! – Агния в бешеном темпе затараторила у него в голове, – там самый опасный противник!!! Эта зенитка уже троих наших сбила!!! Они сейчас и нас собьют на выходе после атаки!!! Опереди их!!! Сровняй её с землёй!!!

Андрей послушно повернул вправо на пять градусов...

– Где?! Не вижу...

– Вон-вон-вон-вон! Вон они! Чуть дальше, на триста метров! – продолжала она стрекотать с сумасшедшей скоростью, так что её слова сливались в одну длинную слитную очередь, как у ШКАСа¹⁵, – они замолчали, ТЕБЯ ждут, чтобы в борт вмазать! На горку, на горку уходи!!! С пологого¹⁶ их не возьмёшь – там слишком высокий бруствер! Долби их с пикирования, сверху! 45-50 градусов, не меньше!

«Твою мать... Это же Ил-2, это не пикирующий бомбардировщик!» – эта мысль ещё не успела додуматься в голове, а левая рука сама собой до упора двинула газ на максимум, а правая с усилием потянула «баранку» на себя – нос самолёта полез в небо, закрывая собой землю. Перегрузка вдавила в сиденье...

***

– Чёрт побери! – выругался командир расчёта, наблюдая за траекторией полёта ведущего звена, – он нас увидел! Он повернул, и идёт прямо на нас! Внимание! Приготовиться к открытию огня!

«Чёрт, самая невыгодная ситуация... – мысли в голове Курта Грюнберга скакали, как зайцы, – русский штурмовик идёт прямо на их позицию. Придётся бить в лоб. Ах, как пло-

---

¹⁵ ШКАС – авиационный пулемёт с высоким темпом стрельбы – 1800 выст./мин (30 выстр./сек)

¹⁶ «с пологого»: сокращённо – с пологого пикирования (25-30 градусов).

хо! И опасно! Гораздо выгоднее бить в борт, когда русские «Иваны» атакуют кого-нибудь другого. Ну что ж... в лоб, так в лоб! Главное – успеть вовремя упасть за высокий бруствер капонира, когда «Иван» начнёт стрелять... Но... Чёрт подери! Что он делает?!» – Грюнберг от досады по-волчьи оскалится – увиденное ему крайне не понравилось.

Ведущий звена, уже было нацелившийся носом на их позицию, и собиравшийся атаковать её по устоявшемуся шаблону – с пологого пикирования, под углом 25...30 градусов, вдруг ни с того ни с сего задрал нос и полез вверх.

«Чёрт! Чёрт! Чёрт! «Иван» догадался-таки про высокий бруствер!!! Сейчас будет долбить нас сверху! Пока не поздно, надо бить прямо сейчас – прямо в пузо, хоть ещё и далеко. Ковато...» – спохватился Курт.

«Так, дистанция – 1500 метров, скорость – около 300. Так... в наборе высоты его скорость падает... уже около 250... докуда он доползёт? Где будет верхняя точка? Там будет около 150... Так... вроде начал зависать... скорость меньше стапятидесяти... Пора!»

Командир Петер Шульте быстро обернулся к расчёту и пролаял:

– Дистанция – 1400, скорость – 200, упреждение – четыре корпуса. Огонь!

«Ага, как же! 200! Олух! Да он уже валится на крыло, там и двадцати-то нету!» и взяв упреждение согласно своему чутью, Курт Грюнберг втопил педаль...

***

– Ручку от себя! Быстрее!!! И крен вправо! – грохочет в голове, отражаясь эхом от стенок, голос Ангела-хранителя.

Андрей ничего не успевает сообразить, как руки сами стали из всех сил отжимать баранку ручки управления от себя и вправо, – это опять не он, а его Ангел двигал его руками, пытаясь вывести его из-под удара. Андрей всем телом почувствовал дрожь самолёта – верный признак сваливания. Отрицательная перегрузка оторвала тело Андрея от чашки сиденья и на секунду он завис на привязных ремнях. Красная муť накатила в глаза...

***

Flak 38 затрясся, резко дёргая стволом на откатниках, и посылая навстречу «Ивану» огненную плеть. Но русский пилот, как будто предугадав за долю секунды начало открытия огня, резко перевёл свой самолёт в пикирование – командир расчёта в бинокль было хорошо видно, как мгновенно и на максимальный угол отработал его руль высоты.

Русский штурмовик, только что упорно лезший ввысь, чуть-чуть не долетев до расчётной точки, на мгновение завис в воздухе, свалился на правое крыло, шустро перевалился на нос, и уже пошедшая ему напересечку трасса прошла над ним буквально в двух-трёх метрах.

– Чёртов русский! – выругался наводчик Грюнберг, и обернулся назад, подгоняя заряжающего, проревел, перекрывая грохот боя: – быстрее, Карл! Ты что, хочешь здесь

сдохнуть?!

Очередной магазин с жалобным звоном вонзился в окно приёмника.

– Огонь! – срываю голос, проорал командир орудия. Правая нога Курта втопила педаль спуска...

***

Красная пелена ушла из глаз, и тут Андрей уже совсем отчётливо увидел зенитку – вот она стоит, раскинув лапы, посредине глубокого капонира! А вот и орудийная прислуга... Всё видно, как на ладони – да, эти фрицы отрыли действительно глубокий капонир!

Зенитка открыла огонь: её контуры потонули в частых вспышках выстрелов, и навстречу рванулись трассы снарядов. Судорогой сводит руки – опять рывок ручки помимо его воли: теперь уже на себя и к правому борту! Тело прижимает к левому борту, перегрузка вдавливают в чашку сиденья, комок подкатывает к горлу. Андрей чувствует себя марионеткой, которую дёргают за ниточки, но, чёрт возьми! Трасса опять проскакивает мимо!

Ангелу-хранителю не до шуток – Агния сидит, упёршись ногами в задние бронедверки, и мёртвой хваткой вцепившись в ручки пулемёта. Глаза её черны, в них нет белков – они как будто провалились сами в себя. Давление – за 200, пульс – как у воробья, тоже за двести. Сжигая за секунды часы и дни своей жизни, она работает в боевом гипер-режиме: она контролирует очень узкий, но крайне важный для неё

локальный участок боя – директрису 10-секундной схватки самолёта и зенитки.

Её мозг, как процессор, одновременно выполняет миллионы операций, которые подчинены выполнению сразу нескольких задач: она контролирует всю переднюю полусферу, и даже то, что скрывается под носом самолёта, держит под контролем спинной мозг своего подопечного, через него активируя в нужный момент его мышцы, обеспечивает выдачу ему в головной мозг подсказок-команд.

И Да-а-а-а! (ура, очередное достижение!). Она сумела дистанционно подсоединиться, и уже не отпускает, вцепившись в него мёртвой хваткой, к зрительному нерву наводчика орудия Курта Грюнберга!

И теперь у неё перед глазами обе картинки: то, что видит Андрей, и то, что видит наводчик орудия!

Замедляем....

Просчитываем...

Эх, жалко, не получается взять под контроль весь мозг этого проклятого фашиста! Уж тогда бы он обязательно мазал бы! Но нет... это невозможно...

Так! Внимание!

Очередь зенитки!

Пошла трасса!

Прогнозирование траектории...

Поправка на ветер...

Поправка на ошибки по дальности...

Поправка на деривацию...¹⁷

Поправка на температуру воздуха...

Так... Так... Всё!

Есть рассчитанная траектория трассы!!!

Прогнозируемое время подлёта первого снаряда... 950

миллисекунд

Импульс в спинной мозг Андрея...

Сокращение мышц...

Рывок ручки управления... левую педаль до упора...

Перегрузка в пике 6,5 жэ...

Время прохождения пика – 850 миллисекунд... ничего,
парень здоровый – выдержит...

Уход с траектории трассы...

Мимо!!! Отдача управления Андрею...

Андрюша, выводи скорее обратно...

Отлично, вывел...

Уточнение наводки...

Цель в перекрестии...

Перезаряжают... Андрюша, стреляй! Чего ты ждёшь?!...

Дистанция до цели – 680 метров.... 670... 660... 650...

Андрюша, ты мажешь!...

***

Трасса, как огненный хлыст, составленный из двух десят-

---

¹⁷ деривация – отклонение траектории полёта снаряда под воздействием вращения, придаваемого нарезами ствола, то есть вследствие гироскопического эффекта.

ков стремительных красных чёрточек, проскакивает мимо, судорога отпускает руки, и Андрей рывком возвращает самолёт на траекторию – самолёт мотает, его нос водит туда-сюда, колебания затухают медленно, слишком медленно.

В голове гремит:

– Андрюша, стреляй, чего ты ждёшь?!

И Андрей топит пальцем гашетки пушек и пулемётов. Красные и зелёные трассы уходят вперёд, Андрей видит фонтанчики и разрывы, которые вспухают вокруг капонира зенитки. Мимо!

– Андрюша, ты мажешь! – опять грохот в голове. На краткое мгновение Андрей отпускает гашетки, и пытается успокоить колебания несущегося к земле самолёта.

– Ты что, сдурел?! Стреляй!!! Даже если мимо!!! Сбивай им прицел!!! – голос Ангела грохочет внутри, эхом отражается от стенок головы.

***

Казалось, земля вскипела вокруг позиции его Flak 38, этот русский – точно самоубийца и психопат! С душераздирающим рёвом русский штурмовик, поливая перед собой из всех четырёх стволов, падал из крутого пике прямо на их капонир. То, что Курт Грюнберг не пожелал бы увидеть и в самом страшном своём сне, сейчас происходило на самом деле – стало действительно очень, очень страшно. Но стиснув зубы и собрав всю свою волю в кулак, он проорал что есть мочи заряжающему:

– Карл!!! Чего ты ждёшь?! Заряжай!!!

Как клацнул в окне приёмника свежий магазин, он уже не слышал – русский штурмовик, управляемый съехавшим с катушек лётчиком-самоубийцей, оглушительно ревя, летел прямо ему в голову. Почему-то вспомнился тот сумасшедший русский на «Рате», который тогда, в марте 42-го, сбил и его, и Клауса Вельке. Он тогда тоже, как загнанная в угол крыса, несколько раз выходил на них в отчаянную лобовую атаку и ни разу не отвернул... Они все тут такие... Нет!! Это именно он!!! Тот самый чокнутый русский на «Рате», который сбил тогда их обоих – его самого и его ведомого, фельдфебеля Вельке!!! А теперь этот фанатик-психопат пересел на «бетонный бомбардировщик», и сейчас врежется прямо в их капонир!

«Вот она, та самая «Чёрная смерть»! – мелькнула в голове последняя мысль.

Правая нога судорожно нажала до упора педаль спуска. Его зенитка, судорожно затряслась, выплывавая навстречу сумасшедшему «Ивану» очередную порцию 20-мм снарядов.

***

Сжав зубы, с окаменевшими мышцами Андрей падал на зенитку. 500 метров, 450, 400... замолчавшая на пару секунд зенитка снова потонула во вспышках выстрелов – через полсекунды чёрточки трассеров, как сеть, опутали весь самолёт,

ударили по консолям, выбивая их них фанерную щепу и срывая кусками обшивку,

с грохотом вгрызлись в центроплан, с бешеной яростью срывая дюраль обшивки, выдирая нервюры и корёжа силовой набор,

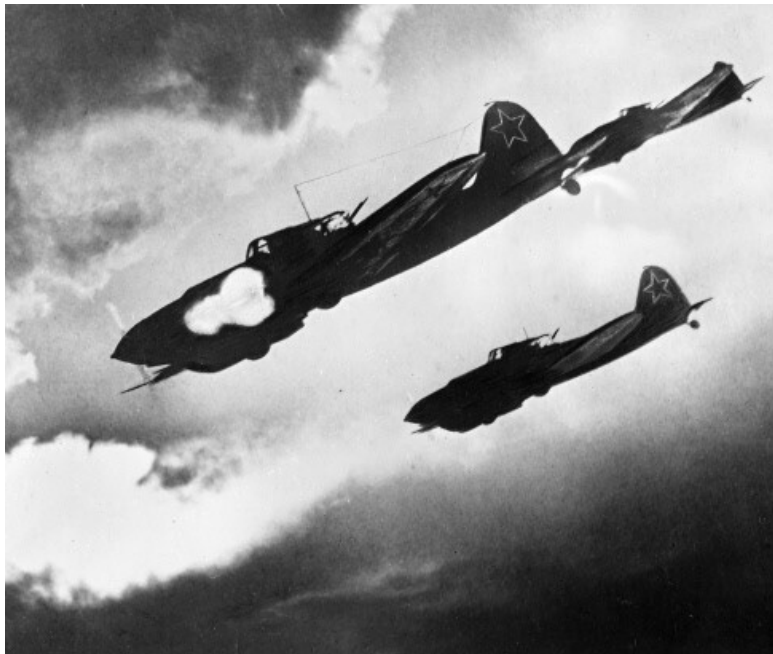
оглушительно забарабанили, рикошета, по бронекорпусу, вышибая из него ослепительные искры.

В ноздри ворвался горячий, обжигающий воздух с вонью жжёного металла. В глазах запрыгали яркие световые зайчики, как при электросварке...

– Аааааааааа! – Андрей орал, оскалившись, и не разжимая зубов, и не слышал себя. Он летел и орал, орал и стрелял, стрелял, стрелял!!! Беспощадно и яростно молотил эту ненавистную, плюющуюся ему в лицо смертью, и стремительно растущую в перекрестии прицела зенитку!!! Молотил из всех стволов, как врага кулаками в уличной драке!

***

Отстреляв весь 20-снарядный магазин, оружие замолчало. Русский штурмовик, весь в фонтане из выбитых снарядами щепок и порхающих в воздухе обломков, валился прямо на их капонир.

Весь расчёт обуял смертельный ужас – все, как зайцы рванули по щелям. Но было уже поздно – свихнувшийся русский летел, не прекращая поливать их позицию из всех стволов в своём смертельном пике, и когда дистанция до него уменьшилась до трёхста метров, наконец-то попал, куда надо: длинная, бесконечная очередь из 23-мм снарядов разнесла зенитную установку и перепахала весь капонир вместе с расчётом, так и не успевшим добежать до щелей. В небо взметнулись обломки станины зенитки, обильно сдобренные

острой щепой от расколотых ящиков, окровавленные ошмётки человеческих тел, перемешанные с грязью, камнями и песком, куча каких-то тряпок, и прочих тёмных и горящих фрагментов. Всего того, что пару секунд назад было позицией зенитного орудия с расчётом из четырёх человек.

***

– Андрюша, вывод!!! Вывод!!! – Ниагарским водопадом грохочет в его голове голос.

Окаменевшие до состояния гранита мышцы рвут ручку управления на себя, сбоку, под крылом, мелькает такая близкая земля, сорванная глотка хрипло сквозь судорожно стиснутые зубы продолжает исторгать что-то нечленораздельное:

– А-а-а-сссу-у-у-ука-а-а!!!

Под крылом мелькают вагоны, вагоны, вагоны...

– Бомбы! Сброс! – мечутся в чугунной, звенящей головушке какие-то знакомые слова.

«А-а! Это ж Агния! Да, бомбы... сброс...»

Рука дёргает рычаг ручного сброса бомбовой нагрузки. В глазах толпами скачут и прыгают световые зайчики, в горло как будто напихали тлеющей стекловаты – от саднящего горло угара ни вдохнуть, ни пёрнуть!

Где-то что-то стреляет, летят трассеры, что-то взрывается... что-то дымит... «Ёлки! Это ж мой мотор!»

– Собирай звено! Ты забыл про них. Собирай быстрее!

Андрей оглядывается зачумлённым взором, видит несколько штурмовиков, идущих перед ним, и прижимаю-

щихся к верхушкам деревьев. Быстрый взгляд по сторонам – самолёты его звена хоть и разлетелись в стороны, но продолжают сохранять какое-то подобие строя – и, главное! Все трое здесь, и все летят, все целые!

– Парни... – охрипшим, сорванным, чужим голосом Андрей обращается к пилотам своего звена, – кончай работу, уходим. Подтягивайтесь ко мне.

– Есть... есть... принято... – почти одновременно отзываются они, и Андрей видит, как все трое, продолжая совершать противозенитный манёвр по курсу и высоте, медленно, но всё же подтягиваются к нему. Собрав звено, Андрей доворачивает на маячащие перед носом несколько неполных звеньев уходящих на бреющем штурмовиков. Колонна звеньев как змея немного изгибается из стороны в сторону, давая возможность только что вышедшим из атаки самолётам догнать общий строй и пристроиться в хвост колонны. Два десятка Ла-пятых, с началом атаки оттянувшиеся вверх, вновь снижаются к идущему на бреющем строю штурмовиков. Часть из них занимает свои места по бокам колонны, часть остаётся на высоте, прикрывая их сверху. А сзади всё небо заволкло огромное тёмное облако из жирного дыма, поднимающегося от разгромленного железнодорожного узла. Во след последним самолётам, только что вышедшими из зоны зенитного огня всё ещё бессильно тянутся последние трассы 37-мм зениток, и вспухают облачка разрывов 88-мм зенитных орудий. Через несколько секунд затыкаются 37-

миллиметровки, в небе остаются только вспухающие то тут, то там кляксы разрывов крупного калибра. Но вот и он замолкает – колонна стремительно удаляется от места боя.

Несколько самолётов тащат за собой тёмные дымные хвосты. Один самолёт вдруг вспыхивает, и вываливается из строя. Десятки пар глаз напряжённо всматриваются в объятый пламенем и падающий на лес самолёт, и ждут чуда. И вот! От самолёта отваливается один тёмный комочек, некоторое время стремительно падает вниз, и... над ним раскрывается белоснежный купол парашюта! Через несколько долгих, томительных секунд самолёт беззвучно врubaется в высокие, вековые ели, сбивает с них белое облако снега и разбрасывая в стороны отломившиеся при ударе плоскости, круша ветки, валится вниз, на землю. Над верхушками ёлок расплзается тёмное, гадкое облако дыма. Парашют медленно спускается на лес... Пара истребителей отваливает от общего строя и начинают ходить кругами над тем местом, где на ветвях елей повис купол парашюта. Они делают несколько проходов на бреющем, пытаясь разглядеть, что там с выпрыгнувшим пилотом (или стрелком?) – повис ли он на стропах, или упал до земли? Жив ли он вообще?

Все, кто наблюдал за падением горящего самолёта, хмуро и сосредоточено смотрят перед собой – чудо свершилось только наполовину – спасся только один член экипажа. Второй остался в самолёте. Вечная память!

Линия фронта обозначила себя несколькими пулемётны-

ми очередями, выпущенными по первым звеньям, летящим в голове колонны. От середины колонны отделяется пара самолётов, ныряет в короткое, неглубокое пике и сходу подавляет несколько пулемётных точек. Вокруг них вскипают белые облака из фонтанов взбитого 23-мм снарядами снега, и они мгновенно затыкаются.

Ещё один самолёт с остановившимся мотором вываливается из строя и идёт на вынужденную. Садится на поле, с убранными шасси. Снова пара истребителей из непосредственного прикрытия отделяется от общего строя и начинает выразить вокруг севшего на вынужденную подбитого Ил-2. Из кабины выбираются оба – пилот и стрелок, и машут руками, мол, всё нормально, живы! Пара Ла-пятых, помахав крыльями, бросается догонять брошенный строй.

– Андрюш, ты как?

– А? – Андрей вскидывается, – а... нормально. Спасибо, Агнюшенька. Ты как?

– Норма. Чуть штаны не намочила. – хмуро ответил ему маленький Ангел.

– Испугалась?

– За тебя, дурака.

– А... ну да... я тоже. Весь мокрый, как мышь. – Андрей поводит плечами. Кажется, что всё, что было на нём надето, пропиталось потом, хоть выжимай.

Потом спохватился:

– А с чего я дурак-то?

– Да с того! Чуть в капонир с той зениткой не зарылся. Еле-еле вышел! Думать своей башкой надо!

– А чё я не думал-то?

– А и то! Какого хрена гашетки во время атаки отпустил? Надо было долбить этих гадов без перерыва!

– Так это... наводка сбилась, поправлял. Чего зря боекомплект-то впустую расстреливать?

– Да какого хрена?! Один заход! Чего экономить-то?! По любому три четверти боекомплекта к пушкам и пулемётам обратно везём. Боекомплект впустую он расстреливать не хотел, видите ли! Скажи спасибо, что ОНИ тебя не расстреляли!

– Не расстреляли же...

Агния посопела носом, но дальше отчитывать Андрея посчитала лишним. И так получил – будь здоров. Долететь бы...

Из-под капота выбивалась струя дыма – что-то там если не горело, то тлело точно. Андрей тревожно шарил глазами по приборам, особое внимание уделяя температуре масла, она явно росла – стрелка уже давно ушла в красную зону.

Самолёт плохо слушался рулей, его ежесекундно мотало то туда, то сюда – приходилось постоянно парировать рысканья самолёта ручкой управления и педалями. На крылья было страшно смотреть – видимая часть металлического центроплана была вся в пробоинах, на лобике были сплошные задиры из разорванного дюралья, кое-где в пробоинах был ви-

ден набор крыла.

Деревянные консоли имели страшный вид – в нескольких местах была сорвана фанерная обшивка, что порождало срывы потока и постоянные рысканья самолёта – он так и норовил завалиться то на правое, то на левое крыло – что держало Андрея в постоянном напряжении, заставляя его то и дело выхватывать самолёт из его нервных нырков.

– Дотянем? – тревожно спросила Агния.

– Должны. Мотор бы только не встал... масло кипит.

– Угу. Ты это... не вздумай щитки выпускать – гробанёмся¹⁸.

– Учи учёного. – буркнул в ответ Андрей.

Вдали показался родной аэродром...

---

¹⁸ если в бою самолёт получал повреждения крыла, то, как правило, пилоты производили посадку, не выпуская посадочные щитки – был риск, что один из щитков не выйдет. Если это происходило, то самолёт переворачивало на спину, и он неизбежно бился на посадке.

Глава 5. Два ордена.

На посадку заходили парами. Андрей, дымя мотором, который уже начал чихать, и не выпуская щитков, на повышенной скорости плюхнулся на полосу. Мотора хватило только на то, чтобы срулить с полосы, и всё! Он встал.

– Вот чёрт! Вовремя! Ещё бы чуть-чуть, и... – Андрей снял с головы шлемофон и вытер струящийся по лицу пот.

Агния вылезла первой, помогла сдвинуть подвижную часть фонаря:

– Ну, вылезай, Аника-воин! Ох, Андрюшенька... – охнула она, глядя на голову Андрея.

– Чё? – он поднял на неё осоловелые глаза.

– Да у тебя ж виски седые...

– Ох, ёлки-палки, горе-то какое, как же жить-то дальше буду, а? – через силу улыбнулся ей старший лейтенант. И нахлобучив на голову шлемофон, стал выкарабкиваться из кабины.

Подбежала Шурка, приняла парашют, затараторила:

– Товарищ командир! Вы только гляньте на самолёт! На нём же живого места нету! Да как же вы на нём долетели-то?

– Да как, как... чувствую падаю! Глядь, а Агнюша из кабины-то выпорхнула, да на метле! Верхом! И меня, как планер, на буксир – хватать! Вот так и тащила до самого дома... – вытирая пот со лба, отшутился было Андрей.

Агния, сделав сердитое лицо, забарабанила кулачками по его груди:

– Дурррак ты!

Андрей, дурачась, сграбастал её в охапку, приподнял и закружил. Она поджала ноги, и взвизгнув, запрокинула голову, и громко, заливисто захохотала.

Стресс требовал выхода...

– Это ж как же можно в атаку идти, когда вот так по самолёту стреляют-то? – недоумевала Шурка, осматривая самолёт, – да на нём же места живого не осталось!

Агния оттолкнула, наконец, Андрея, с хохотом вырвалась из его рук, и пытаясь отдышаться, крикнула Шурке:

– А я тебе сейчас покажу!

– Что покажешь? – Шурка подняла брови.

– А то, как он в атаку шёл.

При этих словах Агния выставила вперёд руки, как будто зажав ими ручку управления, и дурачась, выпучила глаза, выпятила вперёд губы, и выдала пантомиму:

– Ды-ды-ды-ды-ды-ды-дых!!! Ааааааа-самкаааа-собакинии! – запрокинув голову, заорала-завыла она дурным голосом.

– Чего-о-о-?! – Шурка от смеха аж сложилась пополам, надрываясь от хохота, и вытирая обильно выступившие слёзы, всхлипывая от смеха, попыталась уточнить: – что ещё за самка собаки?

– Да он стрелял, и матерился, как сапожник, во время

стрельбы! – смеясь, и кося краешком глаза на Андрея, пояснила Агния.

Шурка понимающе кивала, вытирала слёзы, мотала головой и приговаривала:

– Ну насмешила! Самка собаки! Это ж надо! Выдумщица! Он же другое кричал, я точно знаю!

Успокоившись и отсмеявшись, наконец, выдохнула и попросила:

– А расскажите, как дело-то было, страшно, наверное?

– Ещё как страшно, – хмыкнула Агния.

– Ну, расскажите, а? – начала канючить Шурка, жалобно смотря то на Андрея, то на Агнию.

– А оно тебе надо? – Агния серьёзно смотрела ей в глаза, – не испугаешься?

– Да я ничего не боюсь! – расхрабрилась Александра, – я, между прочим, уже четыре раза под бомбёжкой была! Вот где страх, так страх!

Она жалобно посмотрела на Агнию:

– Ну Агнюш, ну расскажи! Я не испугаюсь!

Агния помолчала пару секунд, потом подошла к Шурке и положила ладонь ей на лоб:

– Ну что ж... смотри. Сама хотела.

Вся окружавшая Александру действительность вдруг куда-то пропала, она оказалась в кабине несущегося к земле самолёта. В уши ворвался рёв мотора, грохот пушек. В лобовом стекле стремительно приближалась земля, а в самом пе-

рекрестии прицепа росла маленькая зенитка, стоящая в капони́ре, и вокруг зенитки суетились крохотные фигурки фашистов. Зенитка яростно плевалась вспышками выстрелов. Огненные росчерки трассирующих снарядов неслись прямо в лоб. Вот они с оглушительным звоном, высекая ослепительные искры, отрикошетили от бронированного носа, загрохотали по дюралевому центроплану, с треском вгрызлись в деревянные консоли крыла! В ноздри ворвалась вонь жжёного металла, глаза на секунду перестали видеть, уши окончательно оглохли, и лишь только тело продолжало ощущать дику́ю дрожь всего самолёта.

– А-а-а-сссу-у-у-ука-а-а!!! – услышала она, как сквозь вату, и... всё пропало!

Очнулась она, поддерживаемая Андреем. Агния стояла напротив неё и смотрела, не мигая, ей в глаза.

– Ну как, посмотрела?

– А... а... – Александра с трудом ворочала языком и моргая, ошалело осматривалась по сторонам, – а... а... а что эт-т-то бы-было? – заикаясь, спросила она, жалобно посмотрев на Агнию.

Агния серьёзно посмотрела на Шурку, махнула рукой, и ругая себя, с досадой отвернулась:

– Да ТО самое... ты ж всё хотела посмотреть. Да зря я это сделала.

Как только Шурка с ладонью Агнии на лбу дёрнулась, и закатив глаза, стала заваливаться на бок, Андрей подскочил к

ней, и подхватил её, не давая упасть. Обморок Шурки длился всего пару секунд, но и это здорово испугало Андрея:

– Агнюш, ты чего творишь-то?!

– Да дура я, не надо было этого делать! – она с досадой махнула рукой, – Расскажи, да покажи! Показала...

– Да что ты ей показала-то?

– Что, что? Видеокартинку с твоих глаз, вот чего! Плюс всё остальное – всё, что ты видел, слышал, и чувствовал в тот момент! Да вот только не надо было этого делать! Дура я, дура!

– Ёкалэмэнэ! Ты и ЭТО можешь?

– Ну а чего тут... Ничего сложного. Ты же помнишь, кто я.

– Ффффу-у-у-ух! – Андрей шумно выдохнул, и наклонился к Александре: – Шур, ты как?

Шурка потрогала свою голову, тоже шумно выдохнула, потрогала свои виски, подняла на него глаза, и с чувством произнесла:

– Ничего страшнее я не видала... И как ты там со страху не умер?! Если бы я там по-настоящему с вами в самолёте была, я бы точно со страху померла! – и криво улыбнулась.

Андрей облегчённо выдохнул, посмотрел на Агнию, и хмыкнул:

– Хы... умер... Я же мужчина, поэтому со страху умереть не могу! – и подумав, расправил плечи и гордо, с чувством добавил: – я со страху могу только обоссаться!

Дружный девичий хохот разрядил напряжённую обста-

новку.

– Ладно, всё! – Андрей устало махнул рукой, – посмеялись, и хватит! Пойдём, надо комэску доложиться.

Самолёт комэска стоял с почти оторванным килем и изрешечённым, как дуршлаг, стабилизатором.

– Ну что, спасибо тебе, Андрюха! – комэск, сняв шлемофон, вытер со лба обильно катящиеся градины пота.

– За что? – не понял подошедший Андрей.

– За что? За поддержку огнём и маневром. За то, что закопал-таки этого гада вместе с его зениткой.

– А-а... это... Так тут не мне, тут Агнюше надо спасибо говорить, – он обернулся на стоявшую тут же девушку, – это ж она меня надоумила – бей, говорит, по этой зенитке, она самая зловредная. Ну, а я что? Я и вмазал.

– А-а, так вот кому надо спасибо говорить! – рассмеялся Слава Миронов, – ишь, глазастая какая! Всё заприметила!

Капитан легонько хлопнул её по плечу:

– Молодец! Этот зенитчик-засранец двоих успел сбить, из тех, что перед нами шли. И мне, вон! – капитан кивнул на свой самолёт, – от хвоста вот такой огрызок оставил. Один! Представляете! Снайпер херов! Остальные-то так... заградительный огонь, а этот... прицельно бил. Откуда только взялся?! Если бы не вы... – он махнул рукой, – ещё неизвестно, скольких бы он ещё успел... Слов нет, ловко ты его долбанул!

– Ловко-то ловко, – хмыкнул Андрей, дёрнув уголком

рта, – да только машина вся в хлам! Хочешь, покажу?

– Так и отсюда видно. Как ты на этом долетел-то?

– Да так и долетел, всю дорогу горохом срал, боялся, что всё на хрен поотваливается.

Капитан Миронов кивнул на порванную штанину комбеза:

– А это у тебя чего? Осколком зацепило что ли? Ты не ранен?

– А-а-а, это... – Андрей поднял, согнув, свою ногу, и посмотрел на рваную дыру, – не-е, не осколком... вылезал когда из кабины, в центроплане дыра была чуть ли не в метр... не заметил, ногой ступил, да и провалился в неё, порвал вот...

И добавил с досадой:

– Зашивать теперь! И, чуёт моё сердце, самолёт спишут – там чинить уже нечего. Опять на земле сидеть...

– Да вешай нос, дадут тебе самолёт, я похлопочу. Так, всё, я пошёл на КП. Встретимся в столовой.

И капитан Миронов походкой смертельно уставшего человека пошёл в сторону командного пункта.

***

После обеда Андрей в сопровождении Агнии пошёл к самолёту.

– Ну, что Шур, сразу на списание, или ещё что-то можно сделать? – с надеждой спросил он Александру, которая с горестным видом, вздыхая, ходила вокруг самолёта.

– И-и-и, товарищ командир! – со вздохом махнула та рукой, – Кондрат Филимонович уже посмотрел, говорит, что, скорее всего, будем восстанавливать. Нету, говорит, критических повреждений конструкции. Составь, говорит, подробный список повреждений, а там посмотрим. Поможете, товарищ командир?

– Конечно, поможем.

И в течении двух часов они втроем лазили вокруг самолёта, скурпулёзно отмечая все места, нуждавшиеся в ремонте. Оторвал их от этого занятия Колька Никишин. Он подошёл деловым шагом, щелчком пальцев отбросил папироску.

– Курить около самолёта запрещено! – накинулась на него Шурка.

– А я не затягиваюсь. Чего сидите-то? Пошли! – он призывно махнул рукой.

– Куда? – не понял Андрей.

– Куда-куда, на кудыкину гору! Из штаба авиакорпуса начальство приехало. Сейчас общее построение будет.

Андрей разогнулся, и, вытирая испачканные руки ветошью, поднял брови:

– С чего это вдруг?

– Во даёт! Начальство просто так не приезжает. Или по шапке дать, или наградить! По шапке нам вроде как и не за что давать, а вот насчёт наградить... пошли, пошли, вон уже стол понесли, знамя полка вынесли, замполит идёт, строятся уже! Да давай ты быстрее!

– Ёлки-палки! – Андрей поспешно отряхнулся, сзади за рукав его дёрнула Агния:

– Стой, дай морду вытру тебе! – и она принялась что-то оттирать с его лица.

***

Дальнейшее Андрей помнил только фрагментарно: знамя полка, стол, покрытый красной материей, и поставленный прямо на утоптаный снег, на столе маленькие коробочки с наградами. Генерал в папаше, стоящий рядом с командиром полка. Замполита, толкающего зажигательную речь, начальника штаба, зачитывающего приказ о награждении, шеренгу лётного состава полка, выстроившуюся напротив стола и командного состава полка.¹⁹

Очнулся он только от толчка Агнии в бок. Она потянулась губами к его уху и негромко произнесла:

– Готовься, сейчас ты.

– ...Старший лейтенант Чудилин! Выйти из строя! – как сквозь вату услышал Андрей.

Ноги сами собой вынесли его вперёд на два шага вперёд.

– ... За образцовое выполнение боевого задания Орденом Отечественной войны первой степени награждается...

Ноги сами несли его к столу, покрытому красной материей. Левая рука сама приняла коробочку с орденом, правая

---

¹⁹ Процедура награждения в строевом авиаполку могла и отличаться от того, что написано. Автор не обладает всей полнотой знаний в этой области, поэтому могут быть ошибки.

крепко пожала протянутую руку генерала.

– Поздравляю, товарищ старший лейтенант!

– Служу трудовому народу!

Начальник штаба вновь опустил глаза к бумаге с приказом о награждении.

– Сержант Чудилина! Выйти из строя!

– ... За образцовое выполнение боевого задания в составе экипажа Орденом Отечественной войны первой степени награждается... Чудилина Агния Николаевна, борт-стрелок второй эскадрильи...

Агния, чеканя шаг, подошла к командиру полка и приняла коробочку с орденом, вскинула правую руку к шлемофону.

– Поздравляю, товарищ сержант!

– Служу трудовому народу! – ответила она звонко и отчётливо, так что слышали её даже в самой дальней шеренге, где стояли техники, мотористы и прочие группы обслуживания.

Сияющая от распирающих её эмоций, как новенький полтинник, Агния, чеканя шаг, вернулась в строй, и встала рядом с Андреем, сжимая в руках коробочку с орденом. Не удержалась, встала на цыпочки, и быстро чмокнула Андрея в щеку.

***

Полчаса спустя Андрей, поймав комэска, отвёл его немного в сторону, и спросил:

– Слав, это что, неужто за ту самую зенитку? Там же ничего особенного не было!

Слава Миронов хмыкнул:

– Нет, не за зенитку. А по совокупности. Пока ты там у своего аэроплана возился, тут пару часов назад генерал с авиакорпуса на Эмке приехал, с адъютантом, и говорит: вы тут сами знаете, кто у вас наиболее отличившиеся, сами списки и составьте. Ну, пока комполка с замполитом его там чаем поили, комэски с начштаба сели, и быстренько списки набросали. Да чего там долго думать-то? Все и так знают, кто и как воюет. Так что – по совокупности.

– Так а чего там по совокупности... вроде ничего же особенного...

– Слушай, Андрюха, вот честное слово, ты – как пацан нашкодивший! «Ничего не было, ничего особенного не делал!». Агнюша вон, и то... вон, смотри, как улыбается! Всё понимает девка!

И видя, что Андрей по-прежнему молчит, стал загибать пальцы:

– По совокупности это: во-первых – мессер у немцев из-под носа угнали? Угнали! Это раз! Во-вторых – на танке воевали? Воевали! Это два! Ну, и, потом... сколько у тебя боевых вылетов на штурмовку? Тридцать пять?

– Тридцать семь. – подсказала сидевшая рядом Агния.

– Вот! Тридцать семь! А за двадцать пять успешно-боевых вылетов уже положено этот орден давать! Ну, я тебя и

вписал. А что, считаешь, не заслужил? Да и не одного тебя награждали! Наградили многих. Ладно, всё, давай, я пошёл, а вы сверлите дырки, и вешайте! Заслужили!

И он скорым шагом удалился.

Андрей повернул голову и встретился глазами с взглядом Агнии.

– Ну, чего ты? – ласково спросила она его.

– Да если по-честному, то оба эти ордена тебе на грудь вешать надо. Это не я, это ты заслужила. Оба.

– Нет, Андрюша, не скромничай. Это твоя честная награда. А я... – она вдруг засмеялась, – а я... а я, похоже, буду первым ангелом, которого наградили Орденом во время отбытия наказания! Это ж надо! – она опять расхохоталась, – ангелам ордена не положены! Я ж тут совсем не этим должна заниматься! Ох, дадут мне там по шапке! Ох, чувствую, и дадут!

Она покачала головой и потянулась к груди Андрея:

– Ладно, герой, давай-ка дырочку тебе сделаю! – и она, ловко расстегнув три пуговики на его гимнастёрке, неуловимо быстрым движением, не имея ничего острого в руке, как будто даже голым пальцем (Андрей так и не заметил, как она это сделала) проткнула маленькую дырочку для ордена.

Глава 6. Контуры будущего.

Вечером, поле ужина, когда все, приняв «боевые 100 грамм», после тяжёлого дня уже устало разбрелись кто куда, Андрей с Агнией дошли, наконец-то, до своего домика, служившим им временным жилищем. Андрей бухнулся на кровать и, закинув руки за голову, мечтательно спросил:

– А что, действительно, война в мае сорок пятого закончится?

– Истинно так. – серьёзно кивнула ему в ответ Агния.

– Эх, скорей бы! – вздохнул Андрей, и добавил: – я бы не возражал, чтобы и побыстрее.

Агния улыбнулась уголком рта:

– Побыстрее не получится. Будет так, как и должно быть.

Андрей перевернулся на бок, подложил кулак под подбородок:

– А вот я помню, в начале сорок третьего мне один спец говорил, он на Калининском фронте то ли воевал, то ли что-то испытывал, так вот, он говорил, что скоро новая модификация «Ишака» появится, с мотором в две тыщи лошадей.

– Ну, и? Так и не появился? – Агния изогнула красивую бровь.

– Так и не появился... – вздохнул Андрей, и добавил: – набрехал, наверное. А то б хороший самолёт получился бы!

Андрей помолчал раздумчиво, и добавил:

– Я ж на «Ишаке» воевал. У меня с М-62 был... Тыща лошадок. Оно вроде и ничего, но всё равно не хватало – с мессером на вертикалях не потягаешься. А вот была бы там не одна, а две тыщи... Вот это да! Да такой И-16 от любого мессера мокрое место оставил бы! Эх, жаль, что брехня...

Агния ухмыльнулась, и вдруг со знанием дела выдала:

– Да не-е... не брехня. Был такой самолёт. И аккурат на Калининском фронте проходил войсковые испытания.

Андрей аж вскинулся, привстав с кровати. Разинув рот, он с изумлением внимал рассказу Агнии.

– Правда, это был не совсем «Ишак». Этот самолёт был развитием исходного «Ишака», – Агния неспешно вводила Андрея в курс дела, – та же самая концепция – скоростной моноплан минимальных размеров. Назывался И-185, того же КБ, конструктор – Поликарпов. Чисто внешне – что-то среднее между И-16 и Ла-5. Испытывался с разными моторами, и две тыщи, и две двести.

– О! Было ещё и 2200 лошадей?! – Андрей вскинулся и усевшись на кровати по-турецки, приготовился слушать.

– Ага.

– Ну, так и где этот... как его, И-185?! Где похерили-то?! – возмущению Андрея не было предела.

– А вот похерили. И причина – тот самый мотор, вернее, его недоведённость. Их два было, назывались М-71 и М-90. Мощу-то они выдавали, а вот работать так, как надо, не хотели. Да и завода не было свободного для запуска в произ-

водство. Попробовали на него М-82 поставить, он послабее. Ну, поставили, характеристики, естественно, снизились. А тут уже и Ла-5 с этим же мотором подоспел. И разница уже не такая большая получалась. Короче, для НКАП Ла-5 оказался удобнее.

– НКАП – это кто или что? И почему Ла-5 удобнее?

– НКАП – Народный Коммисариат Авиационной Промышленности. А с Ла-5 всё просто – их могли продолжать делать на тех же заводах, на которых до этого делали ЛаГГ-3. Крыло, хвост, задняя часть фюзеляжа те же, что и на ЛаГГе, оснастку менять не надо, темп выпуска не снизился. Вот тебе и ответ.

– Жа-а-а-алко... – протянул Андрей, – а вот если бы запустили, мы бы дали фашистам прикурить! И глядишь, война бы пораньше закончилась.

При этих словах Андрей опять откинулся на подушку, заложил ладони под затылок, и мечтательно уставился в потолок.

– Если бы да кабы, во рту выросли грибы. – подытожила свой рассказ Агния.

– Ну, хорошо, фиг с ним, с этим И-185. Не получилось, так не получилось. А расскажи мне, какие самолёты будут лет через десять? Ну, или там... через 20 или 30, а?

– Ишь ты, какой любопытный! – рассмеялась Агния, – любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

– Так знаешь, или нет? – Андрей чуть было даже не рас-

сердился, – хватит за нос меня водить, рассказывай, коли знаешь чего!

– Да знаю, знаю! – расхохотался его Ангел-хранитель. – ну, и что конкретно ты хочешь знать?

– Ну вот... ну вот... к примеру... какие штурмовики будут через... через... э-э-э... через 30 лет?

Агния мечтательно и загадочно улыбнулась, подняла лицо к потолку, картинно нахмурила лоб, приставив к нему палец. Вытянула трубочкой губы и... скосила лукавым глазом на Андрея, как бы играя с ним.

– Ну не тяни уже, ведь знаешь же! – Андрей изнемогал от любопытства.

Она ещё раз стрельнула на него глазом, и демонстративно вытянула к нему свои губы:

– А ты меня поцелуй!

Андрей выдохнул, и подскочив на кровати, метнулся к ней и сделал то, что она просила.

Она, смеясь, толкнула его обратно на кровать, прыгнула к нему, и тоже уселась, скрестив ноги, по-турецки, у него в ногах, и помучив его своим игривым взглядом, наконец, изрекла:

– Ну, слушай! Су-25 будет создан в ОКБ Сухого в 1975 году.

– Это... это... а, вспомнил! Есть же такой самолёт Су-2, лёгкий одномоторный бомбардировщик! Этот же конструктор? Этот Су-2 навроде нашего Ила, только без брони, и мо-

тор звездообразный! – проявил свои познания в авиации Андрей.

Агния кивнула.

– Ну, и? Су-25. Штурмовик? Или просто, как Су-2, бомбардировщик, сколько у него полётный вес, нагрузка?

– Штурмовик. Полётный вес шестнадцать тонн, боевая нагрузка – 4400 кг.

– Сколько?! – Андрей аж подскочил на кровати.

– Четыре четыреста. В ассортименте – бомбы, реактивные снаряды и... прочее.

Андрей поднял глаза к потолку, что-то напряжённо подсчитывая, через пару секунд ошалело посмотрел на Агнию:

– Это ж сколько «соток» к нему можно подвесить?! Сорок четыре штуки?! Или ЭРЭСов? Получается, что один этот твой Су-25 поднимает столько же, сколько восьмёрка Илов!

– Ну, 4400 – это максимальная загрузка, обычно поменьше, но восемь десятков 80-мм ЭРЭСов для него – штатный вариант.

– Это ты про РС-82? – решил уточнить Андрей.

– Не совсем. Там будут уже другие ЭРЭСы. Посерьёзнее: хоть калибр и тот же, но гораздо длиннее – вместо 60 см уже полтора метра, вес вдвое больше, скорость тоже вдвое, выше точность, дальность. Ну и боевая часть посерьёзнее.

– Вот это да!!! – изумился Андрей.

Потом спохватился, и снова стал её мучить:

– Ну, а скорость-то сколько, наверное, шестьсот... или...

– Тыща. – последовал мгновенный ответ.

– Тыща?! Километров в час?! Не врешь?!

– Так, – Ангел, услышав такое обвинение, тут же решил обидеться, и надул губки: – я тебе, засранец ты этакий, хоть раз врала?!

– Да нет, – стушевался Андрей, – я это так, с перепугу... Неужто такое возможно? Что ж там за мотор? Сколько ж там тысяч лошадей?

Ангел демонстративно отвернулся, и скрестил на груди руки. Прошлое нежно поцеловать Агнию за ушком, за что Андрей был ею мгновенно прощён, и разговор продолжился, как ни в чём ни бывало:

– Ну, тыща, или чуть поменьше... Сути это не меняет. На поршневом моторе такую скорость не развить, на Су-25 двигатели реактивные, и их два. Мощность реактивных двигателей измеряется не в лошадках, так милых твоему сердцу, а килограммах тяги. Тяги там до дури – 4,5 тонны умножить на два, то есть в сумме девять тонн. – и видя круглые, изумлённые глаза собеседника, перешла к прочим характеристикам самолёта: – Машина отличная, кабина бронированная, из титанового сплава, с любого ракурса держит попадание из крупнокалиберного пулемёта, а с наиболее опасных ракурсов пилот защищён и от попадания 30-мм снарядов.

– Это сколько ж там миллиметров плита стоит?

– Спереди и с боков – по 24 миллиметра, снизу – 10, сзади – от 10 до 17.

– Это ж тяжесть какая! Фиг подыметь! У нас на Иле бронекорпус тоньше втрое-вчетверо: где пять миллиметров, где шесть, и то тонну весит! – озадаченно поднял брови Андрей.

– Да не особо там и тяжелее – чуть больше тонны, практически то же самое, что и на нашем Иле.

– Да ну! Ведь 24 миллиметра! Как так?

– А вот так! Я ж говорю – броня титановая, титан-то он лёгкий, но прочный. И при этом заметь: бронёй там не только пилот прикрыт, а и баки, и прочие системы. Су-25 самолёт вообще трудносбиваемый.

– Вот это да! Вот бы хоть парочку таких в наш полк получить! Мы бы фрицам перцу под хвост насыпали! – размечтался Андрей.

– Ишь, губу раскатал! Подожди 30 лет, тогда и получишь! – сощурился в ответ Ангел-хранитель.

– Так все фашисты уже кончатся, ты сама говорила, что в мае сорок пятого мы в Берлине будем!

Агния грустно улыбнулась, помолчала, покачала головой, и невесело изрекла:

– А ты думаешь, на этих самых фашистах враги нашего Отечества закончатся?

Андрей молча и озадаченно уставился на своего Ангела-хранителя.

Агния пояснила:

– Ну ты сам вспомни, историю-то в школе учил: и печенеги были, и половцы, и татары, тевтонцы, ливонцы, турки,

шведы, поляки, французы. И всем что-то от нас надо было. И все от нас получали. По соплям. Так что немцы не последние, будь спокоен. Да и фашисты эти... говно не тонет. Вылезут ещё...

Андрей со вздохом откинулся на подушку:

– Да понял я, понял. Эх, знать бы, как он выглядит, этот твой Су-25...

Агния хмыкнула, наклонилась к нему, положила Андрею на лоб свою прохладную ладонь:

– Закрой глаза и смотри.

Андрей послушно закрыл глаза, и...

Вспыхнуло яркой голубизной небо, поплыли по нему белые кучевые облака. Он оглянулся вокруг, посмотрел по сторонам, вниз... прямо под ним, метрах в тридцати, виднелась земля. Захватило дух, защекотало где-то в районе копчика: была полная иллюзия, что он... просто висел в небе!

Не успел он испугаться, как возникшие вдали две точки быстро увеличиваясь в размере, стремительно приблизились, и превратилась в пару стремительных, красивых до безумия самолётов, идущих у самой земли. В то мгновение, когда один из них, издавая рвущий уши пронзительный свист (реактивные двигатели! – вспомнились слова Агнии), приблизился к Андрею, всё вдруг остановилось, как будто кто-то большой и всесильный нажал на «паузу». Самолёт замер в считанных десятках метров от изумлённого Андрея.

Острый, хищный, похожий на щучий, нос, широкие распластанные крылья, высокий киль, трёхцветный камуфляж, небольшие красные звёзды на плоскостях и киле, увесистые гроздья боевой нагрузки, подвешенной на пилонах под крылом. Время, чудесным образом остановившееся на пару секунд, снова рвануло вперёд – самолёт с раздирающим уши грохотом ушёл вперёд, заваливаясь в правый вираж, и показав серо-голубое брюхо. На пару мгновений Андрей увидел крыло самолёта снизу: оно было почти прямое, с небольшой стреловидностью, всё увешанное средствами поражения на добром десятке пилонов, чем отдалённо напоминало расчёску с толстыми и редкими зубьями.

Мгновение...

и Андрей, как по волшебству, оказался в кабине этого фантастического самолёта!

Он тут же закрутил головой, жадно рассматривая устройство кабины: так, приборная доска, шкалы приборов, ага, вот авиагоризонт, топливо, высота, скорость... вроде всё понятно! Ещё несколько не совсем понятных приборов. Глаз отметил наличие на мощном переплёте фонаря, справа и слева пару зеркал заднего обзора, отметил про себя «удобно!». Профессионально оценил обзор из кабины вперёд-вниз, как превосходный – нос короткий, опущен вниз, кабина приподнята, вправо/влево-вниз тоже лучше всяких похвал, атакуемая цель должна быть как на ладони!

А на лобовом стекле были те самые ярко-зелёные меточки и цифры, точь-в-точь такие же, как давеча ему на его лобовом стекле в Ил-2 изобразила Агнюша. Метки плавали, цифры перещелкивались. Андрей вспомнил: слева сверху скорость, справа сверху – высота. Так вот откуда она всё скопировала-то! С этого самого Су-25!

Но самым удивительным было не это, а то, что прямо перед ним, внизу была ручка управления с кучей кнопок наверху, и за неё держалась рука пилота, который реально управлял самолётом! Левая рука пилота, как и положено, лежала на ручке управления двигателем. И этот пилот был не Андрей! Андрей в этом реалистичном, цветном кино, волею Агнии, был просто зрителем, просто мухой, случайно залё-

тевшей в кабину этого удивительного самолёта из будущего.

Пилот-ас вёл самолёт на предельно малой высоте, прижимаясь к земле. Смазываясь от скорости, назад уходили поля, поля, узкие лесополосы, редкие одноэтажные домишки, промелькнула труба теплостанции. Скорость, по прикидке Андрея была никак не меньше, чем 650...700км/ч.

Пилот ввёл штурмовик в левый вираж, сделал небольшую, короткую горку. И плавно работая ручкой сделав несколько точных, ювелирных движений, загнал какое-то строение в прицел, подождал несколько мгновений, и... самолёт мелко задрожал, освобождаясь от нескольких десятков реактивных снарядов, отправленных массированным залпом к цели. Вся кабина осветилась всполохами вспышек от тугих снопов пламени, оставляемых длинными, как карандаши, ЭРЭСами, стартующими вперёд, к цели. Дав залп, лётчик тут же дал резкий крен влево, заваливая машину в крутой левый вираж, но Андрей успел увидеть, как вся свора реактивных снарядов, оставив за собой толстый жгут из дыма, кучно легла точно в цель, накрыв её сплошным облаком разрыва, и подняв воздух обломки того, что секунду назад было большим кирпичным домом.

И... в следующую же секунду Андрей опять оказался лежащим на кровати, и в ногах его, скрестив ноги по-турецки, сидела Агния.

– Уфффффф! – выдохнул Андрей, вытирая со лба выступившие бисеринки пота.

– Ну что, полетал?

– Мать же ж твою растак... Милая моя, ты бы хоть преудеждала...

– Что, от восторга чуть не обделался?

Андрей заулыбался, покрутил головой:

– Ещё б немного, и...

– Как машина?

– Хорошая машина, хорошая!!! Жаль, что только через тридцать лет! – и, сгорая от любопытства и нетерпения, затеребил её за рукав: – ну, миленькая моя, ну, что ТАМ ещё такого интересного будет, а? Ну, вот, истребители какие там, бомбардировщики, а? Да! И ещё это, не через 30, а поближе, лет через 10-20?!

– Ох, настырный ты мой, летун ты мой неугомонный, ну, смотри, уж коль так тебе невтерпёж...

Лёгкая прохладная ладонь опять коснулась лба, Андрей послушно смежил веки, и... и понеслось! Да-а-а... такого кино он ни в каком кинотеатре не видел!

Мимо него с душераздирающим, рвущим барабанные перепонки, рёвом проносились хищные, стремительные птицы с отклонёнными назад крыльями. Одни на бреющем проносились над самой землёй, огибая складки местности, лавируя между холмами, другие, сверкая полированным дюралем на боках, стремительно ввинчивались в небеса.

А голос Агнии «за кадром» спокойно и профессионально комментировал то, что происходило «на экране»: «...сред-

ний бомбардировщик Ту-16. Поднимется в небо в 1952 году. Полётный вес – 79 тонн, нагрузка – 9 тонн, дальность – 7000 километров, скорость – 1050 км/ч. МиГ-21 – фронтовой истребитель, поднимется в небо в 1958 году. Полётный вес 7 тонн, скорость до 2200 км/ч. МиГ-25 – перехватчик, Скорость – до 3000 км/ч, потолок – 21 километр. Полётный вес – 44 тонны. Поднимется в небо в 1965 году...»

Сотрясая землю богатырским рёвом огромных, соосных винтов на четырёх моторах, прямо над головой пронёсся гигантский бомбардировщик, неся свой худой, бесконечно длинный фюзеляж, как бы повисший между двух отклонённых назад огромных, размашистых плоскостей в полсотни метров размахом. Мелькнуло над головой, отбрасывая тень, огромное стреловидное хвостовое оперение. Глаз успел «зацепиться» за две турели, одна на пузе, вторая – в хвосте. Из каждой турели грозно торчали стволы крупнокалиберных пушек.

Агния продолжала бесстрастно комментировать: «... дальний стратегический бомбардировщик Ту-95, поднимется в небо в 1953 году. Полётный вес – 172 тонны, нагрузка – 30 тонн, дальность – до 15000 км, четыре турбовинтовых двигателя по 15 тысяч лошадиных сил, скорость – 880км/ч.»

Колоссальный бомбардировщик, оставляя за собой четыре струи мощного выхлопа, напористо пошёл в набор высоты, и сотрясая округу низким рокотом своих огромных винтов, скрылся вдали.

Андрей распахнул осоловелые глаза:

– Вот это Кино! Как на танке до Берлина! Аж сердце ходуном ходит!

– Понравилось? – расплылась в улыбке Агния.

– А то!

– Ну, спать уже пора! – и она уже было вознамерилась снова положить ему ладонь на лоб, но Андрей перехватил её руку и попросил с мольбой в голосе:

– Подожди, подожди! Про танки ещё хочу, про танки покажи, чего там, в Пашкиной-то епархии в будущем произойдёт?! Мы ж с тобой и на танке повоевать успели, разве не интересно?!

– Ох ты ж! Поди-кась, и танки ему подавай! Лётчик-танкист... Ну, ладно, смотри уж, только от радости не обкакайся.

Снова прохладная ладошка на лоб, и снова вихрь видений: он видит знакомый ему Т-34, мчащийся по полю, и вдруг картинка начинает плыть, трансформироваться. Башня у тридцатьчетвёрки вдруг слегка потолстела, а ствол пушки удлинился. Внизу на пару секунд появилась яркая надпись – Т-34-85, 1944 год. Поле с пылью, поднятой танковыми гусеницами убежало назад, а обновлённый Т-34-85, прыгая на неровностях почвы, оставался в центре кадра. Вдруг он как-то как будто присел, стал ниже, башня съехала ближе к корме, ствол опять удлинился – и тут же, снова на пару секунд, мелькнула надпись – Т-44, 1945 год. «Эволюция! Развитие исходного Т-34!» – понял Андрей.

А кино продолжало стремительно разворачивать перед его глазами завораживающее зрелище: танк всё также стре-

мительно мчался по полю, прыгая на ухабах, но у него снова поменялась форма башни, потом снова и снова, пока не стала похожей на перевёрнутый тазик. Появлялись и тут же исчезали, сменяя друг друга, титры – Т-54, Т-55, Т-62, Т-64, Т-72, Т-80... Танк по ходу фильма обрастал какими-то ящиками, коробочками, бортовыми экранами, на корме появилось что-то цилиндрическое, похожее на топливный бак. Наконец, танк замедлил свой бег, и рыкая с подсвистом мощным мотором, подъехал ближе. Повёл длинным-предлинным стволом.

Андрей стоял, весь покрытый испариной, дрожа всем телом от возбуждения – танк будущего стоял перед ним, и во всём его облике читался неукротимый порыв, богатырская мощь, воля к победе.

И тут же, как с самолётом, Андрей волей кинорежиссёра оказался внутри танка! Огляделся – вот командир, вот наводчик, вон, впереди, как и положено, видна спина полулежащего в кресле мехвода. Андрей повёл вокруг себя взглядом, жадно присматриваясь к деталям внутреннего интерьера и ища боекомплект... «А! Вот он!» – его глаза упёрлись в обтекаемые тушки здоровенных снарядов под ногами. «Не меньше, чем 122 мм!» – мелькнула в голове мысль. И тут же, мгновенно отзываясь на неё, внизу быстро проскочила подсказка-надпись от Агнии: «калибр – 125 мм». Снаряды были расположены по кругу, остриями в центр, наподобие того, как расположены патроны в плоском диске у пулемёта

Дегтярёва. Где-то в глубине, рядом со снарядами, угадывались и вертикально стоящие толстые цилиндры пороховых зарядов. «Где же заряжающий?» – Андрей ещё раз окинул взглядом боевое отделение танка: вот командир, вот наводчик, вон там, впереди, спина мехвода. Где заряжающий?!

Но его размышления прервал гул электромотора, карусель со снарядами под ногами пришла в движение, провернулась на несколько градусов, и после этого произошло невероятное! Какая-то подвижная, жутко быстрая хрень, с металлическим лязгом лихо выдернула один снаряд из боеукладки. Затем она каким-то единым, гибко-змеиным движением, как живая, сначала неуловимо-быстро развернула его носом вверх, прижав его к вертикально стоящему пороховому заряду, а затем потащила всю связку вверх, раскладывая-располагая их друг за другом (снаряд впереди, пороховой заряд, как и положено, сзади!), и развернула в одну линию – на линию заряжания. И всё это – за какие-то считанные, 2-3 секунды, глаз едва-едва успел зафиксировать последовательность действий. Тут же какая-то быстрая и длинная металлическая штуковина, мелькнув перед глазами, шустро дослала всю эту связку в ствол, и мгновенно убралась на исходную позицию. Суставчатая блестящая рука, только что подавшая выстрел на линию заряжания, уже пустая, с громким металлическим лязгом сложилась пополам, и тоже очень быстро нырнула обратно вниз, готовая к подаче следующего выстрела.

Бабах! Оглушительно грохнуло танковое орудие.

И... Андрей снова оказался в комнате, ошалело поводя глазами из стороны в сторону!

– Ох.... ёлки.... – только и смог выдохнуть он под смешливым взглядом своего Ангела.

– Ну-у? Как, понравилось? – склонив голову набок, спросила девушка.

– Ох ты... ёлки-моталки... там было... это, как его, там такая штука... как живая, такая – хоп! – Андрей попытался показать руками то, что он только что видел. – Снаряды в ствол сама, как уголь в топку кидает! Хрясь, и всё! Заряжающего не надо!! Представляешь?!

Агния расхохоталась:

– Представляю? Конечно, представляю! Автомат заряжания называется. Будет стоять на всех советских танках лет этак через 25-30. На Т-64, Т-72 и Т-80. Я тебе показала восьмидесятку.

– Ахххринеть! Агнюшенька, милая, а мне ещё вот что покажи... – начал было Андрей, но прохладная ладошка легла ему на разгорячённый лоб:

– Всё, всё, орёл, хватит, спать пора, завтра не свет, ни заря вставать! Спи уже!

И она легонько стала давить ему на лоб, принуждая опустить голову на подушку. Андрей схватил её обеими руками за запястье и взмолился:

– Агнюшенька, милая, солнышко моё! Ну, ладно, буду, буду спать! Но ты мне хотя бы во сне покажи что-нибудь ещё

интересное, чего я ещё не знаю про будущее, ну, пусть мне это приснится, а?

– Ладно, уговорил. Но только в виде сна. Спи.

Она провела ладонью ему по разгорячённому лбу. Раз, другой... Андрей закрыл глаза, и секунд через десять мерно засопел, проваливаясь в свой удивительный сон.

***

...цепочка людей шла по каменной тропе вдоль невысокой каменной гряды. Шуршали мелкие камешки под ногами, мягко постукивали по камням неподкованными копытами тяжело гружёные ишаки. Относительно ровная, высохшая долина разрезалась почти пополам небольшой, быстро текущей речкой. Справа и впереди, в паре километров виднелись уже недалёкие горы. Сухая, потрескавшаяся земля то тут, то там была усеяна валунами и редкими, высохшими от зноя кустиками. Сверху, вися прямо над головой, нещадно палило ослепительное южное полуденное солнце. Лица людей были бородаты, по ним струился пот, из-под нависших больших, чёрных бровей выглядывали злые, колючие глаза. И все до одного были буквально обвешаны оружием. Чего тут только не было! Английские магазинные винтовки начала века, пара ППШ, две трёхлинейки... Глаз зацепился за здоровенный маузер в деревянной кобуре. Но больше всего на их плечах было странных, и безумно красивых в своей гармоничной и технической законченности автоматов. Они выделялись из разнообразия прочего стрелкового ору-

зия своим широким, загнутым дугой магазином и высокой мушкой на кончике ствола. Во всём ладном, функционально законченном облике автомата безошибочно угадывалось что-то исконно своё, родное, русское.

«АК-47 – автомат Калашникова, 1947 год» – где-то сбоку, на пару секунд мигнули титры от Ангела-Хранителя.

Ишаки, понукаемые погонщиками, спотыкаясь на больших камнях, с трудом тащили вьюки с поклажей. На спинах двух ишаков безошибочно угадывались две тяжеленные туши крупнокалиберных ДШК²⁰. Станки от них и патронные коробки с боекомплектом везлись следом. Ещё несколько ишаков были нагружены непонятным грузом, в котором выделялись три длинных, полутораметровых тёмно-зелёных ящика с скруглёнными гранями .

И внешний вид, и поклажа, а, главное, обилие личного оружия на руках не оставляли никаких сомнений, кто это такие.

«Басмачи» – почти безошибочно определил Андрей.

Из-за недалёких гор послышался низкий, рокочущий гул. Над хребтом показалась быстрорастущая точка. Через несколько секунд показалась вторая, чуть дальше, идущая следом. «Идут парой». Самолёты? Но нет, это были не самолёты! Невидимый и всесильный режиссёр сна-фильма, в который он был погружён, дал увеличение на летящие объек-

---

²⁰ Советский крупнокалиберный пулемёт (12,7мм). Дегтярёв Шпагин Крупнокалиберный.

ты – пространство рванулось навстречу, оба объекта увеличились, так что их уже стало возможно рассмотреть. На первый взгляд то, что летело навстречу, более всего напоминало мешок с картошкой, к которому зачем-то приделали с боков пару палок. Палки были наклонены вниз, и на обоих висело что-то округлое, наподобие яблок, по два с каждой стороны. Венчал всю эту нелепую конструкцию огромный горизонтальный пропеллер, относительно медленно вращавшийся. За пропеллером угадывался ещё один, поменьше, расположенный вертикально. Солнце, слепившее глаза, и дымка не позволяли детально рассмотреть летящие объекты, но было понятно и так – ничего подобного Андрей доселе не видел!

Сзади, за спиной, раздались гортанные крики людей, громкие, лающие команды. Из всего многообразия и мешанины криков ухо смогло выделить только многократно повторённую десятками глоток фразу: «Шайтан-арба! Шайтан-арба!»

Андрей оторвал взгляд от быстро растущих точек и обернулся – отряд рассыпался, рассредоточился, выюки с оружием были тот час скинуты на землю, пара ДШК под крики команд уже водружалась на разлапистые станки, затрещали-завязкали тяжёлые клыкастые ленты с калибром 12,7, заправляемые в приёмные окна пулемётов. Каменная гряда, вдоль которой шёл отряд, видимо, скрывала караван от пилотов необычных летающих машин, в любом случае обе увеличивающиеся точки курса своего не изменили, и никак не показывали, что обнаружили возникшую угрозу. Расчёты же крупнокалиберных пулемётов, проявив удивительную слаженность, уже развернули свои стволы в сторону приближающегося противника.

Отдельная группка «басмачей» споро орудовала около странных длинных ящиков. Под нарастающий гул приближающихся странных летающих объектов «басмачи» быстро вынули из ящиков три длинные трубы. К трубам тут же были пристёгнуты прямоугольные коробки непонятного назначения, там же снизу у коробок притулились пистолетные рукоятки.²¹

---

²¹ ПЗРК «Стингер». Но Андрей не знает, что это такое.

«Фаустпатрон! Улучшенный, зенитный!» – стрельнуло в голову у Андрея, ориентировавшегося на известные ему понятия. Один из «басмачей» вскинул трубу себе на правое плечо, правой рукой ухватился за пистолетную рукоятку, левой откинул какую-то крышку на прямоугольной коробке. Второй номер тут же вогнал какой-то толстый стакан в круглое гнездо снизу у коробки. Крутнул, защёлкнул, что-то гортанно крикнул, указывая рукой на приближающиеся объекты. Стрелок прильнул глазом к откинутой крышке, выждал ещё пару-тройку секунд, и... с резким хлопком из трубы вырвалось длинное и тонкое жало, и с гулом, на огромной скорости, оставляя за собой дымный хвост, устремилось в небо!

Ёкнуло сердце – сейчас попадёт! Нет! Промажет! Дымная рука с навершием из огненной точки явно промахивалась – обе летающие машины синхронно заложили крен, уходя с траектории полёта ракеты. Но, чудо! Ракета тоже повернула! И через секунду жახнула мгновенной яркой вспышкой огня и облаком тёмного разрыва, на долю секунды скрыв цель.

Упало сердце – подбили! И, чёрт! Ракета маневрирует, и сама находит цель!! Невероятно!!

Подбитая машина, дымясь, отвалила в сторону, и неуверенно переваливаясь с боку на бок, но всё ещё держась в воздухе, стала разворачиваться. За ней тянулся дымный шлейф, отбрасываемый вниз продолжавшим вращаться основным пропеллером.

«Аллах акбар! Аллах акбар! Аллах акбар!» – хором, в сотню глоток, беснуясь, завывала-завопила толпа. Андрей в отчаянии обернулся – у них ещё две таких ракеты! И точно! Ещё двое «басмачей» вскинули трубы себе на плечи! Андрей в крайнем возбуждении замахал руками, заорал, желая предупредить пилотов второй машины: «Вправо, вправо уходи! Прижимайся к земле!!»

Пилот оставшейся машины, как будто услышав его отчаянную мольбу, резко бросил машину в правый крен, разворачивая её боком. Резкой хлопок за спиной, удаляющийся гул – вторая ракета жадно устремилась к своей цели. Летающая машина, стремительно нырнула вниз, уходя от ракеты, и она... промазала! Повихлявшись в полёте туда-сюда, словно прицеливаясь, куда бы половчее клюнуть, ракета проскочила за хвостом машины и ушла «в молоко»! Снова хлопок, снова гул реактивной струи за спиной, и уже третий дымный хвост устремился в небо. Рокоча огромным винтом, машина заложила ещё один вираж, и тут от неё в обе стороны полетели несколько огненных точек, оставляя за собой волни-

стые дымные следы, и повисая в воздухе. Третья ракета воткнулась в ближайшую огненную точку и хлопнула вспышкой и облачком разрыва. «Они на тепло наводятся! Сами!» – догадался тут же Андрей. «А пилот обвёл зенитную ракету вокруг пальца, отстрелив какие-то специальные зажигательные штуки!». А машина уже разворачивалась для атаки.

Наконец, Андрей смог рассмотреть необычную машину в деталях – солнце уже не било в глаза, а освещало её сбоку, позволяя рассмотреть мельчайшие подробности. То, что изначально при виде спереди показалось Андрею аляповатым грузным мешком, превратилось в изящную зализанную летающую машину с хищным горбатым силуэтом – своим опущенным к земле носом она как бы, как и полагается летающему хищнику, что-то рассматривала на земле, ища свою будущую жертву. Длинный, узкий хвост, увенчанный небольшим пропеллером, пара коротких, отклонённых вниз крыльев, как будто согнувшихся от подвешенной к ним боевой нагрузки, висевшей на четырёх пилонах. В придачу к этому – пара лупоглазых, округлых кабин, наподобие шарообразных блистеров на турелях у бомбардировщиков, расположенные уступом, ступенькой, одна за другой. Сбоку, справа, выступая за обрез круглого, обтекаемого носа, торчит пара стволов крупного калибра с пламегасителями. Шасси ни в каком виде не просматривались. Наверху, на выделяющемся обтекаемом горбе с низким рокотом вращался, неся на себе мощную, явно тяжёлую машину, огромный винт, метров

15-20 в диаметре! Вся машина была покрыта пятнистым песочно-зелёным камуфляжем, брюхо было светло-голубым. И на борту, прямо за крылом, ярко горела красная звезда в белой окантовке!!

«Наши!!!» – завопила ликующая душа Андрея. – «Наши!!!»

Первая же машина, принявшая в себя зенитную ракету, оставляя за собой жирный, дымный след, и выпуская на ходу шасси, пошла на вынужденную посадку. За спиной оглушительно загрохотали, жадно пожирая ленты из коробов, два крупнокалиберных ДШК, пытаясь добить повреждён-

ную машину. Машина грузно шлёпнулась на каменистый грунт, спружинили стойки шасси, не выдержав, одна из них подломилась. Машина начала тяжело заваливаться на этот бок, вращающийся винт зацепил, ударил своими лопастями землю, мгновенно вздыбил вверх кучу ошмётков грунта и поднял тучу пыли, из которой в разные стороны разлетались камни и обломки лопастей.

– Аллах акбар! Аллах акбар!! Аллах акбар!!! – снова визгливо взывала, беснуясь, толпа «басмачей». Но ликование их было недолгим – буквально через пару секунд из висящего над подбитой машиной облака пыли вырвался тусклый, за пылью, сноп огня и рой ярких, красных светлячков рванулся в сторону позиций «басмачей». Огонь был неприцельный, ливень крупнокалиберных пуль, перекапывая землю и дробя камни в мелкую щебёнку, полоскал вслепую, вверх-вниз, наискосок, налево-направо, просто «в ту сторону», но всё же подавляя огонь двух тут же заткнувшихся крупнокалиберных ДШК «басмачей». Зрение Андрея снова волшебным образом дало увеличение, приблизив его к скрытой облаком пыли подбитой машине. Пространство снова рванулось навстречу, и машина, упавшая примерно в километре от каравана «басмачей», теперь находилась совсем близко, только протяни руку! Поднятая пыль уже стала рассеиваться, и всмотревшись, Андрей увидел, что под носом подбитой машины находится шарообразная турель, в которой с бешеной скоростью вращался блок из нескольких стволов, изры-

гая из себя то самое море огня и посылая вперёд лавину пуль, с невообразимой скорострельностью, так, как будто в одну точку свели десяток работающих крупнокалиберных пулемётов. Уши разрывались от оглушительного рёва, более всего напоминающего работу апокалиптической дисковой пилы. За стеклом круглого пузыря передней кабины сидел, завалившись вперёд, раненый, весь в крови стрелок, посылающий «последний привет» врагам. Но тут же, из рассеивающегося облака пыли подскочили двое и стали вытаскивать раненого товарища из кабины. Из задней кабины, расположенной чуть выше, распахнув дверь, медленно (тоже ранен!) стал выбираться ещё один член экипажа, видимо, пилот. Откуда-то, из уже почти опавшего облака пыли выскочили ещё двое, с ручными пулемётами, и прикрывая отход товарищей, ударили прицельно по гряде, за которой засели «басмачи».

Снова загрохотали два ДШК за спиной, пытаясь смешать с землёй бегущие от подбитой машины фигурки людей, тащивших двух раненых пилотов. Им вторили десятки стволов в руках остальных бандитов, посылая сотни пуль в сторону бегущих людей – древние английские винтовки, ППШ, автоматы АК-47, даже длинноствольный немецкий маузер, с пристёгнутым деревянным прикладом, включился в общую огневую вакханалию. Бандиты так увлеклись коллективным забоем оставшихся русских, что за общим грохотом не услышали, что скрывшаяся было за недалёкой возвышенностью увернувшаяся от двух управляемых ракет выжившая

«шайтан-арба», вдруг внезапно вынырнула! Машина сделала «горку», и напористо попёрла на караван, зайдя с тыла. С замиранием сердца, ликуя, Андрей следил за тем, как многотонная машина легко и изящно, с минимальным радиусом, выполнила крутой вираж и вышла на боевой курс.

«Ну! Ну! Ну же! Вмажь им по соплям!» – стиснув зубы, молил Андрей. «Басмачи» заорали, засуетились, принялись спешно разворачивать по горизонту стволы крупнокалиберных пулемётов, сыпанули туда из всей стрелковки, что у них была на руках, но – поздно!

В этот момент советская винтокрылая машина окуталась клубами дыма, и из под её коротких, склонённых вниз крыльев рванулась вперёд всесокрушающая стая ЭРЭСов. Несколько десятков длинных, смертоносных карандашей! Через пару секунд всё пространство вокруг каравана и рассредоточившихся бандитов вскипело от разрывов! Казалось, что взорвался сам воздух, сама земля! А стремительно приближающаяся машина ещё и щедро добавила из пары крупнокалиберных автоматических пушек. Уши заложило от оглушительного, валящего с ног грохота, в грудь и живот упруго толкнула взрывная волна, сложившаяся от множества взрывов ЭРЭСов, визгливо и погано просвистели осколки. Кувыркаясь, мимо пролетела оторванная нога и куча каких-то тряпок и ошмётков.

И над всем этим, уже почти прямо над головой, прибывая дым и порхающие в воздухе ошмётки нисходящим вниз ту-

гим потоком могучего винта, неслась винтокрылая машина. Рёв двигателей машины и рокот её винта пригибал к земле, свист турбин выворачивал уши – машина пронеслась прямо над Андреем, сокрушительная, как Божья кара. Это был ступок энергии, воплощение боевого могущества.

На пару секунд изображение остановилось – режиссёр его сна дал ему возможность рассмотреть чудесную машину во всех, самых мельчайших подробностях: Андрей увидел и нагар на стволах пушек, и щели на створках шасси, и всё-всё-всё, до последней заклёпочки!

Затем машина снова рванула вперёд, выпустила шасси и плавно приземлилась в десятке метров от груды камней, за которой укрылся экипаж первой, подбитой машины. При этом чудесная винтокрылая машина села совсем без пробега, вертикально! Погасив скорость перед посадкой до нулевой, она просто мягко плюхнулась на каменистое плато! Такого Андрей ещё не видел! Засевшие за камнями люди тут же рванули к севшей машине. У неё сбоку, в борту откинулись створки люка, и, сначала подав туда, в нутро машины, обоих раненых пилотов, все шустро запрыгнули внутрь машины. Пилот дал газ, и машина легко оторвавшись от земли, (опять же!) вертикально взлетела!

«Своих не бросаем! Наши парни, советские!» – ликовал Андрей.

Но что же это за машина? Которая может и взлетать, и садиться вертикально, без полосы? И которая одна мощнее,

чем звено штурмовиков Ил-2? Да ещё и с отсеком для десантников?

Что это? На языке вертелись авиационные термины, но подобрать подходящий, отражающий суть увиденной машины, никак не получалось. Винтолёт? Винтокрыл? Вертоплан?

«Вертолёт» – где-то сбоку появился титр-подсказка от режиссёра его сна. И следом, не удержавшись, режиссёр сна дал некоторые нужные уточнения: «Ми-24 – боевой вертолёт, поднимется в воздух в 1969 году. Полётный вес – 11,5 тонн, боевая нагрузка – 2400 кг, прозвища: «крокодил», «полосатый», «горбатый», «вертушка». Место действия – Афганистан, 1985 год, и не басмачи, а душманы. Или проще – дүхи».

Андрей с блаженной улыбкой провалился в ещё более глубокий сон, без сновидений, и последней его мыслью в этом реалистичном сне было – «эх, мне бы такой вертолёт!»

Глава 7. Мамонт.

– А я тебе говорю, что шесть моторов! Шесть, Илья! – горячился старший сержант Коля Никишин, – и называется он Мамонт! Понял? Мамонт! Шесть моторов!

– Да я что, спорю, что шесть моторов? – спокойно парировал старший лейтенант Илья Кутеев, – да, шесть, никто не спорит. Да только не «Мамонт» он, а «Гигант». Понял, дурья твоя башка?

– Какой, к херам собачьим, Гигант, ежели Мамонт?! Ты его морду видел? Воооо, какая! – и Николай, разведя руки на полметра от своей головы, что-то старательно изобразил. При этом он выкатил глаза и надул, как мог, щёки.

Все, кто стояли вокруг, и слушали увлекательный спор двух приятелей, схватились за животы, и покатались со смеху.

– Что, вот прямо так? Так и выглядит? – еле уняв хохот, спросил Андрей Чудилин.

– А ты зря смеёшься, Андрюха! – засунув руки в карманы комбеза, спокойно ответил Коля, – ты не представляешь, какое мурло у этого мамонта! С сарай размером! И пулемёты во все стороны торчат!

– О чём спор-то? – спросил подошедший только что старший лейтенант Лёха Авдеев. Его забинтованная рука висела на перевязи – несколько дней назад он был ранен, и теперь,

временно отстранённый от полётов, изнывал от тоски и безделья. А тут представился такой подходящий случай развеять свою грусть-тоску.

– Да Колька тут говорит... – начал было объяснять Илья, но Колян его перебил:

– Дай я скажу! Дай я!

Илья махнул рукой, мол, что с дурака взять... И Коля продолжил:

– Да приятель рассказал, из 135-го Шап. Они южнее воюют. Встрелились тут случайно... Так вот, появились, говорит, у немчуры такие гигантские шестимоторные транспортники, они, говорит, танк, как нефиг делать поднимают! И подробно так его описал! Крылья – во! – Колька-егоза широко, как только мог, развел в стороны руки, харя – во! – он опять изобразил, как выглядит «харя», надув щёки, и выпучив глаза, – и шесть моторов, представляешь! Мамонтом называется!

Он обвёл глазами присутствующих и победно улыбнувшись, добавил:

– А вот Ильюха не верит. Дурак.

– Сам ты дурак! – снисходительно ухмыльнулся старший лейтенант Кутеев, – я что, спорю с тобой что ли, насчёт шести моторов?

– А насчёт чего ты споришь?

– А насчёт того, что ты – чалдон! Слышал звон, да не понял, откуда он! Есть такой самолёт у немцев. Транспортный,

шестимоторный. Но называется он не «Мамонт»!

– Вот те раз! – картинно поднял брови Колька, – ты хоть раз настоящего-то мамонта в глаза видел?

– Откуда? Они ж все передохли давным-давно!

– Во-о-от! – победно поднял палец старший сержант, и обвёл глазами улыбающихся слушателей, – Ильюха-то у нас откудава? – спросил слушателей Коля, и сам же себе ответил: – с под Курска он. А значит, в музее зоологическом не был. А я – Ленинградский. А стало быть, в музее том был, и мамонта того там видел. Понятное дело, что чучело, но ведь как живой! Лохматый, не то, что слон! Вот такая ряха! И бивни – во!

– Да причём здесь бивни и ряха того твоего мамонта?! – начал терять терпение его оппонент.

– Да при том, что вчера я этого мамонта живьём видел!

– Лохматого, и с бивнями? – уже в голос реготали все присутствующие.

– В небе! В небе я его видел! Мы, когда вчера эскадрильей от цели уходили, я его на юге заметил! У меня ж зрение, как у орла! Тихохонько так, медленно, гад, крался! Над самыми верхушками деревьев! Но точно он! Морда толстая, шесть моторов, размашистый такой...

Я Славке говорю, вон говорю, смотри, а он мне: «и что? Боекомплекта-то нет, и топливо на исходе – только домой вернуться». В другой раз, говорит. Вот так! А ты, Илья, не веришь! У комэска спроси, он его тоже видел!

– Да верю я тебе, верю! – терпеливо, как ребёнка, стал его успокаивать Илья, – есть такой у них самолёт. Но называется он – «Гигант». Но и «Мамонт» у них тоже есть. Вернее был, – подумав, поправился его собеседник, – и не самолёт это был, а планер. Не получился он у них, не полетел. Говно,

короче, а не планер. А «Гигант» этот – тоже попервой планером делали. Да что-то у них там не заладилось. Вроде, как таскать его нечем у них было, больно тяжёлый он получился, вот и наловчились они на него моторы ставить. И вот, пойдёшь ты – летает!²²

– Тьфу ты, энциклопедия ходячая! – сплюнул Коля, имея больше весомых аргументов в споре, – ладно, пусть будет «Гигант»... – он пожевал потухшую во время спора папироску, перекинул её языком справа налево, и задумчиво так подытожил спор: – ну, и что, теперь эта падла толстожопая будет тут вот так спокойно летать? Если встретим, то... что?

– Завалим! – уверенно кивнул Андрей, и слегка толкнул локтем стоявшую рядом Агнию, – как, Агниюша, завалим, или нет?

– Пусть только попадётся! – не моргнув глазом, подтвердил его стрелок.

Все дружно рассмеялись...

– Чудилин – на КП! – ещё издали проорал бегущий к

---

²² Предметом спора двух приятелей является немецкий тяжёлый транспортный самолёт Me-323 «Гигант», который действительно, изначально создавался как гигантский планер для переброски техники через Ла-Манш. И Илья прав насчёт того, что у немцев был и планер «Мамонт», создававшийся на фирме Юнкерс для той же самой цели. Но проект оказался неудачным. И его закрыли. А Me-323 провоевал всю войну, в том числе и на Восточном фронте. В конце 1943 года несколько «Гигантов» базировались под Варшавой, и совершали транспортные полёты в том числе и в районе Житомира. Один из таких транспортников, видимо, и попался на глаза комэску Миронову и его стрелку Никишину.

ним посыльный, – со стрелком! И эта... – посыльный пере-
вёл дух, – вас тоже, товарищ старший сержант, – обратился
он к Коле Никишину.

– Ох, ёлки... – встрепенулся Андрей, – ну, наконец-то...
Агнюша, Колян, пошли!

Вся троица, провожаемая взглядами остальных, поспе-
шая, быстрым шагом потопала на КП.

Пока шли, Андрей радостно потирал ладони:

– Похоже, весёлое дельце предстоит! Видать, что-то се-
рьёзное!

После долгого перерыва в полётах ему хотелось проявить
себя, он рвался в бой, словно стараясь наверстать упущен-
ное.

Агния его восторгов не разделяла – она молча шла, хму-
рилась, и о чём-то напряжённо размышляла, словно решала
какую-то архиважную задачу.

Проходя мимо группы вооруженцев, они услышали:

– Смесь в гидротормозе пушки у него, видишь ли, замер-
зает! Потому как бестолковкой своей подумать не хочешь, и
делаешь всё, как по инструкции написано!

– А как же иначе? Инструкцию, чай, не дураки писали!
Пушки новые, 37 миллиметров, не зря же новые машины с
этими пушками к нам на войсковые испытания пригнали?
Вот морозом и испытали. Стало быть, не додумали конструктора,
пусть модернизируют, чтоб пушка и на морозе стреля-
ла исправно, без отказов!

– Дак это ж когда ещё будет!

– А нам какое дело? Сами напортачили, сами пусть и исправляют!

– Да я ж тебе говорю: ты всё по инструкции делаешь, боишься шаг в сторону сделать, а вон, в первой эскадрилье, не далее как вчера, одну рацуху придумали, и уже пробные отстрелы сделали, и всё работает! Несмотря на мороз!

– И что они там, в первой, нахимичили?

– А и то! Взяли и слили из гидротормоза заводскую водо-глицериновую смесь, а залили спирто-глицериновую, и всё! Аля-улю! Работает, как швейцарские часы!

– И какой пропорции у них смесь?

– Известно, в какой: одна часть глицерина на девять частей спирта.

– Так это ж чистая спиртыга! Они ж спецом такую рецептуру сочинили, чтобы под это дело...

Разговор за расстоянием смазлся, стал невнятным и затих вдаль. Самое интересное осталось неслышанным. Но Агнию и Андрея в данный момент занимали совсем иные проблемы... Николай было притормозил, напряжённо лоя новости по весьма близкой ему теме, но, вняв долгу, махнул таки рукой, и порысил за товарищами на КП.

***

– Вот здесь, – палец командира полка упёрся в точку на карте, – южнее Житомира, есть несколько удобных площадок, – он поднял глаза и обвёл взглядом присутствующих, –

где-то на одной из них, а может, и не на одной, а на двух-трёх, у них организованы временные аэродромы подскока. Сесть, заправиться, и снова в бой. Радиус у Фокке-Вульфа небольшой; отсюда и отсюда, с основных аэродромов базирования, – палец комполка пополз по карте, – лететь им далеко. Да и долго. А они уже третий день появляются внезапно. То тут, то здесь. Вчера соседи передали – утром возвращалась шестёрка Петляковых²³, всё спокойно было, тут выскочили эти черти из облаков – восемь штук! Один заход – из шестёрки только пара Пе-вторых и осталась. Да и те едва-едва до дома доползли...

– А прикрытие? – нахмурил брови комэск капитан Мионов.

Командир полка оторвался от карты, взял в руки карандаш, выпрямился:

– А что прикрытие? Бросились на них, да куда там?! Те по газам – и в пике... Второго захода делать не стали – зачем?

Командир эскадрильи поджал губы, и мрачно кивнул:

– Ну да. В пологом пикировании Фоккер от Яка завсегда уйдёт.

– Да там не Яки – там Кобры²⁴ были. Да что толку?

Андрей, поймав на себе взгляд командира полка, согласно

---

²³ Петляков, Пешка – советский двухмоторный пикирующий бомбардировщик Пе-2

²⁴ Кобра – американский истребитель P-39 «Аэрокобра». Поставлялся нам по Ленд-лизу.

кивнул:

– Ага. Фоккер, если разгонится, да ещё в пологом пике, вообще тяжело догнать. А Кобры эти ещё на сопровождении были – скорости нет... пока раскочегарились, тех уже и след простыл.

– И сегодня утром эти гады уже успели отметиться. Вот здесь, – командир указал кончиком остро очиненного карандаша в ещё одну точку на карте, – и опять сбитые. Соседи послали Пешку с опытным экипажем в сопровождении четвёрки истребителей. На разведку. Вернулся только один истребитель. Потрёпанный, говорят, донельзя. Еле дотянул. Та же самая картина, говорит, четвёркой вывалились из облака, пока мы с ними сцепились, говорит, ещё пара снизу подбралась... – комполка раздосадовано стукнул тупым торцом карандаша по столешнице, вздохнул, и подытожил: – ну, и... финита ля комедия.

Командир полка молча и требовательно посмотрел сначала на капитана, потом на старшего лейтенанта.

Молчание нарушил командир эскадрильи:

– Задача ясна: вылет парой на разведку. Кровь из носу, а аэродром подскока этих самых Фоккеров найти.

Командир полка кивнул:

– Прокладывайте маршрут, загружайте боекомплект, вылет – через 20 минут. Пойдёте вдвоём, прикрывать вас будет звено Лавочкиных²⁵. Весь маршрут идёте на бреющем,

---

²⁵ Лавочкин – советский истребитель Ла-5.

Лавочкины – выше. Они – ваши глаза и ваше прикрытие. При обнаружении аэродрома подскока ваша задача – произвести фотосъёмку. Это минимум. Если получится, то атаковать. Повторяю! – командир полка посмотрел в упор сначала на комэска, потом на Андрея Чудилина, – повторяю! Если получится. Ваша основная задача: обнаружить аэродром подскока и доложить по радио о месте его расположения.

Майор Беляев помолчал, как будто решая, надо ли договаривать то, что всё же надо было сказать... И поколебавшись, всё таки договорил:

– Район поиска немаленький, удаление от нашего аэродрома приличное – будут проблемы с радиосвязью, тем более, что пойдёте на бреющем. Дальность устойчивой радиосвязи будет ещё меньше. Поэтому, – комполка пристально посмотрел на обоих лётчиков, и закончил свою речь, чеканя каждое слово: – Хоть один. Должен. Вернуться. И доложить. Если получится сделать фотоснимки – вообще полный ажур.

Капитан и старший лейтенант молча и синхронно кивнули.

– Боевая загрузка – АО-25 и РС-132. Вылет, – комполка вскинул руку и посмотрел на часы, – через 18 минут. Всё.

Лётчики, козырнув, развернулись и пошли к выходу. Агния и Николай, стоявшие во время всего разговора на КП чуть поодаль, и не принимавшие участия в разговоре, тоже отдали честь, и развернувшись, вышли вслед за своими пилотами.

Вышли, капитан Миронов закурил.

– Слав, здорово, что вдвоём полетим! Слушай, а почему ты решил взять в пару меня, а не Ильюху Кутеева? – спросил Андрей, – он же намного опытнее меня.

– Всё просто, – пыхнув папиросой, философски изрёк командир эскадрильи, – летим не к теще на блины, всякое может случиться...

Он помолчал, и добавил:

– А надо, чтобы на месте остался человек, способный повести эскадрилью вместо меня. Илья сможет, ты – пока не готов. Ясно?

– Так точно.

– Ну вот и ладушки. Пошли прокладывать маршрут. Фотоаппарат тебе на машину уже ставят... А у меня и так есть²⁶. Пошли!

---

²⁶ Чаще всего панорамные фотоаппараты (для фиксации результатов удара по наземным целям) ставились на командирские машины.

Глава 8. Их восемь, нас двое.

«Я этот небесный квадрат не покину,
Мне цифры сейчас не важны.
Сегодня мой друг прикрывает мне спину,
а значит, и шансы равны».

В. Высоцкий.

Низкая зимняя облачность закрыла аэродром. Снежные заряды накатывались на взлётку один за другим. Гнулись от сильного ветра верхушки сосен, окаймлявших поле аэродрома. Температура упала до минус пятнадцати градусов. Дождавшись лёгкого просветления, с заснеженной взлётки стартовала пара штурмовиков.

Высоту набирать не стали, пошли, прижимаясь к верхушкам деревьев, и держась под нижней кромкой облачности. Мотор тянул уверенно, привычно низко рокоча на крейсерском режиме. Сильно болтало. Андрей привычно удерживал самолёт на курсе, держась правее и чуть сзади ведущего. Чтобы удержаться за ведущим, приходилось постоянно работать ручкой газа, то сбрасывая, то немного поддавая оборотов двигателю. Глаза время от времени быстро пробегались по приборам, привычно контролируя температуру масла и воды в радиаторе. Мерный рокот мотора убаюкивал, но проносящаяся прямо под крылом земля не давала

расслабиться. Самолёт слегка потряхивало воздушными потоками. Тихонько побрякивали, распластавшись к отсекам крыла, длинные, клыкастые, 150-снарядные ленты к пушкам. Угрюмо насупившись, слегка колыхались в крыльевых бомбоотсеках 16 штук 25-килограммовых осколочных бомб АО-25.

Агния сидела на ремне, нахохлившись, как маленький воробей. Сбоку от неё, на левом борту, висел, притороченный парой быстро сбрасываемых хомутов (спасибо, тебе, Шурка!) пистолет-пулемёт ППШ, привезённый после того памятного рейда на танке. Её лётные очки были надеты, воротник поднят, но это не спасало от пронизывающего ветра, который задувался сбоку в кабину стрелка. Мерзло лицо, дубели руки в лётных перчатках. Она время от времени снимала руки с пулемёта, разминала пальцы, сжимая и разжимая ладони, быстро растирала себе побелевшие щёки. Что-то ей подсказывало, что сегодняшней вылет будет очень и очень непрост.

А для кого-то может оказаться и последним...

Сразу после взлёта она уже привычно перевела свою сферу восприятия информации на предбоевой сверх-режим. Сразу увеличилось потребление энергии организмом – полез вверх пульс, подскочило давление, расширился диапазон зрения, обострился слух, мышцы налились силой. Нащупав ауру Андрея, сидевшего спиной к ней в полутора метрах, и отделённого от неё бензобаком и 12-мм бронеплитой, она

легко подключилась к его зрительному нерву, и вывела картинку с его глаз себе на внутреннее зрение. Теперь она визуально контролировала обе полусферы – переднюю и заднюю...

Медленно текли минуты...

Пара штурмовиков вынырнула из сплошного снежного марева, облачность стала выше, появились разрывы в облаках, кое-где даже стало проглядывать голубое небо.

«Привет, горбатые!» «Здорово, маленькие!» – услышала она короткий радиообмен.

Ещё раньше она протянула тоненькую незримую ниточку мыслесвязи к голове Андрея, и теперь, помимо снимаемой с его зрительного нерва видео-картинки, она также прекрасно слышала и всё, что приходило из эфира в его наушники.²⁷

И точно, в нескольких сотнях метров от них нарисовались две пары советских широколобых истребителей Ла-5ФН. Одна пара присоседилась сбоку, вторая забралась повыше, и оттянулась назад, прикрывая их с задней полусферы.

Сохраняя радиомолчание, шесть самолётов, наматывая километры пространства на свои винты, упорно двигались по намеченному маршруту. Перед линией фронта ведущий плавно поддал газу и увеличил скорость до 360 километров

---

²⁷ стрелок имел по СПУ связь только со своим пилотом. Пилот же мог по СПУ переговариваться со своим стрелком и, переключаясь с СПУ на рацию, также мог держать связь с другими пилотами. Но стрелок, подключённый только к СПУ (самолётное переговорное устройство), разговора своего пилота с другими пилотами слышать, естественно, не мог.

в час. Линию фронта пара штурмовиков пересекла над обширным лесным массивом и держа скорость, близкую к максимальной. После пересечения линии фронта та пара Лавочкиных, что была их в непосредственной близости, ушла в набор высоты. Впрочем, не теряя пару Илов из виду...

Пара Илов опять сбросила обороты и пошла на крейсерских 300 км/ч, начав поиск. Истребители шли выше, на пятистах метрах, двумя парами, держа дистанцию между парами около 200 метров. Задняя пара шла чуть выше. Обе пары Ла-пятых шли, поддерживая скорость около 400 км/ч, и как борзые гончие, петляли зигзагами. Это давало им возможность не только уравнивать свою скорость с более тихоходными Ил-2, но и постоянно контролировать заднюю полусферу.

Медленно текли минуты... Уже десять минут самолёты шли над территорией противника.

Разворот. Пять минут полёта. Ещё разворот... Поиск...

Быстро проплывают под крылом поля, реки, и лес, лес, лес, лес...

Очередной разворот, и...

Смешиваясь с шумами эфира в голове Ангела прогудел голос командира звена Лавочкиных:

«Истребители противника! Слева, девяносто! Взлетают! Два, нет, четыре штуки! Атакуем!» И две пары Лавочкиных, как голодные хищники, почуявшие кровь, резко развернулись, и поддав газу, ревя 1850-сильными моторами, разгоня-

ясь в пологом пикировании, решительно пошли в лобовую атаку навстречу взлетающим немецким истребителям.

За пару секунд до этого Ангел мгновенно, не теряя ни секунды, перешёл из предбоевого в максимальный гипер-режим. Скачком расширилась сфера восприятия, в голове появилась объёмная картина боя, с красными отметками своих самолётов, и с фиолетовыми – взлетавших немецких. Их было много, очень много... Маленьких, злых, вёртких, ощутимо опасных, по самую пробку заряженных смертью! И – одна толстая, жирная, медлительная фиолетовая муха, которая, поднатужась всеми шестью моторами, только-только оторвалась от земли, и сейчас медленно-медленно набирала высоту, готовая вот-вот показаться над верхушками высоких, вековых елей...

– Андрюша! Вот он, аэродром! – услышал Андрей в голове напряжённый голос Агнии. Но он уже всё понял и сам – слева, где-то в километре от них, из-за кромки леса, как пробки из шампанского, один за другим стали выскакивать вверх, резко набирая высоту, толстомордые, с худыми хвостиками, силуэты Фокке-Вульфов!

Один, второй, третий! Сколько же их там?! Четвёртый! Пятый!

Одновременно с этим через помехи эфира в наушниках раздался злой и весёлый голос комэска:

– Вот он, аэродром подскока, Андрюха! Мы его нашли! Они клюнули! Атакуем с ходу!

И самолёт комэска, поддав скорости, вошёл в лихой левый вираж. Андрей двинул вперёд ручку газа, облегчил винт²⁸ – двигатель взыв от радости, и с рёвом, наращивая скорость, потащил вперёд шеститонную машину. Ускорение вдавило в спинку сидения, в груди гулко забилося сердце, адреналин хлынул в кровь, мышцы налились силой.

Четвёрка Лавочкиных свалилась с высоты на взлетавших Фоккеров, сходу сбила двоих, но остальные, избежав первого удара, быстро и нахраписто набирали высоту с явным намерением завязать потасовку. Лавочкины, в первой атаке сбив пару Фоккеров, не ввязались в бой на виражах, а сразу свечкой ушли вверх, разменяв скорость на высоту. А пара штурмовиков, продолжая идти на бреющем, и держа направление на то место, откуда один за другим взлетали Фокке-Вульффы, уже почти вышла на свою цель. И тут... из-за кромки леса показалось ЭТО...

– Мамонт!! Славка, Мамонт!! Тот самый! Вали его! – услышал командир эскадрильи по СПУ голос своего стрелка, Коли Никишина.

Но он уже и сам всё видел: медленно-медленно, с натугой набирая высоту над верхушками вековых елей показалась аляповатая туша гигантского шестимоторного самолёта.

---

²⁸ облегчить винт – уменьшить его шаг, т.е. угол атаки лопастей. На крейсерском режиме для экономии топлива лётчик убирает обороты двигателя и увеличивает шаг винта. На боевом режиме – наоборот, уменьшает шаг, но поддаёт газу, увеличивая обороты двигателя.

– Некогда! – отрезал он, – главная цель – аэродром!

Увидел этого огромного монстра и Андрей. Вид его был фантазмагоричен: толстый, ребристый, носатый фюзеляж с массивными обтекателями шасси, из-под которых торчала целая батарея колёс. Пузатая, уродливо раздутая, носовая часть плавно переходила в длинный, и относительно тонкий хвост, увенчанный размашистым стабилизатором и высоченным килем. Шесть кургузых звездообразных моторов, казавшихся крошечными на гигантском, распластавшемся крыле, хлопотливо вращали винты, с натугой тянувших за собой всю эту неповоротливую махину.

«Вот он, тот самый «Гигант»!» – пульнула в голове быстрая мысль.

– Андрей, не отвлекайся! – как выстрел, прозвучал в голове, отдавшись резонансом в черепной коробке, ультима-

тивный голос Ангела, – через пять секунд выход на цель!

И точно! Ровно через пять секунд перед парой штурмовиков, идущих на бреющем, и едва не сшибающих верхушки с елей, пространство раздвинулось, и открылась большая и свободная от деревьев поляна. Самолёт комэска сделал короткую и резкую горку, набирая необходимую высоту и гася скорость. Андрей вслед за ним с усилием выжал ручку на себя, задирая нос самолёта.

Опять требовательный голос в голове, опять подсказка:
– Ты забыл включить фотоаппарат! Быстрее!

Левая рука тянется к тумблеру включения панорамного фотоаппарата, спешно поставленного техниками перед вылетом.

Под крылом проскочила опушка леса. Краем глаза Андрей заметил, как от центра поля, в сторону опушки бегом движутся несколько десятков фигурок немцев, таща за собой на каких-то то ли санках, то ли волокушах, вертикально стоящие на них деревья.

«Так вот оно что! – осенило Андрея, – вот почему этот аэродром никак не могли обнаружить! Немцы расставляют по полю эти волокуши с торчащими деревьями, и аэродром сверху кажется поросшей редкими деревьями площадкой, совершенно непригодной для взлёта и посадки! А когда надо, они оттаскивают их в стороны, освобождая взлётку! Хорошая маскировка!»

В голове, выметая из неё весь мусор ненужных сейчас

мыслей, снова загрохотал голос ангела:

– Андрей, не отвлекайся! Атака!!!

Андрей энергично отдал «баранку» от себя – нос самолёта полез вниз, нацеливаясь на поляну, тело привычно оторвалось от чашки сиденья и на пару секунд зависло на привязанных ремнях.

– Ох, ёлы-палы! Сколько же их тут! – ошарашенно воскликнул Андрей, увидев аэродром. На площадке стояли в два ряда несколько десятков Фокке-Фульфов-190. Многие из них стояли уже с работающими моторами, рядом с ними копошились крохотные фигурки техников. Несколько штук разбегались по полосе.

А прямо на них, метрах в восьмистах, взлетала четвёрка Фоккеров. Они уже несколько секунд, как оторвались от взлётки, успели убрать шасси, и сейчас, усиленно дымя моторами на взлётном режиме, энергично набирали скорость и высоту... Самолёт комэска, шедший впереди в сотне метров, уже сошелся с ними в одну линию, лоб в лоб.

– Фоккеры, идут прямо на нас! Атакуем! – услышал Андрей в наушниках выкрик командира.

И сразу за этим нос ведущего Ила окутался дымными вспышками – комэск бил в лоб ближайшего к нему взлетающего Фокке-Вульфа. Рванувшиеся вперёд трассы опутали толстолобый силуэт немецкого истребителя, мгновение, и он, разбрасывая крылья, объятый пламенем, кувырнулся вниз.

Второго срезал Андрей. Пилот Фоккера хоть и успел ответить, но пучок его трасс, рассыпавшись веером снизу вверх (стрелял-то, задирая нос!), так и не дотянулся до самолёта Андрея. Проскакивая мимо него, Андрей увидел, как переворачиваясь через крыло, тот стремительно падал на высокие, вековые ели. Третий и четвёртый благополучно ушли, свечой ввинтившись в небо...

Тут же проснулись несколько батарей зениток, обозначивших себя трепещущими огоньками вспышек. К самолётам потянулись веники трассеров...

А с самолёта ведущего, нацелившегося на один из рядов стоявших самолётов, уже всюю сыпались вниз 25-килограммовые осколочные подарки. И тут же, с секундной паузой, необходимой для поправки прицела, последовал залп ЭР-ЭСов. Андрей повернул вправо, и зашёл под косым углом к правой стоянке, на которой в данный момент обреталось не менее дюжины Фоккеров. Секунда, другая, – ряд стоящих на земле истребителей противника растёт в сетке прицела, ещё секунда... первые в ряду самолёты скрылись под капотом его мотора. Пора! Сброс!

Мелко и дробно задрожал фюзеляж, освобождаясь от четырёх центнеров смертельного груза. Боковое зрение ловит в левое окно, как левая стоянка, атакованная командиром эскадрильи, вся покрывается вспучившимися разрывами сброшенных осколочных бомб и реактивных снарядов. Мелькает удовлетворённая мысль «у меня должно быть

также!»

Впереди растёт в размерах, набегая на самолёт, груда 200-литровых бочек и штабеля каких-то ящиков, от которых стремительно разбегаются маленькие фигурки фашистов. Чуть повернув нос самолёта на эту кучу фашистского добра, Андрей вгоняет её в центр прицела и нажимает кнопку пуска ЭРЭСов. Четыре реактивных снаряда калибра 132мм, с тяжким рёвом срываются с подкрыльевых направляющих и наперегонки несутся вперёд, оставляя за собой четыре дымных хвоста. И через пару секунд все четыре огненные стрелы упираются в выросшую в прицеле массу бочек и ящиков... И вдруг! Прямо по курсу рывком вспухает огромное оранжево-чёрное облако, стремительно расширяясь, и выбрасывая в стороны огненно-дымные протуберанцы. Андрей подаёт газу, и что есть силы тянет «баранку» на себя, пытаясь перемахнуть эту чёрно-оранжевую стену из огня и дыма. В следующее мгновение самолёт резко бьёт взрывной волной, подбрасывая, как на гигантском ухабе! Несколько секунд, показавшимися ему вечностью, Андрей отчаянно работает всеми рулями, пытаясь удержать самолёт, который, как пушинку, стало кидать во взбесившемся пространстве.

По крыльям и бронекорпусу застучали какие-то массивные ошмётки, поднятые взрывом с земли. Справившись с болтанкой, и проскочив облако взрыва, Андрей выскочил на чистое пространство. И прижимаясь к верхушкам, втопив

газ до максимума, понёсся прочь от аэродрома, стремясь как можно быстрее выйти из зоны поражения зенитного огня.

Поискал глазами ведущего.

– Слева, слева ведущий! – опять в голове гремит подсказка Агнии.

И тут же из наушников сквозь шумы эфира:

– Андрюха! Я слева от тебя, подтягивайся! Нехило так у тебя рвануло!

И повернув голову, Андрей видит, что действительно, слева от него в пятистах метрах, идёт, буквально прижимаясь к земле, самолёт ведущего. Выскочив после атаки аэродрома чуть левее, чем Андрей, командир эскадрильи попал на естественную длинную прогалину между двумя лесными массивами, снизился до самой земли, и теперь шёл ниже уровня деревьев, всего в нескольких метрах над землёй. За хвостом его самолёта на заснеженной земле вихрем вздымался длинный снежный шлейф. Его-то Андрей сначала и увидел, а уж потом разглядел и самолёт ведущего.

Андрей плавно довернул влево, с намерением пристроиться к командиру. Быстро обернулся назад через левое плечо – сзади поднимался к небу жирный столб дыма от их атаки. Не отрывая левой руки от ручки газа, щёлкнул тумблером «приём-передача»:

– Слышь, командир! Ловко мы их!

И тут же вспомнил:

– Чёрт, жалко этот жирный кабан от нас ушёл!

– Да никуда он не ушёл, вон он, в разрывах облаков ползёт!

И точно! Подняв глаза вверх, Андрей увидел, как буквально в километре от них, почти прямо по курсу, из большого низкого облака на чистое пространство медленно выплыла аляповатая туша гигантского транспортника. Он делал судорожные попытки набрать высоту и скрыться в спасительной облачности.

Андрей нажал тумблер радиосвязи:

– Атакуем, командир?

– Атакуем!

И самолёт ведущего довернул на цель и полез в набор высоты.

– Андрюша! – сзади раздался требовательный и какой-то очень-очень тревожный голос Ангела, – ну его к бесу, пусть летит! Пошли домой! Целее будем!

– Агнюш, я не могу! – Андрей давно уже не нажимал кнопку СПУ, он просто говорил, и Ангел, сидящий за бронеперегородкой, его прекрасно слышал, – я не могу. Приказ!

– Скажи Славе, что нужно идти домой! Пусть этот толстопуз дальше летит! У меня на сердце неспокойно, – быстро застрекотала она, пытаясь до него достучаться, – беда уже идёт! Они уже бросились за нами в погоню! Я чувствую, я вижу ИХ! Быстрее! У нас ещё есть шанс уйти!

Секунда, вторая, третья... Андрей застыл, колеблясь.

Огромный шестимоторник быстро рос в размерах. Ан-

дрей, так и не успев пристроиться к ведущему в хвост, шёл немного сзади, и правее его метров на триста, и видел ползущий по небу транспортник сзади/сбоку, под углом 2/4, т.е. под углом в 45 градусов. Самолёт же ведущего упорно шёл, нацелившись на него своим носом, и уже почти сблизился с ним на дистанцию открытия огня. Андрей сглотнул и твёрдо ответил:

– Нет, не получится! Славка не отвернёт, – и добавил с железом в голосе: – а я его не брошу. Не могу.

Агния стиснула зубы – всё кончено! Ещё десяток секунд, и – точка невозврата будет пройдена. А дальше... дальше... тяжёлая, мучительная борьба, и... и... чья-то смерть! Своим внутренним зрением она уже видела несколько отметок фиолетового цвета, быстро перемещающихся в пространстве – это были немецкие истребители, несущиеся в их сторону на всех парах. Это были те самые, успевшие взлететь с разгромленного аэродрома несколько Фокке-Вульфов. Свалка с отвлекающими на себя внимание Ла-пятьими крутилась уже в нескольких километрах восточнее, и Лавочкины в этой ситуации помочь им никак не смогли бы. А эти несколько Фоккеров шли, чтобы их сожрать. И ни комэск, ни Андрей их не видели.

– Андрей! Сзади – Фоккеры!! – выкрикнула с надрывом Агния, понимая, что спасти ситуацию уже, похоже, не удастся.

Далее события стали развиваться с ошеломительной быст-

ротой. Экипаж тяжёлого транспортника, видать, наконец-то обнаружил выходящий в атаку на него русский штурмовик, и тяжёлая машина, проявляя чудеса изворотливости, вдруг стала быстро заваливаться в глубокий правый вираж, пытается уйти с линии огня. Видимо, кто-то из пилотов догоняющих их Фоккеров предупредил по радио пилотов транспортного Ме-323, что его атакует пара Илов, и его пилоты, не будь дураками, приняли единственно верное решение... Они просто стали разворачиваться навстречу Фоккерам, летящим им на подмогу!

– Командир! Фоккеры, сзади! – выкрикнул в ларингофон Андрей, предупреждая товарища.

– Вижу! – коротко ответил капитан Миронов, и втопил гашетки.

На крыльях ведущего Ила затрепетали вспышки, и к туше транспортника, ошестинившейся во все стороны пятнадцатью стволами пушек и крупнокалиберных пулемётов, потянулись бледные огоньки трассеров. Андрей увидел, как несколько снарядов вонзились в толстый, огромный, как амбар, фюзеляж фашистского самолёта. Но тот, получив несколько больших пробоин, как ни в чём ни бывало, спокойно продолжил свой полёт, разворачиваясь своим толстым, бегемотоподобным носом прямо на самолёт Андрея.

– Андрюха! Он идёт на тебя, бей его в лоб! Я тебя прикрою! – крикнул командир эскадрильи.

И самолёт ведущего, выйдя из атаки, стал энергично вы-

полнять боевой разворот навстречу атакующим их истребителям.

Развернувшись почти на 180 градусов, огромный шестимоторный самолёт пытался проскочить под носом у Андрея. Было хорошо видно, как пилот транспортника, стремясь не попасть под огонь носовых огневых точек штурмовика, отклонил на максимальные углы элероны и руль направления. Несколько трасс потянулись навстречу, прямо в лоб: два крупнокалиберных пулемета били из носа транспортника, а пара пушек лупила из прозрачных колпаков турелей, стоявших прямо на его толстенном крыле!

Гигантская, вся ребристая, действительно походящая на гротескную харю какого-то фантастического бегемота, носовая часть транспортника стремительно увеличивалась в сетке прицела, заполняя его до краёв.

– Бей по кабине!! – грохнул, как выстрел, голос Ангела в голове.

А вот как раз... Угловатая кабина как по заказу, стремительно вползла в перекрестие ниток прицела. Андрей нажал на гашетки. Две длинные дымные трассы с алыми трассерами бронебойно-зажигательных и осколочно-фугасных снарядов плотным пучком смачно вмазались в район гранёного скошенного фонаря, разнося его вдребезги. Фонтаном разлетелись осколки остекления, куски переплёта, фрагменты обшивки. В долю секунды тела обоих пилотов превратились в кровавый фарш, нашпигованный осколками.

Андрей поддёрнул на себя ручку управления, и проскочил над огромным шестимоторным монстром. А обезглавленный гигантский самолёт, вяло и неуправляемо переворачиваясь через крыло, рухнул в лес.

– Боевой разворот! – опять, как рокот камней, катящихся с крутого склона, грохнул в голове приказ Ангела.

Андрей, ни секунды не колеблясь, плавно потянул на себя ручку, одновременно заваливая самолёт в левый вираж. Краем глаза через левое плечо Андрей успел зафиксировать падение на вековые ели сбитого им немецкого транспортника.

И тут же – схождение в лоб его ведущего с первой парой атакующих в лоб Фоккеров! Вспышки выстрелов, дымные веники встречных трасс, тусклые огоньки трассеров! Адресалин отбойным молотком колотится в глотке!

Агния, понимая, что точка невозврата уже пройдена, всё равно пыталась хоть как-то повлиять на ситуацию. Шансов было мало, очень мало. Ведь неспроста час назад она ясно и отчётливо увидела (видимую только ей) вдруг появившуюся на лбу у комэска «чёрную метку». Это однозначно говорило ей, что вероятность его смерти сегодня – близка к 100%. И точно такую же метку она увидела и у его стрелка, Николая Никишина. Спасти их мог только случай. И похоже, эта единственная возможность уже была упущена...

Но она ещё может спасти Андрея! Она должна его спасти! Контролируя через его глаза и переднюю полусферу, она

быстро перебросила в его сторону ещё одну ниточку связи и подключилась теперь к его спинному мозгу – теперь в любой момент она была готова, послав импульс на сокращение мышц, рефлекторно дёрнуть его за руки, уводя самолёт с траектории прохода смерти. Вот... вот... сейчас!

Проскочив невредимым сквозь паутину трасс, самолёт комэска, дав резкий, энергичный крен, повернул на вторую пару Фоккеров, и опять огрызнулся короткой очередью им в лоб, сбивая прицел. А первая пара Фокке-Вульфов, проскочив самолёт комэска, вышла в лоб уже на Андрея!

– Уходи вниз! – грохочет в его голове ультимативный приказ, и руки сами собой, опережая реакцию его организма, рефлекторно толкают ручку управления от себя. Тело отрыгается от чашки сиденья, в глаза накатывает красная пелена, желудок подскакивает к горлу, но трассы, трассы!! Проходят мимо! Чуть выше фонаря, метра на три!

Пока Андрей выхватывает из пике провалившийся вниз на сотню метров самолёт, вторая пара Фоккеров проскакивает мимо и с набором высоты уходит в пологий разворот для повторной атаки.

– Андрей, Андрей! Проснись! Включайся! Я не могу полноценно управлять самолётом! – он слышит в голове отчаянный голос Агнии, – я могу только поддёрнуть тебя в нужный момент, не более того! Соберись!

– Ага... ага... – кивает Андрей, напряжённо оглядываясь через плечо.

Две пары Фокке-Фульфов-190, красиво разойдясь в разные стороны, теперь сходятся в точку. И эта точка – его, Андрея, самолёт. Так... сначала выйдут в атаку эти, что слева, они ближе, потом те, что справа...

Из эфира прилетает голос капитана Миронова:

– Андрюха! Я справа от тебя! Встаём в ножницы! ** Я их отобью!

Андрей бросает взгляд в правое окошко и видит, что самолёт комэска идёт к нему на пересекающемся курсе. Андрей тут же заваливает свой самолёт в правый вираж, ещё больше доворачивая его на самолёт ведущего.

Сзади короткими очередями «Ду-дух! Ду-дух! Ду-ду-ду-дух!» зло застучал УБТ.*** Так, дело плохо, подошли вплотную... Выручай, Агнюша!

Самолёт комэска доворачивает ещё круче, и посылает короткую очередь за хвост Андрея, отбивая от его хвоста подсевшего туда фрица. Второй шарахается в сторону от меткой пулемётной трассы, выпущенной в его сторону Агнией.

– Андрюха! Спереди наверху ещё пара! – кричит по радио комэск.

И точно – из низкой облачности чуть ли не отвесно валится ещё пара тупорылых силуэтов. Их уже шесть!

– Перекладывай в левый! – подсказывает Агния, держащая под контролем всю сферу боя. Андрей послушно перебрасывает ручку к левому борту, закладывая теперь левый вираж, и опять два Ила сходятся на пересекающихся курсах,

но теперь к хвосту комэска пристраивается пара истребителей. Теперь очередь Андрея отбивать их от хвоста ведущего! Андрей доворачивает ещё левее, и даёт короткую заградительную очередь, не давая им выйти в атаку.

Колька Никишин, экономя боезапас, тоже даёт короткую, но точную очередь. От ведущего атакующей пары отлетает пара каких-то ошмётков, и он резко отваливает в сторону. А за ним и ведомый.

– Молодец, Андрюха! – выкрик в наушниках.

– Ага... – хрипло отвечает Андрей.

Опять атака, теперь сверху, с передней полусферы. Опять команды сидящего за пулемётом ангела:

– Давай левую ногу!

И Андрей, упираясь взмокшей спиной в спинку сидения, со всей силы давит левую педаль, выворачивая руль направления влево, и парируя стремление самолёта кувырнуться в эту сторону, даёт небольшой правый крен. Самолёт повинуюсь железной воле пилота, подразвернув влево нос, послушно входит в скольжение.

Два Фокке-Вульфа, атакующая сверху-спереди, берут необходимое упреждение, нацеливая свои носы в ту точку пространства, куда через пару секунд должны сойтись шквал их огня и русский штурмовик, вроде бы уже начавший заваливаться в правый вираж. Но русский пилот ловко объегоривает их, всего лишь имитируя начало виража, и чётким маневром скольжения ускользает с линии огня...

Трассы проносятся левее, едва не задевая левую консоль. Ффух... Ещё раз пронесло...

Андрей в наушниках слышит, как комэск отчаянно бросает в эфир, пытаясь связаться с истребителями прикрытия: – Маленькие! Нас бьют! Долго не продержимся! Выручайте!

Услышав призыв о помощи, одна пара Лавочкиных, отчаянным усилием стряхнув, наконец, вцепившихся в них четырёх немцев, выпадает из собачьей свалки, и выведя моторы на чрезвычайный режим, рванулись на выручку к двум Илам. Вторая пара продолжает крутить с немцами свой весёлый и смертельный хоровод.

Опять заходят... Одна пара, из тех, что атаковали в лоб, успели развернуться, – слева и сверху на него, вторая пара – справа и снизу – на самолёт комэска. Андрей, не теряя из виду самолёт комэска, старается маневрировать синхронно с ним, выполняя «ножницы».

Сзади, отдаваясь дробным стрёкотом, захлёбывается частыми очередями УБТ. Андрей даже не оборачивается – Агния знает своё дело, просто так выпуливать в небо боезапас не станет. А если стреляет молча, то значит, сектор обстрела подходящий.

– Ещё пара подвалила! Уже восемь! Выходят в атаку! – слышит он в голове её звенящий от напряжения голос.

«Чёрт, их уже восемь! Вот, бля, разворошили осиное гнездо!!» – толкается в голове тоскливая мысль.

– Не отвлекайся! – гремит в голове Голос, – открой сектор – дёрни влево, он у меня за килём!

Андрей, не раздумывая, на рефлексах, резко даёт вперёд левую ногу. Тут же сзади коротко стучит свою строчку УБТ, отгоняя очередного наглого немца с хвоста.

Уже глаз не хватает, чтобы контролировать хотя бы переднюю полусферу, да и обзор из кабины Ила никакой – три передних бронестекла, да пара небольших окошек-форточек по бокам, да окно над головой, вот и всё! То и дело то один, то второй, то сразу пара немецких истребителей, выходя то вперёд вниз, а чаще вперёд-вверх, быстро выскакивает из зоны видимости, и Андрей постоянно теряет их из виду. С увеличением числа атакующих истребителей риск пропустить атаку возрастает в геометрической прогрессии.

– Андрюха, ещё двое подвалили, уже восемь штук! Внимание, на тебя заходят! – Андрей слышит голос комэска в наушниках. Голос сосредоточенный, злой, «на взводе». Похоже, что он уже давно понял, что худо дело...

– Ага, ага, знаю! – хрипит Андрей, изо всех сил работая ручкой и педалями. Пот, струясь из-под шлемофона, застилает глаза, режет их солью, спина мокрая, хоть выжимай.

«Их – восемь, нас – двое!» – стучится, повторяясь, в голове назойливая строчка из песни.

Ломит мышцы рук, ног, всего тела. Он уже не дышит, он уже хрипит. Весь организм работает на пределе. Спина буквально вопит от боли.

Такое с Андреем было только один раз, ещё в школе, в восьмом классе, когда приехав на 1 мая в деревню, чтобы помочь деду с бабушкой, они на спор, с соседским парнишкой, на скорость вскапывали деду огород. Сноровки-то, понятное дело, было побольше у соседа, но Андрей тогда не сдался, и не обращая внимания на ломоту во всём теле, всё-таки свёл тот спор на «ничью». Гордость не позволила сдаться.

А сейчас на кону – жизнь. Сдаваться тем более нельзя.

И Андрей, не замечая нарастающей боли во всём теле, выведя газ на максимум, и не обращая внимания на надрывно ревущий и уже перегревшийся мотор, вцепившись в ручку обеими руками, активно маневрирует, уворачиваясь от трасс, и экономя боекомплект, сам огрызается короткими очередями. Тут бы не сбить, тут бы просто выжить! Да и не подставляются они, суки! Хитрые падлы, из атаки выходят то вверх, то в сторону, стараясь не подставляться под огонь передних огневых точек Илов. Хотя, нет! Вот он, гад! Зевнул-таки, гадёныш! В перекрестие прицела на мгновение заваливается один из проскочивших вперёд истребителей противника. Осознав свою ошибку, даёт резкий левый крен, пытаясь переворотом уйти с линии огня. Поздно! Андрей нажимает гашетки. Трассы вгрызаются в фюзеляж Фоккера, разрывая его на части.

«Есть один!!!» внутренне ликует Андрей.

И тут же, рефлекторно, сами собой, руки резко тянут баранку на себя. Самолёт взбрыкивает, резко задирая нос, и

одновременно с этим пучок трасс пролетает где-то снизу, с дробным грохотом всё же цепляясь парой снарядов за левую консоль.

«Зараза, не успела!» – ругает себя Агния.

Фоккер, проскочив вперёд, уходит из атаки вниз-влево. Самолёт тут же начинает валить влево. Быстрый взгляд на левую консоль – с самого кончика консоли содран кусок обшивки в половину квадратного метра. Поток завихряется, срываясь с кончика крыла, обтекание становится неравномерным, приходится компенсировать отклонением элеронов вправо. «Чёрт, теперь будет крутить не по-детски!» – Андрей борется со ставшей вмиг непослушной машиной.

Оставшиеся семь Фоккеров без передышки атакуют два вставших в оборонительный маневр штурмовика: слева, справа, снизу, сверху, в лоб.

Внезапно замолкает УБТ Коли Никишина – самолёт командира эскадрильи уже не огрызается с задней точки.

– Коля пустой! – слышит Андрей вскрик Агнии. Короткая трёхпатронная очередь сзади, и: – Я тоже!

«Чёрт! Чёрт!!» – чертыхается Андрей, прикидывая остаток своего боезапаса. Там тоже – на одну-две очереди. Максимум на три...

Идя на пересекающихся курсах с самолётом комэска, Андрей видит, как один из Фокке-Вульфов стремительно подныривает к нему под брюхо.

– Командир! У тебя снизу сзади Фоккер! – срывая голос,

Андрей ревьёт в ларингофон, но понимает, что уже опоздал: с сотни метров ФВ-190 всаживает короткую очередь прямо в брюхо командирского Ил-2, и тут же резко отваливает в сторону. Ил аж немного подбрасывает вверх, он вздрагивает, от задней части его фюзеляжа летит сноп щепок. Но покачавшись с крыла на крыло, он как будто немного оправляется, и продолжает свой полёт.

А у Андрея нет даже секунды, чтобы связаться с ведущим – на него тут же, решив взять измором, одновременно заходят в атаку сразу четыре Фокке-Вульфа. Одна пара – сверху слева. Вторая – снизу справа.

– Так... так... ровно... иди ровно... – гремит в голове напряжённый голос Ангела.

Вдруг! Ду-ду-ду-дух! Опять застучал, дробно отдаваясь по всему фюзеляжу, задний УБТ.

«Откуда?! Она ж сказала, что она пустая?!»

И тут же команда:

– Влево!

Повинуясь, Андрей закладывает глубокий вираж, теперь уходя от пары подобравшейся снизу, и уже было вышедшей на дистанцию огня. Краем глаза Андрей замечает густой дымный шлейф за отвалившим вниз Фоккером.

«Неужели завалила?! А где эти, которые снизу?» Он крутит головой, бросая быстрые взгляды то в правое окошко, то в левое.

– Агнюша, где они? – хрипит Андрей

– Здесь они! – какой-то приглушённый шум сзади, и... длинная-длинная глухая очередь! Но не УБТ!

– Вправо! – Агния не забывает подсказывать Андрею. Он послушно перекладывает самолёт в правый вираж. И видит, как очередной Фоккер, зайдя сверху на самолёт комэска, даёт в упор короткую и точную очередь по его фонарю. Но в следующее же мгновение сам разваливается на части, получив такую же короткую и точную очередь по крылу! Подраненный штурмовик продолжает полёт по инерции, а Фоккер, раскидывая крылья, отдельными частями валится на сосны...

Два Ла-пятых, вырвавшись из собачьей свалки, успели-таки в самый критический момент боя, и с первой же атаки завалили двух Фокке-Вульфов! И тут же закрутили карусель с оставшимися, давая двум штурмовикам выйти из боя.

– Андрюша! Быстрее! Подсказывай Славке, как лететь, он ничего не видит! – в голове прорезался голос Агнии.

– А... а?! – Андрей еле-еле дышит, глаза застилает кровавая пелена, темнеет с боков, он почему-то видит только перед собой, в узком секторе. Невероятным волевым усилием фокусирует зрение, и находит впереди-слева самолёт комэска. Он летит как-то вяло, как будто совсем без контроля пилотом. Мёртво летит, постепенно опуская нос к земле. Но вот он резким движением поддёргивает нос. «Ага! Живой Славка!». И тут самолёт комэска, теряя скорость, начинает медленно заваливаться в левый крен. Опять резкий рывок,

теперь уже элеронами, и самолёт рывком переключивается, накрываясь уже на правое крыло...

– Андрюша! – молящим голосом стонет за спиной Агния, – быстрее, соберись! Командуй! Он ничего не видит! Он сейчас упадёт!

– Так. Ручку влево. Так. В нейтраль... Держи, – щёлкнув тумблер «приём-передача» даёт команды Андрей.

– Так, теперь добавь газу, – Андрей видит, как раскручивается винт на самолёте ведущего, и он уползает вперёд. Андрей поддаёт газу своему натруженному, перегревшемуся мотору, и оставаясь сзади-справа, идет, сохраняя дистанцию. Сверяется по компасу с курсом, делает поправку:

– Так. Слава, разворот вправо. Ручку чуть-чуть вправо. Так, так. Теперь ровно.

Самолёт комэска переваливаясь с крыла на крыло, рваными, дёрганными движениями всё-таки ложится на нужный курс, и слегка покачиваясь по всем осям, медленно, но верно идёт к аэродрому.

– Агнюша! Он что, ничего не видит? Тяжело ранен? – вопрошает, обращаясь к Ангелу, Андрей.

– Да, он ничего не видит! Да! Тяжело! Очень! – слышит он напряжённый ответ, – рули давай, не отвлекайся! Держи его в курсе, постоянно! Он тебя слышит, но ответить не может!

Андрей бросает взгляд на тумблер «приём-передача» и холодеет – один из проводов вырван, и болтается снизу!

– Агнюша! Беда! Радио не работает! Провод оборван! – в

отчаянии кричит он.

– Да всё работает! Говори! Я! Ему! Транслирую! Твои команды!

Уже ничему не удивляясь, Андрей, следя за самолётом комэска, время от времени подаёт ему команды, и подбадривая и успокаивая, корректирует его рваный, неустойчивый полёт.

Медленно и мучительно текут минуты...

Вот уже и аэродром!

– Так, спокойно, Слава! Будем садиться. На брюхо. Шасси не выпускаем. Щитки тоже. Так, подбрось газ... держи... чуть-чуть на себя. Крен влево... стоп. Идём ровно... высота 20 метров... 15... так... держи... немного на себя... так... выравнивание... выдерживай... выдерживай... касание!

Тяжело раненый командир эскадрильи, ничего не видя перед собой, под чутким руководством Андрея притёр-таки израненный штурмовик к земле. Проехавшись по инерции около сотни метров, он остановился, паря перегретым мотором. Андрей сделал круг, и удостоверившись, что комэск благополучно сел, тоже пошёл на посадку...

А к самолёту комэска уже бежали люди.

Сев и зарулив, Андрей бессильно сидел в кабине, не имея ни малейшей возможности пошевелиться. Силы окончательно покинули его.

– Командир! Командир! – забарабанила по стеклу взобравшаяся на крыло Шурка, – ты не ранен? Чего сидишь?

И она сама стала отодвигать сдвижную часть фонаря. Помогла вылезти Андрею. Ему самому казалось, что силы покинули его. Было такое ощущение, что как будто бы по нему проехал трактор. И не один.

– Агнюшу вытащи... – сипло попросил он. Но Агния и сама уже выбралась из кабины. На неё было больно смотреть – лицо осунулось, под глазами круги, а сами глаза мокрые...

У самолёта комэска суетились люди. Понесли носилки... Ещё одни...

Собрав последние силы, вдвоём с Агнией побрели на КП. Агния упорно молчала, и шмыгала носом. А когда уже почти подошли к КП, расплакалась...

***

– Товарищ командир полка! – Андрей устало бросил правую руку к шлемофону, – задание выполнено. Аэродром подскока обнаружен. И атакован. Фотосъёмку произвели. При отходе от аэродрома были атакованы истребителями, успешными взлететь с аэродрома. Также уничтожен транспортник, снабжавший аэродром горючим и боеприпасами.

Андрей помолчал, и упавшим голосом добавил:

– Слава Миронов ранен... И Коля Никишин, похоже тоже ранен...

Комполка кивнул, походил, заложив руки за спину, посопел, и подняв глаза ответил:

– Старший сержант Никишин тяжело ранен. Оторвало ногу.

У Андрея упало сердце.

– А капитан Миронов – погиб.

– Как... п...погиб? – у Андрея отнялись ноги, он едва не упал.

– Так. Смертельное ранение в голову. Врач говорит, умер мгновенно.

– Товарищ командир! – вскинулся Андрей, – я же его... я же... я его вёл! Команды давал по радио! Мы ещё минут пятнадцать после боя до дому шли! Он же был жив! Он же сел!!

Комполка вздохнул:

– Не знаю, как он самолёт вел. Но его уже остывшим из кабины вынимали...

Агния без сил упала на скамейку и бурно, по-женски, разрыдалась. Андрей бросился к ней, подхватил за плечи.

– Ладно, идите! – махнул рукой командир полка, – зайдите в столовую, пусть вам там боевые**** дадут. Сколько попросите, пусть столько и нальют. Скажите, я распорядился. Хоть нервы успокоите. Хотя, какое тут к чёрту, успокоение...

Андрей вытащил рыдающую Агнию на улицу. Он впервые видел её такой. Принялся успокаивать. Она, уже перестав рыдать, всё всхлипывала, и всхлипывала, не в силах успокоиться.

– Ну всё... всё... – он гладил её по волосам, – всё, всё, хватит.

Она подняла на него заплаканные глаза:

– Я не смогла, Андрюша, прости меня!

– Да что ты не смогла?

– Я не смогла спасти вас всех!

Андрей потемнел лицом, сжал кулаки, сумрачно замолчал. К горлу подкатил комок.

– Я, понимаешь... у Славы перед боем... Понимаешь... у него вот здесь... на лбу... метка появилась. Чёрная.

– Что за чёрная метка?

– Вестник скорой смерти. И у Коли тоже такое было.

– Как так? Что за вестник?

– Понимаешь, – она горько всхлипнула, – это только я вижу, люди не видят, – как появится, то всё – пиши пропало. 100% почти. Карма. Судьба, понимаешь?

– По-ни-маю... – медленно, по слогам произнёс Андрей, и задал мучивший его вопрос: – и у меня тоже такое на лбу появилось?

– У тебя я не вижу. Для меня это – закрытая информация. Пока я здесь, я этого знать не должна. Иначе я могу опустить руки. А я должна биться за твою жизнь до последнего.

– Но ты и за их жизни сегодня тоже билась до последнего!

– Да, билась, но как видишь, у меня ничего не получилось, – она опять пригорюнилась.

Андрей долго сидел молча, размышляя, потом встал:

– Хоть и не до конца, но всё-таки получилось. Колька-то жив! Пойдём в медчасть.

Она помотала головой:

– Не...не... он сейчас под морфием, спит. Его уже пять минут, как в машину погрузили. Уже везут в госпиталь.

Помолчали.

– Выживет? – с надеждой спросил Андрей.

Агния молча кивнула.

Опять помолчали.

– Слушай, Агнюша, скажи, я вот не пойму, ведь не может быть, чтобы Славка... Он же самолёт вёл! Я же помогал ему! И он сел! Ну мёртвый же ТАК не может! Верно?!

И он пытливо посмотрел Агнии в глаза.

Она ответила ему прямым взглядом, и поколебавшись, ответила:

– Может. Он был мёртв.

– К...к...ка...как? – у Андрея отпала челюсть.

– Так. Ты давал команды не ему, а мне. Он действительно умер мгновенно, в момент попадания в него крупнокалиберной пули. Я дистанционно возбуждала электрические импульсы в его мышцах. И я через него управляла самолётом. А ты МНЕ давал команды.

Андрей надолго замолчал, переваривая только что услышанное. Потом вскочил, и закричал:

– ЗАЧЕМ?! Зачем ты это делала?

Она устало посмотрела на него, и тихо ответила:

– А Коля? Он должен был погибнуть? Я это делала ради него, чтобы он жил.

Андрей представил себе лежащего на дне кабины окровавленного Кольку-егозу, неунывающего балагура, и любимца эскадрильи, с оторванной ногой, без сознания.

Бессильно бухнулся обратно на ящик, на котором сидел. Уронил руки меж колен, закрыл голову руками. И глухо проговорил:

– Прости. Ты всё сделала правильно. Надо было спасти хотя бы его. Ты сделала это.

Она помолчала и тихонько продекларировала:

– «Он кричал напоследок, в самолёте сгорая:

"Ты живи! Ты дотянешь!" – доносилось сквозь гул.

Мы летали под Богом возле самого рая,

Он поднялся чуть выше и сел там,

ну а я – до земли дотянул."

– Высоцкий? – поднял на неё глаза Андрей.

– Да, – последовал лаконичный ответ.

– Как точно. Прямо про Славку. И про меня, – вздохнул Андрей.

Она кивнула, поднялась. Встал и Андрей.

– Знаешь, мы ему памятник поставим. А на нём табличку, полированную. А на ней вот эти самые слова напишем!

Агния, всхлипнув, молча кивнула.

Глава 9. Подвиг.

Бах! Облако разрыва зенитного снаряда резко вспухло прямо по курсу. Самолёт трянуло. Бах! Опять чёрная клякса разрыва, но уже сбоку. «Восемь-восемь! Крупнокалиберный!» – мелькнула мысль. «Откуда? Я ж на бреющем иду! Ведь на малой высоте бьют только эрликоны?! А тут целых 88мм!»

Бах! Самолёт опять трянуло, да так, что Андрей ударился головой об подголовник кресла.

И... проснулся! Распахнул глаза и пару секунд тупо таращился в темноту. Почему-то болела голова, в затылке.

Дух! – где-то в темноте послышался короткий удар. Андрей непроизвольно дёрнулся.

Дух! – ещё раз.

Андрей торопливо зашарил рукой справа от себя – Агнии рядом не было.

Дух! Окончательно проснувшись, Андрей понял, что звуки исходят со стороны двери, как будто в неё резко стучали каким-то твёрдым предметом.

«Стучат в дверь? Кто?!» Андрей нашарил на табуретке коробок спичек и торопливо поджёг фитиль на стоявшей тут же гильзе-коптилке. Оранжевое пламя высветило кусок горницы, по стенам метнулись причудливые тени от рук Андрея.

Дух! Гвоздь – двухсотка, со свистом пролетев полкомнаты, с хлётким стуком воткнулся остриём во входную дверь... В двери, на высоте около полутора метров, уже торчал целый частокол из забитых подобным образом таких же здоровенных гвоздей. Не меньше десятка.

– Т-твою дивизию! – только и мог изумлённо вымолвить Андрей, окинув комнату взглядом.

Неуловимо быстрый взмах руки, свист, и во входную дверь был всажен очередной гвоздь-двухсотка. Дух!

– Вставай, Аника-воин! – смешливо морща носик, хохотнул маленький Ангел.

– Ё-моё! Что ты делаешь?! – выдохнул Андрей.

– Как что? Не видишь? Тренируюсь! – очередной резкий взмах руки... Дух! Ещё один гвоздь с силой воткнулся в полотно двери.

– Тренируешься?! Нафига гвоздями-то? С кем ты этими гвоздями воевать собралась?

Агния смешно выпятила губы и с силой дунула вверх, смахивая с потного лба прядь волос, и пояснила:

– Никогда не знаешь, как обернётся ситуация, а я должна быть готова к любому повороту событий. Ты забыл, кто я?

Андрей вздохнул, сел на кровати:

– А если кто внезапно войдёт?

– Внезапно не войдёт. Я его почувствую.

Андрей потёр ноющий затылок, провёл рукой по лицу:

– Тренируется она... а нафига так рано? Днём, что, никак?

– А тебе и так уже пора было просыпаться, иначе бы тебя зенитки сбили бы нафиг... – Ангел с хитринкой в глазах посмотрел на своего подопечного.

Андрей поднял на неё свои сонные глаза:

– А ты что, знаешь, что мне снилось?

– А чего там знать-то? Все твои сны я вижу. И всегда видела. По долгу службы обязана.

Взмах обеими руками, свист рассекаемого воздуха... Дух! И пара гвоздей одновременно вонзились в дверь.

– Сначала меня это забавляло. Ну, как ты во сне рассуждал насчёт несоответствия калибра зениток и малой высоты полёта на бреющем. А вот когда ты уже стал дёргаться, и своей башкой треснул по кровати, тут мне стало понятно, что пора тебя будить. Ну, я и дала сигнал на пробуждение.

Она стояла, и упёршись рукой себе в бок, весело улыбалась.

Первоначальное раздражение ушло, а с ним и боль в затылке. Андрей сидел на кровати, и любовался своим Ангелом: она стояла, подбоченившись, в одной нательной рубашке, босиком с голыми ногами. Волосы её были схвачены сзади в короткий, задорный хвостик, несколько тонких, случайно выбившихся прядей свисали на шею.

Она уже была совсем не похожа на ту худенькую, неуверенную, полупрозрачную девчонку, с которой он месяц назад впервые вошёл в этот дом. Перед ним стояла крепкая, с неплохо развившейся мускулатурой, и заметно округливша-

яся в нужных местах, уверенная и решительная девушка.

Она на лету поймала его мысль, и тут же озвучила свой ответ:

– А ты думал? Питание по высшей, лётной норме и постоянные физические упражнения.

– Красивая... – выдохнул Андрей.

– Что, нравлюсь? – она развела в стороны плечи, выпятила вперёд аккуратную и крепкую грудь, и ещё сильнее подбоченилась.

Андрей вскочил, и схватил её в объятия, сунулся лицом в её волосы. Дурманяще пахнуло девичим потом. Она стала шутливо отбиваться от него, отпихивая его руками:

– Иди, иди уже до ветру! Своим штыком меня сейчас насквозь проткнёшь! Иди на двор, говорю!

Андрей с трудом оторвался от любимой, бросился натягивать комбез. Не в силах оторваться взглядом от девушки, вслепую зашарил около кровати, пытаясь нащупать унты:

– Шурка с Тонькой где?

– Да давно уже на аэродроме! Давай поспешай, а то на завтрак опоздаем!

***

Шагая из столовой после завтрака по свежему, хрустящему под ногами снегу, Андрей вспомнил, о чём хотел спросить Агнию, да так и не спросил.

– Слушай, а вот ты вчера во время боя сказала, что у тебя боекомплект весь расстрелян, а потом слышу – ты ещё одну

очередь из УБТ дала. Там что, заело у тебя?

– Да не заело... БК действительно кончился.

– А чем стреляла тогда?

– Так эти засранцы как почувствовали – вплотную подошли, метров на сто... Ну что тут поделаешь?! Пришлось четыре патрона сотворить. Срочно. Ну я ими ему в лоб и вмазала...

Андрей остановился, обнял её, посмотрел в глаза:

– Молодец. Жалко, что всего четыре.

Она вздохнула в ответ:

– Увы... я ж тебе говорила, что ничего тяжёлого творить не могу. Желательно до килограмма. Иначе просто сознание теряю.

Андрей с чувством молча поцеловал её в носик. Она смешно наморщила его и улыбнулась.

Они подошли к своему самолёту.

– Ой-ей-ей... – тяжело вздыхая, Шурка лазила под брюхом штурмовика, не замечая подошедших.

– Ну, чего там? – Андрей присел, пытаясь заглянуть туда, куда смотрела Александра.

– Ой, доброго здоровьичка вам, товарищ командир! – увидев подошедших, Шурка от неожиданности чуть не стукнулась головой о фюзеляж самолёта, – вот же ж фриц поганый! Прямо у Агнюши под ногами такую дырень вам прострелил!

– Где?

– Да вот, посмотрите! – она ткнула пальцем в рваную ды-

ру в дне фюзеляжа, аккуратно там, где начинается пустая хвостовая часть, за задними бронестворками в кабине стрелка.

– Ого! – подивился Андрей, и обернулся к Агнии: – как он тебя не зацепил-то?

– Агния улыбнулась уголком рта:

– Хы... это не он меня... это я его.

В голове у Андрея всплыло воспоминание про ту глухую длинную-предлинную очередь в конце боя. Предвосхищая его вопрос, Агния ответила обыденным голосом:

– Ну что мне оставалось, когда эта падлюка нам прямо под брюхо подлезла?! И что, зря я в кабине ППШ вожу?

Обводя взглядом изумлённо молчавших Андрея и Александру, она, как будто оправдываясь, прояснила подробности:

– Ну, чую, всё, амба... патронный ящик сдёрнула – и в сторону, бронестворки распахнула, на пол животом плюхнулась, и как дунула туда вниз полдиска с ППШ!

– Что, прям сквозь фюзеляж?! – округлила глаза Шурка, – наобум, вслепую?!

– А как ещё-то?! Прям сквозь фюзеляж! Там же не дюраль, там – фанера! Глаза зажмурила, чтобы щепой не повредило, и... всё! – она обвела шалыми глазами Андрея и Александру, внимательно её слушавших, и прибавила: – Да и почему вслепую? Я его сквозь фюзеляж прекрасно видела. И с закрытыми глазами тоже. Чётко в капот ему и зафинтилила. Там всего-то метров пятьдесят и было! Тут же с дымом

поганец и отвалил.

Андрей молча сграбастал Агнию, подхватил под коленки, и закружил на месте.

Она заколотила его кулачками по груди:

– Да отпусти ты, сумасшедший! Ещё вчера вечером на свою спину жаловался, лечить тебя пришлось!

Андрей поставил Агнию на землю, отдышавшись, строго наказал Шурке:

– Ты это... про ППШ никому не говори! Особенно – политруку, особисту и старшему инженеру. А то, ещё начнут жилы на кулак мотать, насчёт умышленной порчи вверенной матчасти. С них станется!

– Да что ж, я дура какая, что ли? Небось понимаю... – Шурка заговорщицки улыбнулась и шутливо толкнула Агнию плечом, и веско подытожила: – Дырку эту фриц сделал, и точка!

Пришлось поцеловать и Александру. В щёчку. Агния понимающе улыбнулась...

***

Морозное, декабрьское утро тысячами иголочек щипало лицо. Низкая облачность висела над аэродромом, но на востоке небо было почти без облаков, и сквозь мутную, зимнюю дымку проглядывал диск холодного, блёклого солнца.

– И-э-эх! Что-то долго там начальнички гутарят, скорей бы уже, а то совсем окоченеет! – Толик Веселовский скакал то на одной ноге, то на другой, делая вид, что сильно замёрз.

– Чего ты скачешь, как козёл? – подначивая товарища, пошутил Андрей, – у тебя ж на ногах не сапоги, а унты надеты – в них захочешь, не замёрзнешь. Я вон стою, не мёрзну. Да и никто не мёрзнет. Правда, Агнюш?

Ответом ему был весёлый взгляд распахнутых карих глаз стоящего рядом ангела-хранителя.

– Козёл говоришь? А вот я тебе покажу! – и Толик, дурачась, и расставив широко руки, пошёл на Андрея, – а ну давай бороться!

– Отвали, придурошный!

Но было уже поздно – сержант неожиданно быстро метнулся к нему и сграбастал Андрея в охапку, и сдавил его так, что у того затрещали рёбра. Андрей с трудом устоял на ногах, и свободной рукой упёрся ему в небритый подбородок, выворачивая набок его голову:

– Э,э,э! Хорош, говорю, придурок! Щас всю рожу разукрашу!

Но Толя прижал свою голову к боку Андрея, и вцепившись в него, как клещ, натужно пропыхтел:

– Нифига! Давай бороться! Я – чемпион Иван Поддубный! – он сжал свой захват ещё сильнее, и Андрею стало понастоящему больно: у него сильно стрельнуло в больной спине. Это мгновенно вздёгнуло Агнию – она мгновенно почувствовала его боль.

– Толька, сволочь, прекрати! – вдруг со звенящей злостью в голосе вскрикнула она.

Но Толик только натужно пыхтел и пытался повалить Андрея на землю. Все вокруг весело гоготали, наблюдая за схваткой – висящее в воздухе напряжение перед постановкой боевой задачи очень удачно развеялось шуточной потасовкой двух товарищей. Но Андрею было вовсе не до шуток – Веселовский очень удачно взял его в захват, прихватив к туловищу ещё и левую руку Андрея, и освободиться не было ни малейшей возможности. Конечно, ситуация легко разрешалась парой хороших ударов по голове противника – правая-то рука у Андрея оставалась свободной, но разбивать товарищу, даже зарвавшемуся в своей глупой и дурной шутке, лицо в кровь – ох, как не хотелось. Но похоже, выбора уже не было – Толик закусил удила, у во что бы то ни стало, хотел победить...

Дальше произошло непонятное – Агния шагнула к пыхтящим и взрывающим ногами снег борющимся, взяла Толика за плечи и лёгким, непринуждённым движением отделила его от Андрея. Руки Толи Веселовского безвольно опали, как плети, и подвернув ногу под себя, он вяло сел на снег с остекленевшим взором.

Отдуваясь, и пытаясь унять боль в спине, Андрей наклонился, и упёршись ладонями в коленки, пытался прийти в себя.

Агния похлопала Толю по щекам. Он дёрнулся, как будто включившись, и похлопав глазами, наконец-то осмысленно огляделся вокруг.

Агния положила ему руку на плечо, и скомандовала:

– Вставай, Поддубный!

Сержант Веселовский осоловело огляделся – всё вокруг было по-прежнему. Только он почему-то сидел на снегу...

– Что ЭТО было?! – хрипло спросил он.

Агния наклонилась, и упёршись взглядом ему прямо в глаза, серьёзно так выдала:

– Просто ты сам себя укусил за нос. Случайно.

Незадачливый борец потрогал свой нос – было действительно больно.

– Как я мог? Сам себя?! За нос?! – он осоловело оглядывался по сторонам, ища поддержки и объяснения.

Новый взрыв хохота вокруг.

– Уж не знаю, как... Себя спроси... – Агния пожала плечами.

Толик поднялся, отряхнулся от снега, с недоверием посмотрел на вполголоса матерящегося Андрея, опять потрогал свой нос, и пробурчав что-то невнятное, подошёл к группке хохочущих стрелков:

– Дай закурить! – и повторил раздражённо: – Дай закурить, говорю!

Скрипнула дверь землянки, в которой размещался КП, и все обернулись в ту сторону – из двери вышел Илья Кутеев и торопливо пошёл к группке лётчиков и стрелков, уже как полчаса ожидавших его на улице.

– Ну что? Теперь ты – комэск?

Илья кивнул:

– Да, назначили. И вот боевая задача, – он раскрыл свой планшет с картой.

– Вот здесь сегодня рано утром наши войска форсировали реку Тетерев, закрепились на плацдарме. И уже четыре часа его держат. Немцы подтягивают сюда всё новые и новые силы, пытаясь сбросить нашу пехоту обратно в реку. Уже было три контратаки. Наши тоже переправляют туда подкрепления, в попытке удержать и расширить плацдарм. Но переправочных средств не хватает – немцы наращивают силы быстрее.

– Так там же на реке вроде лёд? Какие такие переправочные средства? – слышалось сбоку.

Илья поднял глаза на сказавшего это младшего лейтенанта Сизова:

– Юрчик, какой, на хрен, лёд?! Там по этой реке четыре часа долбят фрицы! Миномётами! Нет там льда, там одни обломки! Короче! Наша задача – отработать эскадрильей по фрицам, и дать нашим расширить плацдарм. Работа точечная, расстояние между нашими и немцами метров 50, не больше. Когда подойдём, наши обозначат линию соприкосновения красными ракетами в сторону фрицев. Понятно? В первом заходе сыпем бомбы и бьём ЭРЭСами во всё, что движется, но не вплотную к линии окопов, а метрах в пятистах от линии соприкосновения, чтоб разрывами бомб и ЭРЭСов своих не зацепить. А потом пушечно-пулемётным

огнём прицельно причёсываем всё остальное! – Илья обвёл глазами пилотов: – прицельно! Понятно? Своих ни в коем случае не зацепить! Особое внимание – пулемётным точкам и миномётным батареям! Снести всё к чёртовой матери! Делаем 6-7 заходов – не даём фашистам поднять головы как можно дольше. Задача ясна?

Он обвёл глазами окружающих его пилотов второй эскадрильи, командиром которой его только что назначили. Взамен погибшего вчера капитана Миронова.

– И ещё! – спохватился он, – метеослужба передаёт: над целью видимость хорошая, облачность с разрывами, но на пути к цели сплошная низкая облачность. Нижняя граница – 150...200 метров, верхняя – около двух тысяч. Пойдём над облаками, высота – 2500. В районе цели снижаемся до 1000. Всё понятно?

– А почему не обойти облачность? – подал голос Мишка Никитенко, ведомый Андрей Чудилина.

– А потому и не обойти! Цель – на пределе радиуса, обходить – горючки не хватит. Так, всё, наносим линию ЛБС на карты! Вылет через 15 минут.

***

Шли на двух с половиной тысячах. Внизу, под крылом, плавно и величественно проплывали взбитые, как подушки, громады кучевых облаков. Иногда в разрывах облаков просматривалась далёкая земля. Яркое голубое небо резко контрастировало с белым, кучерявым покрывалом из облаков.

Ослепительное солнце било в левый глаз. Мерно, как довольный сытый кот, урчал мотор.

– Я и не думала, что может быть так красиво! – подала голос Агния.

– Да-а... красиво, – согласился Андрей, – мы, штурмовики, нечасто такое видим. Всё по низам, да по низам ходим, не выше тысячи метров. Или вообще на бредущем. А вся эта красота наверху... Вот бомбёрам проще – они постоянно на таких высотах ходят.

Андрей замолчал. Молчал долго, как будто что-то обдумывая, потом разлепил губы, чтобы задать Ангелу мучавший его вопрос:

– Слушай, а...

– Ты про Толика хочешь спросить? – хмыкнул за спиной Ангел, – как я его угомонила?

– Ну... да.

– Да очень просто. На шее человека, да и по всему телу, разбросаны особые точки. Так вот, надавив на такую точку, можно обездвижить человека. Надо просто знать, куда нажимать.

– Э... а почему у него нос болел? Ну не мог же он сам себя за нос укусить?!

Агния звонко рассмеялась:

– Это я ему просто внушила, чтобы его запутать, чтобы у него окончательно мозги набекрень съехали!

– М-да... – задумчиво подытожил Андрей, – болевые точ-

ки... внушила... о, сколько нам открытий чудных... – продекламировал Андрей и опять надолго и задумчиво замолчал.

Агния хмыкнула, дёрнула плечом, добавила:

– Да и Поддубный уже всё. Спёкся...

– В смысле? – не понял Андрей, – он же не помер ещё, что значит спёкся?

– Да то и значит, – пояснил Ангел-хранитель за спиной, – эвакуироваться не захотел, добра стало жалко, живёт сейчас под немцами, паёк от них получает, прислуживает им.

– Как прислуживает?

– Да так и прислуживает! Бильярдным залом заведует. Они его уважают, да и он к ним не в претензии. Ну, как же, он – чемпион, они – культурная нация! Да вот только эта культурная нация... Ты детей, прикрученных колючей проволокой к столбу, помнишь?

– Вовек не забуду! – скрипнул зубами Андрей.

– Во-во! Короче, после войны ему этот бильярдный зал-то Советская власть припомнит.

– И что?

– А ничего. Совсем ничего. С довольствия снимут – ни пайка, ни карточек, ни зарплаты. Будет ходить по соседям, побираться, голодать... И в сорок девятом помрёт. Вот так-то, Андрюша. Не простили ему предательства. Прислуживать врагам – это значит предавать свой народ, свою Родину.

Андрей молча кивнул, полностью соглашаясь с Ангелом-хранителем. Внизу проплывали белоснежные облака.

Тонко почувствовав настроение своего подопечного, Агния спросила:

– А хочешь, я тебе спою?

– Спой! А про что? – оживился Андрей.

– А про самолёт, который летит ночью над облаками, хочешь?

– Давай! Про ночной бомбардировщик, что ли?

– Да нет, самолёт пассажирский! – она прокашлялась, и запела своим мягким и мелодичным голосом. Её голос звучал у Андрея прямо в голове:

"– Поздний час, половина первого

Семь тысяч над землей

Гул моторов, обрывки сна

За окном облаками белыми

Бежит пейзаж ночной

А над ним летит луна"

Песня расслабляла, настраивала на мирный лад. К голосу Агнии стал приплетаться какой-то мерный ритм, видимо она в такт словам стала чем-то пристукивать по лафету пулемёта.

"– Тайное движенье в небе без конца

Вижу отраженье твоего лица

Ты далеко от меня за пеленой другого дня

Но даже время мне не сможет помешать

Перелететь океан и разогнав крылом туман

Упав с ночных небес скорей тебя обнять..."

Тут она резко оборвала пение, и замолчала, как будто к

чему-то прислушиваясь.

– Так, Андрюша, к бою!

Андрей встрепенулся:

– Что случилось? До цели ещё несколько минут лёту!

– Я чувствую... Сейчас что-то будет... От тебя потребуются всё твоё умение и выдержка. Пока не могу сказать. Нет ясности. Но что-то будет...

Внизу показались разрывы облаков. Эскадрилья шла, держа прежний курс. Командир эскадрильи, Илья Кутеев, кося глазом на планшет с картой, лежащий на левом колене, и бросая быстрые взгляды на проплывающую под крылом открывшуюся в просветах местность, пытался быстро сориентироваться. Наконец, полминуты спустя, все пилоты услышали в наушниках его голос:

– До цели одна минута. Цель слева, тридцать. Начинаю снижение.

И тут на горизонте, прямо по курсу, на пределе видимости, появились малюсенькие точки. Они росли, их уже можно было сосчитать. Они шли с небольшим превышением, чуть меньше, чем на трёх тысячах. Где-то 2700...2800 метров.

– Э! Горбатые! Впереди самолёты противника! – подал в эфир голос командир истребительного прикрытия, – восемнадцать штук, похоже на пикировщики, идут двумя девятками. Что будете делать?

Трёхсекундная пауза и ответ комэска Кутеева командиру

прикрытия:

– У меня приказ: атаковать цель. А ты и твои орлы – атакуйте пикировщики!

– Не могу, у меня тоже приказ: от вас ни на шаг! – прогудел в эфире голос командира истребительного прикрытия.

Трёхсекундная пауза...

– Чудилин!

Андрей, весь на адреналине, мгновенно щёлкнул тумблером, переключаясь на передачу:

– Я!

– Слушай мою команду: третьему звену атаковать пикировщики! Как понял?

Щелчок тумблера на передачу:

– Приказ понял: моё звено атакует пикировщики.

Обратный переброс тумблера на приём. В наушниках опять голос комэска, дрожащий от возбуждения, но с хорошо заметным металлом в голосе:

– Первое и второе звено – атакует основную цель. За мной!

И его самолёт, наклонив нос, начал свой стремительный разгон в сторону цели. Первое и второе звено в точности повторили его маневр.

Андрей же, опять щёлкнув тумблером, крикнул в эфир:

– Третье звено! Атакуем пикировщики! За мной!

И двинув рычаг газа вперёд на максимум, полез в набор

высоты²⁹. Все три пилота его звена повторили его действия и поддав газу, тоже стали набирать высоту. Истребители сопровождения, видимо, повинуясь приказу своего командира, разделились: две пары остались сопровождать основную группу, пикирующую вниз, а одна пара, как привязанная, пошла в набор высоты, прикрывая набирающее высоту звено Андрея.

Пикировщики росли в размерах, уже были видны их изогнутые «обратной чайкой» крылья, и тоненькие лапки неубирающихся шасси.

«Две девятки... неужели они без прикрытия идут? Должна же у них быть группа расчистки воздуха?³⁰» – толкнулась в голове мысль.

---

²⁹ при удобном случае штурмовики Ил-2 никогда не упускали возможность атаковать немецкие бомбардировщики и транспортные самолёты. В частности, атаки Илов на пикировщики Ю-87 случались неоднократно.

³⁰ группа расчистки воздуха – тактика прикрытия ударных самолётов у нас и у немцев была разная. У наших – это непосредственное сопровождение ударной группы на всём протяжении полёта. И за каждый потерянный штурмовик или бомбардировщик от огня немецких истребителей с истребителей сопровождения строго спрашивали. И в случае больших потерь жёстко наказывали. У немцев было иначе: впереди ударной группы бомбардировщиков летела «группа расчистки воздуха» – несколько десятков истребителей, задачей которых было уничтожение или выдавливание из района действия немецких бомбардировщиков всех советских истребителей. Но непосредственного прикрытия для своих бомбардировщиков они не обеспечивали, что приводило порой к чувствительным потерям. В конечном итоге это привело к тому, что в условиях господства советской авиации в 1944-45гг. немецкие бомбардировщики практически перестали появляться в небе, лишь время от времени нанося эпизодические «булавочные уколы».

– Вот они! Вот они!!! – крикнула Агния у него в голове, – слева, девяноста!

Быстрый бросок взгляда в левую форточку – точно!!!
Сверху, восемь точек! Валятся вниз со стороны солнца!!!

Бросок тумблера рации на передачу:

– Маленькие!! Слева сверху фрицы!!! Прикройте!

– Видим!

Два Лавочкина синхронно заложили резкий левый разворот в сторону истребителей противника.

– Горбатые! Бейте лаптёжников! С мессерами мы разберёмся!

Силуэты лаптёжников растут в размерах – до них уже не более трёх километров. Один из пикировщиков отделяется от группы, и набирая в пологом пикировании скорость, уходит вниз.

«Куда он? Почему один?» – в голове пулей пролетает мысль.

– Цель сейчас обозначит, – скороговоркой тараторит за спиной Агния, отвечая на его мысленный вопрос, – цель – наши войска на отвоёванном плацдарме. Андрюша, не промахнись! Сбей ведущего группы – он идёт в центре первой тройки. Вали его, Андрюша!!!

Андрей бросает быстрый взгляд направо, на самолёты своего звена – они растянулись в стороны, обеспечивая себе свободу манёвра при атаке, и напористо, на полном газу, набирают высоту.

Андрей видя, что его звено уже, наконец-то, набрало ту самую высоту, на которой идут немецкие пикировщики, отдал ручку от себя, и мелкими, несуетливыми движениями выровнял нос самолёта, направив его точно на центр строя Юнкерсов.

Пилоты пикировщиков, почуяв неладное, занервничали, стали перестраиваться.

Андрей выбрал себе цель – идущего впереди всех Юнкерса, вогнал его в перекрестие прицела, выдохнул, и нажал обе гашетки. И тут же увидел, как затрепетали на крыльях летящего навстречу пикировщика две огненные точки! Ведущий немец оказался тоже неробкого десятка, и принял навязанную ему лобовую атаку! Вспышки от выстрелов осветили кабину, дымные линии, перечёркнутые зелёными и красными огоньками трассеров, потянулись в сторону ведущего Ю-87.

Навстречу рванулись трассы 20-мм снарядов Юнкерса, бабахнуло по правому крылу. Одна, две, три секунды... вспышки попаданий окутали Юнкерс, и вспыхнувшим ярким факелом, он проскочил мимо левого борта, метрах в двадцати. Андрей успел рассмотреть тускло-оливковый фюзеляж, перекрытый угловатыми буро-коричневыми пятнами камуфляжа, жёлтую полосу на фюзеляже перед хвостовым оперением, жёлтые же руль поворота и низ капота двигателя. С резким, коротким гулом сбитый Юнкерс промелькнул совсем рядом и скрылся за хвостом, повесив в небе столб чёрной копоти. Тут же промелькнули, разойдясь со звеном

штурмовиков на встречных курсах, остальные пикировщики.

– Атакуем ещё раз! – крикнул в эфир Андрей, забыв отщёлкнуть тумблер радиации на передачу. Но его опять, как и в прошлый раз, почему-то услышали все пилоты его звена. Заложив левый вираж, Андрей увидел грандиозную картину: два сбитые пикировщика, разваливаясь на части, кувыряясь, летели в свой последний путь к земле, ещё один, сильно дымя мотором, отвалил в сторону. А тот самый пикировщик-одиночка, что полминуты назад с набором скорости ушёл вниз, уже заканчивал свою работу – он обозначал для своих камерадов цель! Включив подвешенную под брюхо дымовую шашку, он, стоя в крутом левом вираже, и оставляя за собой жирный хвост дыма, уже почти замкнул свой круг. И круг этот был точнёхонько над нашими войсками на отвоёванном плацдарме! Прорвавшиеся сквозь огонь штурмовиков оставшиеся четырнадцать Юнкерсов были уже почти над кругом, и готовились к своему убийственному броску к земле. И даже сбитие командира группы их не особенно сбilo с панталыку – их строй был уже почти над целью, обозначенной дымным кольцом.

– Вот гад! Он же так цель для всей группы обозначил! – вскрикнул Андрей.

– Не отвлекайся, он уже свою работу сделал, бей тех, кто сейчас будет пикировать, – быстро затараторил Ангел за спиной.

– Не успеваю... – Андрей бросил пару быстрых взглядов по сторонам – этого хватило, чтобы понять, что все его парни живы, и все, развернувшись, уже идут в повторную атаку. Но они тоже не успевали перехватить первого пикировщика, который уже свалился на крыло, и набирая скорость, ринулся вниз в почти отвесное пике.

Немец был чуть выше, дистанция до него была около по-

дукилометра, он почти перевалился на спину, задрав свои несуразные лапти в небо, и наращивая скорость, пикируя под углом около 70 градусов, должен был промелькнуть перед носом у Андрея секунд через пять...

– Бей его на пересечке! Упреждение – 5 корпусов! Заградительный огонь! – стрекотала за спиной Агния.

Андрей отдал ручку от себя, разгоняя самолёт, вынес точку прицела далеко перед носом несущегося к земле лаптёжника и дал длинную очередь из всех стволов. Было хорошо видно, как пилот лаптёжника, увидев трассы перед носом, стал судорожно дёргать рулями в попытке миновать трассу. Но через полсекунды влетел в неё, взорвался облаком ошмётков, и вылетел вниз уже бесформенной и неуправляемой грудой металла, раскрашенного буро-оливковым камуфляжем.

– Есть второй!

Андрей, проскочив вперёд, успел бросить взгляд наверх, в плексигласовое окно над головой: прямо на него валился в пики следующий Юнкерс, третий начинал свой поворот через крыло, но не успел – его прошла очередь кого-то из подоспевших штурмовиков! Заложив левый вираж, Андрей бегло осмотрелся – наверху пара Ла-5 жёстко рубилась мессерами из группы «расчистки воздуха», уводя их подальше от места схватки штурмовиков с пикировщиками. Ещё два Юнкерса, оставляя за собой дымные хвосты, пошли вниз со снижением.

– Есть ещё один! – послышалось в эфире. Андрей узнал голос Мишки Никитенко.

Стоя в левом вираже, Андрей увидел, что все остальные Юнкеры спешно освобождаются от бомбовой нагрузки, и сбросив неприцельно свои бомбы, хаотично рассыпались по небу. И только двое смогли спикировать в обозначенный дымом круг и прицельно сбросить свои бомбы.

– Собирай звено! Дело сделано – атака сорвана, – в голове звучит спокойный голос Агнии.

Щелчок тумблера на передачу:

– Парни! Прекратить преследование!

Собрав звено, Андрей даёт новую команду:

– Работаем по основной цели.

И разворачивает самолёт, направляя его в сторону крутящейся над позициями немцев карусели. Быстрый взгляд на приборы – вода почти кипит, масло тоже. Ручку от себя, газ на минимум – пусть движок хоть чуть-чуть отдохнёт. Высота падает, скорость растёт: несмотря на то, что движок работает на самых малых оборотах, самолёт, планирующий под углом 30 градусов, разгонятся сам по себе, как с горки на санках.

Через полминуты, встроившись в общую карусель над целью, четыре самолёта третьего звена освобождаются над целью от ЭРЭСов и бомбовой нагрузки.

***

Всю обратную дорогу домой Агния сидела, нахохлившись, как воробей на жёрдочке, и молчала. Попытки разго-

ворить её ни к чему не привели. Андрей же был весь на адреналине – удачная атака на немецкие пикировщики несказанно воодушевила его, а пара лично сбитых Юнкерсов буквально вырастила крылья за спиной. Но вскоре молчание Агнии стало угнетать, потом в сердце поселилось беспокойство, постепенно перераставшее в нешуточную тревогу. В конце концов он толкнул свою мысль в сторону Агнии, обозначив в воздухе один большой вопрос.

Она откликнулась спустя несколько секунд:

– Беда идёт, Андрюша. Большая Беда. Будь начеку.

Секунд десять Андрей молчал, переваривая услышанное, потом задал уточняющий вопрос:

– Беда грозит мне?

– Нет. Это относится к другому человеку.

И помолчав немного, добавила:

– И она уже почти пришла, мы не успеем. Ты сможешь только отомстить.

Сердце ухнуло вниз, кровь прилила к лицу, бросило в пот. Ничего уточнять не хотелось, и... где-то в глубине, глубоко-глубоко, таилась надежда что...

Нет, Агния не ошибается! Что-то будет... Что?!

В наушниках послышался весёлый голос комэска:

– Ну вот, мы почти дома!

И вдруг... тут же, тревожно:

– Внимание! Над аэродромом самолёты противника!

И точно: над аэродромом вились несколько пар самолё-

тов – они делали заход, атаквали, выныривали вверх, делали пологий вираж и снова ныряли вниз, атакуя всё, до чего могли дотянуться.

До них было километра три, и уже хорошо различались тощие, худые силуэты двухмоторных стодесятых мессеров.

– Внимание! Атаковать самолёты противника! Первое звено заходит справа, второе – слева! Третье бьёт тех, что по центру! – проревел в эфир командир эскадрильи Илья Кутев.

Все самолёты поддали газу, и разбившись на три четвёрки, наращивая скорость, пошли к своему аэродрому. У большинства боекомплект был расстрелян весь, «до железки»; у некоторых ещё оставалось совсем чуть-чуть. По несколько снарядов на ствол...

***

– Воздух! – заорал кто-то, и все, кто был на поле, помчались к укрытиям. Буквально через пять секунд с нарастающим рёвом из-за кромки леса выскочила пара двухмоторных Me-110,

и сбросила пару бомб. Бомбы рванули на поле, не причинив вреда. Тут же проснулись 37-мм зенитки и часто-часто захлопали, посылая 5-снарядные очереди в небо. Сразу за первой парой выскочила вторая и с ходу подавила одну из зенитных батарей, засыпав её кучей мелких осколочных бомб. Облако разрывов накрыло позиции зенитной батареи. Тут же со звенящим рёвом выскочила третья пара и сыпанула мелкими осколочными бомбами совсем недалеко от стоянок. Послышались крики первых раненых...

Антонина присела на дно окопа и заворуженно смотрела на то, как немецкие самолёты, сбросив бомбовую нагрузку, делая заход за заходом, принялись штурмовать аэродром с

бреющего полёта. В первые же полминуты боя ими были подавлены ещё две батареи 37-мм зениток.

Расстреляв пулемётно-пушечным огнём зенитки, тяжёлые двухмоторные истребители-бомбардировщики принялись за стоянки самолётов.

Две четвёрки Илов стояли около деревьев, прикрытые маскировочной сетью. Первым же близким разрывом немецкой 50-килограммовой бомбы снесло маскировочную сеть, и самолёты стояли совсем открытые. Рядом стояли две только что подъехавшие машины, кузова которых были битком набиты 100-килограммовыми бомбами. Рядом с одним из самолётов стоял бензозаправщик, конец шланга тянулся к самолёту – только что часть содержимого цистерны была перекачана в баки готовившегося к вылету штурмовика. С первыми же криками «воздух!» всех, кто был рядом с заправщиком, как ветром сдуло – сейчас они, втянув головы в плечи, как и все остальные, сидели, скрючившись, и вжавшись в стенки окопов.

С рёвом пронеслась на бреющем пара атакующих аэродром самолётов, поливая всё перед собой из пушек и пулемётов.

– Бензин! Заправщик!! Заправщик горит!!! – проорал кто-то совсем рядом в окопе.

Антонина подняла голову над бруствером и увидела, что у бензовоза, стоявшего в двадцати метрах от их окопа, задымился двигатель – по всей видимости, одна из зажигатель-

ных пуль попала ему в мотор. Через пару секунд из-под капота вырвались языки пламени.

– Твою мать! – истошно проорал кто-то в окопе, – всё!! Там же пол-цистерны бензина! И бомбы рядом! Пи.....ц всем! Ща как ёб.....т!!!

Из тех, кто был рядом с нею в окопе, некоторые, закрыв руками голову, упали на самое дно окопа, остальные рванули бегом, нещадно топчась сапогами по тем, кто упал. Кто-то побежал, пригибаясь, вправо вдоль окопа, кто-то рванул влево – лишь бы подальше от готового вот-вот взорваться бензовоза, подальше от снаряжённых и заправленных самолётов, и машин с бомбами.

Антонина же, как прибитая, осталась на месте – ноги у неё отнялись от страха, в голове вихрем закружился хоровод мыслей:

«Бензин... бомбы... самолёты... всё взорвётся... люди... погибнут... надо что-то делать!»

Антонина ошеломлённо оглянулась вправо-влево. Губы её прыгали, глаза были широко распахнуты, рот приоткрыт... Оглушённая рёвом самолётов, грохотом взрывов и гарью от пожаров, она беспомощно оглядывалась вокруг, ища помощи и поддержки. Никого рядом не было...

И вдруг!

Какая-то неведомая сила выбросила Антонину из окопа – она перемахнула бруствер и стремглав со всех ног помчалась к бензовозу.

– Куда ты, чокнутая?! Назад, дура!!! – орали ей в след несколько сорванных голосов.

«Полминуты... у меня есть полминуты... надо успеть!» – билась в голове у неё одна-единственная мысль.

Она вскочила в кабину – двигатель горящего бензовоза неспешно бухтел на малых оборотах.

«Так... выжать сцепление... включить передачу... сцепление отпускаем... газ добавляем» спокойно про себя она повторяла заученные действия. ЗИС дёрнулся и поехал.

«Главное – отъехать подальше от самолётов, метров на сто... главное – подальше от самолётов... подальше в поле...» – повторяла она раз за разом, отгоняя бензовоз на середину лётного поля...

***

– Внимание! Андрюша, вот они, вот они! – с надрывом вскрикнула сзади Агния, и быстро-быстро протараторила: – у тебя всего 23 снаряда – 12 в левой пушке и 11 в правой... На две очереди. Ты не должен промахнуться. Бей только наверняка. Я подскажу, когда.

Андрей увидел, как одна из пар Ме-стодесятых спикировала на аэродром. Расстояние до них было чуть больше километра, стрелять бессмысленно – на такой дистанции ни за что не попадёшь. И ещё глаз уловил движение какой-то машины по полю аэродрома – она медленно (так казалось с высоты) ехала от стоянок с самолётами. Она была вся объята пламенем, за ней тянулся, стелясь по земле, и заворачиваясь

клубами, чёрный дым от горящего бензина. «Неужто сама поехала? Или в ней кто-то есть?!». Додумать мысль не удалось: носы мессеров осветились короткими вспышками выстрелов, трассы с тусклыми огоньками потянулись к машине, через треть секунды взрыли землю вокруг... и... уткнулись в неё!

На месте машины вспухло ярко-оранжевое облако вспыхнувшего высокооктанового бензина, рвануло в стороны, разбрасывая какие-то тёмные обломки. Оба мессера, выходя из атаки и уворачиваясь от вспухающего облака горящего бензина, синхронно отвернули вправо градусов на тридцать. Как раз в ту сторону, откуда на них валились сверху разогнавшиеся в пикировании на полном газу четыре штурмовика третьего звена. Немцы быстро заметили новую угрозу, и почти сразу же начали маневр уклонения – тут же вошли в крутой левый вираж. Но было уже поздно – через две секунды Андрей сзади-справа, на пересекающихся курсах, почти вышел на дистанцию открытия огня – до мессеров, только что уничтоживших бензовоз на поле, было метров 400, не больше.

Большой палец левой руки щёлкнул тумблер радиосвязи на передачу, услышав щелчок в наушниках, Андрей, не оборачиваясь, выкрикнул в эфир:

– Я седьмой! Мишка, прикрой, атакую!

Оба мессера попытались неуклюже увернуться от атакующего их русского штурмовика, но у них это плохо получи-

лось – после нырка к земле они полезли вверх, набирая рабочую высоту, и неизбежно потеряли скорость.

Дистанция до них уменьшалась: 300...250...200 метров. Уже можно открывать огонь...

150 метров... 120... Сокращение дистанции замедлилось – пилоты обоих двухмоторных мессеров, спасая свои тевтонские шкуры, втопили газ, пытаясь оторваться от атакующего их русского штурмовика.

100 метров!

– Вот-вот... ещё чуть-чуть! – мстительно цедит сквозь зубы Ангел за спиной.

Но дистанция уже не уменьшается – они сравняли скорость и продолжают её наращивать, улепётывая на запад! С обоих двухмоторников потянулись трассеры от задних огневых точек – оба немецких стрелка открыли ответный огонь по атакующему их штурмовику. С дистанции в сотню метров промазать трудно – пули калибра 7,92мм как дробь застучали по бронекорпусу и центроплану, выбили фонтан мелких щепок с консолей крыла, оставили две белые мутные отметины на лобовом бронестекле...

– Пора!!! Вали их Андрюша! – грохнуло голосом Ангела в голове, – У тебя две очереди! Бей их, гадов!!!

Короткими, точными движениями ручки управления Андрей загнал силуэт первого мессера в перекрестие прицела, выдохнул, и втопил гашетки.

Первыми же снарядами он разнёс остекление длинного, как трамвай, фонаря. Мессер тут же клюнул носом к земле.

– Есть один! – крикнул Ангел за спиной, – бей, бей второго! У тебя одна очередь! Быстрее!!!

Второй мессер пытается уйти крутым левым виражом, он встаёт «на крыло» – перпендикулярно земле. И тут же быстро переключается в правый вираж – немецкий пилот, видя, что дело пахнет керосином, как последний шанс пытается исполнить «ножницы».

«Врѣшь, не уйдѣшь!» – короткий доворот, слаженная работа педелями и ручкой – небольшое упреждение в полкорпуса. Прямо в мозг вспышкой бьёт острый электрический импульс от Ангела, короткая команда «Огонь!».

Пальцы топят обе гашетки – дымные струи, перемежаемые огоньками трассеров, упираются в худой силуэт мессе-

ра – пересекают наискось фюзеляж, правый мотор и правую консоль. По попаданиям Андрей сразу видит – «не жилец».

И точно! В следующие полсекунды надламывается простреленный двумя 23-мм снарядами лонжерон правой консоли, и самолёт кувыркаясь, устремляется к земле. В небе остаётся порхать, как лист фанеры, отстреленный фрагмент консоли, метра три длиной.

***

Эскадрилья в полном составе закончила посадку. Сиделись немного в стороне – почти на середине полосы догорал остов сгоревшего бензовоза. Рядом стояла пожарная машина, суетились люди.

Сели, зарулили на стоянки.

Андрей устало вылез из кабины, прошёл по центроплану до кабины стрелка, хлопнул по фонарю рукой, удивляясь, почему Агния до сих пор не открыла его сама и почему не торопится вылезать. Заглянул внутрь через плексиглас – она сгорбившись сидела на ремне, как воробей на жёрдочке – её сотрясали рыдания.

Андрей сам откинул фонарь вверх, взял её за плечи, заглянул в глаза – на неё было больно смотреть.

– Ну, всё, всё, вылазь... – он потянул её из кабины.

Она послушно подалась вперёд, всхлипывая и роняя слёзы на борт фюзеляжа.

– Да что с тобой?! Ну же! Посмотри на меня! – Андрей требовательно посмотрел ей в лицо. Агния не в силах вы-

молвить ни слова, только замотала головой и уже не сдерживаясь, заревела в полный голос. Он перетащил её через борт, как кулёк с мукой, поставил ногами на крыло. Но как только он ослабил свои руки на её плечах, она тут же безвольно села на крыло, и ревя в полный голос, закрыла лицо ладонями.

– Да что такое... – Андрей сокрушённо развёл руками, – да что случилось-то?!

Он беспомощно обернулся и увидел Шурку – она стояла недалеко от самолёта и смотрела на Андрея и Агнию. Её было не узнать: обычно после посадки она весёлым галопом бежала к самолёту, чтобы помочь вылезти из кабины, принять парашют, выслушать замечания по машине, теперь же она просто молча стояла рядом с самолётом. Руки её безвольно свисали вдоль тела, кисти рук тряслись крупной дрожью, губы прыгали, не в силах произнести ни единого слова, по чумазым щекам, оставляя светлые дорожки, безудержно, одна за другой, текли слёзы...

Андрей спрыгнул с центроплана, обернулся на продолжающую сидеть на нём Агнию, подошёл к Шурке, и чувствуя, как сердце гулко бахает в груди, взял её за плечи и требовательно произнёс:

– Говори.

Она несколько раз сглотнула, всхлипнула, и с трудом выдавливая из себя слова, еле-еле смогла вымолвить:

– А-а-а-н-то-ни-на.

Сердце ухнуло вниз и остановило свой бег... Вот она, та

самая беда, о которой говорила Агния!

Он сглотнул и заставил себя задать ещё один вопрос:

– Как?

– Бен-бен- бе-н-зовоз. – по слогам, прерываясь на рыдания, выдавила из себя Александра.

Ноги в момент стали ватными, всё тело как будто занемело; ища опоры, Андрей бессильно привалился к борту самолёта.

В голове вихрем закружился табун мыслей...

Всё мгновенно срослось: и беспокойство Агнии о какой-то грядущей беде, и её слова о том, что он сможет только отомстить, и отчаянно ползущий от стоянок по полю бензовоз, и вспышка всепожирающего пламени, и дикая погоня за парой десятых мессеров, поджёгших этот бензовоз, которых, кровь из носу, но нужно сбить...

Табун мыслей умчался из головы, оставив одну-единственную – свинцово-тяжёлую, неподъёмную: «Вот она беда... отомстил...»

Он стоял на негнущихся ногах, смотря на шершавый борт своего самолёта, не замечая ничего, что творилось вокруг.

А из приземлившегося, и так и оставшегося на полосе самолёта командира эскадрильи несколько человек вынимали раненого Илью Кутеева – получив ранение в руку, он не мог самостоятельно вылезти из кабины...

***

Через час рядом с могилой командира эскадрильи капита-

на Вячеслава Миронова появился ещё один, свежий холмик. Троекратный залп прогремел над лесом... Скорбно посто-
яв, люди стали потихоньку расходиться. Андрей продолжал
молча стоять с окаменевшим сердцем. Рядом стояли Агния и
шмыгающая носом Александра. Агния мягко взяла Андрея
за руку, подняла к нему своё лицо, внимательно посмотре-
ла ему в глаза. Вздохнула, и тихо-тихо прочитала какие-то,
неизвестные Андрею доселе стихи:

– Почему все не так? Вроде все как всегда:

То же небо – опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,

Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас

В наших спорах без сна и покоя.

Мне не стало хватать его только сейчас,

Когда он не вернулся из боя.

Почему все не так? Вроде все как всегда:

То же небо – опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,

только он не вернулся из боя.

Она подняла на него свои большие глаза, враз ставшие
мокрыми, и тихонько промолвила:

– Это Высоцкий. Дальше читать?

Андрей сглотнул ставшей вязкой слюну, и молча, разма-
шисто кивнул головою.

Агния продолжила:

– То, что пусто теперь, – не про то разговор,
Вдруг заметил я – нас было двое.

Для меня будто ветром задуло костер,
когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна,
по ошибке окликнул его я:

Друг, оставь покурить! А в ответ –
тишина: он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
наши павшие – как часовые.

Отражается небо в лесу, как в воде,
и деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
нам и время текло для обоих.

Все теперь одному. Только кажется мне,
это я не вернулся из боя.

Шурка не выдержала, и снова разревелась в полный голос.
Махнула рукой и пошла-пошла куда-то в сторону, куда глаза
глядят.

– Сегодня из досочек обелиск сделаю, – чужим, хриплым
голосом выдавил из себя Андрей, – звёздочку из алюминия
вырежу, красным покрашу. Как Славке вчера... И это... – он
сглотнул, не в силах далее говорить, и отвернулся, не желая,
чтобы Агния видела его слёзы.

Быстрым движением смахнул их рукой и продолжил:

– И это... – он шумно потянул в себя воздух, выдохнул,

пытаясь совладать с собой, но голос дрожал, выдавая его состояние: – эти стихи на обелиске напишем... Вот, чёрт, да что же это такое!

Он в остервенении сорвал с головы шлемофон и стал вытирать катящиеся по щекам слёзы, стыдясь своей, как ему казалось, слабости. Агния, тонко чувствуя его состояние, подошла к нему вплотную, запрокинула свою голову вверх, заглянула ему в глаза:

– Да, Андрюшенька, поставим. И напишем. Не волнуйся, я с тобой...

И она, привстав на цыпочки, молча потянулась губами к его губам – желая сохранить его спокойствие, она не стала говорить Андрею, что поставят обелиск Антонине завтра уже не они, а совсем другие люди...

Глава 10. Встречная карусель.

– Ну что, старлей, поведёшь эскадрилью вместо старшего лейтенанта Кутеева? – командир полка в упор смотрел на Андрея.

– Надо будет, поведу. – спокойно ответил Андрей Чудилин, отвечая командиру прямым, уверенным взглядом.

– Вот и молодец, другого ответа я от тебя и не ожидал. Справишься?

– Постараюсь.

– Да я думаю, справится он, – подал голос заместитель командира по политической части, – парень он боевой, сегодня вообще на коне – двух лаптёжников завалил, да ещё и двух стодесятых. Где это видано, чтобы лётчик штурмовой авиации за один вылет четырёх фашистских стервятников в землю вогнал? Надо корреспондента из «Красной звезды» вызывать, пусть статью о нём напишет! Верно я говорю? Это же немыслимый случай!

– Так, товарищ замполит, про «Красную звезду» – потом, – отмахнулся ком. полка майор Беляев, – сейчас другие задачи.

Он выдохнул, и продолжил:

– От третьей эскадрильи рожки да ножки остались после налёта «стодесятых» – четыре самолёта, да и те требуют ремонта. С первой эскадрильей всё гораздо лучше – там во вре-

мя налёта пострадала всего пара самолётов. В вашей, второй эскадрилье после того, как вы схватились над аэродромом со «стодесятыми», тоже едва-едва восьмёрка наберётся. Остальные – в ремонт.

А плацдарм прикрыть надо – пока погода позволяет. Немцы туда стягивают и стягивают свежие силы, нашим приходится туго. Из дивизии пришёл категоричный приказ – любой ценой обеспечить поддержку с воздуха. Третья эскадрилья сейчас пойдёт на взлёт. Ваша вторая – следом. Задача ясна?

– Так точно.

– Метео передаёт – сейчас там растянуло облачность, видимость на подходе к цели хорошая. Идёте на 1000...1200 метрах, как обычно. Вылет – через полчаса после первой эскадрильи. Они там держатся столько, сколько смогут сделать заходов. Они уходят – вы их сменяете. И тоже висите над целью как можно дольше. Вплоть до того, что делаете несколько холостых заходов, после того, как кончится боезапас.

– Зенитки?

– Сейчас уже могли успеть и подтащить. Но если будут, то, скорее всего, немного. Истребители – более вероятно. Исходя из этого, и истребительное прикрытие вам дадут посерьёзнее. С вами пойдут четыре пары Лавочкиных. Если что, они вам помогут при штурмовке. Задача ясна?

– Так точно!

– Ну давай, старлей, в добрый час! – командир полка хлоп-

нул Андрея по спине.

***

Выйдя из землянки КП, Андрей, отойдя на десяток шагов, устало привалился спиной к дереву. Агния стояла рядом, чутко чувствуя изменения его настроения. Андрей стоял, откинув голову назад, и через прикрытые веки вприщур смотрел на тусклое зимнее солнце, упорно катящееся к закату. Вчера был тяжёлый день, а сегодня ещё тяжелее; и он ещё не закончился... Вчера – погиб комэск, Слава Миронов, сегодня – Антонина. Оба – у него на глазах, и он НИЧЕГО не смог сделать, чтобы спасти их. Вернее делал, что мог, но всё равно ничего не получилось. И два невысоких холмика выросли на краю лётного поля.

Утром был тяжёлый, трудный вылет. И – снова в бой. И на этот раз эскадрилью поведёт уже он лично. Холодный, липкий страх заворочался где-то внутри, ища выход наружу. Страх не за себя, а скорее беспокойство за общее дело: сможет ли он, справится ли?

– Слушай анекдот! – послышалось сбоку. Андрей скосил глаза – рядом стояла Агния, и тонко чувствуя настроение своего подопечного, решила его поддержать.

– Пришёл, значит, мужик на рынок, цветочек своей жене купить по случаю праздника, и всё никак не может вспомнить, как называется тот самый цветок, что у его жены самый любимый. Стоит, мужик, пялится на цветы, и неуверенно так бормочет себе под нос: «Могу ли я? Говнолия? А, вот,

вспомнил! Магнолия!»

Глядя на хитро улыбающегося маленького Ангела невозможно было не рассмеяться. Агния шагнула к Андрею и хлопнула его по руке:

– Ты вот что, орёл, не превращайся в этого «могу ли я?» – она приблизила своё лицо и уже серьёзно продолжила: – вымети всё это из головы. Ты командир эскадрильи, и командовать ты должен так, чтобы ни у кого не было ни капельки сомнения в правильности твоих команд. Люди под твоим началом идут на смерть, и им совсем не надо слышать тухлое бляение.

Глаза её блестели от возбуждения, слова, как тяжёлые стальные плиты, падали Андрею в душу:

– Ничего не бойся, иди впереди всех, покажи им, что ты готов отдать свою жизнь за них, и тогда они пойдут за тобой, и порвут всех фрицев. Сделай это! Готов?

Она легонько хлопнула своими ладошками его по груди и заглянула ему в глаза. Андрей улыбнулся, сглотнул, и уверенно кивнул:

– Готов. Всё, пошли, буду боевую задачу ставить.

Через минуту они подошли к группе пилотов их эскадрильи. Андрей расстегнул планшет, вынул карту:

– Так, парни, вылет через 30 минут. Сейчас взлетает первая, мы – через полчаса после них. Идём на 1000-1200 метров. Работаем по тому же самому плацдарму. Держимся в районе цели максимально возможное время. Делаем, как ми-

нимум, восемь заходов. Если будет возможность, делаем и несколько холостых заходов. Отход – вот по этому маршруту, – карандаш в его руке заскользил по карте.

Пилоты зашевелились, принялись доставать карты из своих планшетов, и стали наносить на них маршрут. Закончив с картами, и получив последние наставления, все разошлись по своим машинам – проследить за погрузкой боекомплекта.

***

Подходя спереди, со стороны носа, к своему самолёту, Андрей увидел Шурку, которая, взобравшись на левое крыло, усердно, через трафарет, рисовала красные звёздочки на левом борту. Не слыша шагов подошедших Андрея и Агнии из-за работающего неподалёку мотора, она, нахмурясь и плотно стиснув губы, уже заканчивала свою работу.

Андрей уже было намеревался её окликнуть, но Агния его опередила: Александра почувствовала в голове лёгкий толчок мысленного вызова, знак вопроса и мягкое, щекочущее приятное ощущение где-то на стыке затылка и шеи. Александра обернулась – и на её сердитом и скорбном лице, разлинованном уже высохшими светлыми полосками от бежавших слёз, появилась улыбка.

– А я вот тут решила... раз вы сбили... – она посмотрела на Андрея, перевела взгляд на Агнию, потом снова на Андрея. Смутилась, и поправила сама себя: – ой, не то сказала...

– Чего ты «не то» сказала? – не понял Андрей.

– Ну, я хотела сказать, что ТЫ сбил... этих четверых. Фашистов.

Андрей усмехнулся:

– Э-э, нет, Александра батьковна, всё ты правильно сказала. Не я, а МЫ сбили, вдвоём. Мы – экипаж, и все наши победы – общие. И разделять их не надо. А к ним и ты причастна. Кто нам самолёт к вылету готовит? Кто оружие проверяет?

Александра счастливо улыбнулась, всхлипнула, слезла с крыла, поставила банку с краской на землю, наскоро вытерла тряпкой перепачканные красной и белой краской руки, и подойдя к Андрею и Агнии, сгребла их своими руками в кучу. Притянула их, обняла обоих, ткнулась своей чумазой заплаканной мордахой в грудь Андрею, таким способом молча выражая обуревавшие её чувства.

Андрей легонько похлопал её по спине:

– Ну, будет, будет. Всё хорошо.

Она немного отстранилась от них, подняла лицо и готовая вот-вот снова расплакаться, произнесла, кусая губы:

– Одни вы у меня остались. Нету Антонины... – губы её предательски затряслись: – нету уже... сгинула... вот.

Она смахнула рукой выступившие уже было слёзы, и шмыгнув носом, взяла себя в руки, и доложила:

– Боекомплект загружен. ФАБ-100 – две штуки, и две кассеты зажигательных ампул АЖ-2. И восемь РС-82. Боекомплект к пушкам и пулемётам – полный, к УБТ – тоже.

Она хотела ещё что-то сказать, но что-то ей мешало – на лице её отражалась буря чувств, губы ходили ходуном, наконец, она сглотнула, совладала с собой, и добавила:

– Я тут вот, ещё... по собственной инициативе... белой краски попросила, и вот тут вот на борту вам написала... можно показать? Это там, – она махнула рукой, – отсюда, с носа, не видно.

Она виновато-вопросительно посмотрела на Андрея.

– Что написала-то? Где? – не понял он, но Шурка, схватив его за руку, уже тащила его вокруг самолёта, к хвостовой части, которая до сих пор скрывалась от их взора за широким крылом.

Таща за собой Андрея, Шурка нырнула под крыло – Андрей едва успел пригнуться, чтобы не треснуться головой о консоль крыла с нависающими под ней четырьмя ЭРЭСами. Агния поспешила за ними.

На левом борту, прямо под кабиной стрелка, красовалась белая крупная надпись:

«За Тоню Шумейко и Славу Миронова!»

– Не будете ругать, товарищ командир? – она вопросительно и с надеждой смотрела на старшего лейтенанта.

– Да нет... за что ругать-то? – Андрей задумчиво поскрёб переносицу, – молодец, что сообразила! Одобряю!

Он обернулся к Агнии за поддержкой. Она живо кивнула:

– Конечно! Молодец, что сообразила!

Шурка воспрянула, и воодушевившись, набрала в грудь

воздуха и выпалила единым духом:

– А звёздочки я вам на борту нарисовала, чтобы... чтобы знали гады, скольких уже вы в землю загнали! Чтобы увидев звёздочки эти, они заранее в штаны навалили!

Раздухарившись, она, смахивая с глаз брызнувшие снова слезы, остервенело замахала в воздухе сжатым кулаком:

– Врежьте им так, чтобы... чтобы... чтобы все их кишки, всю ихнюю поганую требуху наружу! Мокрое место от них там оставьте! Вбейте их в землю по самые ноздри! За нашу Тонечку, за Славу Миронова!!!

***

Взлетели девяткой – больше исправных самолётов было уже не набрать. Пока шли до цели, Андрей, хоть внешне это и никак не проявлялось, всё равно заметно волновался. Никакого страха не было, нет – он не боялся! Он тревожился только за одно – как бы не оплошать, не облажаться! Он впервые ведёт эскадрилью, и он должен вывести её на цель! Любой ценой. И ЕГО эскадрилья должна отработать по цели, на все 100 процентов. И все должны вернуться домой. Тоже любой ценой. Потому, что теперь он – комэск. И ему все верят. Верят там, на командном пункте полка, верят эти шестнадцать человек, что сейчас идут в строю правого пеленга рядом с ним, плечом к плечу, крылом к крылу.

«...нынче видимо, до ночи день тяжёлый мне маячит. Я не нож, но я заточен на военные задачи...»³¹ – беспокойной

---

³¹ Слова из песни «Где-то в небесах» Н.Анисимов.

нервной жилкой долбилась в голове какая-то рифмованная строчка.

Откуда ЭТО? Где я ЭТО слышал?!

Песня? Стихи? Так... так... «Агния» – догадался он, и сказал в голос:

– Агнюша, это от тебя мне в голову прилетело?

– Да, от меня. Это чтобы ты настроился, – и добавила: – не волнуйся. Цель ты найдёшь. И эскадрилья по цели отрабатывает как надо.

Андрей облегчённо выдохнул:

– Ффу... ну, раз ты ЭТО говоришь, значит, так и будет.

Агния в ответ промолчала – она не сказала про то, что будет потом... Зачем забивать человеку голову тем, что он не сможет предотвратить?

А предстояло страшное...

И ещё она знала, что при любом раскладе им обоим сегодня не вернуться на аэродром. Но, даже учитывая то, что обратной дороги у них нет, возможных вариантов расклада было очень много, и как всё дальше сложится, зависело сейчас только от неё. Поэтому она сидела молча, и тщательно перебирала и обыгрывала в голове возможные сценарии развития ситуации, и способы из неё выпутаться. По всему выходило, что способов немного, и все они крайне трудны по исполнению...

***

Цель увидели все и сразу – на горизонте возникло боль-

шое, тёмное облако от пожарищ над плацдармом. По мере приближения облако расширялось, расплзлось в стороны, и наконец, заняло полгоризонта. Видимость значительно ухудшилась – в воздухе висела взвесь из гари и копоти в виде тусклой дымки. Внизу полыхали костры с длинными, закрученными хвостами из жирного, коричнево-чёрного дыма, которые закручиваясь клубами и медленно рассеиваясь, поднимались в небо.

Наша пехота на земле, увидев подходившие к рубежу атаки наши самолёты, обозначила линию соприкосновения отстрелом в сторону немцев серии из нескольких красных сигнальных ракет. Буквально через несколько секунд и со стороны немцев стали хаотично взмывать в небо сигнальные ракеты – фашисты пытались сбить с толку командира эскадрильи русских штурмовиков. Но дело уже было сделано – увидев почти одновременный взлёт нескольких красных ракет, Андрей Чудилин быстро сориентировался, отметил для себя линию соприкосновения, и бросил в эфир чёткую команду:

– Внимание! Цель перед нами, слева тридцать. – и на всякий случай решил уточнить: – серию красных ракет все видели?

– Так точно... все... все... так точно... видели... – вразнобой и одновременно отозвались все пилоты эскадрильи.

Андрей снова нажал тумблер радиостанции на передачу: – Работаем с левого круга. Дистанция 500 метров. Атакуем по ведущему. Делаем восемь заходов. – и выдержав двух-

секундную паузу, выкрикнул с нажимом: – За Родину!

И свалил самолёт в левый вираж, разворачиваясь носом на цель. Все самолёты его эскадрильи, выдерживая необходимый временной интервал, тоже начали входить в левый разворот, и один за другим, выстраиваясь в длинную цепочку, устремлялись к цели.

Первую половину своей бомбовой нагрузки – две стокилограммовые фугаски Андрей свалил на замеченный им немецкий то ли блиндаж, то ли дзот. Заходя на цель, он чётко увидел приземистое, едва выступающее из земли строение с перекрытием в несколько накатов брёвен с расходящимися от него в разные стороны ходами сообщения. Андрей даже увидел несколько крошечных фигурок гитлеровцев, которые побежали по этим ходам сообщения, но было уже поздно – обе ФАБ-100 кучно легли в считанных метрах от точки прицеливания, в одно мгновение убив ударной волной и похоронив под завалами земли всех кто был внутри, и многих из тех, кто был снаружи.

Выйдя из атаки, и выполняя боевой разворот для выхода на контркурс от цели, Андрей увидел, что уже несколько самолётов его эскадрильи, выстроившись в цепочку, идут за ним, как привязанные – второй и третий уже атаковали цель, четвёртый – в данный момент атакует, пятый – пикирует на цель.

К моменту, когда последний, восьмой самолёт, вышел в атаку, Андрей уже успел набрать несколько сотен метров вы-

соты и замкнуть круг. На всё про всё ушло чуть более минуты. На втором заходе Андрей вывалил вторую половину бомбовой нагрузки – две кассеты ампул АЖ-2 на позиции миномётной батареи.

Беззвучно полыхнул белый фосфор, сжигая в вихре очищающего огня десятки фашистов.

– Есть накрытие! Одни головёшки остались! – эмоционально комментирует Ангел за спиной, и прибавляет: – это им за тех детей, которых они сожгли тогда в сарае. Помнишь?

– Да вовек не забуду! – выполняя левый разворот, и выходя в третий раз на боевой курс, Андрей успевает отвечать на реплики Ангела за спиной.

Третий, четвёртый заходы. Намётанным глазом Андрей замечает несколько целей, ещё не накрытых. Выскочив вверх, после четвёртого захода, тянется к переключателю радиостанции и бросает в эфир:

– Парни! Справа, у большого, разбитого сарая, две миномётные батареи, и на севере, на холмике, пулемётная позиция. Уничтожить!

Из эфира доносится вразнобой, но почти одновременно:

– Есть, вижу... щас я его... есть уничтожить!

Подумав пять секунд, Андрей добавляет:

– Воздушным стрелкам вести огонь по земле на отходе.

Тут же он видит, как от выходящего из атаки очередного Ила тянется назад, к земле, тоненькая красная строчка трас-

серов – его приказ поняли и уже выполняют. То же самое происходит и при атаке последующих Илов – после мощного фронтального залпа из курсовых огневых точек на выходе из атаки от каждого самолёта тянется назад и вниз строчка из УБТ – борт.стрелки весомо добавляют ещё и своих гостинцев.

Пятый, шестой, седьмой заходы... На восьмом заходе замолкли обе пушки. Осталось ещё совсем немного для ШКА-СОВ. На несколько очередей.

– Всё, боекомплект к пушкам – ёк! Выстрелил всё, до железки. – Андрей констатирует сей факт скорее для себя, чем для Ангела – тот и так всё слышит и всё знает.

Андрей бросает взгляд на часы – с момента первого захода прошло чуть более четырнадцати минут... Надо ещё хоть сколько-то продержаться над целью – чем дольше елозить по мозгам фашистам, даже просто утюжа их сверху холостыми заходами, тем больше шансов у нашей пехоты.

Андрей жмёт тумблер радиосвязи на передачу:

– Внимание всем! Делаем ещё два холостых захода!

А в мозгу теребится вязкая, настойчивая мысль: «чёрт... надо было оставить боекомплекта к пушкам хотя бы процентов десять на обратную дорогу. Ну хоть на пару очередей! И стрелки свой боекомплект тоже... чёрт, ну зачем я отдал приказ стрелять и им? Сколько там у них осталось-то? Мало ли что на обратном ходу может случиться... Увлёкся, балбес... И парням надо было сказать... чёрт, забыл!»

Рука запоздало щёлкает радиостанцию на передачу:

– Борт. стрелкам тоже прекратить огонь по земле!

Девятый, десятый заход...

Рука тянется к тумблеру радиосвязи, щелчок, и долгожданное:

– Всё парни, заканчиваем работу! Идём домой!

Андрей разрывает круг, и прижимаясь к земле, уходит в сторону от цели, выполняя «змейку». Один за другим, по очереди, все семь самолётов вываливаются из карусели над плацдармом, и пристраиваются к самолёту командира эскадрильи. Увидев, что последний самолёт подтянулся к общему строю, Андрей поддаёт газу и устремляется на восток.

Душа ликует, хочется петь, плясать, веселиться. Грудь распирает чувство гордости и удовлетворения. Я – командир эскадрильи (пусть и временно исполняющий обязанности), я – их вывел на цель, не облажался. Эскадрилья образцово отработала по цели, всех собрал, все живы, все идут домой... Отлично!

– Андрюша, хорош самохвальством заниматься! – требовательно прорывается в голову настойчиво-тревожный голосок Ангела из-за спины.

– А что такое? – спохватывается старший лейтенант.

– Беда Андрюша. Беда.

– Где, откуда?! – Андрей тревожно закрутил головой, оглядываясь по сторонам.

– Вон они, гады... явились, не запылились... справа, от

солнца!

И тут же в наушниках – рёв командира истребителей прикрытия:

– Внимание, горбатые! Истребители противника! Справа от солнца!

И тут же два истребителя отваливают в сторону, и набирая высоту, устремляются навстречу противнику.

Сердце в груди мгновенно ускоряется, выходя на высокий темп работы, гонит кровь по телу, мозг начинает лихорадочно работать в боевом режиме:

«Чёрт, чёрт, расслабился, пентюх, идиот... надо что-то делать... сколько их?»

– Двенадцать, сейчас навалятся. – Ангел за спиной тут же даёт исчерпывающую подсказку.

Вторая пара Лавочкиных, поддав газу, набирает высоту, стараясь занять позицию выше прикрываемых Илов хотя бы метров на триста-четырееста... Точки, приближающиеся с юга, со стороны солнца, уже заметно увеличились, и их можно сосчитать. Чёрт, их много, очень много. Истребители прикрытия не справятся. Сейчас они их сомнут... Остаётся одно решение.

– Внимание! Истребители противника! – Андрей по радиации дублирует сообщение командира истребительного прикрытия, и добавляет от себя: – становимся в левый круг! Дистанция – 400 метров!

И тут же пологим виражом отваливает влево.

– Андрей, зачем?! – негодует Ангел за спиной, – проку от твоего круга, коли боекомплект на нуле?! Чем отбиваться-то будете?

– Так у стрелков тоже... не густо, – пытаюсь оправдать своё, теперь уже понятно, неправильное решение, Андрей возражает, – они ж по земле тоже работали...

– Так там хоть что-то осталось! Э-эх! Может и отбились бы... – Ангел за спиной в бессилии остервенело машет рукой.

Пока Агния вправляет мозги Андрею, утекают драгоценные секунды: с интервалом в несколько секунд все восемь самолётов эскадрильи в точности повторяют его манёвр, и буквально за полминуты в небе выстраивается километрово-го диаметра хоровод из идущих друг за другом самолётов. За эти полминуты небо буквально взрывается встречным боем истребителей прикрытия и атакующих Фокке-Вульфов: два Ла-пятых, вышедших в лобовую атаку, сбивают с ходу одного фоккера, и тут же один из Лавочкиных тоже валится вниз, разбрасывая крылья – мощный залп, попавший в него, буквально разваливает его на части. Два Ла-пятых, оставшихся на высоте над группой прикрываемых Илов, как натренированные цепные псы, бросаются напересечку ударной группе Фоккеров, ведя заградительный огонь.

Одно звено из четырёх ФВ-190 выскакивает верх, уворачиваясь от трасс, остальная семёрка, не обращая внимания на огонь по курсу, пытаются прорваться сквозь сетку трасс,

что стоит им ещё двух самолётов – два Фокке-Вульфа-190 с дымом отваливают в сторону. Оставшаяся пятёрка Фоккеров на огромной скорости прорывается к Илам, и... наткнется на уже выстроившийся оборонительный круг. Стрельнув наудачу, и ни в кого не попав, они разделяются на две неравные части – два уходят влево и вверх, три – вправо и вниз, с явным намерением поднырнуть снизу.

Андрей всё видит, и отдаёт единственно правильную команду:

– Прижимаемся к земле!

Повинуясь ему, весь хоровод из штурмовиков дружно и слаженно снижается, защищая себя от атак снизу.

Сверху валятся те четыре ФВ-190, что совсем недавно попёрли в набор высоты. Как сорвавшись с обрыва, все разом они ныряют вниз, пытаясь атаковать идущие в круге Илы в крутом пикировании – стрелки не могут задрать стволы УБТ на такой угол, поэтому Фоккеры атакуют безбоязненно. Но и самим им приходится вести огонь с больших дистанций, т.к. атаковать на крутом пикировании и на большой скорости идущий впритирку с землёй самолёт противника – та ещё задача, можно и самому в землю влететь. Если зазеваешься. Вот они и показывают чудеса эквилибристики – свалился на крыло, нырнул, стрельнул короткой очередью метров с трёхста, и сразу – хоп! не зевай, выводи из пикирования. Потом – свечой вверх, разменивая скорость на высоту. Не попал? Ничего, может, в следующий раз повезёт...

Оставшиеся три Ла-пятых, выполнив боевой разворот, снова навалились на Фоккеров, и пятерых их них смогли-таки связать боем, уводя от выстроившихся в оборонительный круг штурмовиков.

Оставшаяся четвёрка Фоккеров подёргалась-подёргалась, и отвалила в сторону. Правда, попытались пару раз атаковать, влезая в промежутки между Илами, но каждый раз, повихлявшись пару секунд, Фоккер, как ошпаренный, выскакивал из круга – получить заряд из задницу от идущего позади следующего в строю Ила никому из них не хотелось...

«Хорошо, что они не знают, что у нас почти нет боекомплекта!» – мелькнула мысль.

Андрей уже мысленно ликовал, и потихоньку стал вытягивать круг в нашу сторону – каждый раз, разворачиваясь носом на восток, он пролетает чуть дальше, вытягивая круг в эллипс. Оборонительный круг стал постепенно перемещаться на восток.

– Смотри, смотри, Агнюша, получается! – радостно восклицая, ликовал Андрей, – утёрлись, тупорылые!

– Охлонись! – Агния сказала, как окатила его ледяной водой, – они... так! Внимание!! Вот, он, бей его в лоб!!! – закричала она в его голове.

Андрей оцепенел: только что всё было как в шоколаде – они восьмёркой выстроили непробиваемый оборонительный круг, и уже всё было почти тип-топ, как вдруг...справа и чуть сверху, прямо в лоб на него вылетел Фоккер! И полос-

нул из всех шести стволов. Андрей инстинктивно нажал обе гашетки – пушки молчали, и навстречу Фоккеру потянулись только две жиденькие зелёные трассы от двух ШКАСов. Как болид, Фокке-Вульф на бешеной скорости пролетел мимо, а буквально через несколько секунд навстречу вылетел второй! И опять полоснул трассами! За ним третий! Эфир наполнился гвалтом пилотов, обрывки фраз накладывались одна на другую:

– Командир! Они атакуют в лоб! ... андир, круг.... Круг... в лоб!

– Они выстроили встречный круг, и атакуют нас, как на конвейере, в лоб! – перекрывая разноголосый гвалт, несущийся из наушников, грохоча, ворвался в голову голос Ангела-хранителя.

Наконец-то Андрей осознал всю трагичность сложившейся ситуации – немцы, убедившись, что круг Илов атаками ни сбоку, ни сзади, ни сверху, не разорвать, решились на крайнюю, но очень эффективную тактику: они тут же выстроили встречный круг. Чуть шире, и чуть выше того, который выстроили штурмовики. И теперь они, стоя в правом вираже, и полагаясь на отличную защиту Фокке-Вульфа спереди, стали непрерывно атаковать Илы прямо в лоб! А сейчас они ещё и поймут, что у нас и со снарядами к пушкам – швах!

Илы вяло отвечали – в основном очередями из ШКАСов, т.к. у подавляющего большинства пилотов боекомплект к пушкам был расстрелян. Фоккеры же, один за другим, про-

носясь навстречу с бешеной скоростью, поливали из всех стволов, не жалея снарядов. Вот у Илов умолкли и ШКА-СЫ...

– Ставь всех в коробку! – требовательно гремит в голове голос Ангела, – не прокатил твой круг! Сейчас на стрелков одна надежда!

– Да у них же тоже боекомплект на пределе! – отчаянно кричит Андрей Агнии, выстреливая навстречу очередному несущемуся навстречу Фоккеру две жиденькие трассы из ШКАСов.

– Да хоть что-то, да есть, ставь в коробку, говорю!

Андрей лихорадочно отдаёт команды в эфир. Повинуясь ему, самолёты перестраиваются – разрывают ставший уже бесполезным оборонительный круг, и поспешно подтягиваются друг к другу, выстраивая плотный боевой порядок. Теперь на борт.стрелков – последняя надежда, сколько бы там патронов у них ни оставалось... хоть сколько-то, хоть жменька...

Четыре Фоккера, как жирные навозные мухи, расходятся парами в стороны, примеряясь, как бы ещё половчее клюнуть.

Агния подбирается, концентрируется, пытаясь определить, у кого из стрелков ещё остались патроны, и чтобы именно их взять под свой контроль. Так... так... есть четыре стрелка, у которых хоть что-то осталось в патронных ящиках под УБТ. Она выбрасывает невидимые, но цепкие щупаль-

да ментального контакта и прочно вцепляется в их мыслесферы, подчиняя их своей железной воле. Теперь все четверо – продолжение её самой. Сейчас она – боевой механизм, безошибочно наводящий пять оставшихся стволов калибра 12,7-мм в одну точку. Её палец сейчас подрагивает в лихорадочном ожидании на пяти гашетках.

«Только бы они атаковали по очереди, только бы по очереди. Один за другим, как обычно!»

Фокеры навалились все сразу, и взяли в клещи. С двух направлений – одна пара слева, вторая справа!

Так... сейчас... вот...

Пять трасс синхронно устремились из задних огневых точек Илов. И через секунду сошлись в единую точку, и точкой этой был идущий первым Фокке-Вульф. Он тут же опутался вспышками попаданий крупнокалиберных пуль, из-под капота выбило пламя, и посунувшись вниз, он безвольной кучей металла с размаху врезался в вековые ели, проносящиеся совсем близко, прямо под брюхом. И тут же от оставшихся трёх Фокке-Вульфов пошли три плотных пучка трасс, прямо в голову строя Илов – все трое явно целились в ведущего.

Грохот попаданий оглушил Андрея, потрянуло так, что клацнули зубы, и на мгновение потемнело в глазах. Тут же засбоил мотор, страшно затрясло – шкалы приборов на приборной доске превратились в сплошное марево, стало неудержимо валить налево. Всё лобовое стекло мгновенно

забросало чёрным, выбившимся из-под капота маслом. Ничего не видя перед собой, Андрей инстинктивно перебросил ручку к правому борту, пытаясь выровнять крен.

– Командир! Командир! Ты горишь! Прыгай! – как сквозь вату услышал он в наушниках голос Мишки Никитенко.

Андрей нашёл в себе силы щёлкнуть тумблером радиосвязи:

– Мишка! Уводи группу, уводи группу! Я их отвлеку!

План Андрея был гениален в своей простоте – увидев подбитый, но ещё летящий штурмовик, немцы отвлекутся на него, бросив огрызающуюся огнём и уходящую на восток основную группу штурмовиков. Хотя бы два из четырёх – он не знал, что пятеро оставшихся стрелков, под железным управлением его Ангела завалили одного Фоккера, и их осталось всего трое... Но его план сработал! Видя вывалившийся из общего строя подбитый Ил-2, неуверенно переваливающийся с крыла на крыло, двое устремились за ним желая получить хотя бы эту синицу в руки, а один, набрав высоту, продолжил преследовать уходящую на восток группу...

Самолёт управлялся только по крену – на движения ручки на себя/от себя он не отзывался.

– Перебиты тяги руля высоты, – коротко прокомментировал Ангел за спиной.

– Знаю! – Андрей боролся с машиной, которую валило то вправо, то влево. Вперёд он не смотрел, но по виду в боковые окна, через которые ещё хоть что-то можно было рас-

смотреть сквозь потёки масла, было понятно, что самолёт, опустив нос, идёт земле.

– Триммер и щитки! Прыгать нельзя – набирай высоту! – хладнокровно, но с заметной дрожью в голосе командует Ангел за спиной.

– Сам знаю! – Андрей бьёт левой рукой по рукоятке выпуска щитков и лихорадочно крутит на себя триммер руля высоты³². Самолёт потихоньку начинает поднимать нос, выравниваясь по горизонту.

– Внимание! – услышал Андрей в наушниках голос старшего лейтенанта Никитенко, – комэск подбит! Возвращаемся! Андрюха держись!

И побитая, израненная эскадрилья стала совершать разворот.

– Мишка, назад! Уводи группу! Перебиты тяги... Руль высоты... Мы прыгаем! Прощайте, товарищи! – борясь с машиной и с подкатывающей от дикой вибрации тошнотой, прохрипел Андрей.

Он уже не смог нажать кнопку передачи на радиостанции, но Агния исправно донесла его голос до входного каскада радиостанции РСИ-4, которая, как и всегда, усилила его, пре-

---

³² Триммеры – небольшие дополнительные рулевые поверхности на руле высоты, руле направления и на элеронах. Предназначены для тонкой подстройки. В критической ситуации, как у Андрея, триммер руля высоты иногда позволял вывести нос самолёта «в горизонт». Выпущенные щитки тоже позволяли поднять нос. У лётчиков даже есть термин, описывающий такое поведение самолёта: самолёт «вспухает».

образовала в радиосигнал, и выплюнула в эфир.

***

Оставляя за собой дымный хвост, ведущий русский штурмовик вывалился из строя, и, как раненый гусь, вяло переваливаясь с крыла на крыло, пошёл куда-то в сторону. Ведущий атакующей тройки Фокке-Вульфов лейтенант Александер Беккер, не желая терять личную победу, разделяет группу: оставшегося без своего ведомого обер-лейтенанта Герхарда Штиглера, отправляет одного временно присмотреть за уходящей на восток семёркой «Цементенбомбер», а сам со своим ведомым с набором высоты разворачивается на 180 градусов, чтобы быстро добить подраненную добычу. Первый заход на добитие русского бронированного бомбардировщика получается неудачным – лейтенант слишком спешит (надо ещё успеть догнать и расправиться с основной группой), и совершает слишком крутой вираж, валится сверху на жертву, не набрав достаточной высоты, и цель появляется в прицеле на слишком короткое время. Короткая очередь, и дымящий «цементенбомбер» уходит под широкий капот. Обругав себя, лейтенант успокаивается, и двинув ручку газа на максимум, набирая скорость и высоту, закладывает широченную петлю на пол неба. «Никуда он от нас не уйдёт» – подбадривает он себя. «Всего один заход».

***

Трясаясь как в лихорадке, и оставляя за собой хвост жирного дыма, самолёт упорно набирал высоту. В кабине было

не продохнуть от заполнившего её дыма. Весь фонарь так плотно забросало маслом, что уже ничего не было видно, ни в стороны, ни, тем более, вперёд.

– Триста метров, можно прыгать! – в голове, как в пустом жбане, грохочет голос Ангела.

– Точно есть? Я ничего не вижу! – кашляя от дыма, еле смог произнести Андрей.

– Да точно, точно, прыгай!

– А ты?

– Я за тобой, куда ж тебе без меня?!

Андрей начинает лихорадочно сбрасывать с плеч и пояса привязные ремни, хватается рукой за ручку сдвижной части фонаря и с силой дёргает её на себя.

Рывок! Ни с места.

Ещё рывок. Опять – ни с места, как прибили гвоздями!

Андрей хватается обеими руками и рвёт на себя изо всех сил. Никакого результата!

– Заклинило! Агнюша!! Всё!!!

Перед глазами проносится вся жизнь, такая длинная и такая короткая одновременно. Безнадёжность могильной плитой пала на сердце. Всё... конец!

– Прощайте, товарищи!!! – хрипит он, поджимая ноги – прорвавшийся в кабину огонь уже лижет его унты...

Как жилка, билась в мозгу какая-то до боли знакомая строчка:

«он кричал напоследок, в самолёте сгорая...»

Случилось страшное – Андрей оказался заперт в наглухо закрытой бронированной коробке, наполненной дымом, и с огнём, уже вовсю бушующем у его ног. В ближайшие секунды ему грозила неминуемая гибель – он просто сгорит в своей кабине, не имея возможности выбраться наружу!

Мысль лихорадочно работала: «форточка!»

Он бросил отчаянный взгляд вбок – размер бокового окошка из плексигласа 50 x 20 сантиметров совсем не подходил для экстренной эвакуации: «ни в жизнь не пролезу!»

Следующая вспышка мысли: «Верхнее окно!»

Андрей задрал голову вверх – прямо над его головой был верхний прозрачный сегмент фонаря размером 60 x 25см.

«Чёрт! В комбесе не пролезу!». На унтах уже стала всю обгорать шерсть – Андрей задрал ноги вверх, упёр их в приборную доску. Трясущимися руками лихорадочно выпростал из кобуры ТТ, с отчаянной надеждой протиснуться в щель верхнего люка, предварительно расстреляв плексиглас окна из пистолета.

И тут...

– Держись, я иду к тебе! – перекрывая все звуки, как катящиеся с вершины горы огромные камни, вдруг загрохотало в голове. Откуда-то сзади, сбоку, и сверху послышались мощные, звонкие удары, как будто кто-то огромный и всемогущий, начал долбить по 6-мм броне фонаря гигантским зубилом. Андрею в тот страшный миг показалось, что это очередной залп атакующего Фоккера попал по его кабине...

Андрей даже через шлемофон слышал бьющий по ушам грохот и скрежет пробиваемого металла, когда огромное, всепробивающее зубило в очередной раз с неудержимой силой вонзалось в броневую 6-мм сталь. Но почему с такими длинными интервалами? Почему не дробь очереди?! Или у меня так время замедлилось? Один удар, второй, третий... всё ближе и ближе... следующий удар будет в голову... Всё, конец...

***

Отчаянно борясь за жизнь, в тщетных попытках выбраться из горящей кабины, Андрей не имел возможности видеть фантастическое зрелище, которое разворачивалось совсем рядом, за левым бортом самолёта. В первые же миллисекунды, после первой попытки Андрея открыть заклинившую часть фонаря, и поняв всю безуспешность его действий, Агния откинула фонарь своей кабины стрелка вбок, развернулась лицом вперёд, перебросила левую ногу через борт, и преодолевая мышцами тела давление набегающего потока, поставила ногу на центроплан. Её тут же, с ног до головы стало покрывать слоем чёрного, отработанного масла, и бурой копоти, вырывавшейся из горевшего мотора.

«Шесть секунд, на всё про всё – шесть секунд» – молнией пронеслась в голове мысль.

На четверть секунды она замерла, провалилась сознанием внутрь себя, выдохнула и... выбросив вперёд левую руку, и собрав пальцы в горсть, воткнула их броню! За миллисе-

кунду до этого её пальцы слились в один большой, зеркально отливающий хромом крюк, и крюк со звоном легко пронзил броневую сталь, прочно за неё зацепившись! Преодолевая дикий напор набегающего на скорости более двухсот километров в час потока воздуха, она с усилием подтянулась на крюке, и вонзила в броню борта правую руку, которая за мгновение до удара тоже трансформировалась в хромированный крюк!

Ещё секунда – ещё удар, отыграно ещё полметра! Почувствовав рывок за пояс, Ангел, не оборачиваясь, отводя руку назад для очередного удара крюком по броне, немного скорректировав траекторию руки, походя сносит тросик «обезьянки», пристёгивающий его к борту. В момент касания тросика хромированный крюк на мгновение трансформируется в струящееся дымом лезвие, и без всякого усилия чисто срезает стальной тросик. Снова замах, снова удар, ещё полметра... вот и кабина пилота! Не обращая внимания на забивающий глаза и ноздри плотный поток дыма и копоти, и на болтающийся сзади и бьющий по ногам парашют, Ангел концентрируется, за несколько миллисекунд вычисляет положение головы своего подопечного за скрывающей его сталью, и делает последний, резкий замах... За долю секунды до удара блестящий крюк превращается в длинное, струящееся туманом лезвие...

***

Удар! Скрежет раздираемого металла, яркий свет, ударив-

ший в глаза! Мозг уже ничего не воспринимает, но глаза исправно фиксируют – огромное (так ему показалось) лезвие, сделанное из невероятно опасного, и живого тумана, прорубает броню сбоку от его головы! И едва-едва не задев его левое плечо, и двигаясь по кругу, вспарывает броню, как консервный нож вскрывает жестяную банку!

Секунда, и вырезанный сегмент брони улетает, унесённый ворвавшимся в кабину ветром. А в образовавшемся отверстии с блестящей кромкой среза Андрей увидел сунувшуюся к нему чумазую, похожую на испуганного чертёнка, Агнию: она хватает его обеими руками за плечи и рывком дёргает его на себя...

Самолёт задирает нос всё выше и выше, скорость падает, наконец, самолёт, задрав нос и замерев на пару секунд, грузно переваливается на нос, и, заваливаясь на правое крыло, устремляется к земле.

В этот момент слилось всё: огромные, испуганные глаза Агнии совсем рядом... рывок... отделение от самолёта... удар сзади по затылку... промелькнувшая тень от ударившего его стабилизатора... рефлекторный рывок за кольцо парашюта...

Упругий, тугой жгут воздуха, рванувшийся навстречу, вбил крик боли ему в горло. Тело жестоко рванули вверх натянувшиеся, как струны стропы парашюта. Желудок подскочил к горлу, вокруг бешеной каруселью закрутились небо и стремительно приближающаяся земля с растопыренными

чёрными кронами деревьев.

Удар! Оглушительный хруст ломаемых веток, снова удар!
Ещё и ещё! Рывок ремней и... небытие, тишина.

***

Очнулся Андрей, вися на ремнях, вниз головой, метрах в двух от земли... совсем рядом слышалась немецкая речь. Проморгавшись, и сфокусировав зрение, Андрей увидел подбегавших к нему немцев. Правая рука сама собой, на рефлексах, стала шарить по боку, лапая кобуру. В глазах плавал красный туман, как будто налитая свинцом, нестерпимо болела голова – сколько он провисел вот так, вверх ногами, он не знал, но похоже, что довольно долго. Рука, наконец-то, нащупала отвесившуюся вниз, на грудь, кобуру, он неуклюже, с нескольких попыток, выхватил пистолет, попытался оттянуть затвор, но в этот момент кто-то из немцев ударил его прикладом по голове, и он снова провалился в небытие...

***

– О, Курт! И вы тоже с добычей?

– Да, мы взяли второго пилота, их было двое.

Капрал Карл Виннер пнул кончиком сапога лежавшего на боку малорослого русского пилота. От удара почти чёрное лицо русского пилота повернулось и капрал удивлённо спросил:

– Негр? Разве у русских есть колонии в Африке?

Курт усмехнулся:

– Нет, он белый, просто сильно испачкался. Это сажа. Ты

разве не видел, что русский самолёт горел, когда они выпрыгнули с парашютами? И, похоже, что этот русский пилот – девка.

– Почему?

– Она орала. Так визжат девчонки, когда их насилуют.

– Вы что, уже успели её оприходовать?

– Нет. Просто пришлось приколоть её штыком к земле, а потом бить прикладами. Если бы не приказ взять их живыми, то мы бы эту сучку прикончили там же, на месте.

– Почему, Курт? Она так сильно сопротивлялась?

Обер-фельдфебель Курт Шнайдер с остервенением саданул тело маленького пилота кончиком сапога по копчику:

– Сопротивлялась?! Эта русская сука троих успела застрелить!!

– Не может быть!

– Может, может. – обер-фельдфебель ещё разок со всей дури пнул сапогом маленькое безвольное тело, – мы нашли её лежащей без сознания. Она была в крови – её при приземлении, видать, головой здорово приложило о ствол поваленного дерева. Подошли, вынули пистолет у неё из кобуры, хотели оказать помощь. Обступили её, трягнули, уже стали перевязывать, а она открыла глаза, выхватила пистолет из кобуры у Альберта и тут же его и застрелила! И ещё Ганса-Иоахима, и этого, очкарика, как его... Голински. Представляешь?! Троих!!

Хорошо, наш Гуго не сплоховал, пинком вышиб у неё из

руки пистолет, и тут же пригвоздил её к земле штыком. Он её к земле давит, а она верещит, пинается, руками за ствол винтовки хватается, и подыхать, сука, не хочет! Забили прикладами... Уж не знаю, что герр лейтенант нам скажет на это. Но, думаю, поймёт, когда увидит тех троих, кого она успела укокошить...

Капрал наклонился к маленькому русскому пилоту:

– Так сдохла или нет?

– Да похоже, что всё-таки сдохла...

– Ладно, потащили, хотя бы одного живым взяли!

Солдаты подхватили под руки безвольное тело оглушённого прикладом по голове рослого русского парня в лётном комбезе, и потащили его сквозь низкорослый кустарник к дороге.

Девушка-пилот мучительно застонала, и закашлявшись, стала с хрипом судорожно вдыхать и выдыхать воздух. На её губах запузырилась кровавая пена. Шлемофон сбился набок, обнажив её левый висок. Вся левая сторона её головы была окровавлена: кровь короткими, пульсирующими толчками вытекала из раздробленной височной кости. Она снова мучительно и надрывом застонала.

– А гляди-ка! И эта сучка вроде живая! Добьём? – оберфельфебель поудобнее перехватил винтовку, примеряясь половчее ткнуть ей штыком в сердце.

– Курт, ты что, дурак? Не вздумай! Это же хорошо, что она живая! Для нас, по крайней мере! А уж если и сдохнет,

так пусть потом, к нам меньше вопросов будет. Хватаем и эту, потащили уже!

Глава 11. Никогда не сдавайся!

– Ну же, очнись... очнись! Открой глаза! – как сквозь стену он слышит такой знакомый голос. Чувствует горячее дыхание на своей щеке. «Где я? Агния рядом? Я сплю? Уже утро! Проспал! Срочно вставать, потом на завтрак, потом на КП! Получать боевую задачу!»

Андрей дёргается, всё тело отдаётся болью, Андрей чувствует, что не может двинуть ни ногой, ни рукой.

Совсем рядом голос. Родной, хорошо знакомый голос:

– Тише, тише... не дёргайся! Успокойся!

Темнота... память услужливо подсовывает воспоминания о совсем недавних событиях: боевой вылет, оборонительный круг, атаки настырных фоккеров, горящая машина, дым и огонь в кабине... и всё!

«Я погиб. И Агния со мной. Где мы? В раю? В аду?»

Темно... больно...

«Точно – мы в аду».

– Агнюша, мы в аду? – силло хрипит он, еле-еле ворочая языком в пересохшем рту.

– Почти. Тихо, не шуми. Мы – в плену. Мы связаны и лежим в каком-то чулане. С минуты на минуту за нами придут и потащат на допрос или... я не знаю, что ещё они там удушают...

– Убьют?

– Скорее всего, да.

Андрей помолчал. Мысли туго и тяжело ворочались в голове, как клубок толстых, обожравшихся червяков. Наконец, сформировался один вопрос:

– Так что, выходит – ВСЁ? И сказочке конец?

– Ещё не конец.

Андрей замолчал, мысли продолжали туго ворочаться в разламывающейся на части голове.

– Всегда Двести Вариантов. – услышал он рядом, над ухом голос Ангела.

– Что?

– Помнишь, я тебе рассказывала про Воздушно Десантные Войска, сокращённо ВДВ, которые будут образованы в 1946 году? Так вот, одна из версий расшифровок этих трёх букв звучит именно так – Всегда Двести Вариантов.

Андрей с трудом повернул к ней своё лицо и увидел её глаза: они горели огнём, как два самоцвета. В них искристо плескалась бесшабашная безуминка.

– Слушай сюда внимательно, – она ткнулась горячими губами в его ухо, – я не знаю, как там будут разворачиваться события, но мы обязательно выкрутимся. Обязательно, слышишь?! Основную работу сделаю я, но и тебе придётся немного поднапрячься. Главное – согласовать усилия. Атака должна быть синхронизирована с точностью до долей секунды. Поэтому – жди моего сигнала. Пока я его тебе не подала, ничего не делай. Будут бить, может, будут пытаться. Зубы стис-

ни, и терпи! Без моего сигнала ничего не начинай. Понял?

– Понял. А, это... – Андрей с трудом сглотнул, – Агнюш, мы же связаны. С этим-то как быть?

– Ничего, я что-нибудь придумаю. Развяжемся.

– И что, перебьём всех фашистов и вырвемся? – выдохнул Андрей, заряжаясь её энергией.

– Да!!

– А справимся? – Андрей всё же решил уточнить задачу, – их там много может быть...

– Там же, на аэродроме, когда мы мессер угнали, их тоже много было, но ведь смогли! Сможем и здесь!

– Там у нас оружие было.

– Моё оружие всегда при мне, – ответил загадкой Ангел, – жди сигнала.

– Как ты мне его подашь?

– Мысленно, Андрюша, прямо в голову!

Уверенность Агнии мгновенно передалась и Андрею. Он воспрял духом:

– Значит, покувыркаемся ещё немного?

– Обязательно! Держи хвост пистолетом! И прибавила: – я буду постоянно поддерживать с тобой связь.

Она чутко прислушалась к тишине, и, наконец, изрекла:

– Так... всё, сюда идут!

Снаружи раздались приближающиеся тяжёлые шаги, звук отпираемой двери.

Через минуту их обоих втащили в чистую, просторную

и хорошо натопленную горницу. За столом, вытянув длинные ноги в идеально начищенных сапогах, сидел офицер люфтваффе.

Он что-то сказал по-немецки, и широким жестом повёл рукой, как будто приглашая на разговор. Четыре немецких автоматчика, притащившие связанных по рукам и ногам пленных советских лётчиков, разделили пленников: Андрея усадили на стул справа от стола, поближе к офицеру, Агнию же пихнули на лавку, к стене, метрах в трёх от Андрея. Все четыре немецких автоматчика остались в горнице. Одному из них офицер отдал какой-то приказ по-немецки. Автоматчик ухмыльнулся, взял валявшуюся на печке грязную тряпку, макнул её в ведро с водой, что стояло в углу, у печки. Затем подошёл к Агнии и несколько раз грубо и бесцеремонно повозил тряпкой ей по лицу, стирая с него следы сажи и крови.

Фашист с погонями капитана люфтваффе одобрительно кивнул:

– Гуд!

После этого широко улыбнулся и на чистейшем русском произнёс:

– Добро пожаловать!

Продолжая улыбаться и, видимо, наслаждаясь произведённым эффектом, продолжил:

– Да-да! Я прекрасно говорю на русском. Спросите почему? Мои родители жили в России. Вы знаете, что в Россий-

ской Империи жило много немцев?

Андрей угрюмо молчал, исподлобья наблюдая за фашистом.

– Да-а... многим пришлось уехать, – с сожалением протянул фашист напротив, – революция, большевики... но русский язык я не забыл. И вот видите, как оказалось, не зря!

Он замолчал, и выпятив губу, с весёлой насмешкой посмотрел на Андрея:

– Ну-ну, не надо ТАК смотреть на меня. Я вас не съем. Разрешите представиться – гауптман Петер Отте. По-русски – Пётр. А в детстве, до вашей революции, когда я с моей семьёй ещё жил в России, соседские мальчишки звали меня Петя, или Петька. Ха-ха-ха-ха! А вы, я так понимаю, – он заглянул в лежавшие на столе документы Андрея и Агнии, – а вы – Андрей Чудилин и... ваша фроляйн... ага... Агния Чудилина. Сестра? Жена? О! Русские уже уходят на фронт целыми семьями? Неужели у большевиков дела идут настолько плохо?

Он вынул красивый, шикарный портсигар, протянул его Андрею:

– Закуривайте, отличные сигареты, – но тут же спохватился: – ах да, у вас же связаны руки... Ничего страшного, это – простейшая мера предосторожности. Думаю, что после нашего с вами разговора ваши руки будут развязаны. И ноги тоже. А пока, если вы позволите, я сделаю так.

Он вынул из портсигара одну из сигарет и протянул её Ан-

дрею с намерением всунуть ему её в рот.

Андрей с отвращением отшатнулся назад и рта не раскрыл. Офицер поднял брови:

– Отказываетесь? От хорошей сигареты?

– Не курю, – хмуро буркнул Андрей, – а и курил бы, всё одно – не взял бы...

– Ну-ну... вы, я вижу, крепкий орешек! Наконец-то мы вас сбили.

Андрей вскинулся:

– Кто это вы? Ты, что ли, нас сбил. Лично?

– Ну, не я лично. Но пилоты из моей эскадры. И я так понимаю, вы оба – как раз те, кто нам нужен.

Андрей угрюмо рассматривал свои унты и продолжал молчать. Дело было туго – помимо офицера люфтваффе, в горнице находились ещё четверо солдат, и все они были с автоматами. Как Агния предполагала с ними справиться, было совершенно непонятно, а если учесть, что и руки, и ноги у обоих были связаны, то... Андрей терялся в догадках и... ждал сигнала.

В голове пока было тихо, никаких команд от неё, никаких подсказок. Офицер тем временем, что-то увлечённо рассказывал, пытаясь завладеть вниманием пленного пилота. Андрей опять настроился на то, что говорил немец, и услышал окончание фразы:

– ...да-да, и вот тогда я понял, что вы – не просто пилот и просто стрелок. Вы – команда! Вам тогда дали за это медаль?

– За что? – не понял вопроса Андрей.

– Ну, как же? Ведь это именно вы, вдвоём, тогда угнали у нас с аэродрома новейшую модификацию «Густава» с низковысотной системой форсирования двигателя? Ведь вы? Не отпирайтесь!

В голове разом подуло вихрем внимания от Агнии: «Внимание! Ответь ему «да», заинтересуй его!»

Андрей ухмыльнулся уголком рта:

– Ну, мы. И не медаль дали, а орден. Каждому.

– О-о-о! Я так и зналь! – фашист с удовольствием затянулся сигаретой, – вы даже не представляете, какой здесь был... был... э... кавалер... абардар... бардак... нет... как это по-русски... забыл... а! Кавардак! Сколько голов сняли! Но я на вас не обижаюсь. Вы – герои. А немцы уважают героев. Если бы мне удалось угнать из-под носа у большевиков самолёт новейшей модификации, я бы страшно гордился этим. Вот вы, к примеру, знаете такой секретный русский истребитель – И-185? Да, он не пошёл в серию, и это просто прекрасный факт для люфтваффе... Вы, Чудилин, знаете такой самолёт? Или он настолько секретный, что...

– Да знаю я про него, знаю! – Андрей хмуро кивнул головой, – и что?

– Как что?! Если бы мне удалось угнать этот истребитель из-под носа у русских в тот момент, когда они испытывали его в боевых условиях на Калининском фронте, то я бы... я бы... это бы было величайшим подвигом всей моей жизни!

Но увы... увы... мне приходится заниматься более приземлёнными делами.

Но задумчиво стряхнул пепел в пепельницу с парой окурков:

– Да-а-а... а я уже тогда понял... вот взять хотя бы её, – он ткнул сигаретой в сторону Агнии, – скольких эта милая фроляйн перестреляла там, когда вы аварийно... чёрт, опять забыл, как это по-русски говорилось, плях... плих... а! плюхнулись! Аварийно плюхнулись! Ведь тридцать с лишним трупов! И почти ни одного подранка! Да плюс к этому, как мне доложили, она, раненая и едва-едва пришедшая в сознание, при её пленении застрелила троих солдат вермахта. Это же экстра-класс, стрелок от Бога! Снайпер! Вы верите в Бога? Ах да, вы же большевик, а они в Бога не верят. А мы, немцы, верим.

«Давай, давай, раскручивай его, обострай» – настойчиво шелестит в голове. Андрей вскинул голову:

– Это Бог вам, фашистам, приказывает сжигать заживо мирных жителей в сараях? Это Бог вам сказал, что надо детей к столбу колючей проволокой привязывать?! – Андрей, сверля фашиста ненавидящим взором, подался вперёд.

Фашист поморщился, как от зубной боли:

– Не надо такой конкретики, э-э... Андрей, вы, большевики, тоже... знаете ли... Война! Как это в пословице: лес рубить... э-э... лес рубят, щепки летят.

Улыбка сходит с его лица, оно становится жёстким: он о

чём-то думает, потом снова натягивает вежливую улыбку на лицо:

– Вот вы кричите, бросаете мне в лицо обвинения, как будто это лично я делал все эти страшные вещи, что вы мне сейчас описываете. А я, между прочим, – тут он сделал многозначительную паузу, – здесь для того, чтобы сделать вам предложение.

– Какое ты, фашист, мне предложение можешь сделать? – криво усмехнулся Андрей.

Офицер подаётся вперёд, и вперившись взглядом Андрею в глаза, чётко, отделяя каждое слово, произносит:

– Я вам предлагаю снова стать пилотом.

Андрей дёрнул плечом:

– Я и так пилот.

– Не-е-ет! – офицер зловеще засмеялся, и помахал перед его носом пальцем, затянутым в перчатку из тонкой кожи, – ты сейчас уже не пилот. Ты – пленный. Даже больше скажу, ты – кусок мяса. И она тоже, кстати, – согнав улыбку с лица, он тыкает пальцем в сторону Агнии, – вы оба – два куска мяса. Стоит мне пальцем махнуть, и вас обоих выведут на улицу и расстреляют. И через полчаса вы оба – это просто два куска мяса, закопанные в землю.

Не мигая, фашист смотрел Андрею в глаза. Наконец, нагледевшись, он откинулся на спину стула и выпустив вверх струю дыма, продолжил:

– Но в случае, если ты и она согласитесь служить в

люфтваффе, то... ваша жизнь почти не изменится: вы будете летать, сбивать, в затишье между боями отдыхать, веселиться.

«Обострай, обострай, зли его, гада!» – шелестит в голове.
– Веселиться, говоришь? – Андрей прищурясь, зло смотрит на врага, – в люфтваффе, говоришь? Это, значит, я, советский офицер, в своих товарищей, по-твоему, буду стрелять?

Немец удивлённо поднимает брови на лоб:

– О-о-о, нет! Разве я что-то говорил про твоих товарищей? Ты будешь стрелять в янки, в американцев!

Андрей удивлённо поднимает глаза на фашиста, но молчит.

– Да, да, в американцев! Неужели вы думаете, что я не понимаю? Понимаю! И командование люфтваффе тоже понимает! Загадочная русская душа... Свои, чужие. Те русские, что пошли служить пилотами в люфтваффе, они здесь не летают, они летают на Западе. Знаешь, сколько уже русских пилотов воюет на западном фронте? Не сосчитать! И очень многие прошли через мои руки! Да, я их вербую. И поверь мне, практически все соглашаются. Ну, кроме самых упёртых и самых недалёких. А что? Почему в них, в этих американцев, не стрелять? Сильно вы их любите? Они вам помогли? Второй фронт, может быть, открыли? Да не дождётесь! Они ждут, пока мы вас, большевиков, перебьём.

И видя, что пленный русский пилот уже, вроде бы, на-

чинает к нему прислушиваться, капитан с воодушевлением продолжил:

– Что ты, старший лейтенант, знаешь про тактику «диких кабанов»?³³ Слышал? А про двухмоторные ночные истребители с радарамии? Знаешь, что такое радар? К примеру, новейший «Лихтенштейн»? Представь себе: летит ночью армада тяжёлых четырёхмоторных английских бомбардировщиков. Они думают, что их не видят в темноте. Но только не истребители с радаром «Лихтенштейн»! Они поднимаются навстречу этой армаде, перехватывают её на полпути у цели, и всё! Нет армады! Горящими факелами падают на землю огромные бомбардировщики, а кто-то подрывается на собственных бомбах прямо в небе! Огромные взрывы в ночном небе! Смертельный, фантастический фейерверк! И делаешь его ты! Ты! Ты – пилот люфтваффе! И ты мстишь проклятым янки и их прихвостням англичанам! Ведь это так здорово! Твой, э-э... твою фроляйн ты, если конечно захочешь, ты сможешь видеть каждый день. Даже нет! – немецкий офицер театрально взмахивает руками, сам увлечённый своим рассказом, – есть лучшее решение, и оно вам обоим должно понравиться! Ведь вы же один экипаж, не правда ли? Вы будете, как и прежде, летать вместе, одной командой! Думаю,

---

³³ тактика «диких кабанов» – появилась в 1943 году в ответ на усиление ночных налётов английской авиации на города Германии. Заключалась в том, что большое количество одномоторных истребителей Люфтваффе атаковало строй английских бомбардировщиков, подсвеченный снизу большим количеством прожекторов.

что её не составит труда переучить на оператора радара. Хороший снайпер – это, несомненно, и отличный специалист по радиолокации! Ты знаешь, что в экипаж ночного истребителя обязательно входит оператор радара? Она справится, ведь так?

Он повернулся к Агнии, обращаясь к ней с вопросом:

– Фроляйн, вы справитесь?

«Выведи его из себя, пусть разозлится, потеряет бдительность» – как сквозняк, шелестит в голове.

Андрей не успел раскрыть рта, как из-за его спины звонко раздалось:

– Да пошел ты, к херам собачьим, лось тифозный!

«Кто это сказал? Я? Неужели Агния?! Она и слов-то таких не знает...»

Но, да, ЭТО сказала она. Улыбка в очередной раз сошла с лица фашиста. Он снова повернулся к Андрею и вопросительно посмотрел на него:

– Что это было? Я не ослышался? Это сказала твоя прекрасная фроляйн? Напра-а-асно...

Холодная, уверенная, боевая злоба пронизала всё существо Андрея – он качнулся на стуле, и вперившись взглядом в фашиста (эх, погибать, так с музыкой!), сказал с презрением, как сплюнул через губу:

– Чё пялишься? Я ж тебе сразу сказал – пошёл ты на х... й, гнида вонючая! И она тебя туда же послала! Чё не ясно?

«Отлично, отлично, сейчас начнётся! Он уже вскипает,

уже злится! Готовься, уже скоро...» – шелестит в голове предупреждающий голос Ангела.

Фашист откинулся назад, вытянул губы трубочкой и ненадолго задумался. Потом перевёл взгляд на стоявших, как истуканы, конвоиров с автоматами. Потом подался вперёд и хлопнул обеими ладонями по столу, видимо, приняв какое-то решение.

– Та-а-ак... хотел я по-хорошему, да видать, придётся по-плохому, – и добавил: – план Б.

После этого он кивнул одному из солдат, стоявших до сих пор у стены. Фашист с автоматом быстро отделился от стены и с размаху ударил Андрея кованным сапогом в бок, сбивая его со стула.

Полыхнуло, ожгло болью. Дощатый пол рванулся навстречу, и больно ударил Андрея в висок.

– По голове не бить и не калечить! Может быть, он ещё одумается, – офицер по-немецки отдал приказ подчинённому, но Андрей уже ничего не слышал сквозь град ударов, сыпавшихся на него.

Через минуту, качественно отделанного двумя солдатами, его грубо подняли за воротник с пола, и снова усадили на стул. Только теперь он сидел, скособочившись: его тело превратилось в сгусток ломающей и ревущей боли. Из носа и разбитых губ бежали густые, солёные струйки крови.

Офицер поморщился:

– М-да... а ведь я просил, чтобы они не били вас по лицу.

Совершенно грубые солдафоны.

«Хами, хами ему, пусть окончательно выйдет из себя» – настойчиво шелестит в голове.

– Ну так что? Ты переменял своё мнение насчёт своей дальнейшей судьбы? – и уточнил с нажимом: – своё неправильное мнение?

Андрей поморщился, и с трудом через разбитые губы сплюнул на пол липкий кровавый сгусток:

– Да пошёл ты... гондон с говном. Я тебе всё сказал.

Потом подумал, и для верности добавил:

– Русские не сдаются. И Родину свою не продают.

«Отлично, сейчас они переключатся на меня, и тут ты не зевай, жди сигнал!» – тихо шелестит в голове напряжённый донельзя голос Агнии.

Офицер снисходительно хмыкнул, встал из-за стола, подошёл к Агнии, стиснул своими пальцами её щеки, поднял её лицо вверх. Повернул справа-налево, всматриваясь в черты её лица.

– Хороша. Ах, как хороша! Красивая... посмотри на неё! – он резко дернул рукой, выворачивая её лицо навстречу Андрею, – себя ты не жалеешь, чёрт с тобой, проклятый идиот, но её тебе не жалко?!

Опустив голову, Андрей угрюмо и напряжённо молчал. Ему казалось, что от бессильного бешенства внутри у него сейчас что-то вот-вот лопнет.

Фашист резко дернул её лицо обратно и снова уставил-

ся на Агнию своими белёсыми, рыбьими глазами, в которых плескалась смерть:

– Слышишь, он думает, что ему тебя не жалко.

Ответом ему был смачный плевок – целилась она ему прямо в рожу, но за недостатком сил и неопытностью в этом деле Агния смогла доплюнуть только до воротника.

Скосив глаза вниз, и убедившись в наличии её плевка на воротнике, он со злостью оттолкнул её от себя, и брезгливо вытерев плевком вынутым из кармана платком, стал мерять широкими шагами горницу. Наконец, приняв какое-то решение, он с размаху бухнулся на свой стул, и нервно отбарабанив пальцами по столу какой-то марш, кривя губы, и растягивая слова, произнёс:

– А вот мы сейчас и проверим, жалко ему тебя или нет.

И отдал по-немецки какой-то приказ. Двое солдат, только что избивавших Андрея, гаденько и плотоядно улыбаясь, пошли к Агнии.

«Всё, будь наготове! Сейчас начнётся. Но чтобы они со мной не делали, не дёргайся, – сплошным, быстрым потоком полился в голову ручеек её наставлений, – я буду кричать, я буду визжать, мне будет очень больно. Но это необходимо для того, чтобы я **ВКЛЮЧИЛАСЬ**. Жди сигнала».

Оба фашиста закинули свои автоматы за спины, и подхватив Агнию подмышки, резко вздёрнули её вверх, и легко, как котёнка, потащили её к дальнему столу, ближе к входу в горницу. Двое их камерадов так и остались стоять у сте-

ны, держа автоматы в руках. Двое палачей бросили Агнию на табурет, стоявший у стола, развернули её спиной к столу и опрокинули назад, плечами и головой на стол. Первый фашист прижал к столешнице её голову и связанные руки, а второй вытащил из ножен штык-нож, одним движением разрезал верёвку, схватил её левую руку и прижав её запястьем к столу, и обернулся к офицеру, ожидая команды.

Офицер, глаза которого смотрели дулами пистолетов, выдержал театральную паузу, и обращаясь к Андрею, спросил:

– Смотри, какие у неё хорошенькие и красивые пальчики. Да что я тебе говорю? Ты же и сам знаешь! Так вот. Сейчас вот этот фельдфебель будет ей их отрезать. Медленно. После каждого отрезанного пальчика я тебя буду спрашивать, готов ты сотрудничать, или нет. Времени у нас полчаса. Так... давай посчитаем... десять пальцев... ага, вот: режем первый палец, делаем паузу. Три минуты. Это тебе подумать. Потом – второй. Ещё три минуты. Потом – третий. Ну, и так далее... Как тебе такая перспектива?

С трудом подавляя клокочущее в горле рычание, плюясь сгустками крови и кособочась на стуле, Андрей проскрипел зубами:

– Я тебе, падла, кадык отгрызу!!

– Загадочная русская душа... – фашист снял с руки часы и положил их на стол.

Потом подумал, и вынув из кобуры «Вальтер», положил его на стол под правую руку, и сказал как бы между прочим:

– Это так, на всякий случай, чтобы ты не учудил чего-нибудь этакого. Хм... Чу-ди-лин.

И махнув рукой фельдфебелю, смотревшего на него, и ждавшего приказа, добавил по-немецки:

– *Langsam*.³⁴

Отрешённое холодное бешенство охватило Андрея с головы до пят, вздыбило волосы на всём теле.

«Сейчас... сейчас... твоя задача – вырубить офицера. Помни – Всегда Двести Вариантов! Приготовься к броску. Жди сигнала» – шепчет и щекочет голову её напряжённый до предела голос. Андрей набычился, и скосив глаза, исподлобья со звериной ненавистью смотрит на фашиста.

«Чёрт... двести вариантов... тут бы хоть один найти!» – как новогодняя шутиха волчком крутилась в голове единственная мысль. У человека, сидящего на стуле, со связанными руками и ногами, да ещё и только что жестоко избитого сапогами, шансы вырубить сидящего напротив него за столом в полутора метрах противника равны почти нулю. Ничего путного в голову никак не приходило...

«Стоп!! Фашист сидит за столом... до него метра полтора, а у меня за спиной – стена, до неё тоже около полутора метров, не более... а что если...»

Мгновение растянулось...

...руки палачей ещё плотнее прижали голову и руки Агнии к столу...

---

³⁴ *Langsam* – медленно (нем.)

Всё внимание двух фашистов с автоматами у стены переключилось с избитого русского пилота на интересное и захватывающее зрелище – ведь не каждый день здесь отрезают пальчики красивой русской фроляйн. А ещё она так громко кричит и бьётся, тщетно пытаясь вырваться!

Агния, стремясь всецело приковать к себе поток внимания предвкушавших развлечение садистов, судорожно забила в руках палачей, тоненько завывала, стала из всех сил брыкаться ногами. Один из палачей безжалостно придавил её коленом к табурету. Она завывала ещё громче...

Офицер уже не смотрел на пленного русского пилота: он подался вперёд, ноздри его раздулись, глаза были широко раскрыты – он тоже желал получить своё удовольствие от кровавого зрелища...

Андрей напрягся, стиснул зубы изо всех сил, мышцы его закаменели. Его выворачивало наизнанку от ненависти к этим скотским нелюдям, его сердце разрывалось от крика Агнии,

и... он ждал сигнала...

«Рвать! Рвать!! Падлы!!! Без ножа, зубами, на куски порву, с-с-суки!!!» – бешеная ненависть клокотала в нём адским пламенем, застилая взгляд кровавой пеленой.

Мгновение прошло...

Нож, медленно опускаясь, прорезал кожу, мышцы и сухожилия, с хрустом сокрушил тонкую кость... глухо стукнул металлом о дерево столешницы.

Маленький палец отделился, и, роняя капельки крови, откатился в сторону...

Стены, казалось, колыхнулись от её крика, сорвавшегося на оглушительный визг.

Сознание Агнии в ту же миллисекунду схлопнулось в бесконечно маленькую точку и тут же, в следующее мгновение она взорвалась изнутри – её внутреннее «Я» скачком расширилось, объяло горницу, дом, деревню, весь континент, шарик Земли, рвануло в стороны, к звёздам.

Она **ВКЛЮЧИЛАСЬ!**

Глава 12. Ультабс.

Ментальный вопль Ангела-хранителя «ДАВАЙ!» разорвал Андрею голову – было такое ощущение, что он попал под камнепад. Тело распрямилось, как сжатая доселе бесконечно мощная пружина, и он из всех сил саданул обеими связанными ногами по ножке стола, за которым сидел офицер. Такого рывка стул под Андреем не выдержал, и опрокинулся, Андрей упал навзничь, но и офицер не удержался на своём стуле – столешница ударила его торцом в живот, и толкнула его спиной к стене. Ножка стула под ним подломилась, и он с грохотом упал на пол, ударившись головой об стену.

В момент удара по столу, тяжелый пистолет, лежавший на нём, скользнул по гладкой столешнице, и упал на пол между Андреем и фашистом. Носком унта Андрей отшвырнул пистолет в сторону, воспользоваться им он не мог – его руки были связаны за спиной. Но он крутнулся на полу, и пока оглушённый ударом фашист возился на полу, пытаясь нащарить упавший пистолет, или хотя бы подняться, уткнулся ногами в противоположную стену и со всех сил оттолкнулся от неё ногами.

Вложив в этот рывок всю свою силу, Андрей добился того, чего хотел: его тело стремительно скользнуло по полу, он пролетел по инерции между ножек стола и уткнулся голо-

вой в голову фрица. Мгновение они смотрели друг другу глаза в глаза – прямо перед собой, близко-близко, Андрей увидел мутные, как у тухлой рыбы, глаза фашиста в которых теперь вместо смерти метался страх, и... резко сократив мышцы шеи, ударил по ним своим лбом!

Ещё раз, ещё! Ещё!! Ещё!! И ещё раз!!!

Визгливый, истошный вой врага резко ударил по ушам.

Андрей ожесточённо бил его своим лбом по лицу, круша хрящ его носа, и слыша, как визгливо ревёт над ухом фашист своим предсмертным воем. И этот гад совсем не хотел умирать! Слеплённый и оглушённый болью под его отчаянными ударами лбом по своему лицу, враг хаотично размахивал руками, пытаясь нащупать уязвимое место противника или хотя бы оттолкнуть его от себя. Фашист дёрнул головой, Андрей уткнулся носом и ртом во что-то жилистое и колючее, щетинистое. Горло фашиста! Ни секунды не медля, Андрей вцепился зубами в ходящий под щетиной кадык врага!

Мерзко захрустели раздробленные хрящи...

Изрыгая глоткой животный, утробный рёв, фашист замотал головою, разбрасывая по сторонам кровавые слюни и сопли. И нащупав, наконец-то, своими руками голову Андрея, схватил его, и попытался оторвать его от своего горла. Из рта его толчками выплескивалась тёмная жижа. Ощувив во рту поганый и солёный вкус крови, Андрей на секунду ослабил хватку стиснутых челюстей, и получив удар в голову, отлетел на метр в сторону. Но тут же, не теряя ни секун-

ды, конвульсивно, резкими, размашистыми рывками сокращая своё тело, как тюлень на берегу, Андрей быстро подтянул к голове фашиста свои колени. Извернулся, навалился на него, и фиксируя его, хрипящего и дёргающегося, на полу весом своего тела, придавил коленом его прокушенную шею. И тут же резко перенёс на неё весь свой вес, с хрустом ломая фашисту коленом кадык. За спиной оглушительно загрохотали автоматные очереди...

За эти несколько секунд, за спиной Андрея развернулось фантастическое зрелище, которое он пропустил. За четверть секунды до того, как загрохотал опрокинутый им стол, Агния вдруг вся пыхнула огнём – её руки сначала стали полупрозрачными, и как будто жидкими, как кисель, потом опять приобрели нормальный вид, и только один указательный палец на правой руке...

Мгновение растянулось...

Её правая рука, прижатая за запястье одним из палачей, и лежащая на столешнице ладонью вверх, вдруг сжалась в кулак, вся, кроме этого указательного пальца. А палец, превратившийся за четверть секунды до этого в опасно острый, хромированный клинок, вдруг рывком удлинился, и легко, как шпага, проткнув одного из палачей, высунулся на 20см из его спины! Послышался короткий, жуткий хруст распарываемых тканей, почти неслышный на фоне её истошного визга.

Второй палач, только что отхвативший ей палец, не успел

даже дёрнуться: почти метровая отливающая полированным металлом пика мгновенно укоротилась до размеров обычного указательного пальца, его камерад молча рухнул на стол, а уже освобождённая правая рука визжащей маленькой фуррии опять стала хромированным металлом. Теперь уже вся, и ударила его в висок. За мгновение до соприкосновения с головой палача блестящая, как ртуть, рука девушки мгновенно трансформировалась в такой же, зеркально-ртутный клинок, который следующую же миллисекунду вонзился ему в голову, и пробил её насквозь – войдя, как в масло, в левый висок палача, острие клинка тут же выскочило из правого уха!

Оба автоматчика стоявшие у стены, и остолбеневшие поначалу от такого зрелища, опомнившись, передёрнули затворы и открыли огонь на поражение.

Не давая им опомниться, Ангел толкнул тело второго, только что убитого им, палача в одного из автоматчиков. Его тут же настигла свинцом очередь одного их автоматов. Пули второго автомата попали Ангелу в грудь и живот – с четырёх метров промахнуться невозможно. И тут произошло доселе невиданное: всё тело Ангела, до сих пор сохранявшее форму русской девушки-пилота, одетой в лётный комбез и унты, вдруг ВСЁ стало ртутно-зеркальным! Оно всё перетекло, струилось, и, как зеркало, отражало все окружавшие её предметы! Пули с глухим чмок-чмок-чмок-чмок-чмок-чмок вошли в тело Ангела, не причинив ему ни малейшего вреда.

Прошли ещё полторы секунды...

С зеркальных ног Ангела, задымившись, свалилась на пол связывавшая их до сего момента верёвка...

Рухнул на пол наштигованный свинцом палач...

Ангел шагнул вперёд, быстро, почти неуловимо для глаз, взмахнул обеими руками, и резко швырнул в двух оставшихся фашистов два сгустка из жидкого живого металла. Со свистом пересекая пространство, обе капли живой ртути вытянулись, затвердели, и превратились в полёте в два огромных, блестящих, хромированных полуметровых гвоздя! В следующее мгновение они воткнулись фашистам в оба лба, отбрасывая обоих назад, и намертво пригвозждая их к стене!

Андрей, давя коленом хрипящего и никак не желавшего подышать фашиста, обернулся на выстрелы и ошеломился: один палач уже валялся ничком на полу с кровоточащей дыркой в спине, второй оседал на пол, в этот момент принимая в себя очередь из автомата, а у стола...

А у стола, там, где только что была визжащая и бьющаяся в конвульсиях Агния, стоял... стояло существо, вернее, стояла фигура, имеющая человеческие очертания, но... Она вся текла, трансформировалась, она была как будто отлита из живого, зеркального металла! Всё, что было в комнате, отражалось на её поверхности: стены, обстановка, мебель, фашисты с автоматами, в том числе и он, Андрей, сидящий верхом на хрипящем фашисте!

От увиденного у Андрея мгновенно вздыбило волосы на

всём теле – то, что сейчас фиксировали его глаза, было действительно страшно. Это было даже страшнее этого цепляющегося за остатки своей жизни и извивавшегося под его коленом фашиста с выпученными глазами. Это было что-то религиозное, потустороннее, не из этого мира, то, что способно в одну секунду перевернуть представление человека о сущности вещей.

А зеркальный, жидкометаллический человек, быстро, почти неуловимо для глаз, размахнулся и метнул в стоявших у противоположной стены автоматчиков две зеркальные капли – со стороны это было видно, как будто они отделились от его рук. За доли секунды преодолев расстояние до фашистов, они в полёте изменили свою форму и двумя сверкающими стрелками вонзились им в головы!

Обоих фашистов отбросило к стене, и они так и остались стоять у неё, прибитые ими к стене. Существо двинулось вперёд, перешагнуло через тело простреленного, как решето, фашиста, и подошло к тем двум автоматчикам, которых оно прибило к стене брошенными хромированными гвоздями.

Существо поднесло обе руки к головам фашистов, и дотронулось руками до шляпок гвоздей. Они мгновенно потеряли твёрдость, и быстро и плавно перетекли в руки существа, как будто втянулись в его тело. Оба мёртвых немецких автоматчика, как подкошенные, рухнули на пол. Существо повернулось обратно к столу, и вдруг... по его поверхности как будто пробежала серия электрических концентри-

чески разбегающихся разрядов, послышался лёгкий треск, к плавающему в горнице пороховому дыму подмешался запах озона... живое зеркало с поверхности тела существа куда-то испарилось, и посреди горницы снова стояла... Агния! Его Агния!

Она шагнула к столу, протянула руку к своему отрубленному пальцу, так и оставшемуся лежать на столешнице, дотронулась до него. За мгновение до касания кисть её руки снова стала зеркально-жидкой. Она коснулась пальца – он вдруг тоже задрожал, зазеркалился, потёк, превратился в блестящую капельку, и как шарик ртути, влился в её руку! В следующую секунду рука опять приняла живой вид, но уже со всеми пятью пальцами, как будто никто и ничего не отрубал!

Агния быстро пересекла горницу, сделала резкий выпад, походя ткнула своим пальцем, снова трансформировавшимся в длинный блестящий клинок, дёргающемуся в конвульсиях офицеру в глаз. Внутри головы фашиста что-то негромко хрупнуло, он в последний раз резко дрыгнул обеими ногами и затих.

Андрей в беспамятстве рухнул на пол рядом с поверженным врагом. Агния нагнулась, и тем же самым пальцем, но теперь принявшим вид небольшого, но всё равно ощутимо опасного кинжала, в два быстрых движения, рассекла путы, стягивавшие Андрею руки и ноги.

Шагнула к выходу из горницы, и призывно махнула ему

уже нормализовавшейся рукой:

– Пойдём! Надо спешить. На улице много немчуры, и они слышали выстрелы в доме. Будем прорываться.

Она повернулась и пошла к выходу в коридор. Бросила через плечо:

– Бери два автомата, по одному в руку. Я возьму два оставшихся.

– Ох, ёлки, – Андрей с огромным трудом подхватился на непослушные ноги, и трясая занемевшими руками, ковыляя, приблизился к мёртвым фрицам. Все четверо лежали в тех нелепых позах, в которых они приняли свою мгновенную смерть.

– Милая моя, солнышко моё ясное! Как же ты их так... Я-то, признаться, думал, что всё, карачун нам с тобой настал! А ты тут... такое... ты... ты... ты как... как это... не знаю что!

– Как терминатор. – улыбнулась она.

– А кто это? Или что?

Она тряхнула гривой спутавшихся и слипшихся от высохшей крови волос:

– Сейчас нет времени, я тебе потом объясню.

Андрей нагнулся, схватил сначала один, потом второй автомат. Руки, лишь только чуть-чуть начавшие приходить в себя, оттянулись вниз под их тяжестью.

– Эта... может, всё-таки нам по одному автомату взять? Как я с двумя-то? Эту ж дуру одной рукой за рукоятку не удержать... стрелять вообще неизвестно как...

– Стрелять ты из них будешь так, что ни один фриц живым не уйдёт, это я тебе обещаю. Да, и ещё! Сними с них два подсумка с магазинами и повесь их на себя.

– Ёптыть... – Андрей, положил автоматы и принялся снимать с мёртвых фашистов подсумки, каждый с тремя магазинами к автоматам. По всей горнице плавали волны пороховой гари, пол был усыпан пустыми гильзами. Андрей наступал на них, ноги, долго находившиеся в связанном состоянии, не слушались его, разъезжались на катающихся гильзах, Андрей, неловко припав на колени, вляпался в большую лужу свежей, ещё живой крови, вытекшей из разmozжённой головы одного из палачей...

Агния тем временем сняла с двух оставшихся гитлеровцев ещё два автомата, передёрнула им затворы, и положила их у ног Андрея.

– А с этими что? – Андрей на подламывающихся от боли ногах встал лицом к выходу из дома, увешанный подсумками и с двумя МР-40 в руках.

– Готов?

Со двора послышались крики немецких команд. Там явно что-то назревало...

– Ну, как-то... вот... только я не понял... – Андрей стоял крайне озадаченный.

Агния шагнула за его спину:

– Сейчас всё поймёшь!

Она подошла со спины к Андрею, и прижавшись к нему, обняла его сзади руками. Тут же возникло ощущение, как будто на живот положили кусок льда. Андрей опустил глаза вниз, и увидел, как её руки, которыми она обхватила его за живот, вдруг стали полупрозрачными, в них на пару секунд проявился рисунок капилляров, потом они поплыли, и превратившись в две зеркально-ртутные струи, стали стремительно обтекать его живот, растекаясь в стороны! В следующую секунду его всего обдало волной холода – по всему его телу поползла, быстро захватывая всю поверхность, живая, зеркально-металлическая масса!

Перехватило дыхание, в точности, как когдаходишь в ледяную воду... секунда, вторая...

И он весь покрылся слоем струящегося, жидкого металла, в котором зеркально отражалась вся обстановка горницы! Миллионы иголок вонзились во всё тело, которое на

краткое мгновение свело от этого судорогой, потом пронизывающий холод сменился обдавшей его всего волной жара, через секунду спал и он...

В изумлении Андрей подвигал плечами, руками: боли – как не бывало! Всё тело налилось невероятной силой – он легко, как два пистолета, поднял обеими руками оба пятикилограммовых автомата, поводит их стволами справа налево.

– А как это...

– Это называется УльтАбс, – прозвучал в голове её голос, – защита подопечного класса Ультимативный Абсолют. Ты – неуязвим. И твои физические возможности многократно усилены.

Андрей обернулся:

– А ты как? Тоже в этом... как его, ультабсе?

Сзади никого не было – он стоял один!

Но в голове раздался тихий смешок:

– Ты что, не понял? Ты – во мне, весь. Я – вокруг тебя.

И я тебя защищаю.

Андрей, изумлённый до крайности, указательным пальцем правой руки ткнул себя в левое, струящееся живым зеркалом, предплечье. Его палец, тоже покрытый струящейся и перетекающей зеркальной массой, погрузился в такое же покрытие из живого зеркала на левом предплечье и слился с ним воедино. Но немного углубившись в жидко-металлическое покрытие, палец уткнулся в препятствие – это была его собственная рука.

– Толщина покрытия варьируется в зависимости от места, – пояснил Ангел в голове, – где-то потоньше, где-то потолще, но в среднем толщина защитного покрытия – 25 миллиметров.

– Почему именно 25?

– Простая арифметика, – нетерпеливо объяснил в голове у него голос Агнии, – сейчас весь объём моего тела размазан тонким слоем по поверхности твоего тела. Объём моего тела – около 50 кубических дециметров, площадь твоего тела вместе с комбезом около двухста квадратных дециметров. Раздели первое на второе и получишь 25 миллиметров. Что непонятно?

– И что... – Андрей сглотнул, – эта хреновина действительно пули держит?

– 25 миллиметров жидкометаллического покрытия эквивалентны по прочности 50 миллиметрам гомогенной брони. Тебе хватит?

– Ничего себе, – изумился в очередной раз Андрей, – я теперь, что же, на вроде танка?!

– Именно так, но имей в виду, надолго меня не хватит, максимум – тридцать секунд. А может, и того меньше. Поэтому надо спешить.

При этих её словах у него из живота, как живые, вдруг выросли ещё две гибкие зеркально-жидкие руки, опустились вниз, удлинившись, и ловко подхватили оставшиеся два автомата, до сей поры лежавшие у его ног, и подняли их на

уровень живота.

От изумления у Андрея отнялся язык – теперь у него было четыре руки, которые держали все четыре автомата! Он стал похож на гигантского блестящего жука, ошестинившегося четырьмя стволами.

– Нам необходимо создать высокую плотность огня, – скороговоркой пояснил Ангел, растёкшийся зеркальной бронёй по всей поверхности его тела, – и не волнуйся, стрелять буду я. Твоё дело – просто бежать. С момента, когда я скажу «поехали!» пойдёт отсчёт. Я активирую защиту на полную мощность, и у тебя 30 секунд, чтобы уйти из зоны поражения. Понял?

Андрей утвердительно кивнул.

– Отлично. Теперь повторяй за мной: «ангел мой, иди со мной, ты вперёд, я за тобой».

– Ангел мой, иди со мной. Ты вперёд, я за тобой, – сглотнув, с чувством произнёс Андрей.

Агния удовлетворительно хмыкнула у него в голове и задала последний вопрос:

– Ну что, готов к рывку?

Андрей повёл плечами, наклонил голову, сжал пальцы на рукоятках автоматов.

– Готов!

– Ну, тогда поехали!

Андрей на секунду замешкался – обе его руки были заняты автоматами. Ангел мгновенно поймал его мысль и тут же

сердито выдал:

– А ноги у тебя на что?!

В тоже мгновение его правая нога сама собой поднялась и со всей дури пнула дверь на уровне живота, почти по центру, чуть-чуть ближе к петлям...

Тяжёлая дубовая дверь с оглушительным треском сорвалась с петель, и кувыркаясь в полёте как кусок картона, улетела вперёд на несколько метров!

Андрей, покрытый слоем жидко-металлической зеркальной брони, и с четырьмя автоматами в четырёх руках, шагнул на крыльцо...

Глава 13. Русиш вервольф.

Шальные пули злы, слепы, и бестолковы,
а мы летели вскачь, они за нами вслед!

В.Высоцкий

Отто Книппель кемарил в крытом брезентом кузове грузовика – бессонная ночь давала о себе знать. Проклятые русские! Они воют и ночью! Причём, с каждым месяцем всё лучше и лучше. А в этих их вонючих домах, с крышами из сухой травы, которые здесь называются варварским словом «хаты» полно всяких паразитов, которых они называют «пруссаки». Ну, причём здесь его родная Пруссия?

Он уже почти заснул, как в вдруг невдалеке раздалась приглушённые автоматные очереди. Он тут же вскинулся, и, вцепившись в свой верный маузер 98 с оптическим прицелом, хлопая глазами спросонья, пытался понять, откуда прозвучали выстрелы. По всей видимости, автоматная стрельба доносилась из самого большого и самого приличного дома в этой деревне, который себе облюбовало начальство, недалеко от которого и стоял грузовик, в котором он спал.

И точно – именно в этом доме! Осторожно выглянув из кузова, фельдфебель Книппель увидел, как всполошились все, кто был в тот момент на улице. Тут же откуда-то вылез этот долговязый выскочка Клоппер (получил совсем недавно офицерские погоны и теперь корчит из себя большого ко-

мандира), и зычно горланя на всю улицу, принялся отдавать команды нижним чинам.

После пары коротких очередей в доме всё стихло... Странно. Что это было? Пристрелили тех двух русских пилотов, что четверть часа назад привели сюда на допрос? Может быть. Русские такие идиоты. Нет, воюют-то они хорошо, но вот если попадают в безвыходное положение, то что-то у них там в их большевистских мозгах перекаливается, и... в большинстве своём себя они не жалеют. Себя им не жалко, на сотрудничество они не идут, предпочитая смерть. Фанатики, одним словом.

Что же там всё-таки произошло? Просто так в доме не стреляют, тем более, из автомата. Если этих русских идиотов и нужно расстрелять, то удобнее всего сделать это на улице... по крайней мере не будет луж крови на полу в доме. Видимо этот вопрос возник и в голове лейтенанта Гельмута Клоппера, поэтому в сопровождении отделения солдат он медленно приблизился к входу в дом. Подняв руку, он остановил сопровождавших его солдат, и соблюдая осторожность, поставил ногу на первую ступеньку крыльца.

И тут... входная дверь, кувыркаясь в полёте, с грохотом слетела с петель, и оттуда тут же выхлестнуло шквал огня – стреляли сразу с нескольких стволов. Лейтенант умер почти мгновенно, в первый момент покалеченный слетевшей дверью, а в следующее мгновение нашпигованный свинцом – его отбросило назад, а в дверном проёме показался...

У наблюдавшего это с полусотни метров Отто Книппеля буквально отпала челюсть: на крыльце стола рослая, вся обтекающая серебристым струящимся металлом фигура с четырьмя (!) руками, в которых она держала четыре автомата и поливала из них всё вокруг! Десяток солдат в непосредственной близости от крыльца погибли сразу же, от первых очередей, даже не успев сделать ни одного выстрела!

Но тут же очухались те, что находились на площади дальше от дома – в сторону дома пока не слаженно, вразброд, но стали стрелять. Вокруг блестящей фигуры защёлкали пули, попадая в стены дома. Несколько пуль попало в отливающую серебром фигуру. Не причинив ей, впрочем, ни малейшего вреда – четырёхрукое существо только слегка вздрагивало при попаданиях в него, но продолжало стрелять!

«Что это?! Новый масхалат? Из фольги? Почему он не пробивается пулями? Под ним броня? А почему четыре руки?! Да какая фольга! Это ртуть!» – эти мысли вихрем пронесли в голове немецкого снайпера, а тем временем фигура из живой ртути соскочила с крыльца и гигантскими прыжками рванула по улице, поливая вокруг себя одновременно из четырёх стволов...

***

«Раз... два... три... четыре...» Андрей бежал, не чувствуя под собой ног и считал секунды. Тугой напор набегающего воздуха бил в лицо, вокруг и совсем рядом непрерывно грохотали выстрелы.

«пять...шесть... семь...» – продолжал он отсчитывать отведённые ему секунды. С отстранённым удивлением он видел, что обе его руки (да ещё и две дополнительные!) жили своей жизнью: все они двигались, каждая по отдельности, индивидуально наводили стволы четырёх автоматов на появляющиеся в поле зрения (разные!) цели, уничтожали их, перебрасывали стволы на следующие и так далее. И всё это в бешеном темпе – на шестой секунде кончились патроны сначала в одном, а на седьмой – и в трёх остальных автоматах.

«Да не беги ты по улице, дурень! Лес справа! Скачи огородами» – камнепадом грохнул в голове голос Ангела, растёкшегося по нему непробиваемой пулями зеркальной бронёй.

Андрей опомнился и увидел, что чешет он прямо по центральной улице деревни, совершенно не задумываясь о том, куда конкретно он бежит. И это немудрено – в первые секунды он был просто ошеломлён происходящим. У него ничего не болело, мышцы его, непонятно чем многократно усиленные, сразу же набрали бешенный темп, и совершая огромные многометровые прыжки, он с сумасшедшей скоростью мчался прямо по дороге, а проща говоря, куда глаза глядят.

Получив окрик своего Ангела, и опомнившись, он резко поменял направление движения – дёрнул своё тело вправо, одним рывком сходу перемахнул полутораметровый забор и рванул огородами и через поле к маячившей в трёх сотнях метров кромке леса.

***

Фельдфебель Книппель устроился поудобнее, прильнул прицелу, посадил стремительно бегущую фигуру из ртути в перекрестие прицела и нажал на спуск – дистанция была всего ничего, вшивая сотня метров и он не мог промазать. И точно! Он отчётливо видел в оптику, как его пуля попала русскому (в этом уже не было сомнения) в странном масхалате прямо между лопаток. Но фигура даже не пошатнулась! Только маленький всплеск на поверхности жидкого зеркала подтвердил, что Отто Книппель всё-таки попал! Но ртутно-зеркальный человек, как ни в чём ни бывало, продолжил свой бег. И он не просто бежал, он палил с четырёх автоматов, держа их в четырёх руках! Прицельно палил, без единого промаха! Короткая очередь с отсечкой двух или трёх патронов – труп, ещё очередь – ещё труп. И всё это одновременно и синхронно, в четыре разные стороны!!!

«Я тебя достану!» остервенился фельдфебель, – «человек ты или вервольф!»

Он снова приложился к прицелу. И тут, как будто уловив его мысли, зеркальный оборотень, продолжая удаляться огромными скачками, вдруг переместил две руки из четырёх себе за спину! И ударил с двух стволов прямо по машине, в кузове которой сидел фельдфебель Книппель! Грузовик дёрнулся – разорванное выстрелами одно из колёс мгновенно сдулось, множество отщерблённых от борта кузова щепок брызнуло во все стороны! По ноге Отто как будто ударили

бревном, и тут же корёжащая и ломающая боль ожгла его лодыжку. Отто быстро оглянулся на свою ногу: вроде целая, только штанина цвета фельдграу медленно пропитывается кровью.

«Ерунда, лёгкое!» – он стиснул зубы и снова прильнул к прицелу: «не уйдёшь! Надо в голову, непременно в голову! Жалко, пули свинцовые, а не из серебра!»

И тут он увидел в оптику прицела, что все четыре автомата в руках оборотня замолчали. Зеркальный оборотень, не медля ни секунды, тут же отбросил два автомата, освободившимися двумя руками заменил магазины в двух оставшихся в его руках автоматах, передёрнул им затворы, опять переместил одну пару рук на свою спину и продолжил огонь! И всё это – не снижая скорости бега.

Тук! Тук! Тук! Долбило сердце в груди Отто Книппеля. Жгло и ломало болью ногу. «В голову, непременно в голову...» – палец его подрагивал на спусковом крючке. Но какая-то назойливая мысль настойчиво чесалась в голове... «Вот! Понял! Как только я выстрелю, он снова выстрелит в меня – он стреляет только в тех, кто стреляет в него! Как он это засекает? Первый раз мне повезло – он меня всего лишь ранил. А что будет во второй раз?»

Оборотень, перемещаясь со скоростью мотоцикла, тем временем уже почти пересёк поле, отделяющее деревню от леса. До странного оборотня было уже метров 300...350. В оптику было хорошо видно, что бежал он уже как человек –

две передние руки он держал перед собой, и двигал ими, как обычный бегун, в такт движениям ног. Две же руки на спине, держащие два автомата, не переставали вести прицельный огонь назад, пресекая любые попытки преследования. Метров за пятьдесят до опушки у оборотня от перегрева заклинило один из автоматов – он тут же отшвырнул его в сторону. И, оставшись с одним автоматом, и уже не стреляя, поддал ходу, стремясь как можно скорее достичь кромки леса.

***

«Девятнадцать... двадцать... двадцать один...» – Андрей, в сумасшедшем темпе молотя ногами, буквально летел над землёй, и с каждой секундой приближаясь к кустам, которые обрамляли кромку леса. Прямо за спиной загрохотал короткими и скупыми очередями, экономя патроны, оставшийся автомат в двух жидко-металлических руках, которые Ангел усилием своей воли вырастил на его спине. Вот уже осталось каких-то несколько десятков метров... «двадцать два... двадцать три...»

– Андрюша, родненький... торопись... я... я... больше не могу... удерживать... защитное поле, – её голос слабел с каждой секундой, казалось она задыхается.

«Двадцать пять... двадцать шесть...» сжав волю в кулак, считает на бегу Андрей секунды. До леса рукой подать – пятнадцать, десять, пять метров... – «двадцать семь... успею!»

Вот и первые редкие низенькие кусты, они уже скрывают его по пояс...

– Андрюша... всё... выключаюсь... – еле слышно прошелестело у него в голове. И тут же невероятная тяжесть навалилась на него – было ощущение, что к ногам привязали пудовые гири, что-то сильно сдавило горло, оттягивая его назад. Бросив взгляд вниз, он увидел, что весь жидкий металл с его тела куда-то пропал, он увидел свой грязный, вымазанный комбез, унты, которыми он тяжело ступал по снегу. Стиснув зубы, Андрей вломился в плотное скопление кустов на опушке леса, и тут... что-то ударило его сильно в спину, прожгло насквозь и застряло где-то внутри, вышибая всепоглощающей болью сознание из его тела. Он покачнулся, сделал ещё один шаг, уже не чувствуя ног, и завалился вперёд, лицом в снег...

***

«Уйдёт... ведь уйдёт!» фельдфебель Книппель видел в прицел, что странному оборотню остались считанные десятки метров до леса. Сейчас он в него нырнёт, а там ищи его, свищи! Всполошившиеся солдаты его роты, прячась от ответного огня ртутного оборотня, осторожно высовывались из-за укрытий и палили ему вслед, но оборотень бежал не по прямой, а ломаным зигзагом, ежесекундно меняя направление. А те пули, что случайно попадали в него, не причиняли ему никакого видимого вреда.

И тут произошло то, что за дальностью расстояния смог увидеть в свой оптический прицел только фельдфебель Книппель: не добежав буквально нескольких метров до

невысокого подлеска, ртутный оборотень вдруг споткнулся, и ... с него слетела вся ртутная оболочка! Она просто исчезла, и на месте страшного монстра Отто Книппель узрел в оптику снайперского прицела самого обыкновенного русского пилота в грязно-коричневом лётном комбинезоне и в шлемофоне на голове. А у него на спине, уцепившись руками за его шею, висел ещё один русский пилот, только значительно меньше первого, и тоже в таком же лётном комбезе.

Значит, не было никакого вервольфа!

Получается, что это – всего лишь двое русских, которые исхитрились замаскироваться каким-то явно секретным способом, и таким образом вырвались из плена! Но как?! Один нёс другого, и бежал со скоростью в полсотни километров в час? И при этом они палили в четыре ствола? И эта их жидкая блестящая броня держала пули?!

– Дас из фантастиш, – недоумённо и растерянно пробормотал, кривясь от боли, Отто Книппель.

Но как бы там ни было, фантастическая броня у этих русских исчезла, и есть прекрасная возможность одним выстрелом решить сразу две задачи: отличиться по службе и отомстить за простреленную ногу.

Раненый немецкий снайпер упёрся здоровой ногой в противоположный борт, навёл перекрестие прицела точно между лопаток маленькому пилоту, который держался руками за шею того, что побольше, и положил палец на спусковой крючок. Выдохнул, поймал мгновение между ударами сердца и

плавно нажал на спуск.

Он увидел в оптику, что попал. Точно туда, куда и целился – между лопаток маленькому русскому пилоту, висящему на спине того, что повыше, и шире в плечах. Опа! Да, похоже, и второй тоже... готов: получив пулю в спину, маленький русский отпустил руки, и сполз на землю, тот же, что повыше, сделав несколько неуверенных шагов, остановился, покачался-покачался на подламывающихся ногах и рухнул ничком, ломая кустарник.

Отто Книппель с удовлетворением закрыл глаза – его пуля пробила маленького русского насквозь и застряла в том, что выше и шире в плечах. Осталось совсем немного – пойти и взять их тёпленькими. Если они оба не остынут к моменту, когда их найдут.

Мимо него, лежащего в кузове грузовика, пробежали, мешая снег кованными сапогами, несколько солдат, подгоняемых окриками унтер-офицера. Вдалеке раздавались команды двух офицеров, спешно формирующих группу солдат для прочёсывания леса. Они ещё не знали, что бегать им далеко не придётся, и что на опушке леса, в невысоких кустах, их ждёт подарочек, приготовленный для них фельдфебелем Отто Книппелем – два подраненных (или убитых, какая, впрочем, разница?) русских пилота.

Глава 14. Рвуть из сил, из всех сухожилий.

Но плевать я хотел на обузу примет
У него есть предел, у меня его нет!
В. Высоцкий.

– Очнись, Андрюша, очнись, – такой знакомый, и милый голос тревожно бьётся ему в уши. Маленькая рука тормозит его за плечо.

– Ну же, очнись! Вставай! Они сейчас очухаются, и сюда, максимум, через пять минут, примчится полроты.

Тяжело, больно, во всём теле, такое ощущение, что его сильно били. «Ах да, меня же били» – туго вспоминается в голове. Андрей попытался встать, и со стоном, переходящим в рык, завалился на бок. Сильнейшая боль пронзила спину.

– Ч-ч-ч-ёрт! Что это?!

– У тебя пуля в спине, – глаза Ангела близко-близко, смотрят с бесконечной болью и состраданием, – она пробила меня, – она всхлипнула, – и... и... я не смогла её в себе задержать – она пробила меня насквозь и... она теперь в тебе. Я тебя не защитила, не смогла... нет мне прощения!

– Немцы далеко?

Она приподняла голову над кустами, бросила быстрый

взгляд в сторону домов деревни:

– Убитых да раненых пока собирают... хотя нет! Вон, офицер колготится, пистолетом машет, группу захвата наскоро собирает. У нас минуты три-четыре. Максимум – пять.

Она повернула к нему своё лицо и, приблизив к нему своё лицо, с тревогой в голосе произнесла:

– Андрюша, милый, давай, через немогу, но поднимайся, и нам надо хоть как, но идти, поднимайся!

– Сейчас, сейчас, – Андрей кивнул головой и, собираясь с силами, спросил:

– Ты-то сама как?

Она в ответ виновато улыбнулась:

– Да что мне сделается? Ты ж знаешь – на мне любая дырка заживает.

– Ну да, ну да... – Андрей собрав волю в кулак, поднялся на колени, и преодолевая дикую боль в спине, встал на ноги, и тут же заорал от нахлынувшей боли: – т-т-твою мать! Пи.....ц!

– Давай, давай, потихоньку! – чуть не плача от отчаяния, и пропуская мимо ушей его матюги, дрожащим голосом увещевала его Агния. Она подставила плечо, подпирая его снизу. На спину себе она повесила один из оставшихся автоматов. Плюс на боку у неё болтался подсумок с одним целым магазином на 32 патрона.

Переставляя ноги, как ходули, Андрей медленно-медленно пошёл, углубляясь в лес. Агния, подставив плечо, как мог-

ла, помогала ему держаться вертикально.

– Нам главное, хоть немного отойти, поглубже забраться, – задыхаясь от навалившейся на неё тяжести, сипло стонет где-то сбоку и снизу Агния, – они, фрицы, далеко-то в чащобу не полезут... это ж не зондер-команда, не охотники. Так... метров 100-200... Вряд ли больше... Но эти двести метров нам с тобой надо пройти...

Она оглянулась назад, и увидев сквозь редкие ещё стволы деревьев густую цепь, которая под предводительством двух офицеров уже начала не спеша по глубокому снегу пересекать поле, отделявшее деревню от леса, всполошилась:

– Ходу, Андрюша, ходу! Они уже идут сюда.

– Да иду, иду... – стиснув зубы, и шалея от пронзающей всё его тело сильнейшей боли, Андрей, как заведённый, переставляет непослушные ноги.

Впереди открывается прогалина, ещё несколько шагов, и в молодой поросли начинает проглядываться что-то большое, угловатое, но мёртвое и безмолвное. Ещё десяток шагов, и...

– Андрюша, смотри! Это же наш самолёт!

И точно – на земле лежал искорёженный и переломленный в нескольких местах от удара об землю фюзеляж с остатками центроплана. Метрах в пятнадцати от него валялась отвалившаяся при ударе и сломанная в нескольких местах деревянная консоль.

Они, ковыляя, подошли к самолёту.

– Всё, больше никуда не пойду! Не могу! Сдохну здесь, – Андрей, задыхаясь, бессильно повалился на снег рядом с остатками фюзеляжа, – судьбу не обманешь – должен был погибнуть в этом самолёте. Рядом с ним и погибну... Патронов два магазина. Сколько смогу, столько и убью этих гадов... Последний в голову. Знать, судьба такая... Видать, пришло и моё время за Родину умереть...

– Судьба?! Много ты знаешь! Я – твоя судьба!!! – в испуге проорала Агния, – Я – твой ангел-хранитель, и погибнешь ты тогда, когда у МЕНЯ силы иссякнут, понял?! А силы у меня ещё пока есть! – она гневно смотрела на него, – За Родину умереть много ума не надо! Это проще простого! Чик, и ты на небесах! Ишь ты какой!! А кто за тебя воевать будет, а?! Война закончится в мае сорок пятого! Ещё полтора года! А ну, поднимайся!

Она наклонилась к нему, Андрей же, ухватившись за автомат, свисавший с её шеи, потянул его к себе.

– Да поднимайся же, зараза! – чуть не плача от отчаяния, она тянула автомат к себе, пытаясь вырвать его из рук Андрея.

Андрей только молча помотал головой и ещё крепче вцепился в автомат.

Агния плюнула, скинула ремень автомата с шеи, развернулась, и решительно двинулась к остаткам их самолёта:

– Не можешь идти, значит, поедешь! И самолёт тебе поможет!

При этих словах она подбежала к центроплану и принялась остервенело отрывать от него полу оторванный при падении лист обшивки.

С жалобным треском вылетевших расшатанных заклёпок лист дюралья оторвался, она бросилась к разлому в фюзеляже, выдернула оттуда трёхметровый обрывок троса проводки к рулю направления. Торопясь, и раня в кровь пальцы железными ворсинками, она быстро подвязала его к полуметровому листу обшивки. Бегом подтащила импровизированную волокушу к Андрею:

– Сидайте, ваше величество, карета подана! Поедем с ветерком!

Андрей замотал головой:

– Нет! Никуда не поеду... здесь останусь. Всё равно не уйдём... Так уж лучше так. Дай сюда второй магазин.

Он потянулся рукой к под сумку с оставшимся автоматным магазином.

Агния схватила его за щёки, развернула к себе, приблизив своё лицо, и, сверля горящими, как антрацит, глазами, жарко выдохнула:

– Всегда Двести Вариантов! Никогда не сдавайся! Живи до последней секунды! – она перевела дыхание, и поцеловала его в губы, – я люблю тебя! Сделай это ради нас! Мы выберемся, верь мне! Пройдут годы... война кончится, и мы с тобой... мы с тобой... поедem на море! Ведь ты не был на море?

– Только на Финском заливе... – Андрей еле шевелил за-
сохшими, обветрившимися губами.

– Да разве ж это море? – она нервно рассмеялась, и обня-
ла его за голову, – мы с тобой поедem на Чёрное море! Оно
тёплое, там дельфины! Мы сядем на лодку с парусом и по-
плывём по морю! Хочешь?

– Да. – сглотнул Андрей.

– Ну вот! Мы будем плыть на лодке, ветер будет надувать
наш парус, а вокруг нас будут выпрыгивать из воды дельфи-
ны! Хочешь, чтоб было так? Ну же, залазь уже, – она ста-
ла подталкивать его в бок, понуждая забраться, наконец, на
лист дюраля.

Андрей, сжимая зубы от жгучей боли в спине, перевали-
ваясь с боку на бок, начал заползать на лист дюраля. Агния
оббежала его вокруг, схватила его за плечи и с неожиданной
силой стала втягивать его на волокушу:

– Раз-два, взяли! Давай, родименький, ну же! Ну, давай
же! Ещё, ещё!

Наконец, втащив его почти полностью – на снегу остались
лишь его ноги, она, запыхавшись, бросила ему на грудь ав-
томат и подсумок для магазинов:

– Так, всё, держи автомат... и подсумок не потеряй! Но-
о-о! Поехали!

Она впряглась в импровизированные санки, перебросив
трос себе на грудь, и упёрлась ногами с промёрзшую зем-
лю, покрытую 30-сантиметровым слоем снега. Волокуша со

скрипом днища по снегу дёрнулась раз, другой, наконец, сдвинулась, и потихоньку поехала по снегу...

Десять... двадцать... тридцать шагов. Агния, надрываясь, тащила волокушу, и поминутно оглядывалась назад – на Андрея и в сторону преследователей. Сорок... сорок пять шагов... сорок семь... Она задыхалась – удушье сразу же схватило железной хваткой её за горло. Тащить волоком, пусть даже и на волокуше по снегу, здорового, рослого мужика весом в пять пудов – это не для хрупких девушек. Да ещё и его ноги, не поместившиеся на волокуше, тащатся по снегу и загребая его унтами, тормозят движение... Чувствуя, как струится пот по всему телу, она прислушалась к звукам, доносящимся сзади. Судя по их интенсивности, преследователи были он них метрах в трёхстах, а может и ближе...

Она опять упёрлась ногами с промёрзлую землю и тяжело дыша, продолжила свой путь. Её дыхание с хрипом рвало морозный воздух, перед глазами плавали разноцветные круги – она уже не могла включить в себе свой экстра резерв, никакие «боевые гипер-режимы» были ей уже не подвластны. Максимум, что ей осталось – скудные человеческие силы, и без того изрядно потраченные... Где-то здесь должно было быть болото – её цепкая память держала в себе карту здешней местности. Где-то здесь, недалеко... эх, добраться бы! По болоту фрицы точно не полезут, а они по болоту уйдут.

Ах, как нехорошо получилось! Цепочка неприятностей,

цепочка ошибок, одно за другое цепляется, и вот на́ тебе! Если б Андрей сразу побежал к лесу, так нет же, помчался по улице... если б я его сразу поправила! Так нет же, только на восьмой секунде бега! Если б этот снайпер долбаный где-нибудь в другом месте спал! Так нет же, он сидел именно в том кузове! И нейтрализовать его не получилось! Только ранить! И он, вот же ж гад, нашёл в себе силы сделать тот самый свой «золотой» выстрел! И почему меня хватило только на 27 секунд? Ведь должна была 30 продержаться! А вот нет, за секунду до выстрела этого снайпера сам собой выключился гипер-режим... и всё... приехали! Что имеем, то и имеем!

Агния, каясь, ругала себя последними словами, и тащила, тащила, тащила эту тяжёлую волокушу с впавшим в беспомощность Андреем. Она не заметила, как с каждым шагом, с каждым выдохом, стала рывками произносить слова:

– А у дельфина... взрезано брюхо винтом... выстрела в спину... не ожидает никто... на батарее... нету снарядов уже... надо быстрее... на вираже...³⁵

Трос врежется в тело, немеют ноги, хриплое дыхание срыгается с её губ, красная пелена накатывает на глаза... но горит, мечется, и плачет душа, которая не в силах простить допущенные собственные ошибки. Краснеют от слёз глаза, крупные капли влаги скатываются с её щёк и капают на снег, протаивая в нём крохотными лунками...

Шестьдесят пять шагов... шестьдесят шесть... шестьде-

---

³⁵ Слова из песни «Парус» В.Высоцкий.

сят семь... Медленно, очень медленно! Она чувствует, что не успевает – воздушные замки с призрачными мечтами о море, дельфинах и лодке с парусом, которые она сама только что придумала, быстро и необратимо рушились в прах... Не замечая усталости, она тянет этот треклятый трос, врезавшийся ей в грудь, задыхается от тяжести, хрипит, и с её губ срываются пронзительные слова:

– *Парус... порвали парус... каюсь... каюсь... каюсь...*

Не сдаваться! Биться до последнего! Пока двигаются ноги! Пока бьётся сердце!

Семьдесят три шага... семьдесят четыре... семьдесят пять...

Мокрые, выбившиеся из-под шлемофона, слипшиеся от пота волосы мотаются перед глазами. Под впившимся в них тросом плечи буквально кричат о нестерпимой боли, тошнит, мотает из стороны в сторону от слабости в коленях, глаза уже видят только то, что прямо перед ними, периферийное зрение отключается, с боков всё сильнее наползает серая муть – верный признак скорого обморока.

Восемьдесят...   восемьдесят...один...   восемьдесят...два...

Ах, если бы как-то заставить Андрея помочь ей, ну, хотя бы чуть-чуть! Но его сознание было ей не подвластно – после неимоверного усилия, которое он совершил, вползая на волокушу, он потерял сознание от боли, и сейчас лежал бесчувственный, раскинув руки, на волокуше. И возможно-

стей достучаться до него уже, похоже, не было... После отключения боевого режима «Ультимативный Абсолют» она почувствовала себя выжатой тряпкой, у неё не осталось никаких возможностей – весь её энергетический сверх-потенциал был исчерпан. Осталось только совсем чуть-чуть человеческих сил, можно сказать, совсем ничего, и надеяться оставалось только на чудо...

В голове назойливо копошатся нехитрые расчёты: если тащиться с такой скоростью, то через несколько минут преследователи их уже догонят. По прикидкам Агнии фашисты уже почти вышли к тому месту на опушке, где их подстрелил этот снайпер, сейчас увидят их следы, ускорятся, и дальше уже пойдут по хорошо видимому следу на снегу...

Не желая до последней секунды признавать своего поражение, Агния задыхается, хрипит и тянет волокушу:

– Все части... света... могут лежать... на дне... все... континенты... могут гореть... в огне... только всё это... не по мне...

Но вдруг...

В какой-то момент она почувствовала значительное облегчение – рывки удлинились, и с каждым шагом волокуша двигалась чуть легче! Второе дыхание? Нет, что-то другое!

Неужели?!

Она обернулась на ходу, и увидела, что ноги Андрея теперь не тащатся волоком по снегу, тормозя движение, а он с каждым её шагом подтягивает их, и хаотичными рывками

отталкиваясь ими от снега, убыстряет движение! И остава-
ясь при этом в бессознательном состоянии!

Догадка пронзила её. Есть решение! Вот он, способ про-
биться на его подсознание! Владимир Высоцкий!! Каждый
раз, когда по его просьбе она напевала ему песни так полюбившегося ему поэта из будущего, Андрей буквально ловил
каждое её слово, сопереживал героям песен, запоминал по-
любившиеся строчки. И сейчас что-то там у него внутри, на
подсознании, щёлкнуло, сработало, включилось! Есть канал
связи!!!

Агния ухватилась за ниточку надежды, и упираясь нога-
ми, удвоив усилия, потащила волокушу дальше. И поддер-
живая и упрочняя возникший канал связи с подсознанием
подопечного, в такт своим шагам, речитативом, как мантры,
стала выхрипывать из себя:

*– Рвусь из сил... из всех сухожилий... но сегодня... опять
как вчера... обложили меня... обложили... гонят весело... на
номера... из-за елей... хлопочут двухстволки... там охот-
ники... прячутся... в тень... на снегу... кувыркаются... вол-
ки... превратившись... в живую мишень...³⁶*

Захрипел, оскалившись и замотав головой в невыносимой
муке, Андрей. Но активней задвигал ногами, стал судорожно
отталкиваться ими от снега, ускоряя общее движение. И не
приходя при этом в сознание.

Сзади раздались приглушённые расстоянием команды

---

³⁶ Слова из песни «Охота на волков» В.Высоцкий.

офицеров, руководящих группой захвата.

– Давай, давай... милый... беги... беги! – подбодрила его Агния, и закрепляя достигнутый успех, продолжила: – *идёт охота... на волков... идёт охота... на серых хищников... матёрых... и щенков... кричат загонщики... и лают псы... до рвоты... кровь на снегу... и пятна... красные... флажков...*

***

Он был волком. Высоким и поджарым, с тёмными подпалинами на боках. Сейчас бока его бурно вздымались – он тяжело дышал. С оскаленной пасти его свисали и тянулись к земле длинные и тонкие ниточки вязкой слюны. Сильные, мускулистые лапы были разодраны в кровь об острый настил – при каждом прыжке он оставлял на блестящем настиле капли своей крови. Но не это его беспокоило – где-то в широкой, могучей спине застрял кусочек железа, который прилетает с оглушительным грохотом из той палки, которую люди обычно держат в своих передних лапах. Кусочек железа жёг, саднил спину, не давая бежать с нужной скоростью. Надо передохнуть, хоть чуть-чуть... Маленький, звенящий потоком ручеёк оказался совсем рядом, только протяни морду. Дрожа тяжело вздымающимися боками, он стал жадно ласкать леденящую язык воду. Где-то справа раздался оглушительный выстрел, он резко отскочил от ручейка, и широкоими, размашистыми прыжками поскакал влево, подальше от выстрелов. Бахнуло снова, и снова, часто-часто, но уже спеша. Он опять рванул, но теперь назад. Но сделав несколько

прыжков, он опять в нерешительности остановился: дорогу ему преградили красные огоньки, трепещущие на ветру!

Опять человек! И его проделки! Опасно! Бежать!

Но откуда-то издалека, как эхо, прилетел звук, вернее голос! Это был голос человека, но не этих, которые плохие, которые с грохочущими палками и остро жалящим железом, которое так больно застряёт в спине. Нет, это тот самый хороший человек, он спасёт меня от этих, плохих, с палками... Голос что-то тихо произносит... он что-то хочет... кто я? Волк? Да, волк! Что он хочет от меня? Прядая ушами, он прислушивается к звукам голоса, побуждающего его к чему то, сияющемуся что-то ему подсказать, открыть какую-то тайну. Какая-то непонятная билиберда... какие непонятные звуки издают люди!

*«Я-из-повиновения-вышел-за-
флажки-жажда-жизни-сильней!»*

Вдруг с удивлением он осознаёт, что он уже понимает, что именно хочет сказать ему человек – прыгай за флажки! Собери все силы, и прыгай! Беги к своей свободе, потому что сзади – смерть!

Собрав все силы, и не обращая внимания на грохочущие за спиной выстрелы, он одним мощным рывком перемахивает через красные трепещущие огоньки, и оставляя на снегу кровавые следы, широкими прыжками уходит в чащу. В ушах свистит ветер, и причудливо смешиваясь с ним, звучат уже такие понятные и подбадривающие слова:

«Только сзади я радостно слышал удивлённые крики людей! Рвусь из сил, из всех сухожилий, но сегодня не так как вчера: обложили меня, обложили, но остались ни с чем егеря!»

***

Оборачиваясь, Агния с воодушевлением видела, что счастливо открытый ею способ достучаться до его подсознания работает! Андрей, так и не приходя в сознание, всё так же лёжа навзничь во влекомой ею волокуше, мотая головой, стонал и рычал от боли, но двигал, двигал, двигал ногами, активно помогая ей этими мощными толчками! Скорость продвижения увеличилась в разы! Забрёзжил тоненький, но уже осязаемый лучик надежды.

Песня про волков кончилась, и Агния тут же, чтобы Андрей опять не замер у неё за спиной, вытянув бессильно ноги, тут же продолжила свой речитатив, который (нежданно-негаданно, о, счастье!) но всё же смог пробить потенциальный барьер между её сознанием и его подсознанием.

Тонкий стальной трос больно давил на грудную клетку, мышцы ног немели от невероятного напряжения, но волоча за собой лист обшивки с лежащим на нём Андреем, тяжело дыша, она всё-таки находила в себе силы после каждого шага сипло выдыхать:

– Возвращались тайком... без приборов... впотьмах... и с радистом... стрелком... что повис на ремнях... в фюзеляже пробоины... в плоскости... дырки... и по коже озноб... и за-

клинен штурвал... и дрожал он... и дробь... по рукам отдавал... как во время... опасного... номера... в цирке...³⁷

***

Волк куда-то пропал, – он был опять человеком, пилотом. Машину трясло – показания приборов на приборной доске не читались вообще. В пробитое остекление с силой врвался ветер – кожа лица немела от зверского холода, но вся спина была мокрая, хоть выжимай. Машину постоянно валило в правый крен – после попадания 37-миллиметрового снаряда в правом крыле зияла здоровенная дыра, да ещё в довесок взрывом сорвало обшивку на площади не меньше квадратного метра. Приходилось, упираясь коленом в угловатую коробку электросбрасывателя на правом борту, с силой отжимать ручку управления к левому борту.

***

Время от времени оборачиваясь, она видела, что Андрей, напрягшись всем телом, и с нечеловеческой мукой на лице, протяжно и с надрывом мыча, и помогая её усилиям, мерно и ритмично работает ногами, отталкиваясь ими от земли. Чувствуя всем телом его поддержку, но не чувствуя уже своих ног, и задыхаясь от усилий, Агния продолжала поддерживать между ними тонкую ниточку связи:

– Завтра мне... и машине... в одну... дуть дуду... в аварийном... режиме... у всех... на виду... ты мне нож... напоследок... не всаживай... в шею... будет взлёт... будет пи-

---

³⁷ Слова из песни «Мы взлетали как утки» В.Высоцкий.

ща... придётся... вдвоём... нам садиться... дружище... на аэродром... потому что я... бросить тебя... не посмею...

***

Самолёт валяло по всем трём осям – видимо, было повреждено и хвостовое оперение, самолёт был крайне неустойчивым, приходилось постоянно работать руками и ногами, удерживая его в воздухе. Немели мышцы, выбиваясь из-под шлемофона, пот крупными каплями катился по лбу, заливая, и разъедавая глаза. «только бы дотянуть, только бы дотянуть... главное – не выпускать щитки и шасси... садится на брюхо» – тревожной жилкой билась в голове мысль.

***

Вдали всё ближе и ближе слышались крики преследователей, команды офицеров, вот уже слышно тяжёлое хрипелое дыхание тех, кто бежит во главе преследования. И тут впереди перед взором Агнии поредели деревья, раздвинулась поросль кустов, и... перед глазами раскинулась болотистая местность, с кочками, редким кустарником и пятнами тёмной, болотной воды, местами проступающей сквозь тонкий лёд.

– Андрюша, болото! У нас появился шанс!

И собрав силы и волю в кулак, она, буквально выхаркивая гланды, из последних сил рванула по кочкам и тонкому льду...

И ноги тут же провалились в тёмную болотную жижу! В ноздри шибануло застоявшейся гнилью. Тухлая ледяная во-

да, густая и чёрная, быстро проникнув под комбез, и залил унты, ожгла холодом ноги по колени. Не обращая внимания на это, она, стиснув зубы и хлюпая мгновенно набрякшими унтами по гнилой воде, упорно шагала по болоту. Импровизированная волокуша тащилась за нею следом, почти не проваливаясь в воду, лишь только отдельные брызги от её шагов попадали на Андрея. Давление на трос внезапно усилилось – она обернулась назад, и увидела, что Андрей опять затих и лежит, вытянув ноги. Пару секунд она стояла, тяжело дыша, потом, как будто что-то припомнив, задыхаясь, и делая паузы для вдохов, произнесла первые слова ещё одной песни... И поднатужась, снова впряглась в волокушу. Опять шаги, снова отсчёт, снова с нуля – пять... десять... пятнадцать шагов, теперь уже по болоту.

Надо спешить изо всех сил – дистанция до преследователей сильно сократилась – не более полутора сотен метров. Вот сейчас, максимум через минуту, они выскочат на край болота и они с Андреем окажутся у них, как на ладони. Впереди, метрах в пятнадцати, она увидела то, что их может спасти. Ещё один рывок, ещё три десятка шагов по этой вонючей жиже... и всё... есть шанс! Тяжело прыгая по кочкам, и таща за собой лист дюралья, она, сбивая дыхание, всё же читала для Андрея, выхрипывая слова в морозный воздух:

– За нами... гонится эскадра... по пятам... на море штиль... и не избежать... встречи... но нам сказал... спо-

***

Он лежал на раскалённой солнцем деревянной палубе, хоронясь за высоким бортом. В правой руке он сжимал широкую абордажную саблю, в левой руке у него был зажат большой нож. Он был бос, и по пояс голый, но штаны были – неопределённого цвета, вонючие, грязные и рваные. Рядом с ним, вповалку, прижимаясь к борту, и явно прячась за ним от кого-то, лежали десятки таких же оборванцев, как и он: такие же потные, одетые в невообразимую рванину, бородастые и дурно пахнущие. Загорелые мускулистые руки сжимали сабли, ножи, пистолеты, топоры, крюки, и прочее смертоносное железо.

Скрипел деревянный корпус небольшого корабля, откуда-то совсем недалеко, слышались крики каких-то команд на иностранном языке (испанский? что-то похожее...). Ветер шумел в парусах, гудел в вантах. Через борт залетали брызги воды... Крики команд всё ближе и ближе... Андрей, чуть-чуть приподнялся, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь в щель на борту, но к нему тут же повернулась одна из соседних безобразных харь, разинула свой рот с гнилыми зубами и, пахнув на него мерзопакостной гнилью, рыкнула что-то непонятное (английский? французский?). Возникло стойкое желание со всей дури врезать мерзкой харе по кривым, жёлтым зубам, но Андрей не успел: откуда-то сверху разда-

---

³⁸ Слова из песни «Ещё не вечер» («Корсар») В.Высоцкий.

лась непонятная команда, и несколько соседей с крюками в руках, вскочили и размахнувшись, швырнули их куда-то через борт, раздался хор криков, что-то загрохотало, в борт тут же что-то сильно ударило, да так, что прячущихся за бортом оборванцев отбросило от борта. Раздался громкий треск, вопли, улюлюканье, и вся свора пиратов, движимая единым порывом, с диким рёвом вскочила и бросилась через борт. Андрей тоже вскочил в полный рост, и увидел, что их небольшой кораблик сцепился борт о борт с гораздо большим парусником, палуба которого была буквально покрыта смуглыми бородами мужиками в чёрных, блестящих кирасах и шлемах. Фашисты?! Нет, испанцы! 16 век?! Откуда?! Я же лётчик! И почему я здесь?!

Но увлекаемый общим порывом, Андрей, так же, как и все, вопя и размахивая саблей и кинжалом, перепрыгнул на испанский корабль. За какие-то несколько секунд вся толпа перемахнула через борт, и теперь насмерть рубилась с испанцами в шлемах и кирасах. Тут и там дробью гремели пистолетные и ружейные выстрелы, со всех сторон звенело железо, ежесекундно слышались вопли раненых и убиваемых людей, полетели за борт тела, Андрея обдало потоком брызг. Захваченный общим смертельным водоворотом, Андрей рубил саблей, уворачиваясь от ударов, принапцовывал, как на ринге, по палубе, делал выпады, колол кинжалом, отскакивал, опять уворачиваясь, и выходя из-под удара, пинался ногами, приседал, падал, перекатывался, опять отмахивался саблей.

Одним словом, дорого продавал свою жизнь...

***

Вот и заветный бугорок посреди болота! С берега он казался просто снежным холмиком, скрытым чахлым кустарником, но вблизи оказалось, что это полусгнивший ствол поваленного дерева, лежащий горизонтально на поверхности болота. Молодые побеги, пошедшие в рост из корня гнилого уже пня поваленного дерева, выжили, и образовали довольно большой куст. Проваливаясь по колено сквозь тонкий ледок, и взметая вокруг себя брызги грязной болотной воды, Агния лихо втянула дюралевый лист с лежащим на нём Андреем за поваленный ствол дерева. Тут же, тяжело дыша, бросилась к нему, продолжавшему в беспомощности скрежетать зубами, стонать, и скрести снег ногами:

– Тише... тише... успокойся... всё, битва закончилась... лежи тихо... дай-ка я тебя скovyрну...

Агния схватила его за плечо, и не обращая внимание на его мычание, в два рывка сбросила его с листа дюралюминия, толкнула мокрый лист от себя в сторону – он по инерции проехался по заснеженному болоту метра три в сторону. Она схватила автомат, быстро выглянула из-за бревна – нет ли ещё на берегу фашистов? В три прыжка добежала до волокуши. Ещё раз её оттолкнула на пару метров в сторону, шагнула к ней, и... провалилась по пояс! Но вместо того, чтобы вылезать, стала метаться из стороны в сторону в этой вязкой, плотной гуще воды, пытаясь за несколько имеющих-

ся у неё секунд как можно больше расширить полынью. Потом, с хрипом выдыхая из лёгких воздух, и каменея от чудовищного холода, она вскарабкалась на ближайшую кочку и в два прыжка преодолела расстояние до ствола поваленного дерева, упав за него.

В ту же секунду на берег вышли несколько немцев, дошли до болота и остановились в нерешительности...

Андрей, очнувшись, и открыв глаза, осоловело оглядывался вокруг: переброс из одной реальности в другую сбивал с толку – только что он с саблей и кинжалом брал с пиратами на abordаж испанский галеон, рубился на палубе в рукопашной схватке, и вдруг – вокруг него какие-то кочки, кусты, болото... и глаза Агнии, близко-близко:

– Тише, тише! – она приставляет палец к его вспухшим и обкусанным губам, – там, – она показывает одними глазами куда-то в сторону, – там немцы. Они нас не видят. Сиди тихо.

Андрей сжимает зубы, стон рвётся у него изнутри: пуля, засевшая в спине, жжёт и рвёт его плоть.

Агния, вжимаясь в землю, смотрит некоторое время на него, потом начинает торопливо расстёгивать ему комбез:

– Сейчас... тихо... сейчас вколю тебе... станет легче, ты отключишься...

– Чё вколешь-то? – хрипит Андрей

Но у неё в руках уже маленький тубик-шприц. Маленькая игла жалит в тело, заботливые руки запахируют обратно комбез:

– Лекарство, только что сотворила, обезболивающее, ле-
жи.

Совсем близко, метрах в двадцати – двадцати пяти слыш-
на немецкая речь, топтанье нескольких десятков человек,
бряцанье оружия. Наконец, звучит команда:

– Vorward!

И несколько солдат опасливо ступая по кочкам, начинают
продвигаться по болоту. Через пару секунд слышится могу-
чий всплеск, жалобный крик, и отборная немецкая ругань:

– Der Teufel soll das buserieren!

Агния, сжимая в руках автомат, со всеми предосторожно-
стями выглянула из-за ствола, тут же опустила голову:

– Один дурень провалился в это говнище аж по шею, двое
его вытаскивают, четвёртый сам полез обратно на берег.

Боль утихает, на Андрея накатывает волна умиротворе-
ния, уже ничего не хочется, всё плывёт перед глазами... всё
хорошо... но рядом фашисты... чёрт! Он тянется за автома-
том:

– Дай мне!

– Да тихо ты! – она зажимает ему рот холодной мокрой
ладонью, пахнувшей болотной тиной, – они, увидев полы-
ню, решили, что мы с тобой уже утонули, понимаешь? Сей-
час постреляют-постреляют для успокоения совести и уйдут,
понимаешь?

И точно! В ту же секунду на берегу раздалась команда
офицера:

– Zu feuern!

И одновременно заработали несколько десятков стволов: тишина болота разорвалась грохотом выстрелов. Горячие пули с шипением протыкали снег, плюхали фонтанчиками по открытой воде, срезали ветки редкого кустарника, с глухим стуком втыкались в ствол дерева, за которым они, вжавшись в мокрую болотную почву, переживали шквал огня.

Через десяток секунд, когда у всех стрелявших опустели магазины, в болото полетели гранаты-колотушки, оглушая взрывом и взметая фонтаны чёрной, тухлой воды. Бах! Бах! Бах! .... Бах!

Четвёртая разорвалась совсем близко – садануло взрывной волной, зазвенело в ушах...

И всё... тишина!

И ещё долго они лежали за поваленным деревом, не веря своему счастью – Агния всерьёз опасалась, что немцы могли оставить где-нибудь неподалёку пару наблюдателей. Но, похоже, всё же нет, никого не было – она долго и тщательно сканировала местность всеми своими чувствами. Наконец, привстала на колени, осторожно выглянула – никого нет. Только у берега тёмное пятно большой полыньи, в которую угодил один из фашистов, да россыпь сотен гильз в утоптанном снегу на берегу болота.

– Всё, можно идти. Поехали! Андрюш, слышишь, всё, они ушли, поехали! – она толкала его в плечо, но никакого ответа – Андрей снова впал в забытье, теперь уже получив лоша-

диную дозу обезболивающего.

Агния добралась до волокуши, она теперь выглядела, как дуршлаг – немцы палили от души. Подтащила её к Андрею, еле-еле затолкала его на волокушу, положила ему на грудь автомат, и впрягшись в трос, продолжила свой трудный путь по болоту.

Глава 15. Сникерс.

Очнулся он, когда уже стемнело. Горел маленький костерок, Агния сидела у огня, стуча зубами, и зябко поёживалась.

– О, очнулся! Ну, наконец-то! – воскликнула она облегчённо, и придвинулась к нему поближе. Положила руку ему на лоб, пытливо посмотрела в глаза:

– Ну, как ты?

– А-а... э... – пытаюсь проморгаться, Андрей немного ошалело осматривался по сторонам, – а.. это... фрицы... где?

– Далеко, сидят по хатам – шнапс пьют. И хвалятся, как они нас в болоте утопили, – она улыбнулась, стараясь не стучать зубами от холода.

– А... да... а как мы здесь... а я... что... ты меня так... и тащила?

Она, подавляя дрожь во всём теле, усмехнулась уголком губ:

– Так и тащила.

– А я что же... чёрт... ничего не помню... – Андрей повернулся и задохнулся от боли – острым копьём пронзило спину, он глухо охнул, и уронил голову.

– Тише, тише, тише, что ты? Не делай резких движений! – она принялась ласково гладить его дрожащей холодной ла-

дошкой по голове, – не надо дёргаться, просто лежи – у тебя пуля в спине.

– Так вынь! Ты же... ангел... ты же всё... можешь... – Андрей сглотнул, борясь с болью, – в тебе же сила сидит невозможная... я-то знаю, – он через силу улыбнулся.

Улыбка получилась жалкая и кривая, но он этого не видел. Агния грустно покачала головой:

– Нет, милый мой, не смогу. Всё имеет начало и конец. Кончилась моя сила. Всё, до доньшка я её высосала. Если я попытаюсь вынуть пулю, ты умрёшь. А этого я допустить не могу.

– Так что ж, вечно... мне с этой... пулей в спине... мучиться?

Передёргиваясь всем телом от холода, она ободряюще улыбнулась, положила ему руку на лоб, и смахнула с него капли пота, маленькими бисеринками выступившими на нём. Покачала головой:

– Нет, ну что ты! Не вечно. До утра. Утром нас спасут.

– Кто?

– Наши, кто же ещё?

Андрей в сомнении pokrивил рот:

– Думаешь, найдут?

– Найдут, найдут. А пока давай-ка ещё разочек... – она растегнула его комбез, в её руках появился малюсенький тюбик-шприц.

– Эт што?

– Укольчик, обезболивание, я ж тебе уже делала, не бойся, оп!

Как комарик, укусила тело маленькая, тоненькая игла.

– Ну вот, всё, должно до рассвета хватить. А там, глядишь, и найдут нас, верно?

Глаза её были близко-близко, милый овал лица в отблесках огня от костра плыл, колебался, расплывался... Стало немного полегче. Некоторое время, Андрей лежал смирно – было ощущение, что он плыл на плоту, который покачивало на волнах.

– Ну как, легче?

– Да-а... вроде бы. – сказал он, и прислушавшись к своему бурчащему животу, добавил: – и жрать охота.

Она тихонько засмеялась:

– А вот жрать-то у нас с тобой и нечего!

Андрей вздохнул:

– Жалко... – и мечтательно добавил: – а то бы я сейчас щец навернул бы...

Она тут же подхватила:

– Да с потрошками?

Андрей горестно и коротко кивнул. Она задумчиво посмотрела на него, и вдруг, как будто приняв какое-то решение, кивнула сама себе:

– Ну, щец, да ещё и с потрошками, я тебе сделать не смогу, а вот это... – она на секунду замерла, напряглась, глаза её на мгновение прикрылись, судорожно выдохнула и... протя-

нула ему в темноте какой-то продолговатый предмет:

– На! Держи.

И... полузакрыв глаза, бессильно откинувшись назад, опершись спиной о ствол дерева. Андрей машинально принял в руку переданный ему предмет и, увидев реакцию Агнии, испуганно вскинулся:

– Что с тобой?! Тебе плохо?

Она открыла глаза, глубоко вздохнула, поморгала глазами:

– Фууу... аж в глазах потемнело. Раньше такого не было.

Андрей не на шутку встревожился:

– Да что случилось-то?

– Да просто... видать, точно, всё... Всё, что было во мне, всё израсходовано. Пустой бак, – она грустно улыбнулась, и зябко поводя плечами, пояснила, – ну ты же знаешь, если я что-то творю, то тут же теряю столько же в весе. Раньше всё получалось неплохо. А вот сейчас... аж подурнело... в глазах темно, куда-то проваливаюсь... шприц с лекарством для тебя – он всего-то пару грамм, это пока ещё творится без проблем, а вот шоколадку сотворить уже трудно... – она выдохнула, улыбнулась: – да ладно, уже прошло. Ешь давай, это вкусно и питательно.

– Питательно... – Андрей осуждающе посмотрел на своего Ангела-хранителя, – если это твоё питательное такой ценой достаётся, то уж лучше голодным быть.

– Ешь, давай! Раз твоя фея тебе нафячила, то обязан сло-

пать! – прикрикнула на него Агния.

Андрей в нерешительности крутил в руках продолговатый предмет, поворачивая его боком к свету костра и пытаясь рассмотреть хоть что-то на его поверхности. Блики огня играли на тонкой обёртке не то большой конфеты, не то толстой шоколадки. Нахмутив брови, Андрей прочитал иностранные буквы:

– Сни...ке... сникер... сникерс! Шоколад-то чё, трофейный?

Агния устало кивнула:

– Ага, трофейный. Ешь уже!

Андрей зубами вцепился в край обёртки – она с еле слышным шелестом слетела с толстенькой шоколадки, Андрей откусил кусок, стал жевать. Рот наполнился вкусом сладкого шоколада, ещё какой-то вязкой и тягучей массой, что-то аппетитно захрустело на зубах.

– Там что-то ещё внутри? – жуя и жадно сглатывая, спросил он.

– Шоколад, нуга, карамель, орехи. Вкусно?

– Угу! – вдруг он спохватился, и отломив половину, протянул ей: – держи!

Она выставила перед собой ладошки:

– Нет-нет-нет! Это всё тебе! Я не буду!

Андрей категорично замотал головой:

– Тогда и я в одно рыло не буду! Бери, говорю! Ты за кого меня считаешь?

Агния нехотя взяла у него из рук половинку шоколадки и откусила маленький кусочек:

– Получается, я сама себя ем...

Ей действительно требовались силы. И энергия. После того, как она вколола Андрею первый обезболивающий укол из сотворённого ею тубика-шприца, он окончательно отключился, и на его помощь в продвижении волокуши уже нельзя было рассчитывать. И ей пришлось полтора километра тащить его в одиночку – сначала полкилометра по болоту, потом ещё около километра по лесу. И только после этого она вышла к краю довольно большой поляны, на которую мог сесть самолёт. На это у неё ушло несколько мучительных часов. Всё это время она шла не чувствуя ног – унты и вся нижняя половина лётного комбинезона были пропитаны болотной водой и насквозь промёрзли. Всё её тело колотила дрожь, которую она никак не могла унять.

Но это её волновало не очень сильно – она точно знала две вещи: то, что она выполнила свою миссию, и жить ей осталось всего ничего, пару дней; и то, что она вывела его на то самое место, где их завтра утром подберёт самолёт. А в том, что он прилетит, она ни секунды не сомневалась. Главное – чтобы Андрей с пулей в спине дожил до утра, и дождался самолёта. Про себя она уже не думала – ей было всё равно, её конец был уже близок... Имеет ли значение в этом случае, чувствуешь ты свои ноги, или нет?

Сбоку послышалось хриплое сипение – Андрей, откинув-

шлись назад, на заботливо подложенные ею еловые ветки, наконец-то заснул.

Осталось сделать одно дело. Завтра утром, если в этот район на их поиски будет послан самолёт (а она почему-то была на 100% уверена, что это произойдёт), то надо будет суметь подать сигнал бедствия. Ничего подходящего для этого у них не было. Разводить костёр заранее, не зная точно, когда прилетит самолёт, было опасно – их могли обнаружить и немцы. Самое очевидное решение – сигнальный пистолет, он же в обиходе – ракетница, и хотя бы один патрон к ней. Но вес... вес! Почти килограмм! Агния прекрасно понимала, что в её нынешнем состоянии сотворить почти килограммовый кусок железа ей не под силу. От шоколадки-то весом всего в 60 грамм чуть сознание не потеряла, а тут почти целый килограмм! Надо что-то полегче... она покопалась в своей памяти, и тут её осенило! Есть! Эврика! И вес втрое меньше, чем почти килограммовая ракетница! Скорее всего, получится...

Некоторое время она сидела молча, взвешивая свои шансы на успешный исход, потом закрыла глаза, сконцентрировалась, выдохнула, и... на её ладони появился небольшой оранжево-чёрный цилиндр.

Пuls её замедлился, дыхание стало поверхностным, она потеряла сознание, покачнулась и в следующую секунду рухнула ничком на снег, успев протянуть руку с только что сотворённым предметом в сторону Андрея...

Глава 16. По самому по краю.

Разрывы глушили биенье сердец,
Моё же – мне громко стучало,
Что всё же конец мой – ещё не конец:
Конец – это чьё-то начало.
В.Высоцкий

Андрей очнулся от стрёкота мотора. С трудом разлепив глаза, он в рассветных сумерках отчётливо увидел самолёт, идущий на небольшой высоте. Наш? Немец? Прямое крыло и высокое неубирающееся шасси однозначно указывало, что это немецкий «Шторх». Чёрт, сейчас заметит! Андрей потянулся к автомату и одновременно оглянулся по сторонам, ища глазами Агнию. Острая боль пронзила его тело, Андрей, перевалившись на спину, сипло захрипел:

– Ааа... чёрт! Агниюша! Фриц... сейчас увидит... Хана нам!

Наконец он нашарил её глазами – она лежала ничком, уткнувшись лицом в снег. Рука её была протянута в его сторону, и в ней был зажат какой-то яркий предмет. Он дотянулся свободной рукой до её головы, и в отчаянии стал трясти её за голову:

– Очнись же, очнись! Фрицы!

От его толчков её лицо повернулось к нему, немного при-

открылись глаза, и она что-то еле слышно прошептала.

– Что? Я ничего не слышу! – пытаюсь услышать её сквозь стрёкот самолётного мотора, выкрикнул Андрей, и потом, сообразив, постучал пальцем себе по голове, и крикнул ей: – сюда говори! Тут я услышу!

«Это же тот самый наш «Шторх», на котором мы прилетели! Это за нами! – гулко, как в огромном колодце, с многочисленными отражениями эха, негромко пророкотало в голове, – возьми фальшфейер, там крышка, отвинти и дёрни за шнурок – вспыхнет факел огня, нас увидят...».

Самолёт уже приблизился, и пролетая чуть в стороне, через 10...15 секунд должен был миновать их поляну.

Андрей, не раздумывая, выхватил из её окоченевшей руки небольшой оранжево-чёрный цилиндр, трясущимися, задубевшими от мороза пальцами отвинтил чёрный рифлёный колпачок, вытряхнул светлый шнур... зажав круглый корпус одной рукой, второй из всех сил дёрнул шнур.

Внутри что-то негромко хлопнуло, и с шипящим гудением, выбрасывая мощный дымовой выхлоп, из цилиндра рванул огненно-рыжий факел. От неожиданности Андрей выронил его на снег. Быстро вытаивая вокруг себя снег, факел с гудением горел тугим ярко-оранжевым пламенем и распространял вокруг себя облако густого дыма.

Лёжа на спине, и стиснув зубы от жгучей боли в спине, Андрей увидел, как самолёт заложил вираж, развернулся и пошёл на посадку. Попытался чуть подвинуться к Агнии, и

опять отключился от сильнейшего всплеска боли...

Очнулся он от близких криков. С трудом открыл глаза – метрах в тридцати стоял «Шторх» с работающим на холостых оборотах мотором, а от него в их сторону с криками бежали двое: Илья Кутеев с перевязанной рукой и... Шурка! Как оглашенная, плача на бегу, она орала, срывая голос:

– Командир! Командир! Агнюша!

Андрей без сил уронил голову назад, по щекам побежали слёзы радости...

– Андрюха, родной! – Илья подхватил рукой его под плечи, и обернувшись к Шурке, крикнул: – я ж говорил, что утром обязательно найдём!

– Ты как здесь? – слабым голосом выдавил из себя Андрей, – ты же ранен, от полётов отстранён...

– Так то ж от боевых вылетов отстранён! А на этой тарактелке-то чего? Как на велосипеде! Можно и с одной рукой! Да я и у начальства-то не спрашивал! Шурка «Шторха» заправила, утра дождалась, ну и полетели!

И продолжил возбуждённо:

– А Шурка ваша за мной увязалась! Я ей говорю, мол, зачем, я и сам справлюсь! А она мне – я глазастая, далеко вижу! И упёрлась, – полечу и всё! И представляешь, мы уже эту поляну пролетели, так именно она этот ваш дым и увидела! Кстати, что это за хреновина? Трофейная? Слушай, вы оба ранены, что ли?

Андрей кивнул.

– Ну, тогда мы сейчас вас аккуратненько... прямо до госпиталя. Я знаю куда лететь!

– Слышь, это... Ильяха, тебе по шапке-то надают за самовольство, – Андрей поднял глаза вверх, на тащившего его за плечи Илью.

– Да ерунда... победителей не судят. Мы же вас всё-таки нашли! Да и что мне сделают? Мы и так в самое пекло каждый день летаем, – он хохотнул: – дальше фронта не пошлют, меньше роты не дадут!

Андрей закрыл глаза – всё вокруг него плыло, кувыркалось, кривилось очертаниями... с боков натянуло серый тёмный мрак, притухли все звуки, и он провалился в небытие...

***

Агния на краткое мгновение очнулась в тесной кабине «Шторха», его болтало турбулентностью воздушных потоков – Илья Кутеев вёл самолёт у самой земли, чтобы не нарваться на немцев. Всеохватывающая немоощь сковала тело, она не чувствовала ног, голова как будто налилась свинцом. Но не это её испугало: она не почувствовала связи с Андреем. Её не было! Это могло означать только одно – он умер! Она раз за разом пыталась достучаться до его мозга, а в ответ – тишина. Мёртвая, холодная тишина, никаких признаков мозговой активности. Никаких следов работы мозга, никаких обрывков мыслей. Ничего. Она с огромным трудом повернула лицо в его сторону, в надежде увидеть, как всегда, его ауру. Но нет! И её нету! Хотя нет... Теплится язычок

тёплого пламени, совсем незаметный... Трепещет, готовый в любую секунду исчезнуть. Навсегда.

Агния бессильно откинула голову. Всё пропало. Она не смогла, всё зря. Она провалила миссию, не спасла своего подопечного... Жизнь уходит из него, как последняя струйка дыма из готовой вот-вот погаснуть свечки.

И для неё тоже всё кончено. Почти. Осталось совсем чуть-чуть, самая капелька. Холод страха и отчаяния овладел ею...

В голове вихрем пронеслись события последних часов – как они вырвались из плена, как она, хрипя и изнемогая от непосильной тяжести, тащила его по лесу, уходя от погони, как она речитативом читала ему стихи Высоцкого, чтобы хоть как-то встряхнуть его, оживить, как потом она, проваливаясь по колено в стылую воду, и уже не чувствуя от холода ног, волокла его по болоту.

Так, стоп! Тогда помогло, может, сработает и сейчас?!

Хотя, нет... А, может, да?!

Она с одержимостью утопающего ухватила за эту ниточку, единственную, способную связать её сознание и угасающий мозг Андрея. Лихорадочно копаясь в своей памяти, она мучительно пыталась припомнить хоть что-то из песен Высоцкого, которые она слышала, шарясь в необъятных пространствах энерго-информационной матрицы. Но сознание путалось, обрывки мыслей ускользали, как скользкие хвосты змей. Погас и тот последний огонёк на ауре Андрея, что только что теплился, как язычок лампадки. Слезы неудер-

жимым потоком хлынули из глаз Агнии, смертельный ужас ледяной дланью сковал сердце.

И тут она вспомнила! И тихонько, еле слышно, одними губами зашептала:

– Вдоль обрыва... по-над пропастью... по самому по краю... я коней своих нагайкою... стегаю... погоняю... Что-то воздуху мне мало... ветер пью... туман глотаю... чую с гибельным восторгом... пропадаю... пропадаю...³⁹

***

Александра, сидя скрючившись на заднем тесном сидении в кабине Шторха, и держа на коленях Агнию, тревожно всматривалась в её лицо. Вдруг ей показалось, что Агния что-то шепчет – глаза её были закрыты, из них струйками стекали две светлые дорожки слёз, а обветрившиеся, сухие губы еле заметно шевелились. Она наклонилась, чтобы расслышать получше, но в кабине, наполненной гулом 240-сильного двигателя, до её слуха донеслось только два слова:

– Пропадаю... пропадаю...

Шурка в отчаянии бросила взгляд на Андрея, который неподвижно лежал в среднем кресле, за спиной пилота. Голова Андрея безжизненно болталась туда-сюда. Шурка перегнулась через него, и постучала ладонью по плечу пилота:

– Ильюшенька, миленький, давай быстрее, жми на всю железку! Боюсь, как бы не помер... И Агнюша тоже... Уж по-ди совсем не дышит... кончается... Жми, Ильюша, не жалей

---

³⁹ Слова из песни «Кони привередливые» В.Высоцкий.

движок!!

– Да не жалею я его, и так на пределе прём, Шур, – не оборачиваясь, сосредоточенно буркнул Илья, – 170 идём, по прибору. Скоро уже.

***

Голос Агнии всё слабел и слабел, она сама себя уже почти не слышала. И через силу, преодолевая себя, еле слышно продолжала читать с большими паузами:

– Чуть по-мед-лен-нее кони... ..чуть по-мед-лен-нее... .. вы туую не слу-шайте... ..плеть... ..но что-то кони... ..мне попались... ..при-ве-ред-ливые... ..и дожить... ..не успел... ..мне допеть... ..не успеть...

Но чу!

Вспыхнул на ауре Андрея первый крохотный огонёчек! Вспыхнул ещё один! Вот завернулся петлёй ещё один маленький, светлый, едва видимый протуберанец!

Андрей оживал! Он реагировал! Агния, воспряв, нежно коснулась его мыслесферы и почувствовала лёгкий ток мыслей – какие-то обрывки видеообразов, неразборчивое эхо звуков, тактильные ощущения от прикосновения к уху её мягких губ...

Собрав остатки своей жизненной энергии, они сформировала из него маленький, но сейчас так нужный Андрею, комочек силы, и со словами:

– Я коней напою... я куплет допою... хоть немного ещё... постою на краю...

толкнула его в сторону его головы.

Маленький, невидимый, но несущий жизненную силу комочек живительной энергии втянулся в его темечко, аура над его головой вспыхнула, и раскинув свои светлые лучики в стороны, снова засветила. Сердце стукнуло раз, другой, вошло в ритм, погнало кровь по артериям и капиллярам.

Агния же, отдав Андрею последние крохи своей жизненной силы, омертвела окончательно, и как бы Шурка не пыталась её растормошить, она уже ни на что не реагировала.

Глава 17. Вознесение.

Что происходило с ним потом, Андрей помнил в виде каких-то отдельных, рваных кусков: тарахтение мотора, тесная кабина «Шторха», носилки, белые стены, яркий свет в лицо...

Потом надолго наступило НИЧТО...

Сначала он услышал голоса. Говорили негромко и невнятно, и непонятно о чём. Отдельные слова он разбирал, но основной смысл беседы от него ускользал. О чём они говорят? «Они» – это кто? Где он находится? Андрей с трудом открыл глаза. Белый потолок. Светло-зелёные стены. Потрескавшаяся штукатурка. Металлическая кровать. Скосил глаза влево. Тумбочка. На тумбочке стакан. Ещё одна кровать. На ней человек. Читает газету. Ещё кровати. На них тоже люди. Некоторые лежат. Кто-то сидит. Двое стоят у окна. Они то и беседуют.

Попробовал двинуть ногой, получилось плохо – нога была как будто налитая свинцом. Двинул рукой, получилось. «Наверное, я в госпитале, надо бы спросить... что спросить? Ну, хотя бы... хотя бы...» мысли вяло ворочались в пустой голове. Вдруг его пронзило: «Агния... Где Агния?!». Он дёрнулся, тупая боль охватила его с ног до головы, он попытался крикнуть: «Агния! Где она?!»

Но из его рта еле слышно вырвалось только жалкое и

невнятное:

– А-а-а... э-е... на-а...

– О! Летун! Очнулся! – весело отозвался сосед слева, бросив свою газету.

Рот пересох настолько, что Андрей не чувствовал своего языка. Он снова дёрнулся, сглотнул и просипел чуть более складно:

– Де... о...на...

– Гляди-ка, заговорил! – хохотнул кто-то у окна.

Андрей, шаря по палате глазами, попытался приподняться на локтях, перевернулся немного набок.

– Э! э! э! Летун, ты давай, не хулигань! – сосед слева привстал со своей кровати и попытался остановить встающего Андрея, – а ну-ка, ложись, малахольный! Тебе только вчера операцию сделали, пулю из спины вынули! Тебе лежать надо!

Андрей бессильно откинулся на спину. Всё, конец. Он прикован к койке. Агнии нет. Куда она делась? Умерла? Не может быть! Или может?! У кого спросить? У соседей по палате?

Андрей повернул голову к соседу, поворочал языком во рту, несколько раз сглотнул, облизал высохшие губы и уже более-менее внятно спросил:

– Со мной... девушку... привезли... где она?

Сосед усмехнулся в будёновские усы:

– Здесь, браток, в палате одни мужики. Девушки – только

медсестрички. Одного тебя привезли, – и посмотрев на Андрея, стиснувшего в кулаке край простыни, попытался перевести разговор на другие рельсы: – а вот смотри, что в газете пишут: «на осине две верёвки, любо-дорого смотреть, скоро Гитлер с Муссолини будут рядышком висеть». А вот ещё...

Он что-то читал, рассказывал, подхохатывал над чем-то, видимо, очень смешным. А Андрей лежал, не слыша его, и пытался восстановить по памяти, последние мгновения, когда он видел Агнию.

Прошло, наверное, четверть часа. Сосед по койке, видя, что Андрей, погружённый в свои думы, его совершенно не слушает, читать перестал, отложил газету и тоже умолк. Андрей лежал, постепенно приходя в себя, немного двигал ногами и руками, проверяя их работу. Вроде всё работало, вроде ничего не отрезали. Пуля в спине? Вынули. Если выжил, значит, жить точно будет. Беспокоиться было не о чем. Кроме одного...

Где Агния?!

В коридоре раздались приглушённые дверью женские голоса. Всё ближе и ближе... Андрей уже различает не только отдельные слова, но и целые фразы:

– ... А к нам-то вчера всё девчужечку всю обмороженную привезли, аж на ероплане! Прямо на поле сел, к самой околице подрулил, а ероплан-то с крестами, фашистский!

– Да ну?!

– Вот тебе и ну! Оттуда лётчик вылезит...

– Фашист?!

– Типун тебе на язык! Наш, наш лётчик! И девка с ним, крепенькая такая, в ватнике...

– Та, что обмороженная?

– Нет! Обмороженная другая, та, которую они вынули из ероплана! А с нею летчик, ещё один, с пулей в спине! А этот, что ероплан-то привёл, сам с рукой перевязанной, орёт, пистолетом машет, мол, давайте носилки шибче тащите! Быстрее, грит, к врачу, если, грит, хоть один из них помрёт, то он всех тут же враз и перестреляет! Во как! Еле-еле угомонили!

– Так ведь не померли же? Вчера же умерших не было!

– Да не померли, не померли! Пулю-то у лётчика из спины вынули, говорят, позвоночник задела, а вот девчушка-то бедненькая...

Андрей, замерев сердцем, чутко прислушивался к удаляющимся по коридору голосам двух санитарок, затаив дыхание, и ловя каждое слово.

– ... Девчушке ноги-то отрезали... обморозилась на-смерть... гангрена, язвы её в корень! В пятой палате её положили, лежит, как неживая, Афанасьевна сказала, что помрёт девка... совсем жизни в ней не осталось...

– Ыыххррр... – глухо зарычал Андрей и рванулся всем телом.

Рывок – сел на кровати. Сильно дёрнуло в спине.

Ещё рывок – сбросил ноги на пол. Тупая боль охватила всю спину.

Вокруг раздались предостерегающие возгласы соседей по палате.

Третий рывок – встал на ноги.

Держась трясущейся от напряжения рукой за спинку кровати, второй рукой нашарил прислонённый к спинке соседской кровати костыль... опёрся на него, и невзирая на предостерегающие крики соседей по палате, с полыхающей от боли спиной, на негнущихся ногах, как на ходулях, пошагал из палаты...

Коридор.

Цифры на дверях.

Шаг, ещё шаг.

Снова, как очередная победа, ещё один шаг.

Каждый шаг отдавался взрывом тупой боли во всей спине. Он шёл, стиснув зубы, и механически передвигая плохо слушающиеся ноги, но считал цифры на дверях: третья... четвёртая... пятая!

Он рывком отворил дверь...

Это была даже не палата, а маленькая комнатушка, с парой кроватей. Одна из них была пуста, а на второй... Агния лежала на спине, уставившись в потолок широко распахнутыми глазами. Как только открылась дверь, она медленно повернула к нему своё осунувшееся лицо с тёмными кругами вокруг глаз, и тихонько сказала:

– Я знала, что ты придёшь. Я тебя ждала.

Задыхаясь от боли в спине и от счастья в груди, Андрей

бодро проковылял до её кровати, и скривившись от боли, осторожно опустил себя на табурет, стоявший рядом с кроватью.

Агния лежала, накрытая до подбородка простынёй, которая топорщилась двумя острыми бугорками на её небольшой груди, и... обрывалась ниже колен.

– Ну, как ты? – услышал, как сквозь вату, её голос Андрей. Она выпростала из-под простыни свою маленькую, ставшей тонкой и почти полупрозрачной руку. Он схватил её, и... не в силах произнести ни слова, поднял её и крепко прижал к своим губам.

– Ну, всё, всё, – она принялась слабым голосом утешать его, – всё уже закончилось. Я тебя спасла. В последний раз. Больше не потребуется. Полоса твоих невзгод кончилась. Ты будешь жить.

– А ты? – хрипло, не своим голосом спросил Андрей.

Она мягко улыбнулась:

– Ну а что я? Я свою миссию выполнила, даже с перевыполнением плана, – она грустно дёрнула уголком рта, – целых полтора месяца мы были вместе. А срок мне определялся, как месяц. Так что... скоро меня отсюда заберут.

Андрей в исступлении замотал головой, мученически завыл-замычал, не в силах что-либо произнести, стиснул её руку, и из глаз горячими, солёными градинами брызнули слёзы. Комок встал в горле, не давая произнести ни слова. Он рыдал, как ребёнок. Наконец, совладав с собой, он, прибли-

звив своё лицо, горячечно и торопливо заговорил:

– Нет! Нет! Нет! Послушай меня! Послушай! Ты там... им... тем, кто тебя послал, скажи! Скажи, что я люблю тебя! И что ты меня любишь! Скажи, что ты не хочешь больше быть ангелом, скажи им! Скажи, что ты хочешь быть человеком! Скажи, что я тебя не отпускаю, что ты – моя жена, что я без тебя жить не могу! Скажи им!!

– Ну, какая жена, Андриюшенька? – она мягко и укоризненно посмотрела на него, – взгляни на меня, – она показала глазами на простынь, обрывающуюся ниже её коленей, – зачем тебе жена без ног? Ты молодой, найдёшь еще себе. Да за тебя замуж любая пойдёт!

– Да не нужна мне любая! Мне нужна ты!!! – он изнемогал от бессилия, – потому что я тебя люблю! Ты понимаешь?! Тебя!!! И мне начихать, с ногами ты или без! Я тебя не за ноги полюбил!

Она покачала головой:

– Андриюшенька, ты не понимаешь...

– А я ничего и не хочу понимать! – возражал он иступлённо, почти кричал, – Я! Хочу! Быть! С тобой! Всё! Что ещё мне нужно понимать?! Слышишь, скажи им! Скажи!!!

– Хорошо, хорошо, милый мой, скажу, я всё там скажу! – она обняла его за голову, ласково гладила по волосам, целовала в лицо.

– Да, да, да! Я скажу всё. Я всё объясню. Я... тоже хочу быть с тобой. Хочу быть человеком. И я люблю тебя! – она

гладила его по голове, шептала и шептала ему на ухо, пытаюсь его успокоить, – но пойми, ТАМ от меня ждут отчёта. Я по любому не могу остаться здесь. Меня всё равно отсюда заберут, хотим мы с тобой этого или не хотим.

Андрей обречённо уткнулся мокрым лицом в её ладони, тяжело и долго молчал, потом нашёл в себе силы оторваться и глухо выдавил из себя только одно слово:

– Когда?

– Я не знаю... может завтра, может... не знаю.

Что-то надломилось в нём. Он сидел, понурившись и уронив руки промеж колен. Она, как могла, пыталась его успокоить:

– Я сделаю всё что смогу, обещаю! Может, не сразу, но я постараюсь вернуться! Слышишь меня?

Она взяла его за небритый, колючий подбородок и заглянула ему в глаза. Но он сидел молча, и обречённо молчал.

– Ты должен надеяться, слышишь?! Вера, Надежда, Любовь! Знаешь такие слова? Любовь у нас есть, осталось только запастись Верой и Надеждой!

Андрей в ответ только горестно кивал. По небритым щекам его бежали слёзы.

– Да ты пойми, дурачок! – она ласково смотрела ему в глаза, – мы сами делаем свою судьбу! Если ты упадёшь духом, то у нас с тобой ничего не получится! ТЫ САМ должен поверить, что я вернусь! Если ты сам в это не согласишься, то и у меня ТАМ ничего не получится! По вере твоей да воз-

дастся тебе!

Слёзы душили, не давали произнести ни слова. Им овладело полное душевное иступление – сил хватало только на то, чтобы кивать головой верх-вниз. Он схватил её руку и гладил, гладил, гладил её тоненькие пальчики. И никак не мог остановиться...

Резко скрипнула распахнувшаяся дверь...

– Это что ещё такое?! – раздался громовой выкрик из распахнувшейся двери, – ему только вчерась операцию сделали, а он тут уже безобразия нарушает, и дисциплину хулиганит! А ну, герой-любовник, пошёл отседова!

В проёме двери появилась грозная, как самоходка, старшая медсестра – доротная и суровая женщина лет «за пятьдесят», Ксения Афанасьевна.

– Давай, давай, марш, в свою палату! Ещё и костыль чужой прихватил! Тебе две недели после операции лежать положено!

– Иди, иди, Андрюшенька! – Агния ласково оттолкнула его от кровати, – иди, мой хороший! Мне надо отдохнуть.

Подгоняемый медсестрой, Андрей с огромным трудом, кривясь от тупой тянущей боли в спине, медленно встал и повернулся к двери.

– На, держи! – Агния сунула ему в руку свёрнутую бумажку. Он машинально сжал её в кулаке, и в последний раз обернувшись, и на пару секунд встретившись взглядом с её глазами, подгоняемый старшей медсестрой, спотыкаясь, медлен-

но побрёл из палаты...

***

Не обращая внимания на осуждающие возгласы соседей по палате, он молча и угрюмо лёг на свою койку и недвижимым взглядом уставился в потолок. Некоторое время так лежал, совсем без движения, потом спохватился, вспомнив о зажатой в кулаке маленькой свёрнутой бумажке.

Торопливо развернул – там была написана лишь одна ровная строчка:

*«Жизнь стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать.»*⁴⁰

И как только его глаза по ней пробежали, раздался странный звук, даже не звук, а что-то похожее на то ощущение, когда где-то далеко-далеко взрывается мощный фугас. Низкий, тяжёлый толчок, лёгкая дрожь стен, и... всё стихло.

Вскинулись соседи по палате, глухо загомонили, теряясь в догадках и пытаясь установить причину такого странного низкочастотного толчка.

Вдруг тишину разрезал истошный и визгливый женский вопль – так обычно орут женщины в момент сильнейшего душевного потрясения. Все всполошились, захлопали двери, из коридора донеслись вопросительные вскрики. Наконец, мимо двери по коридору протащили кого-то грузного и жалобно голосащего. Сквозь всхлипывания можно было разо-

---

⁴⁰ Агния намеренно и совершенно осознанно изменила одно слово в строчке известной песни Виктора Цоя

братъ голос старшей медсестры:

– Ангел... ангел! Вот те хрест! Захожу... а она... крыла-ми-то хлоп, хлоп, хлоп... и большие крыла, белые такие, а личико-то – ангельское! Глазки такие добрые... и светится вся, как лампадка живая! Ох ты, господи! И улетела... улетела! Прямо сквозь потолок!

Голос всё удалялся, удалялся, в коридоре затопали, кто-то у кого-то пытался что-то уточнить, стоял шум и гам. И никто ничего не понимал что происходит.

И только один человек в больнице всё знал, и всё понимал – Андрей молча откинулся на подушку и закрыл глаза. Слезы одна за другой скатывались с его небритых щёк и капали на подушку...

Глава 18. Трибунал.

Душа Ангела висела в пустоте, посреди огромного, уходящего в абсолютную глубину зала. Вернувшись, Ангел пожелал остаться в своём последнем человеческом облики, данному ему полтора земных месяца назад. Голова Ангела была склонена, длинные волосы, упав со лба, закрывали его лицо, руки висели вдоль тела, кончики крыльев и пальцы на босых ногах едва заметно подрагивали. Вся его сущность трепетала и от вины за содеянное им, и от ужаса о неизбежности грядущего наказания.

А наворотил он за свою «командировку» столько, что и на десятерых хватило бы...

Как Ангел, то есть, существо строго рациональное, никаких поблажек к себе он не ждал, но где-то внутри его иррационального человеческого «я», приобретённого им за прошедшие полтора месяца жизни среди людей, теплилась призрачная надежда. Это был шанс «один на миллион», но он был! И Ангел держал его, как последний аргумент, для последнего слова перед вынесением приговора.

Суд меж тем, шёл уже двадцать миллисекунд, то есть протекал обстоятельно и неспешно. Отвлёкшись от своих мыслей, ангел вслушался в слова Обвинителя:

– ...Вместо того, чтобы непосредственно обеспечить защиту своего подопечного, обвиняемый, приняв-

ший перед инфильтрацией своё прежнее земное имя Агния, занялся отъёмом жизни у других людей, чем сильно помешал работе других А-хранителей.

При каждом слове, падающем, как тяжёлая каменная плита, окружающая действительность трансформировалась, плыла и искажала свои формы. По поверхности эфирного тела ангела пробегали волны дрожи, как рябь на поверхности воды при дуновении лёгкого ветерка.

Первый голос замолчал, и после долгой паузы зазвучал другой голос. Он звучал мягко и успокаивающе:

– Ваша фраза, Уважаемый Обвинитель, изначально построена неверно: слово «вместо» должно быть заменено на слово «для». И тогда смысл фразы меняется на противоположный.

И звучать эта фраза должна так: для того, чтобы выполнить свою главную задачу – защитить своего подопечного, ему приходилось... убивать других людей. И прошу заметить: он делал это не ради удовольствия, а только лишь потому, что у него не было выбора.

Громом громыхнул первый голос:

– Это противоречит кодексу А-хранителей! Даже находясь в виде наказания на земле, они не имеют права лишать жизни других людей.

– Но тогда бы его миссия закончилась гораздо раньше срока, и обвиняемый не смог бы в полной мере отбыть своё наказание. Дело в том, что квалификация обвиняе-

мого и обстановка в зоне инфильтрации просто не позволяла ему использовать иные методы.

Снова громыхнул голос Обвинителя, сотрясая своды зала:

– Это не оправдание! Степень его вины была такой, что отменить наказание в виде месячной инфильтрации не было никакой возможности. И его текущая квалификация и окружающая обстановка, в которой ему пришлось действовать, в данной ситуации никакого значения не имеют.

Мягкий голос возразил:

– Всё правильно, но данный постулат вступает в противоречие с необходимостью неизбежности наказания. А как я уже говорил, и повторю ещё раз, если бы обвиняемый А-хранитель выполнял все правила инфильтрации, а именно основное правило «не убий», то он бы не смог в полной мере отбыть отпущенный ему срок наказания.

Опять громыхнул голос обвинителя:

– Протестую! Правило «не убий» имеет абсолютный приоритет над всеми остальными!

– Всё верно, – мягко продолжил второй голос, – но прошу обратить внимание на то, в отношении кого наш обвиняемый, защищая своего подопечного, поступился основным правилом «не убий»!

Он, защищая своего подопечного и не имея других способов решения поставленной задачи, отнимал жизни исключительно у тех, кого мы называем выродками, то

есть у существ, которые сами были убийцами и насильниками, и таким образом, сами себя поставили вне закона.

– Это не так, – громко, но уже не так уверенно возразил обвиняющий голос, – для нас они в первую очередь просто э... люди, у каждого из которых есть свой персональный А-хранитель. И степень их вины, а, соответственно, и наказание, за содеянное ими, будут определены каждому после их смерти.

– И какое будет наказание за убийства и насилие?

– Вы сами знаете, какое.

– Зачем же тогда медлить? И удлинять и без того длинный список их жертв? Я считаю, что с этой точки зрения действия обвиняемого мы не должны квалифицировать как однозначно отрицательные. Тем более, что действуя подобным образом, обвиняемый руководствовался не столько кодексом А-хранителей, сколько моральными установками людей, среди которых он жил довольно продолжительный срок.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать лишь то, что с точки зрения русских людей, в среду которых был инфильтрован наш обвиняемый, подавляюще превалирует точка зрения, что любой враг, пришедший к ним, и топчущий их землю, совершающий убийства и насилие, подлежит обязательному и безоговорочному уничтожению.

– Эти проблемы нас не должны касаться! Мы стоим выше этого. И любой А-хранитель это прекрасно знает!

– Но эти проблемы непосредственно коснулись нашего обвиняемого. И, прошу это особо отметить, наш обвиняемый, а в миру девица Агния, тоже была при жизни русским человеком, и именно поэтому не имела возможности поступать иначе.

– Для А-хранителя, в отличии от людей, национальности не существует!

– Да, это так. Но живя продолжительно время среди людей, и отметьте дополнительно, что срок её наказания был увеличен ей до полутора месяцев, она сама почти стала человеком, приняв их привычки, образ мышления, и жизненные установки. Именно поэтому она в большинстве случаев поступала, именно, как человек.

– Это её никак не оправдывает. Та бойня, которую она устроила в селе Городище, якобы спасая своего подопечного, не имеет никакого оправдания – она имела полную возможность увести своего подопечного из опасного района. Возможности у неё для этого были. Тем не менее, она инициировала массовое уничтожение – за неполные полчаса она лично отняла жизни у 148 людей. Да ещё и эта казнь с показательным отрезанием головы!

– Протестую – во-первых, те, кого она уничтожила, я вынужден ещё раз напомнить, были выродками, которые людьми называться не могут по-определению, во-

вторых, она сделала ЭТО не ради собственной прихоти, а ради спасения ещё большего количества человеческих жизней – если бы её там не оказалось, то погибло бы гораздо больше. Как вы знаете, в селе Городище в тот момент находилось почти пять сотен людей. Среди них большинство – раненые, женщины, дети, старики.

В случае победы вышеозначенных нелюдей, они все подлежали зачистке. Благодаря действиям обвиняемого Ахранителя жизни почти всех этих людей были спасены. Ценой отъёма жизней у 148 противостоявших им нелюдей. А насчёт казни... Никто из находившихся тогда рядом с ней людей не осудил её, даже в мыслях, а значит, с точки зрения общечеловеческой, она поступила абсолютно правильно. Или убийцы детей заслуживают что-то иное? Карающая десница Всевышнего в любом случае не оставила бы этим выродкам ни единого шанса.

Да, так получилось, что наш обвиняемый, а в миру девица Агния, сама взвалила на себя это тяжкое бремя – карать. Да, не спрашивая на то разрешения. Но в тот момент ей не у кого было спрашивать. Но надо признать, что она успешно справилась с той тяжелейшей ответственностью, которую она сама и взвалила на свои плечи.

Наступило долгое молчание...

– Второй пункт обвинения, – наконец, после долгой паузы, снова грохнул первый голос, – обвиняемый, не имея

на то никаких полномочий, почти сразу проник в массив информационного поля и стал активно пользоваться извлечёнными оттуда знаниями. Причём делал это крайне хаотично и бессистемно, внося волну искажений в общее пространство информационной матрицы.

– Это, пожалуй, единственное, с чем я могу согласиться, – мягко пророкотал второй голос, – и то, с очень важной оговоркой: обвиняемый делал это не ради развлечения или достижения каких-либо постыдных либо корыстных целей, а только ради наилучшего выполнения возложенной на него миссии. А именно – обеспечение безопасности своего подопечного. И спасения жизней других людей, что она и делала на протяжении всей своей миссии.

Также прошу особо отметить, что изначально назначенное ей количество спасений своего подопечного от неминуемой гибели было превышено ею более, чем в 2,5 раза – вместо восьми раз она спасла своего подопечного 21 раз. И при этом во многих безвыходных ситуациях она без колебаний защищала его своим телом, получая смертельные для человека ранения и испытывая при этом непереносимые страдания. Прошу учесть и это тоже.

Опять долгая пауза...

Наконец, гроыхнул первый голос:

– Обвиняемый, вам предоставляется последнее слово. Что вы можете сказать в своё оправдание?

Ангел дёрнулся, по всему его эфирному телу пробежала волна дрожи, кончики крыльев приподнялись, распушив белоснежные маховые перья. Ангел поднял голову – волосы сами собой разошлись в стороны, обнажив красивый девичий лик.

Агния сглотнула и вымолвила:

– Я хочу быть человеком. Я люблю его. И он меня тоже. И он Верит, что я вернусь. Отпустите меня к нему.

Последовала долгая-предолгая пауза...

Затем под сводами бесконечного зала пророкотал третий голос, доселе молчавший:

– Понесённые тобой страдания и лишения во время отбытия тобой наказания с лихвой перекрывают все те глупости, несурзности и ошибки, которые ты при этом совершила.

Ты останешься выполнять свои прежние обязанности А-хранителя.

Все обвинения с тебя сняты.

Последовала долгая-предолгая пауза.

– Что же насчёт твоей просьбы... она будет удовлетворена, если в течении испытательного срока ты не допустишь ни одной ошибки. Тех самых ошибок, которые и послужили причиной для уже отбытого тобой наказания.

Срок – 500 земных дней и 500 земных ночей.

Только после этого будет принято окончательное ре-

шение о твоей дальнейшей судьбе.

Глава 19. Госпиталь.

Прошло две недели. Андрею наконец-то разрешили вставать с постели. Но сидеть было нельзя – чтобы не создавать неправильную нагрузку на позвоночник. Вставать приходилось, исполняя чуть ли не цирковой номер – перевернувшись на живот, спустить на пол сначала одну ногу, потом вторую, отжаться на руках... и так, потихоньку-полегоньку, не совершая резких движений, медленно встать на ноги. Учиться ходить пришлось заново – сначала по палате, перебирая руками по спинкам кроватей, потом – и в коридор, держась за стенку.

Госпиталь располагался в бывшем барском особняке, стоявшем на берегу озера. Большое двухэтажное здание, с высокими потолками и широкими окнами имело в центре большую залу, из которой был выход на большую и широкую застеклённую галерею, выходившую окнами на озеро. Галерея имела выход через большие, парадные двери на широкую лестницу, ступени которой спускались прямо к воде. По краям лестницы, почти прямо у воды стояли на высоких постаментах каменные львы, смотрящие вдаль. По случаю зимы двери на лестницу были наглухо закрыты, и больные частенько прохаживались по галерее, имея возможность лицезреть через широкие заиндевелые окна замёрзшую поверхность большого озера, все берега которого плотно заросли

берёзами. Между стёкол оконных рам с облупившейся краской валялись сотни дохлых засохших мух...

Андрей стоял у покрытого зимними узорами окна и с тоской смотрел вдаль. На нем был больничный халат, на лице двухнедельная щетина, уже явно переходящая в стадию ещё короткой, но мягкой бороды. Лёжа бриться было неудобно, и для себя он решил так – вот встану на ноги, тогда и побреюсь... «Да, точно, сегодня вечером и скошу эту...»

Додумать он не успел – сзади его хлопнули по плечу и знакомый голос вскрикнул:

– Андрюха?!!

Андрей резко повернулся: в шаге от него стоял ни кто иной, как Колька Никишин! В таком же больничном халате, как и у Андрея, и с костылём под мышкой. Он смотрел на Андрея расширенными от удивления и радости глазами, как будто не узнавая его.

– Колька! – впервые за две недели Андрей увидел знакомое лицо. Товарищи бросились в объятия друг друга и крепко обнялись.

– Ну, ты даешь, борода! – восторженно воскликнул Николай, и тут же продекламировал строчку из каких-то стихов: – *парень я молодой, но хожу я с бородой. Я не беспокоюся, пусть растёт до пояса!* Давно ты здесь?

– Да уж две недели...

– О, и я две недели и два дня! А как ты сюда-то? Подрали, или... что... сел аварийно?

– Да не... подранили. Через два дня после того, как... вы... со Славкой...

Помолчали. Колька молча и горестно вздохнул:

– Вечная память...

Андрей кивнул:

– Мы ему памятник поставили. Со звездой. Сам делал.

Шурка покрасила.

Колька молча и одобряюще покивал. Потом разлепил губы:

– Да.... Мы здесь... а он там. Один. Под звездой.

Комок подкатил к горлу, секунда, другая, Андрей сглотнул и глухо добавил:

– Не один. Антонину рядом положили.

– Как?! – Колька аж отшатнулся, приложившись спиной к жалобно задрожавшему стеклу.

– Да так... на следующий день, – мрачно пояснил Андрей, – мы с задания возвращаемся – а над аэродромом мессеры хозяйничают, двухмоторники, сотни. А на поле, почти посерединке – бензовоз прёт...

У Андрея схватило горло – рассказывая события двухнедельной давности, он погрузился в крайне тяжёлые воспоминания. Совладав с собой, он продолжил:

– Ну, они его... – он судорожно сглотнул, – с пушек причесали, он и жажнул – фонтан огненный до неба! А эти... аккуратно на нас разворачиваться стали. Агния.... Агния мне орёт: «вали их, у тебя всего две очереди», говорит... Боеза-

пас-то мы по цели расстреляли! Ну, как-то сманеврировал... вмазал обеим... в общем, завалил я обоих, Колька.

Андрей опять стал судорожно сглатывать, пытаясь побороть подкатывающий ком в горле. Колька терпеливо и мрачно слушал.

– Ну и вот... сели... а тут Шурка бежит... и орёт: «Антонина! Антонина!» Что, да как... рассказала...

Андрей горестно и судорожно вздохнул, и повесил голову.

– Короче, за пару минут до нашего подхода эти сволочи стали наш аэродром обрабатывать. А тут – машины с бомбами, заправщик этот... мать его! Все, как тараканы, по щелям... а Тонька... – Андрей отчаянно махнул рукой, и не удержавшись, всхлипнул, – вскочила в заправщик... и ну его отгонять от самолётов, да от машин с бомбами. Вот и всё... Там и хоронить-то нечего было... Собрали, что смогли...

Долго молчали. По раме окна медленно ползла невесть откуда взявшаяся сонная муха. Андрей продолжил:

– Это утром было, ну а нас – во втором вылете. Фоккеры подшибли. Очнулся в плену, лежу связанный, в каком-то сарае. Рядом Агния. Повели на допрос. В люфтваффе звали...

– Это как? – поднял брови Николай.

– Да так. За фрицев воевать. Иначе, говорит, обоих порешим прямо здесь.

– Ну, и что ты им ответил?

Андрей ухмыльнулся уголком рта:

– Уклончиво ответил. На х..... послал.

– А-а... правильно! – понятливо кивнул Коля. – А они что? Порешить же обещали?

Андрей хмыкнул, дёрнув уголком рта:

– Гладко было на бумаге... порешили... ага! Только не они нас, а Агния их.

– Огонёк?! А сколько их было?

– Пятеро.

Густые брови Николая полезли на лоб:

– Фига себе! При оружии?

– Офицер с пистолетом, и четверо с автоматами.

– Хххрррена себе! А ты что же?

– А я по рукам и ногам связанный сидел. Да и по почкам сапогами почесали...

И видя, что Колька жаждет продолжения истории, добавил:

– Ну, пока она с теми разбиралась, я тоже... офицера маленько придушил... но не до конца. Агния, как этих... кончила, и его добила. Помогла, одним словом.

– Ебббическая сила!!! – Колька схватился за голову, до глубины души потрясённый рассказом Андрея.

– Чем же она их так?

Андрей секунду поразмышлял, стоит ли Кольке рассказывать про её жидкометаллические фокусы, но всё-таки решил придержать язык, чтобы его рассказ не был уж настолько фантастическим...

– Да почитай, голыми руками и справилась.

Колька растопырил свои волосатые ручищи, поднёс их поближе к глазам, повертел некоторое время перед носом, потом сомнительно покачал головой:

– Вот если б мне сказали: «Колян, завали фрицев, сколько сможешь, но только голыми руками», ну, не знаю... одного, может, двух... Трёх – вряд ли. Да ещё с автоматами... – он покрутил головой: – не знаю... не смог бы. Это точно.

– А вот она смогла. Отвечаю. Сам видел.

Колька в сомнении посопел, но услышать продолжение очень хотелось...

– А дальше? Где ты пулю-то словил?

– Хм... дальше... там и словил... Побежали. Неслись, как ветер. И уже почти ушли, уже в лес ввалились, ну и тут... шальная, что ли...

– А потом?

– А потом она меня несколько километров тащила по лесу да по болоту.

– А фрицы? Не погнались?

– Ну что фрицы? Погнались, конечно. У болота нас догнали, да Агнюша как-то исхитрилась, полыню пробилла, ну вроде, мы как бы провалились и утонули... а сами сховались за бугорком.

– А фрицы что?

– Да не полезли они в ту топь. Постреляли-постреляли, да гранат несколько штук бросили. И свинтили обратно, шнапс свой глушить.

– Вот это да-а-а... а дальше? Здесь-то ты как оказался?

– Вытащила она меня на поляну, переночевали, а утром Илья с Шуркой на «Шторхе» прилетели.

Колька недоверчиво помотал головой из стороны в сторону:

– Да-а-а... кому расскажешь – не поверят. Не врешь?

Андрей молча помотал головой, весь погруженный в воспоминания.

Опять долго молчали. Взгляд Андрея упал на тапочек, который был надет на единственную Колькину ногу. Николай поймал его взгляд, невесело усмехнулся и махнул рукой:

– Видишь, как получилось... теперь у меня шасси такого фасону: одна стойка выпустилась, а вторая – вроде как навечно заклинена, из ниши никак не выходит...

Андрей молча и горестно покивал головой.

– Да шут с ней, с ногою-то! Что я, с одной не проживу?! – с напускной весёлостью хохотнул Николай, – ты мне лучше расскажи, что с Огоньком-то? Ну, Агнюшка-то твоя? Она-то как, воюет? Она ж, наверное, ни с кем, кроме тебя и летать-то не захочет?

– Агнюшка... – Андрей ткнулся лбом в холодное, покрытое разводами морозных узоров стекло и замолчал, дрожа губами.

Коля участливо заглянул сбоку, пытаясь поймать его взгляд. По щеке Андрея предательски побежала крупная слеза... Потом вторая.

– Слу... слушай... Андрюх... ты чего? Ты это... слышь...

– Коля попытался повернуть Андрея к себе за плечо, – ты это, давай не пугай меня... рассказывай давай.

И тут Андрея прорвало. Две недели он копил в себе, копил, копил... и поговорить-то было не с кем. Он кивнул.

– Хорошо, Колян, расскажу. Только... только... слушай! А спиртиком здесь разжиться нельзя? А то как-то... – он сглотнул и постарался незаметно смахнуть слезу со щеки.

Колька-друг понял его состояние, и деловито засуетился:

– Щас, щас, щас! Я мигом! Я тут у медсестричек... в процедурной! Ага! Они даже как-то сами пообещали! Я щас! Слышь, Андрюха, я мигом! Никуда не уходи!

И стуча костылём, вприпрыжку помчался вглубь коридора...

***

– Так вот... я и говорю, – с тяжким вздохом продолжил свой необыкновенный рассказ Андрей, – она такие вещи порой вытворяла... вы-то все, понятное дело, об этом не знали. Вот, положим, пропала у меня зубная щётка... глядь-поглядь нету! Твою ж мать! А она, солнышко моё, раз! Так мне на ладошке-то щётку мою мне и протягивает!

– Нашла, что ль? – Колька поднял осоловелые глаза на Андрея.

– Не наша! А со-тво-ри-ла! – по слогам произнёс Андрей, – сотворила! Представляешь!

Колька помотал головой:

– Не представляю. Это как?

– А вот так, смотри! – Андрей выставил перед Колькиным носом свой кулак и театрально раскрыл его, – и вот здесь... – он ткнул пальцем другой руки в середину ладони, – и лежит.

– Что?

– Что захочешь! То, что сотворила!

– Это как фокусник в цирке, что ли? Фокус-покус? – икнул Николай.

– Ага... фокус-покус... то в цирке! Фокусники – обманщики, а у неё – по-настоящему!

Андрей и Колян сидели в укромном уголке, в крохотной комнатухе, где хранился всякий инвентарь – швабры, метёлки, лопаты и прочие хоз.принадлежности. Колька принёс аж поллитра спирту и графин воды. Сидели они уже пятнадцать минут...

– А ещё... а ещё она мысли угадывала.

– Это как?

– А так. Вот, скажем, ты что-то подумал в башке своей, а она всё слышит. Ну, вот на вроде того, как по радиосвязи, – Андрей покрутил около своего уха растопыренными пальцами.

Колька изумлённо глядя на Андрея, поднял вверх указательный палец, и горячо зашептал:

– А я ведь догадывался! Помнишь, к нам этот... стрекозёл прилетал... Ще-2! Помнишь? Я ещё загадку загадал всем, ну там... хвост как у Пе-2, мотор как у У-2, летит едва... пом-

нишь?! – он порывисто схватил Андрея за рукав пижамы.

– Ну... помню.

– Так вот, отгадку-то кроме меня никто не знал! А у меня в котелке-то вертится-вертится – Ще-2, а никому не говорю, держу кураж, а она такая... хитро так на меня посмотрела, и так, с ехидцей: «Ще-2!». Меня аж кондратий чуть не хватил тогда – ну не может такого быть, чтобы вот так мозги человеку вывернуть, чтобы всё, что у него там есть, узнать... А стало быть, так оно и было?!

Андрей утвердительно кивнул.

– Знаешь, сколько она меня раз спасала? Сколько пуль и осколков в себя приняла?– Андрей стал загибать пальцы: – первую пулю она приняла себе в спину, в тот день, как мы познакомились. Её насквозь пробило. Это раз... – он загнул первый палец.

– Погодь! Погодь... – Коля плеснул по кружкам разведённого спирта, взял свою, чокнулся с кружкой Андрея, замахнул, подождал, пока Андрей выпьет своё, и только после этого разрешил продолжить: – так... теперь давай!

– Вторую пулю она приняла себе в шею уже на второй день... это два, – он загнул второй палец.

– Так, стоп! – остановил его рассказ Колька, – в спину – раз, в шею – два. Ты ничего не придумал? Это же смертельные ранения! Ну, или на крайняк, тяжёлые. С такими ранениями люди месяцами по госпиталям валяются. А у тебя: в первый день – одно ранение, на второй день – второе... в

госпиталь-то мы её не отправляли!

– Так я тебе о чём талдычу-то?! Я ж тебе уже сказал – убить её нельзя!!! Ей любое ранение нипочём! Сам видел, отвечаю! Вот так – дырка... кровь течёт... больно! Орёт вся! А потом затихла... кровь идти перестала, и ранка... раз... и затянулась! Только шрамик остался. Во как!

– Ебическая сила...

– Ну так я о чём!

– Слышь, ты говоришь, орала она. Так выходит, всё ж больно ей было?

– А то! Ещё как! Кричит, аж сердце на куски разрывается! – Андрей для верности понимания скомкал в кулаке пиджаму у себя на груди, – я ж ей три осколка тогда по живому из живота вытаскивал! Вот этими руками!!!

И Андрей для верности растопырил и выставил перед Колькиным носом свои руки.

– Когда?

– Да когда нас сбили, и тогда ещё нас танкисты спасли...

– А-а-а... и как, вытащил?

– Вытащил! По живому! Пальцами в горячее мясо! – последние слова Андрей выкрикнул и всхлипнул от нахлынувших воспоминаний.

Колька снова плеснул в кружки. Выпили.

– У неё вот тут... и тут... и тут... – Андрей показал, – вся спина, живот... на шее, на руке, вот тут... всё в шрамах. Синие такие... смотреть страшно.

Он замотал головой, замычал тоскливо...

– А ведь всё это было мне предназначено, представляешь?! А она – в себя. Принимала. И по болоту этому грёбаному меня тащила... Ноженьки свои отморозила.

Андрей не в силах подавить рыдания, закрыл лицо руками.

– А я слышал, – продолжил Николай, – медсёстры говорили что-то такое... я ещё неходячий был, аккурат две недели назад... про какую-то девчущку с гангреной, которой ноги... того... Я и подумать не мог, что это... тогда ещё какая-то ерунда приключилась. Ухнуло что-то, вроде фугаса, а эта, медсестра, которая главная над всеми, умом тронулась, про ангелов что-то там всё говорила.

Андрей горестно закивал.

– Так что, выходит... – Колька заглянул в глаза Андрею, не решаясь сказать страшные слова.

– Да, Коль, всё.

– Умерла?

– Нет, улетела. Крыльями взмахнула... и всё. И не фугас это был. Это... ну это... не знаю, как правильно сказать? – Андрей запнулся, подбирая слова, – Агнюша мне раньше что-то такое говорила, про переход между нашим миром и тем, откуда она... продавливание какого-то барьера... вот, значит, ушла, забрали её... А медсестра эта её в тот момент и увидела. Вот умом и тронулась...

Коля разлил по кружкам остатки. Чокнулись, выпили.

– Так... Мёртвой же ты её не видел? Выходит... что жива она. Так? – Коля поднял глаза на Андрея.

– Выходит, так.

– Ну так, а чего ты скуксился-то?! Ну, на небесах, но ведь жива же!

– Жива...

– И, ты говоришь, обещала вернуться?

– Ну, как бы... если получится...

– Получится! Получится! – наклонившись вперёд, жарко проговорил Колька-друг, – я тебе точно говорю! Я Огонь-ка знаю! Святая душа! Мне свои сто грамм всегда отдавала! Она же тебя так любит! Ведь любит?

– Ну.

– Вот тебе и ну! Вернётся! Ты главное жди! Понял?!

– Понял.

– Ну, раз понял, тогда пошли.

Они встали, и, покачиваясь, и поддерживая друг друга, тихонько побрели по коридору...

Глава 20. Передовой авианаводчик.

Мерно стрекотал рядный Аргус под капотом «Шторха». Свежий майский воздух проникал в щели в остеклении и щекотал лицо. Проплывали под крылом светло-зелёные и пшенично-жёлтые поля. С полями перемежались тёмные леса. Под крылом блеснула неширокая прихотливо-извилистая река, блестящая на солнце. Андрей посмотрел на часы – до расположения передового НП 566-го полка осталось пять минут лёту. До запланированного удара штурмовиков перед наступлением оставалось 15 минут. Должен успеть...

С того памятного декабрьского дня, 43-го года, как он попал в госпиталь, минуло уже пять месяцев. Сначала долгое лечение в госпитале, потом ещё более долгое нахождение в санатории для выздоравливающих, и вот теперь, после долгих мытарств, он снова попал в свой родной полк. Но с категорическим запретом летать. По состоянию здоровья. Подходящую должность ему всё-таки нашли – теперь он был офицер наведения штурмовой авиации, а попросту говоря, передовым авианаводчиком.

Для улучшения взаимодействия с наземными частями в 44-м году стали повсеместно использовать офицеров наведения штурмовой авиации. Находясь на командном пункте вместе с командованием части, которая осуществляла наступление на данном участке, офицер наведения обеспечи-

вал необходимое взаимодействие, то есть служил неким промежуточным звеном между танками и пехотой на земле с одной стороны, и штурмовиками в небе – с другой. Как правило, офицер этот был из командного состава полка, прекрасно знал тактику штурмовой авиации, знал лётчиков своего полка, и они, в свою очередь, знали его, и узнавали его по голосу.

Полк работал хоть и на одном участке фронта, но целей было много, поэтому передовому авианаводчику приходилось постоянно мотаться из части в часть, и для этого специально был выделен «виллис» с водителем-ухарем Серёгой Левченко. Но ездить с ним Андрей не любил – во-первых потому, что тот был чрезмерно болтлив, а во-вторых, потому, что он был известный ссыкун. В любой потенциально опасной ситуации он так и норовил свалить куда-нибудь подальше, и докричаться до него было порой совершенно невозможно.

Но другого не давали. И поэтому Андрей, помучавшись неделю с Левченко, с разрешения начальства, стал летать на том самом «Шторхе» до сих пор сохранившемся в полку, на котором в декабре они с Агнией и Антониной прилетели в полк. Шторх, как весьма удобный и полезный самолёт, в полку берегли, и использовали от случая к случаю. Техником к нему была приписана Шурка Ерофеева – за прошедшие месяцы она довольно основательно освоила трофейный самолёт, и он работал у неё, как часы. По распоряжению на-

чалства она давно уже перекрасила его в зелёный цвет, и нарисовала на плоскостях и хвосте красные звёзды.

Начальство, сначала слегка поупиравшись, в конце концов согласилось с доводами Андрея. Что на Шторхе будет и быстрее, и безопаснее (в районе всё активнее действовали оставшиеся в тылу бандеровцы, нередко устраивавшие на дорогах засады), а самое главное, и на это Андрей сильнее всего упирал, что запрет на полёты – это должно действовать лишь в отношении числящихся в полку машин. А Шторх ни по каким документам не проходит, и поэтому он, Андрей, может летать на нём, формально не нарушая никаких запретов. Все эти аргументы более всего смахивали на какую-то житрожопистую демагогию, но деваться начальству было некуда, и оно сочло за лучшее сделать вид, что так и надо.

И Шторх был в полном распоряжении Андрея. Летал он аккуратно, не лихачил, и последствия ранения в позвоночник никак себя не проявляли...

Вот вроде, и прилетели: село, рядом с ним небольшое поле, даже скорее, большая поляна, метров 100 x 50. Андрей прошёлся над домиками, убедился, что это то самое место, куда он и должен был прилететь, построил образцовый заход на посадку, выпустил посадочную механизацию, и прострекотав мотором над головами красноармейцев, красиво плюхнулся в высокую траву. Мягко тормознул, пробежал два десятка метров, и остановился. К самолёту уже бежал боец.

– Старшина Мягков!

– Старший лейтенант Чудилин, – козырнул Андрей в ответ.

– Товарищ старший лейтенант, вы от штурмовиков?

– Так точно.

– Прошу следовать за мной, машина вас уже ждёт!

Ещё пять минут езды на виллисе, сотня метров пешком по ходам сообщения, и вот он, наблюдательный пункт полка.

– Товарищ майор, офицер наведения от штурмового авиаполка прибыл! – оттабанил сопровождающий.

Смотрящий в стереотрубу молодой офицер обернулся с недовольным видом:

– Четыре минуты до атаки, а вас где-то черти но... – он на секунду замер, потом раскрыл свои руки и бросился на Андрея: – Андрюха!!!

– Стёпка!!! – Андрей так же облапил своего старого товарища.

– Так значит, вот кто у нас от авиации! А я только вчера о тебе вспоминал! Долго жить будешь!

Степан Дунько, а это был он, весело смотрел в глаза Андрею, похлопывал его по плечу:

– А ты что ж, не летаешь? Ты ж лётчик?

– Да кончился лётчик... списали, – вздохнул Андрей.

– Чего так?

– Ранение... вот, теперь только на трофейном Шторхе и можно летать, а на других – ни-ни! Начальство боится, что

если что... а на Шторхе, говорят, лети. Хоть убейся, говорят, главное, что мы не при делах!

– А шторх это что?

– А это немецкая такая стрекоталка, связной самолётник, да видел, небось!

– А, это с колесами неубирающимися, кабина такая вся стеклянная? Видел, как же!

– Во-во! Вот на таком я к вам и прилетел. Налаживать, так сказать, взаимодействие.

– Ну, брат... это здорово, что ты к нам прилетел! Сейчас мы тут с тобой так навзаимодействуем!

Он посмотрел на часы:

– Так, всё, потом поговорим. Твои должны быть уже на подходе. Значит так, смотри сюда.

Он подтолкнул Андрея к стереотрубе.

– Вот там... левее, левее... два самохода в капонирах стоят. Увидел?

– Да-а-а...

– А вот теперь сюда, правее смотри. Видишь, во-о-о-н там... четыре дома. Один с высоким мезонином. Так вот за ними – миномётная батарея.

Андрей повернул стереотрубу немного вправо:

– Ага... вижу дом с мезонином. Понял, за ним...

– Так. А вот теперь смотри сюда...

Кратко и сжато, в течении двух-трёх минут Степан Дунько обозначил Андрею все выявленные разведкой и наблюде-

нием за позициями врага цели.

Майор Дунько сунул Андрею наушники в руки:

– Давай, Андрюха, давай, родной! Работаем!

Андрей одел наушники, поднёс ко рту микрофон, нажал тангенту.

– Орёл-2, орёл-2, я пуля -1. Ответьте.

Сквозь шумы эфира долетел густой бас Жорика Горидзе, ведущего эскадрилью:

– Арёль-два, слушаю! Мы на подходе!

Со стороны спины уже нарастал басовитый гул шестёрки штурмовиков.

– Орёл два! Слева два самохода в капонирах. Увидел?

Секунда, вторая... третья... четвёртая...

– Да, вижу! Два самохода!

– Справа – четыре дома. Один высокий, с мезонином – это ориентир. Так вот, за ними, миномётная батарея. Мне её не видно, но она там! Видишь её?

Пауза... секунда, другая...

– Да, вижу, есть миномётная бартарэя!

– Вот их – в первую очередь! Как понял?

– Самоходы и батарею – в первую очередь. Сейчас мы из них кебаб будем делать!

И шесть Илов растянувшись в длинную цепь, стали по очереди выполнять входить в левый вираж и пикировать на цель. Менее, чем через минуту круг замкнулся, и над позициями немцем быстро закрутилось смертоносное колесо,

бросающее бомбы, плюющееся ЭРЭСами и строчащее из пушек и пулемётов.

Первый, второй, третий заходы. На месте капониров с самоходами и четырёх домов, за которыми пряталась миномётная батарея, стояло сплошное облако дыма и пыли, куда штурмующие самолёты заход за заходом вбивали очередную порцию ЭРЭСов и пушечно-пулемётных очередей.

– Орёл-два! Молодцы! Цели накрыты! Ближе к лесу, вдоль дороги – немецкие траншеи. Они до самой речушки. Видишь?

– Да! Вижу!

– Причешите их!

Круг плавно смещается, и теперь его огонь беспощадно обрушивается на немецкие траншеи, полные пехоты.

Четыре, пять, шесть заходов...

– Пуля-адын, пуля-адын! Боекомплект на исходе! Ещё на пару заходов хватит, и всё.

Степан Дунько толкает Андрея под локоть:

– Слышь, Андрюха, сейчас танковый десант пойдёт в атаку, попроси, чтобы ещё минут пять поштурмовали, чтоб фрицам головы поприжать!

В воздух взвилась зелёная ракета. Взрыкнули дизеля, и ломая кустарник, на открытое место, с ходу набирая скорость, рванулись танки. На броне каждого, вцепившись в поручни, сидела пехота...

– Орёл-два! Орёл-два! Ещё три холостых захода! Наши

пошли в атаку! Не давайте фрицам поднять голову!

Эфир напололам с помехами принёс голос Георгия:

– Есть три холостых захода! Выполняем!

Глава 21. Невероятный рассказ.

Позиции противника были захвачены сходу, за несколько минут. Находясь всё это время на наблюдательном пункте, Андрей видел все фазы атаки.

– Андрей, передай своим летунам, что командование полка сердечно благодарит за оказанную поддержку с воздуха!

Андрей кивнул, и нажав тангенту, проговорил в микрофон:

– Орёл два, орёл-два! Молодцы, отлично отработали! Командование полка сердечно благодарит за оказанную поддержку!

После боя, несмотря на занятость, майор Дунько нашёл несколько минут для того, чтобы поговорить по душам со старым товарищем:

– Ну, расскажи, Андрюх, что да как... Как сам? Как твоя красавица? Агния, верно?

– Да как... – Андрей тяжело вздохнул, – всё, нету её, улетаела...

– Куда улетаела? – не понял Степан.

Андрей молча показал глазами вверх, на небо. Степан недоверчиво посмотрел на Андрея:

– Что... погибла?

Андрей помотал головой. Не понимая, Степан смотрел на него, ожидая объяснений.

– Нет. Её было невозможно убить – она ж ангел. Сама улетела. Обратно забрали. Задание выполнила, и... – Андрей сглотнул, и с отчаянием махнул рукой.

Степан ошарашенно молчал, потом разлепил губы:

– Так значит... правда. Значит, в самом деле ангел. А мне всё не верилось, – помолчал немного, и попросил: – расскажешь?

– Так а чего там рассказывать... те полтора месяца, что мы с ней вместе были, она меня много раз от смерти спасла. Вся, вот так, – Андрей несколько раз чиркнул ладонью в воздухе, – шрамами от пуль да осколков была исполосована. Тех, что мне были предназначены. А она их в себя принимала... вот так... Да что я тут повторяюсь, она ж тебе вроде тогда всё вкратце рассказала, должен помнить.

– Ну, рассказывала, так много воды утекло. Что-то ведь и потом было, после того, как мы расстались?

– Да что там... – нехотя протянул Андрей, не горя желанием беречь старые раны, потом вздохнул, и видя, что Степан ждёт от него каких-то подробностей, продолжил: – Тонечка погибла, смертью храбрых... много людей и техники спасла...

Степан хорошо помнил ту красивую, сильную девушку, которая в то тяжёлое утро на своих плечах перетаскала полсотни раненых бойцов в его батальоне во время боя. Сжав кулаки, глухо спросил:

– Как?

– Мы пока на вылете были, немцы аэродром штурмовать стали – наш полк им давно уже поперёк горла был. Налетели, бомбёжка, аэродром штурмуют, в нескольких самолётах на стоянке дырок понаделали, бензовоз подожгли... Ну, все по щелям, а она – к бензовозу. Он рядом с самолётами стоял, да машины с бомбами там были рядом. Короче, отогнать подальше успела, а вот выпрыгнуть – нет. Один заход, и... всё. Мы как раз с задания возвращались...

– Не дали уйти гадам? – майор поднял глаза на Андрея.

Андрей отрицательно помотал головой:

– Сам лично... этих двух, что бензовоз подожгли... в землю вогнал! – Андрей, стиснув челюсти, с чувством саданул кулаком по столу.

Степан молча покивал.

– Ну, а потом... сбили нас. В тот же день, во втором вылете. В плен попали.

Андрей вздохнул, взвешивая в голове, стоит ли рассказывать товарищу подробности. Поднял глаза на Степана – тот смотрел участливо и в глазах его читался живой интерес. Всё-таки решился:

– Уж не знаю, Стёпа, поверишь ли... А то ещё и в брехуны запишешь.

– Андрюх, я верю тебе, брехлом ты никогда не был, – Степан пододвинулся ближе, – давай, выкладывай.

– Ну, смотри, ты обещал!

Андрей набрал в грудь воздуха и перешёл к самой неве-

роятной части своего рассказа:

– Попали в плен, связали нас, в сарай бросили. Я-то как очухался, слышу, Агнюша мне шепчет на ухо: не бойся, мол, вырвемся! А я уж совсем отчаялся, всё, думаю, кранты! Куда ж тут вырвешься?! А она мне всё одно: не ссы, мол, мне главное, включиться, а дальше не нам, а им кранты будут, фашистам, то есть...

– Включиться – это как? – решил уточнить Степан.

– А вот понимаешь, какая закавыка – она мне несколько раз пыталась объяснить, что да как. Да я понял-то через пятое на десятое. Ну, как бы сказать... это она с виду такая... такая... маленькая, слабенькая что ли, – пытался подобрать словесный эквивалент Андрей, – а внутри у неё силища спрятана необъятная. Но сила эта как бы под замком. А замок этот снять – дело непростое, что-то такое совсем плохое должно случиться, ну, вроде как сила эта – последний шанс, НЗ, понимаешь?

Степан понятиливо кивнул, поощряя рассказывать далее.

– Ну, вот, она мне на ухо и шепчет: сейчас, говорит, нас бить будут, пытаться, и тебя, и меня, а ты терпи, и сигнала моего жди. А вот когда мне, говорит, совсем невоготу станет, тут эта силища и выплеснется наружу, вроде как тумблер какой-то у неё внутри перещёлкнуться должен. И надо этого момента обязательно дожидаться. А уж как перещёлкнет, то держись крепче, тут-то гансам, говорит, и кабздец придёт! Терпи, говорит, и жди моего сигнала!

Андрей замолчал, заново переживая события того дня.

– А дальше? Пришёл кабздец-то?– нетерпеливо подстегнул его собеседник.

– Ха! Ещё какой! Но погодь, всё по порядку расскажу. Дальше офицер этот ихний, по-русски, гад, хорошо говорил, стал он меня к себе в Люфтваффе звать, переманить хотел. Мол, будешь, как и прежде, летать, жить будешь, а нет, так здесь же, под забором, говорит, и закопаем.

Степан сидел, молча уставившись в стол. Поднял глаза на Андрея:

– И как ты ему ответил?

Андрей дёрнул плечом и невесело усмехнулся:

– Как ответил... Уклончиво! На х...й послал. И Агнюша его туда же отправила. Он же нас обоих завербовать хотел, и меня, и её. А тут такой отлуп. Ну, он, понятное дело, психанул, не хочешь, говорит, по-хорошему, будет по-плохому.

Андрей тяжело вздохнул – воспоминания разбередили душу. Пересохло горло, он несколько раз сглотнул, и продолжил:

– Этот команду дал, они меня давай метелить, думали, соглашусь. А я им всё одно: «пошли на х...й!». Тогда этот гад решил с другого боку зайти: сейчас, говорит, мы твоей фроляйн будем пальцы...

Андрей снова судорожно сглотнул, помотал головой, справился с нахлынувшими эмоциями и хрипло продолжил:

– Пальцы, говорит, будем резать... у неё говорит, десять

пальцев, а у нас полчаса, три минуты на палец. Так что, говорит, соглашайся быстрее. А я сижу на стуле кое-как, чуть ли не падаю, уж так они меня сапогами-то испинали, сижу, весь в соплях кровавых, да и связан по рукам и ногам. И всё голову ломаю: как же из этой жопы вывернуться-то? Их же пятеро! И сигнала она мне всё не подаёт, и не подаёт, я сижу, терплю, а сам даже доплюнуть до него не сумел – губы опухли, что твои пельмени, ну, да ещё пообещал этой падле, что я ему зубами кадык отгрызу. А он как параша лыбится, и команду своим подаёт, режьте мол...

– Неужто отрезали? – хмуро спросил Степан.

– Отрезали, падлы. – Андрей снова сглотнул, – Она как заорёт, и мне как доской по башке сигнал: «давай!» Ну, как бы это сказать... вроде вспышки перед глазами. Знаешь, как бывает, когда кулаком в глаз получишь?

Степан молча кивнул.

– И мне вроде как озарение: извернулся, даром, что связанный, и по ножке стола ногами-то херррак! Да ловко так получилось, что и фашист этот на пол со стула сверзнулся. Уж как, не помню, но я рядом с ним на полу оказался, чуть ли не нос к носу! Смотрю в его глаза поганые, а они круглые такие, по полтиннику. Ну, да я вместо «здрате» по харе ему лбом! Руки-то связаны! Он орёт, я его лбом-то по рылу долблю, он, гнида, уворачивается, руками меня за голову ухватил, глаза нащупывает, чтоб выдавить, значит. Я зажмурился, ничего не вижу, и тут чувствую: упёрся я мордой во

что-то поганое, противное, жилистое... А это горло его! Ну, я и вцепился зубами... Фу, гадость-то, а!

Андрей вновь ощутил на губах противный солёный привкус крови фашиста, и его чуть не стошнило.

– Тьфу, бя... как вспомню...

– А Агнюша что же? – направил его воспоминания в нужную сторону внимательно слушавший его Степан.

– А вот тут то самое невероятное, Стёпа, – Андрей испытующе уставился на собеседника, – такой она фокус-покус отчебучила, что и в цирке такого никогда не покажут. Ты металл расплавленный видел, ну, свинец там, или олово, к примеру?

Степан утвердительно кивнул.

– Уж не знаю я, что там за тумблер у неё внутри включился, да только вся она, вся, слышишь, как слоём жидкого металла покрылась! Вся блестит, и переливается, как из ртути. И хрень эта ртутно-блестящая, что на ней, пули держит! Они по ней из двух автоматов в упор, а ей хоть бы хны! Броня!

– Так ты говоришь, жидкий же металл! А жидкий металл он же...

– Да не тот это металл! – кипятился, рассказывая события того дня, Андрей, – Другой! Особенный! Жидкая, но броня! Прикинь?! А я как раз в этот момент повернулся! А она хлоп-бысь! Руками обоими размахнулась и в этих, с автоматами, две таких... стрелки такие две метнула, прямо в лобешники обоим, и к стенке ими их и пригвоздила! Они сначала, как

капли жидкие были, а как воткнулись, опять затвердели, а потом она подходит, руки протягивает, а они снова как ртуть потекли, и в её тело из жидкого металла снова, как капли втянулись.

– А палец? – беспокойно спросил собеседник.

– А-а, палец-то! Да, палец! Лежит на столе, кровь там набрызгана, она подходит, а он так хоба, в капельку жидкого металла превратился и к ней в руку втёк, опять же, как ртуть, понимаешь?!

– Ага. – Степан внимательно слушая невероятный рассказ Андрея, нервно облизнул пересохшие губы.

– А я этого гада коленкой к полу прижал, и никак додуть не могу, а она подходит, и из этой брони у неё прямо из руки кинжал такой, хоба! И вырос! Она его хыдыщ в глаз этим кинжалом. Тот сразу и сдох.

– А кинжал куда делся?

– Да никуда! Он в её руку втянулся! Вырос мгновенно, и обратно же и убрался! Я-то не видел, а она мне потом уже сказала, что первых двух фрицев она точно также, этим кинжалом заколола. Я смотрю – они на полу валялись, одному в башку ткнула, второму в грудь. Обоих насквозь.

Андрей перевёл дух, вытер выступивший со лба пот, посмотрел осоловелыми глазами на Степана:

– Уж не знаю, рассказывать тебе дальше, или нет?

– Как не рассказывать?! – возмутился Степан, захваченный его повествованием, – давай уж до конца!

– Ладно. Но ты обещал, помнишь? Потому как дальше вообще началось... такое... не поверишь.

– Да верю я тебе, верю, давай уже! Не томи!

– Бери, говорит в руки два автомата. Да пару подсумков с магазинами на себя вешай, сейчас, говорит, будем прорываться. А куда там прорываться?! Я на ногах-то еле стою, уж так они меня знатно отметелили, а она меня не слушает, подходит она ко мне сзади, и так раз! Меня руками за пояс! Мне почудилось, что как будто в воду ледяную упал. Глядь – а по мне эта хрень зеркальная растекается, сама, как живая! Меня то в холод, то в жар бросает, я стою, и уже весь в этой блестящей хреновине стою, как будто меня в ртуть обмакнули! Я – глядь! А Агнии нету сзади!

– А куда же далась? – Стёпа аж раскрыл рот от удивления.

– А вот ещё один её фокус-чпокус! Я ж тоже в тот момент ни фига не понял, спрашиваю её: «ты где?» А я, говорит, вся вокруг тебя! Растеклась по мне, по всей поверхности, понимаешь?! Защита, говорит, класса, э-э... как его, забыл, ультимат... абсолют... а, вот, ультрабс, ультимативный абсолют! Ты, говорит, как в танке, тебе и снаряды нипочём, но только на 30 секунд. Беги! И я рванул.

– Так ты ж на ногах, говоришь, еле стоял?

– Ну да! А как она меня в эту шубу ртутную одела, силы удесятерились, боль исчезла. Я бегу, а она из всех автоматов разом палит, во все стороны. Очередь – труп, ещё очередь – ещё труп. Уж сколько она их там положила, я не считал, да

только за эти полминуты она несколько магазинов расстреляла.

Андрей горестно замолчал, опустив голову. Степан тронул его за локоть:

– А дальше?

– Дальше... Летел я как ветер, за полминуты метров четыреста отмахал, почти до лесу домчались, и тут... короче, выключился у неё внутри этот тумблер, и броня эта испарилась. Не успел я до лесу добежать – снайпер пулю в спину вlepил. Агнюшу пробил навывлет, а во мне застряла. Вот такая финита ля комедия. Очухался я, а идти и не могу...

Андрей тяжело вздохнул и уронил голову, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями – дальше вспоминать было совсем тяжело.

– Ну, и? – подтолкнул его Стёпа.

– Потщила меня на себе. Волоком. Гитлеровцы – за нами. До болота дотщила, как-то замаскировались там за бугорком, на болотине-то. Да полынью рядом она пробилла, ну, вроде, как потопли мы... Эти полезли, провалились, чуть сами в этом болоте не перетопли, ну, и не пошли. Гранат покидали, постреляли, и ушли. Короче поверили, что мы потонули в болоте.

– Ну, а вы что же?

Андрей снова вздохнул и продолжил:

– А что мы? Потщила она меня дальше. По болоту, да по лесу потом. Тщила весь вечер, несколько километров. А

наутро нас нашли. Очухался в госпитале, после операции. Случайно узнал, что она на этом же этаже лежит. Кое-как доколдыбал, а она... – у Андрея свело скулы, появился комок в горле, – а она... короче... всё, говорит, заберут меня... всё, что надо, я, говорит, тут сделала, и... а сама... еле живая... почти не дышит, как свечечка сгорела... вот.

Андрей отвернулся, чтобы незаметно смахнуть предательски наворачнувшуюся слезу.

– И что? Забрали?

– Ну! В ту же ночь. Вот только это мне и осталось от неё...

Андрей полез в нагрудный карман гимнастёрки и бережно вынул аккуратно свёрнутый листок бумаги. Развернул, протянул товарищу.

Степан пробежал единственную строчку глазами, покачал головой, вернул бумажку Андрею:

– Хорошо написано. Обещала вернуться?

Андрей молча пожал плечами.

– А вот я думаю, что не зря она тебе тут так написала: «жизнь стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать». Ведь что-то же она этим хотела сказать? Верно? Ну не просто ж так она тебе тут начиркала? Ведь с умыслом?

Андрей покивал головой, соглашаясь.

– Вот, и я тебе скажу: живи и жди! Сказала, что вернётся, значит, так и будет! – и хлопнул ободряюще Андрея по плечу, потом, как будто вспомнив чего-то, вскинул руку, бросил взгляд на часы: – ох, ёлки-палки, мне ж тут надо... Андрюха,

друг! Мне б тут с тобой ещё посидеть, да не могу! Может, останешься, часика через два я освобожусь, посидим?

– Да нет, извини, Стёпа, не могу, должен лететь обратно – погода лётная, и работы у меня сегодня много. Ещё пару вылетов точно делать придётся...

– Ну, тогда... – с сожалением вздохнул майор Дунько.

Андрей встал, одёрнул гимнастёрку, протянул руку:

– Ну, давай, Стёпа!

– Давай, Андрей!

Крепко обнялись, похлопали друг друга по спине, и Андрей, не оглядываясь, пошёл по ходу сообщения в сторону машины, которая должна была доставить его к оставленному им на поляне «Шторху».

Глава 22. Частичное Просачивание Сущности.

Огромный, бесконечный, уходящий за горизонт, зал Коррекции Жизненных Линий был почти полон, свободных мест почти не было – шла активная работа. Стройными рядами, терявшимися в далёкой непроглядности, располагались белые бутоны Динамической Коррекции, ДинКоры. Время от времени какой-либо из бутонов, со стороны напоминающий закрытый бутон белой нимфеи (а попросту говоря, белой водяной лилии), раскрывался, трансформируясь и разворачиваясь в белые крылья, и прервавший свою работу А-хранитель, взмыв над бесконечным полем ДинКоров, покидал рабочее место. Тут же освободившееся место занимал его коллега, влетевший в зал, и ищущий место для работы.

А работы было невпроворот – их подопечные снова затеяли Большую Войну, и работы у всех А-хранителей было столько, хоть отбавляй. Хотя, справедливости ради, те, кто эту Большую Войну затеял, были как раз в полной безопасности, а вот миллионы и миллионы остальных всё сильнее и сильнее закручивало в водоворот смерти: кто-то завоёвывал, грабил, жёг и насиловал. Другие защищали свою Родину, своих детей, своих близких. И те и другие с ожесточением убивали, убивали, убивали. Убивали, стреляя друг в

друга из винтовок, автоматов, пистолетов и пулемётов, кололи штыками, резали ножами, рубили сапёрными лопатками, кромсали тела друг друга фугасными и бронебойными снарядами, рвали тела противника осколками миномётных мин, обрушивали на головы противника гроздь авиационных бомб...

Время от времени по стройным, белоснежным рядам ДинКоров А-хранителей вдруг как будто мело страшной, тяжёлой тенью – они целыми рядами вдруг темнели, как будто потухая изнутри. Это смерть мела своей косою их подопечных – война полыхала, шли кровопролитные бои, и костлявая с косою собирала в это время обильную жатву. Доселе плотно сжатые, белый бутоны из сложенных крыльев вмиг тускнели, как покрывались пепельным налётом. Затем расслаблено распестрыживаясь, крылья опадали, обнажая испуганные лики А-хранителей, отражающие растерянность и страх. И роняя отдельные пёрышки, эфирные тела А-хранителей безвольно и расслабленно поднимались над ровными рядами белоснежных бутонов, и их не имеющие веса и инерции уже безвольные тела неудержимо уносило вдаль потоком, проносившимся под сводами огромного зала.

А-хранители, влетевшие в зал Коррекции Жизненных Линий, и рыскающие над стройными рядами белоснежных ДинКоров, и подыскивавшие себе удобное местечко для работы, при виде этих своих бывших (уже) коллег, растерянных, посеревших, и трепещущих от грядущей неопределён-

ности, и только что потерявших работу, быстренько плюхались в первое освободившееся свободное место, и с удвоенной энергией приступали к своей работе. Судьба же тех, кто не смог уберечь своего подопечного, была темна и туманна, всё зависело от обстоятельств: если в смерти его подопечного были виноваты обстоятельства непреодолимой силы, то такие А-хранители довольно быстро появлялись снова, но уже с новыми подопечными, жизнь и здоровье которых они оберегали. Но чаще бывало иначе – «зевнувшего» А-хранителя, всё же допустившего далеко неочевидную смерть своего подопечного, отправляли на «курсы повышения квалификации», а в особо вопиющих случаях переводили на иную, более тяжёлую и неблагодарную работу. Для «двоечников» и «неумех» были и иные, более гуманные меры воздействия – временные «командировки» в ту реальность, где и обретались те, кого они обязаны были охранять. Но это относилось только к тем, кто пока сумел сохранить жизнь своего подопечного.

Свободные же от забот А-хранители отдыхали в саду. В основном это были те, чьи подопечные в данный момент спали или находились в полностью безопасных местах, где их жизни и здоровью на все 100% ничто не могло угрожать. Все близлежащие деревья в саду были усыпаны бледно-розовыми яблоками. Агния, увидев на Тертексе (Терминал текущего состояния), что Андрей и Степан спокойно сидят в безопасном блиндаже и мирно беседуя, вспоминают былое, то-

же было свернула свой бутон ДинКора (Динамической коррекции) и вылетела из зала Коррекции Жизненных линий – надо было хоть немного отдохнуть.

Но увидев на круглосуточно активированной периферийной иконке постоянного слежения, что Андрей закончил беседу с Степаном, и пошёл к машине, которая через несколько минут должна была доставить его к самолёту, она спохватилась, и тут же, по пути в сад, не возвращаясь в зал Коррекции Жизненных Линий, зависнув в пространстве, быстро сомкнула вокруг себя свои белые крылья, и вырастила из них бутон Динамической Коррекции, который скрыл её от посторонних взглядов.

***

Андрей вылез из виллиса, и в сопровождении того же старшины Мягкова пошёл к своему Шторху. Старшина махнул рукой солдату, охранявшему самолёт, и сунул руку Андрею:

– Ну, бывайте, товарищ старший лейтенант!

– Бывай! – Андрей пожал ему руку и влез в кабину Шторха.

– И летунам там вашим передайте пламенный привет! От пехоты и от танкистов!

– Передам! – кивнул Андрей и запустил мотор...

***

Агния снова активировала объёмно-многоуровневый Тертекс и погрузилась в прокладку оптимального трека воз-

вращения своего подопечного.

И тут появилось устойчивое ощущение, что подул стылый ветерок. Что-то не так... что-то должно случиться... Она шарила своими эфирными пальчиками по периферийным зонам Тертекса, пытаясь предугадать, откуда Андрею может грозить опасность, и... вот оно! Нащупав подозрительно тёплую точку в правой верхней зоне терминала, она увеличила изображение, и ясно увидела то, что вызвало в ней такую тревогу – четвёрку «Мессершмиттов»,двигающихся точно в ту сторону, где мирно стрекотал мотором трофейный «Шторх», ведомый Андреем. Мгновенно обдало жаром, появилось ощущение, что она вся покрылась капельками пота, как будто в жарко натопленной бане...

С внешней стороны выращенного ею бутона ДинКора слышался шорох крыльев и ворчливый, недовольный голос какого-то отдыхающего А-хранителя:

– Вот трудоголики! Мало им зала, они ещё и здесь работают!

И тут же озабоченный поборник действующего распорядка постучал снаружи по её крылу:

– Слышишь, к тебе обращаюсь! В саду не работают!

Агния на секундочку раздвинула крылья и выглянула из бутона:

– Мне очень надо! – и белоснежный бутон тут же сомкнулся.

Но настырный коллега не унимался:

– Лети в зал, уж коль хочешь без роздыху в ДинКоре сидеть! А здесь нельзя – в саду отдыхать надо.

– Отлезь, гнида! – с явно ощутимой угрозой послышалось изнутри бутона.

Эфирное тело любителя порядка испуганно шарахнулось в сторону.

Не обращая особого внимания на внешние досадные помехи, она быстро забегала своими эфирными пальчиками по Терминалу текущего состояния. Так... высота... курс... скорость... вот гадство! Вариантов нет – мимо они не пролетят, обязательно увидят самолёт Андрея! Зараза! Используя последние секунды, она быстро сформировала и отправила к Андрею маленького, но юркого Тропа (Тревожного оповещателя). Имея нулевую массу и инерцию, троп легко продавил барьер между двумя реальностями и материализовался в кабине Шторха.

***

Мотор мерно стрекотал, под крылом быстро проплывали поля, леса, перелески, поляны, небольшие сёла и деревеньки. Лететь оставалось недолго – не более четверти часа.

Вдруг что-то ёкнуло в сердце, потом защекотало в голове, за ухом. Щекотка быстро переместилась в самое ухо, да так, что рука сама потянулась туда, чтобы почесать то место, где щекоталось сильнее всего. Но как только он протянул руку к голове, щекочущее чувство сразу исчезло, но вместо него появился маленький, бледный, слабо светящийся-

ся пушистый шарик, наподобие головки одуванчика. Шарик вылетел у него из-за головы, и, как будто не имея инерции и веса, стал прыгать у него перед глазами. Движения его были не хаотичными, а явно осмысленными – он как будто хотел Андрею что-то сказать... Андрей несколько раз сморгнул, пытаясь отогнать галлюцинацию. Но галлюцинация не исчезала, мало того, в ушах послышался какой-то звук, и он с изумлением узнал интонации Агнии. Голосок был тоненький, тревожный, он что-то говорил ему, пытаясь донести до него что-то архиважное, но звучал так тихо, что разобрать что-либо было решительно невозможно...

«Агния! – пронзило Андрея, – это она! Хочет что-то сказать! О чём-то предупредить?!»

Андрей стал усиленно крутить головой на 360 градусов... Вот! Есть! Со стороны солнца пикируют четыре точки! Вот они уже разделились на пары, берут в клещи!

Замолотило, как паровой молот, сердце, фонтаном взорвался в голове выброс адреналина. Левая рука бешено закрутила вороток выпуска посадочной механизации – скорость нам сейчас не нужна, нам нужен минимальный радиус виража! Оставив закрылки в промежуточном положении, Андрей, дождавшись наилучшего момента, резко дёрнул ручку к борту и на себя, и помогая себе педалями, ловко ушёл из-под первого удара. Трассы прошли мимо!

***

Трек Жизни её подопечного на развёрнутом внутри бутто-

на ДинКора Тертексе задрожал, задёргался, мигнул пару раз и... из спокойно-зелёного мгновенно превратившись в тёмно-красную нить, выкинул на своём кончике яркую, нервно пульсирующую Финальную Точку! На дрожащей и мерцающей линии появился чётко различимый пунктир из отдельных чёрточек. И количество чёрточек стремительно сокращалось!

Конечный Трек! И на самом кончике его та самая Финальная Точка!

Агния знала, что это означает неминуемую гибель её подопечного. А исчезающие с секундным интервалом чёрточки – это и есть эти самые оставшиеся секунды его жизни!!

И если в эти самые оставшиеся секунды не предпринять каких-либо экстренных мер, то...

«Пароход вам в рот и баржу вам в зад!» – прошипела она, и, не теряя душевного равновесия, как в омут с головой, бросилась спасать Андрея.

Отделённая от него потенциальным барьером, она не могла подключиться к зрительному нерву атакующего немецкого пилота, как тогда, в лобовой схватке Андрея с наводчиком немецкой зенитки, но зато теперь в её распоряжении были гораздо более мощные средства прогнозирования и воздействия на ситуацию. Мгновенно переведя свой Тертекс из режима контроля текущего состояния в режим оперативного воздействия, она тут же активировала и дополнительные слои информации. Теперь она видела не только перемещаю-

щуюся в пространстве четвёрку «мессершмиттов», но и их вероятностно-прогнозируемые траектории, возможные рубежи открытия ими огня, зоны безопасного маневрирования для самолёта Андрея, векторы возможного безопасного ухода с линии огня.

Также для неё стала доступна информация по остатку боекомплекта в каждом немецком истребителе. Учитывая имеющийся на борту каждого истребителя остаток топлива, она мгновенно рассчитала полётный вес каждого истребителя и активное время боя, которое Андрею надо продержаться. По остаточному ресурсу каждого двигателя, по полётному весу, по полученным ранее и отремонтированным повреждениям каждого из истребителей она рассчитала и мгновенно ввела в систему скорректированные данные по маневренным данным каждого из атакующих мессеров.

По манере пилотирования она тут же спрогнозировала личный психологический портрет каждого из атакующих пилотов, его морально-боевые качества, и наиболее вероятное поведение каждого из них в боевой обстановке.

Задействовав весь свой мозговой потенциал, и полученный за полуторамесячную «командировку» опыт, она с головой бросилась в собачью свалку воздушного боя, контролируя и просчитывая каждый заход очередного мессера, выходящего в атаку на «Шторх» Андрея.

Курс...

скорость...

ускорение...

возможная перегрузка пилота...

угловая скорость крена...

рубеж открытия огня...

рассеяние трассы...

поправка на ветер...

деривация...

Тут же, не отрываясь от контроля Конечного Трека, трансформировав уже запущенного тропы в понятный Андрею символ, она с его помощью стала подавать ему интуитивно понятные подсказки на маневр уклонения.

Шла вторая минута боя – он был в самом разгаре. «Шторх», под управлением Андрея крутился как уж на сковороде, каждый раз ловко выворачиваясь из-под удара. Непрерывно, без каких либо пауз, все четверо немецких пилотов, то и дело загоняли в прицел «реви» силуэт беззащитного «Шторха» с красными звёздами на плоскостях, никак не могли его подловить – каждый раз буквально за 1-2 секунды до убийственной очереди в упор, вертлявый самолётик настырно ускользал из перекрестия прицела. И ловко выкручивался из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

Но на Терминале напряжённо-красный Конечный Трек Андрея никак не хотел обратно превращаться в зелёный Трек Жизни. Он дрожал, дёргался, извивался причудливыми кружевами, но вишнёво-красная Финальная Точка никак не хотела с неё исчезать, она то немного отдалялась, то, наобо-

рот, укорачивая линию жизни Андрея, приближалась. Соответственно уменьшалось и количество чёрточек-секунд на его Конечном Треке.

Агния работала с сумасшедшей скоростью – она постоянно следила за построением прогнозируемых ею направленных атак немецких истребителей и трасс выпущенных ими очередей, её эфирные пальчики металась по Терминалу контроля состояния, по выскакивающим то тут, то там возможным вариантам коррекции, тушили их, вытаскивали новые, скидывали негодные варианты в сторону, мозг работал в гипер-режиме, пытаясь просчитать сотни вариантов развития ситуации, и как-то купировать возникшую смертельную опасность для её подопечного.

Вишнёво-красная пульсирующая линия Конечного Трека никак не хотела удлиняться, она по-прежнему состояла не более, чем из двух-трёх десятков чёрточек-секунд жизни, но теперь от основной линии стали отрастать и струиться в стороны ВКТ-отростки (Варианты Конечного Трека), какие-то длиннее, какие-то короче, но все они так или иначе оканчивались жирной и яркой Финальной Точкой.

Мозг кипел... Агния чувствовала, что эту изнурительную схватку она проигрывает. И силы её закончатся быстрее, чем боекомплект и охотничий азарт у пилотов мессершмиттов...

***

Пушистый шарик с тоненьким голоском Агнии вдруг превратился в маленький символ, похожий на самолётик, при-

мерно, как на авиагоризонте. Нет! Он своими очертаниями уже полностью превратился в маленький ярко-зелёный Шторх, и завис у Андрея перед носом! И тут же, наклонив левую консоль, завалился в глубокий левый вираж!

«Ага! – сообразил Андрей, – это же Агнюша мне подсказывает!». И не медля ни секунды, в точности повторил маневр. Трассы прошли мимо!

Маленький зелёный самолётик волчком вертелся перед носом, подсказывая очередной маневр уклонения – Андрей, невзирая на непосильные перегрузки, старательно повторял за ним все его движения, понимая, что сейчас надо полностью и всецело довериться своему Ангелу-хранителю. И даже когда он на мгновение оглядывался, чтобы посмотреть на противника, маленький самолётик мгновенно перемещался за его взглядом, как будто привязанный к его носу, всё время оставаясь в поле его зрения, чтобы он ни на секунду не опоздал с очередным маневром. Пот из-под шлема катился градом, заливая глаза, мышцы всего тела окаменели и буквально выли от перенапряжения, спина кричала от боли, гимнастёрка и галифе были мокрые от пота, хоть выжимай...

Мотор «Шторха» жалобно и натужно ревел на максимальных оборотах, Андрей, ругаясь самыми отчаянными словами, шуровал ручкой и педалями, и не спуская глаз с прыгающего перед носом символа-подсказки, совершал немислимые кульбиты, уворачиваясь от атак двух пар мессеров, которые атаковали его беспрестанно, без каких-либо пауз, не

давая продохнуть, и видимо, надеясь, что даже такой опытный пилот устанет, вымотается, и сделает, наконец, свою фатальную ошибку.

– Бл...ь! Прицепились, вашу мать... втридешеве!– прохрипел Андрей от перегрузок, и бросил взгляд на пулемёт в задней части кабины:

«Чёрт! Будь Агнюша здесь, отбились бы... как пить дать отбились-бы!»

***

Силы Агнии были на исходе – ещё минута-две такой бешеной гонки и... конец. И она совершит ошибку. Фатальную для Андрея.

Но оставался ещё один вариант...

Незапрещённый вариант. ЧПС.

Метод Частичного Просачивания Сущности применялся крайне редко, в исключительных случаях, как последний шанс, требовал просто титанического расхода жизненной энергии А-хранителя, и буквально филигранного исполнения. Поэтому применять его умели только очень опытные А-хранители, плюс ко всему такой вариант аннулирования Финальной Точки требовал многомесячных и изнурительных тренировок.

Агния выдохнула, замерла, и стараясь не обращать внимание на начавший стремительно укорачиваться Конечный Трек жизни своего подопечного, сосредоточенно посмотрела внутрь себя...

Самое главное – «не убий!», самое главное – «не убий!» повторяла, как мантру Агниа, готовя часть своего «Я» к броску через потенциальный барьер.

Сейчас...

Сейчас... Так...

Есть! Получилось!!

От её эфирного тела отделилась бледная, полупрозрачная, и едва видимая её копия, и быстро уменьшившись в размерах, превратилась в ещё один маленький пушистый шарик. Повисев миллисекунду в центре её бутона, он с лёгким хлопком мгновенно исчез. Несколько мелких пёрышек, увлечённые возникшим вихрем, сорвались с внутренней поверхности её крыльев, и кружась, медленно оседали внутри созданного ею из собственных крыльев бутона динамической коррекции.

***

Сзади, перекрывая стрёкот движка, раздался непонятный, мягкий и тяжёлый хлопок, как будто ударили доской по большой подушке. Андрей дёрнулся, но не успел он обернуться, как...

– Фриц слева внизу! Дай сектор обстрела! – раздался в ушах знакомый звонкий голос.

Андрей на автомате сунул ручку управления к левому борту – самолёт, опустив к земле левую консоль почти вертикально, встал «на нож». Сзади истошно, длинной очередью, захлёбываясь, застрекотал пулемёт.

«Агния?! Не может быть!!!» – Андрей на мгновение обернулся и обомлел!

Сзади, за пулемётом, упёршись ногами в борта кабины, стояла она!

Как живая: в гимнастёрке, перепоясанной ремнём, в тёмной юбке и в кирзовых сапогах. Но какая-то полупрозрачная, призрачная, как кисея...

Полупрозрачная, но живая Агния обернулась, в глазах её вспыхнул знакомый ему хищный огонёк. Она отчеканила:

– Не щёлкай клювом! Сверху справа валятся двое – уходи под них!

Андрей перебрасывает ручку к правому борту, переключая Шторх в правый крен, тянет ручку на себя – лёгкий юркий самолётик с выпущенной механизацией разворачивается буквально «вокруг столба», и уходит «под капот» атакующих с крутого пикирования тяжёлых мессершмиттов. Опять треск пулемёта сзади...

– Есть один! – слышит он сзади. Коротко оборачивается – один из преследователей отваливает в сторону с дымящим мотором и остановившимся винтом...

***

Главное – «не убий» – как мантру повторяет она. Отделив часть своего «я» и бросив его на помощь Андрею, она, как опытный дирижёр, держит на кончиках пальцев все ниточки боя – даёт через своего двойника команды Андрею, обеспечивает через него же наведение пулемёта, просчитывает тра-

екторию.

Только бы не задеть кого-нибудь из этих немцев! Главное – «не убий»!!!

Иначе всё! Разжалуют сегодня же!

Первая очередь – мимо! Но испугался гад, отвалил!

Вторая очередь – есть! Опа! Попала, куда и целилась, – точно в мотор!

Фриц, ты живой? Жив, гадёныш! Отлично! Пошёл на вынужденную...

Ещё очередь! Есть второй! – Опять в мотор! Отлично! Выбросился с парашютом?

Жив, выкормыш Геринга? Отлично, засранец! Передавай папе Герингу привет!

Что... кончились герои? Всё, уходят... Андрюша, расслабься. Отбились.

***

Андрей проводил тревожным взглядом пару мессеров, быстрым аллюром уходящих на запад. Оглянулся назад – километрах в двух уже почти у земли маячит белый купол парашюта. Чуть дальше – столб дыма над аварийно севшим вторым мессером.

– Агнюша... милая... – Андрей оборачивается назад.

Сзади – пусто! Никого! Только пулемёт с задраным в небо с посиневшим от интенсивной стрельбы стволом и потолстевший мешок под казёнником пулемёта, полный пустых, стрелянных гильз...

– Агнюша... ёкалэмэнэ... – Андрей в растерянности ошарашенно крутит головой и вытирает со лба пот, катящийся ручьём из-под шлема, – ёлки зелёные... кому расскажешь – не поверят...

***

Шестёрка Илов уже час, как была на аэродроме. Первым делом Андрей сходил на КП, доложил начальству о выполнении задания, потом вернулся к самолёту, тут-то к нему и подошли несколько лётчиков из второй эскадрильи.

– Чего так долго-то?

– Да майор, начальник штаба полка, с которым сегодня взаимодействовали, мой товарищ. Не виделись полгода.

– А где ты с ним полгода назад виделся?

– Так тогда, когда нас сбили, мы на этом Шторхе и прилетели. Он тогда комбатом был, и его батальон оборону там держал. Вот и познакомились...

– Понятно. А чё это Шурка дырки перкалем заклеивает? Что, фрицы подловили?

– Ну, было дело.

– Много?

– Четверо.

– Ого-го! Ну, и чего?

– Да ничего, – Андрей явно не желал влезать в подробности, и желая переменить тему, задал вопрос молчавшему до сих пор Георгию:

– Слушай, а чего ты там такое сказал? Ну... мы мол, сей-

час из фрицев кебаб будем делать? Кебаб – это как?

Жорик с воодушевлением принялся рассказывать:

– Слющай, кебаб это такой жарэный еда, у меня друг биль из Баку, так он делал его так: бэрёшь барашка, люк, чэс-нок, пэрэц... почти как шашлик, только пэрэмолотый... и жарищ!

Все присутствующие дружно загалдели, перебивая Георгия и вспоминая о том, кто какие вкусные кушанья знает – близилось время обеда и у всех подводило животы. Всех перебил Илья, вернув разговор в прежнее русло, обратившись к Андрею:

– Ну, ты всё же расскажи нам, как ты от фрицев-то отбил-ся?

– Да как... маневрировал, маневрировал и переманеврировал... – пытается каламбурить Андрей, отбиваясь от наседавших товарищей.

– Нет, нет, ты расскажи, как же ты так исхитрожопился, что и самолётом управлял, и с пулемёта стрелял, а? – тербит его за рукав Илья Кутеев, уже успевший слазить в кабину Шторха и потрепаться с Шуркой.

– Да так... как-то так... хрен знает как! – подытоживает Андрей.

Взрыв всеобщего хохота.

– Это ж где это видано, чтобы лётчик ещё и за стрелка работал? Как ты до пулемёта-то дотянулся?!

– Это ты что ж, вот так что ли, в кабине-то раскорячил-

ся?! – и Мишка Никитенко, расставив ноги, как можно шире, попытался натурно показать, как, по его мнению, можно было дотянуться до пулемёта с места лётчика. Не удержался, и охнув, чуть было не растянулся на шпагате...

– А может, он за верёвочку дёргал? – высказал своё мнение Илья.

– Чем дёргал-то?! Руки-ноги заняты, к чему он её мог привязать?! – схватился за живот Мишка.

Опять взрыв хохота.

– Да мужики! Задрали уже! – как может, отбодряется Андрей, – жить захочешь, и не так раскорячишься!

– Да ладно, пойдём! В столовой уже наши 100 грамм нас ждут!

Вечером, после столовой, Шурка спросила Андрея:

– Товарищ командир, ну а вправду, как дело было, а? Неужто...

Андрей утвердительно кивнул:

– Да. Агнюша. Я её видел.

Шурка схватила себя за щёки:

– Ох, мамочки! Стало быть... стало быть... она там? И всё видит! Верно?

– Верно. Всё видит. И помогает.

– Значит, появилась, фрицев с пулемёта отогнала, и фьють! Обратно, да?

Андрей молча кивнул. Неловко повернулся. Стрельнуло в спине.

– Ччёрт! – проговорил сквозь зубы.

– Болит, да? – Шурка участливо положила ему руку на спину, – это, наверное, после боя, да? Перегрузки?

– Ну. – буркнул в ответ Андрей.

– Тебе бы в баню, командир, прогреть спину-то, пропасться хорошенько, оно и полегче станет, а?

– Да не мешало бы.

– Так вот! У нас девки-то баню сѣдни затопили, скоро пойдут! Меня звали... а я вот... – она смутилась, закусила губу, и испытующе глянув на Андрея исподлобья, выпалила: – если хочешь, командир, я с ними не пойду, а я с тобой пойду, и... это... тебя попарю. Помнишь, как тогда?

Андрей долго молчал, шумно сопел, скрипя зубами, наконец, выдавил из себя:

– Прости, Александра, один пойду, потом. А ты с девками иди, как договаривались.

Потом, повинувшись секундному порыву, притянул её голову к себе, ткнулся лицом в её пахнущие краской и машинным маслом волосы, крепко поцеловал в лоб. Постоял так, слегка оттолкнул её от себя:

– Шур, ты ж понимаешь, сердцу не прикажешь...

Она шмыгнула носом, подняла на него полные слѣз глаза и тяжело вздохнула:

– Любишь её? Да? До сих пор?

Андрей молча кивнул. Она ещё раз шмыгнула носом, снова горько вздохнула:

– Она там... а я – здесь.

Андрей шумно выдохнул воздух, крутнул желваками и сумрачно подытожил разговор:

– Один схожу, или с мужиками. Всё. Прости.

И махнув рукой, пошёл прочь...

Глава 23. Райское яблочко.

Тот домик, в котором они жили с Агнией и Александрой, остался в прошлом – за прошедшие полгода фронт значительно продвинулся на запад, и аэродром перебазировался уже дважды. Теперь Андрей жил в доме вместе с несколькими лётчиками второй эскадрильи. Андрей взглянул на часы – начало одиннадцатого. Обернулся через плечо – все его товарищи, вымотавшись за день, уже давно спали, оглашая комнату богатырским храпом. Слипались глаза, голова упорно клонилась к столу, но было ещё одно дело...

Андрей раскрыл планшет, вынул оттуда тетрадку и аккуратно вырвал из неё один листок в клеточку, достал карандаш. Раскрыл перочинный нож и остро заточил карандаш. Поправил фитиль на коптилке...

«Здравствуй, дорогая моя Агнюша» – написал он первую строчку письма. Подумал, и продолжил: «Это моё девятнадцатое письмо. Пишу, как и обещал, по одному письму каждую неделю. И хотя эти письма до тебя не доходят, я знаю – ты ежесекундно видишь меня и хранишь меня от всяких бед и напастей. Вот и сегодня...»

Андрей обернулся на спящих товарищей, и ещё раз убедившись, что они все крепко спят, продолжил писать: «... ты меня, можно прямо сказать, с того света вытащила. Уж как ты там это делаешь, я не знаю, но прилетел я сегодня жи-

вой, а самолёт – весь в дырках. А на мне – ни царапины. И у заднего пулемёта – полный мешок стрелянных гильз. Как ты ЭТО ухитряешься делать?! Меня ребята пытали, всё спрашивали про это, а что я им отвечу? Что мой Ангел-хранитель с неба прилетел, сел в кабину и фрицев с пулемёта отогнал?! Скажут, совсем у него «кукушка поехала». Вот и выкручивался, как мог, отшучивался. Шурке только и сказал всю правду, ей можно...»

Андрей вздохнул, вспомнил давешний разговор с Шуркой про баню, посмотрел на плотно зашторенное окно, и продолжил: «...очень скучаю, сердце рвётся к тебе. Хорошо, когда весь день полёты – некогда думать, надо воевать, а вот вечером, а особенно в те дни, когда нелётная погода, сердце от тоски щемит, душа к тебе рвётся. Вот сегодня тебя на краткие мгновения увидел, и полегчало мне! Ты говорила со мной, значит, ты где-то, да есть! Значит, у меня есть надежда, что я снова тебя увижу!»

Шуршал карандаш по листику из школьной тетрадки, потрескивало пламя на срезе гильзы от пушки НС-37, заправленной бензином, сдобренного солью, храпели и выдували носами трели трое лётчиков, уже давно видевших десятые сны. Андрей закончил писать, свернул письмо треугольничком, достал и развязал свой вещмешок. Он поднял лежащую внизу смену белья, развернул чистую белую тряпочку, скрывавшую какой-то небольшой свёрток, лежавший на самом дне вещмешка, и положил только что написанное пись-

мо на стопочку таких же маленьких, аккуратно свёрнутых треугольничков.

Отправлять их было некуда...

Андрей стянул с ног сапоги, размотал портянки, начал было растёгивать гимнастёрку. Глаза слипались, нестерпимо хотелось бухнуться на койку и мгновенно уснуть, и вдруг его внимание привлёк посторонний звук – какое-то тихое и ритмичное шуршание. Он сел ровно на койке, замер и чутко прислушался: шуршало со стороны стола, за которым он только что сидел. Его глаза заметили какое-то небольшое движение на столешнице, он моргнул раз, другой... Глаза предательски закрывались, уже почти спали. Он заставил себя встать, и проморгавшись, посмотреть на стол. И тут он в изумлении замер, наконец-то увидев то, что порождало эти тихие, почти неслышимые звуки: маленький огрызок карандаша сам собой держась в воздухе, резво бегал по оставленному им на столе чистому листку бумаги! И на бумаге рождались строчки!

С колотящимся сердцем, не дыша, Андрей тихонько подошёл к столу, замороженно наблюдая за движениями карандаша. А карандаш, уже закончив восьмую строчку, тихонько шурша, быстро-быстро писал и писал следующие...

*«Когда вода всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась любовь.»*

*И растворилась в воздухе до срока,
А срока было сорок сороков.
И чудаки, ещё такие есть,
Вдыхают полной грудью эту смесь.
И ни наград не ждут, ни наказанья.
И думая, что дышат просто так,
Они невольно попадают в такт
Такого же неровного дыханья.
Я поля влюблённым постелю,
Пусть поют во сне и наяву, я дышу,
И значит я люблю, я люблю, и значит, я живу.»*

С пересохшим горлом, почти не дыша, Андрей жадно наблюдал за рождением новых и новых строк на листке бумаги...

*«И вдоволь будет странствий и скитаний,
Страна любви – великая страна.
И с рыцарей своих для испытаний
Всё строже станет спрашивать она.
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя отдыха и сна...
Но вспять безумцев не поворотить,
Они уже согласны заплатить.
Любой ценой – и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, Чтоб сохранить
Вошебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.*

*Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мёртвых воскрешал,
Потому что если не любил,
Значит, и не жил и не дышал...»*

Карандашик замер на мгновение, как будто размышляя над чем-то, и быстро приписал только одну строчку:

Владимир Высоцкий.

После этого он вдруг взвился в воздух и ловко прыгнул Андрею в нагрудный карман гимнастёрки. Андрей схватил листок со стола, ещё раз жадно пробежал глазами написанные строки... С колотящимся сердцем Андрей сел на койку. Внезапно, буквально в течении одной секунды, прямо над столешницей воздух сгустился, раздалось негромкое «чпок!» и прямо из воздуха появилось небольшое бледно-розовое яблочко. Яблочко лежало на столе, маленькое, аккуратненькое, и всё прямо таки светилось изнутри каким-то нежным, тёплым светом. Трясущейся от возбуждения рукой Андрей потянулся к яблочку. И тут же отдёргнул руку – казалось, что вот сейчас, как в сказке, там где лягушка превращается в красу-девицу, это волшебное яблочко прямо сей секунд обернётся... обернётся... Его прошибло холодным потом. Агнюша, милая, это что, загадка такая мне от тебя?

Где-то в глубине головы родился тихий-тихий смех, и тоненький знакомый голосок промолвил: «Это подарок, ешь!»

Андрей взял яблочко в руку, поднёс к лицу, вдохнул див-

ный аромат, и откусил половинку. Внутри яблочка не было семечек! Сладостный обморок охватил всё его существо – он не помнил, как сунул в рот вторую половинку яблочка, как бухнулся на кровать. В голове ещё раз прокатился серебряными колокольчиками её смех, и она что-то тихо-тихо ему сказала. Из всей короткой фразы он разобрал только одно слово: «Жди».

Долго сидел, тупо смотря на стол, как будто там должно было случиться ещё одно чудо. Но стол стоял, коптилка, чуть потрескивая фитилём, скудно освещала квадрат грубо сколоченного стола. На душе вдруг стало спокойно-спокойно, Андрей широко улыбнулся своим мыслям, сглотнул, глубоко вздохнул, аккуратно свернул адресованное ему послание, и бережно положил его в нагрудный карман гимнастёрки. После этого затушил коптилку, наконец-то разделся, и упал головой на куцую подушку. И уже засыпая, одними губами произнёс:

– Спасибо, родная.

Ответом ему был жаркий поцелуй в губы. Мгновенно проснувшись, и ошарашенный этим ощущением, он ещё несколько минут, борясь со сном, тарасился в темноту.

А за окном ритмичным хором цвиркали цикады...

Глава 24. Броня крепка.

По броне снаружи что-то забухало, завозилось, потом в открытый командирский люк с шумом ввалился младший лейтенант Петя Топорков. С шумом и грохотом посыпался на своё сиденье. С лёгким шорохом на пол боевого отделения с его сапог посыпались маленькие комочки сухой земли. Какое-то время он молча и горячо сопел – видать, бежал к своему танку сломя голову.

Первым не выдержал наводчик, Сашка Смирнов:

– Ну чё, командир, не томи, что сказали-то?

– Что сказали, что сказали... – буркнул он, – сигнал к атаке – зелёная ракета. Сидим, ждём.

– Задача?

– Как обычно. В полтора километрах от нас, за перелеском, село. Задача – ударить, захватить, и удержать. Вчера его уже брали. Да только гансы к вечеру технику подтянули, и наших из села выбили. Комбат так и сказал – отбить любой ценой! Так что ждём.

И он полез обратно на броню, под августовский зной. Через некоторое время свесился головой обратно в люк:

– Слышь, Паш! Ты тоже смотри!

– Угу... – буркнул мехвод.

В томительном ожидании прошло несколько минут. Через открытые люки было хорошо слышно, как в высокой тра-

ве истошно стрекочут кузнечики. В нависающих над танком ветвях свистели, чирикали и пели разные пичуги. Лёгкий ветерок изредка и лениво шевелил листиками на ветках. Вокруг стоял удушающий зной. На броне, неспешно и обстоятельно, дымя крепким самосадом, вполголоса переговаривались пехотинцы – танковый десант.

Лёгкий хлопок, и в небо, замедляясь, и оставляя за собой жиденький дымный хвост, пошла тусклая в ярком дневном свете, небольшая зелёная точка.

– Ракета, командир! – крикнул Паша, и завёл движок.

Ухнув, и путив крупную дрожь по всей машине, завёлся 500-сильный дизель.

Всё вокруг заревело, заурчало, залязгало траками, и из опушки на ярко освещённый луг один за другим стали выползать танки батальона. Рыча и ломая кустарник, плюясь красной глиной из-под гусениц, танк рывком выскочил на открытое пространство.

Развернувшись в боевую линию, Т-34-85 с пехотой на броне пересекали открытое пространство, отделявшее их от недалёкого перелеска, за которым и располагалось село – цель атаки.

Маленький, чахлый перелесок проскочили, ломая кустарник и тонкие, жиденькие стволы попадавшихся то тут, то там молоденьких осин и берёзок.

Что-то ощутимо грохнуло по крыше башни. Сзади, на броне, дружно заорали матом.

– Чего там, посмотри! – приказал командир танка заряжающему. Белобрысый и широкоплечий Митька Хмелин высунулся из своего люка, обернулся назад. Сзади опять, громко и отчётливо всколыхнулся вал мата, уже в его сторону.

– Да ладно! Нэ журысь! То случайно! – гоготнул он, и хлопнув люк, снова свалился в боевое отделение.

– Чего там? – прокричал ему младший лейтенант.

– Да ерунда! Пашка берёзу сломал, она через башню назад упала, кому-то из десантников по башке прилетело.

– Не покалечило?

– Та не... так... шишку набило.

– А чего орали?

– Так шишка больно здоровая получилась!

Командир наклонился вперёд:

– Слышь, Павлуха, аккуратнее веди, а то до немцев десант не доведем!

– Нормально, командир! Доведем! Всё, деревья кончились!

И точно – впереди заметно просветлело, и в смотровые щели ворвались яркие лучи солнца. Танк выскочил на открытое пространство. Паша врубил следующую передачу, и танк, натужно пердя сизым дизельным выхлопом, рванул по полю в сторону села. Рядом, подминая гусеницами заросли высокого чертополоха, шли в прорыв все остальные танки батальона. Отчаянно цепляясь за поручни на их башнях, и дружно подпрыгивая на ухабах, на них сидели десантники.

Первым подожгли головной танк – он резко вспыхнул, и забирая вправо, развернулся бортом к неприятелю. С него горохом посыпался танковый десант. Те, кто уцелели после взрыва, и убереглись от метнувшихся в стороны огненных языков. Остальные так и остались лежать на броне бесформенными, тёмными шматками.

Пашка ещё поддал газу, и повёл скачущий на ухабах танк неровным, ломанным зигзагом, сбивая фрицам наводку. Танки батальона, атакуя на максимальной скорости, стали стрелять прямо с ходу.

Получив немецкий снаряд в скошенный лоб, остановился второй танк. Танковый десант, не удержавшись, по инерции слетел вперёд. Из всех щелей танка повалил дым. Распахнулся люк на башне, и оттуда, весь в клубках дыма, вывалился единственный танкист. Через несколько секунд танк вздрогнул, и из всех его щелей и распахнувшихся от внутреннего давления люков выхлестнуло упругий форс яркого пламени.

– Командир! Лёху Панкратова подбили! – проорал заряжающий, на краткое мгновение выглянув в смотровую щель на правом борту башни.

– Вперёд! Паша, жми на железку! – гаркнул командир.

Оставив огненный цветок по правому борту, Пашкин танк, быстро мчался по ровной, открытой местности, стремительно сокращая расстояние до населённого пункта. Каждые три – пять секунд Паша, зажимая то левый, то правый фрикцион, и подтормаживая соответствующей гусени-

цей, заставлял танк идти по ломаной, труднопредсказуемой траектории. Наверху, над Пашиной головой, оглушительно бахнула пушка, с лязгом отскочил затвор, выбрасывая во-няющую пироксилином гильзу в брезентовый мешок гильзо-сборника.

– Осколочный! – рывкнул командир танка.

– Есть осколочный! – заряжающий загнал очередной снаряд в ствол орудия.

Краем глаза Паша заметил, как из-за ближайшего к ним сарая высунулся небольшой, приземистый силуэт «Хетцера»⁴¹.

– Самоход! Слева тридцать!! – заорал Пашка, и чтобы наводчик не тратил драгоценное время на разворот башни, за-

---

⁴¹ «Хетцер» – небольшое, но неплохо бронированное немецкое самоходное орудие – истребитель танков. Оснащалось мощной, 75-мм пушкой.

жав фрикцион, подразвернул танк носом к немецкой самоходке.

– Короткая! – крикнул командир.

Клюнув носом, танк затормозил. Прогрохотав сапогами по броне, прыгнули в траву десантники.

Коротко взвыл электромотор привода башни, доразворачивая её на цель. Самоходка тоже дёрнулась – немецкий мех-вод тоже стремился облегчить работу своему наводчику. Немец успел выстрелить первым, но явно поспешил – оглушительно бабахнуло по броне, у всех заложило уши, здорово трянуло. Но немецкий снаряд, попал в броню башни под слишком большим углом, срикошетил, оставив на броне «поцелуй ведьмы»⁴². В следующее мгновение бахнула пушка тридцатьчетвёрки, посылая ранее заряженный осколочно-фугасный снаряд в сторону немецкой самоходки. Снаряд разорвался на сильно скошенном лбу «Хетцера», не причинив, впрочем, ему видимых повреждений.

– Бронебойный! – заорал командир.

Снаряд с лязгом воткнулся в патронник.

– Есть бронебойный!

Небольшая, приземистая немецкая самоходка дёрнулась назад, снесла забор из длинных жердей, и развернувшись, въехала в ветхий сарай. Сарай снялся с земли, и зацепившись за самоходку, некоторое время ехал на ней.

– Огонь!

---

⁴² «поцелуй ведьмы» – след на броне от срикошетившего снаряда.

Наводчик нажал педаль спуска, и вклепил бронебойный снаряд в мешанину брёвен, жердей и сена, под которыми грузно возился немецкий самоход.

Пашка сорвал танк с места. И набирая скорость, приблизился ещё на полсотни метров к селу. Сбросив с себя остатки развалившегося сарая, немецкая самоходка вылезла с другой стороны, и снова развернулась носом к танку.

– Бронебойный! – и уже Пашке: – короткая!

И уже наводчику:

– Целься в нижний лист! От верхнего от ricoшетит, там 60 градусов!⁴³

Танк, осев носом, снова резко остановился. Вой электромотора, несколько оборотов маховичков вертикальной и горизонтальной наводки. Выстрел!

Самоходка, так и не успев сделать свой второй выстрел, вздрогнула, приняв в себя бронебойный снаряд. Снаряд попал чётко в середину нижнего, 60-мм броневое листа. Из люка самоходки вывалились два немецких танкиста в горящих комбезах. Стрелок-радист тут же успокоил их короткой очередью из своего пулемёта.

Паша без команды сорвал танк с места и снова погнал его вперёд ломанным зигзагом. Слева и справа от них ещё два наших танка остановились, получив каждый по снаряду: один откуда-то сбоку, в моторный отсек, второй спереди, в

---

⁴³ верхний лобовой 60-мм лист «Хетцера» имел наклон 60°, а нижний 60-мм – 40°.

гусеницу.

Вцепившись в рычаги, и упёршись головой в верхний бронелист, Пашка вёл танк на максимальной скорости, а сверху постоянно выл электромотор разворота башни, перебрасывая ствол то вправо, то влево. Один за другим грохотали выстрелы, с лязгом отскакивал назад затвор, выплёвывая очередную пустую гильзу. В прицел ни наводчик, ни командир ничего толком не видели – танк скакал на ухабах, оба видели только скачущие небо да землю. Но выпустить в сторону окопавшихся фрицев даже неприцельно несколько снарядов – дело нужное. Не сдохнут, так хотя бы обосрут. Тоже самое делали и прочие танки, первые из которых уже ворвались на окраину населённого пункта и теперь маневрировали в посёлке, перепахивая окопы, и давя гусеницами пулёмётные точки.

Откуда-то сбоку, из невысоких кустов вокруг полусгнившего и почти завалившегося забора выхлестнуло язык огня, обрамлённый облаком дыма, и тут же в борт, в районе моторного отсека, прилетел снаряд. Оглушительно грохнуло, танк тряхнуло, но мотор продолжал работать, а танк продолжал мчаться по прежней траектории.

– Короткая!

Пашка тормознул танк. Взыл электропривод, разворачивая вправо башню, и наводчик без команды засадил осколочный снаряд в низкий силуэт хорошо замаскированной немецкой 75-мм противотанковой пушки, до этого удачно

скрывавшейся в кустах.

До батареи было рукой подать – метров сто. Снаряд удачно попал совсем рядом с пушкой – взрыв поднял и опрокинул её набок.

– Там ещё одна, командир! – проорал наводчик.

Паша уже развернул танк носом на замаскированную батарею, и дал по газам, стремительно сокращая расстояние до цели.

– Осколочный!

Лязг затвора.

– Короткая!

Танк опять резко тормозит и клюёт носом.

Выстрел! Пашка видит, как от взрыва их снаряда взметнулась земля перед сильно скошенным щитом второй противотанковой пушки. Попали, нет?

– Паша, дави их!

И танк, как взбешенный слон, разбрасывая остатки гнилого забора, ворвался на позиции противотанковой батареи и принялся перепахивать гусеницами то, что осталось после двух взрывов.

Ни Паша, ни наводчик, ни командир, не увидели, что буквально в полусотне метров замаскирована позиция ещё двух 75-мм противотанковых пушек. Не увидели они и выстрела. Немецкий бронебойный снаряд прошил 45-мм верхний броневой лист в районе места радиста-стрелка, и снеся ему голову, улетел в боевое отделение...

Очнулся Паша от дикой, обжигающей боли в ноге. Звенело в ушах, нестерпимо воняло жжёной железной окалиной. В верхнем броневом листе зияло окаймлённое малиновым цветом раскалённого металла отверстие от прилетевшего снаряда, вокруг плавали клубы сизого, удушливого дыма. В ноздри бил смрад горелого машинного масла. Из порвавшегося брезентового мешка-гильзосборника высыпался десяток пустых, похожих на большие карандаши, гильз. Паша попытался обернуться, чтобы посмотреть назад – на него из сумрака навалилось что-то тёплое, мягкое и податливое. Но уже явно не живое. Проморгавшись, Паша увидел, что это кровоточащее безголовое тело радиста-стрелка.

– Горим! – хрипло выкрикнул он, не слыша своего голоса – в ушах был только звон. Оттолкнув тело убитого товарища, попытался открыть свой люк. Ничего не получилось – люк

намертво заклинило. Паша сполз спиной на свою сидушку, и раскорячившись, упёрся ногами в люк, пытаясь отжать его хотя бы таким способом. Ничего не получилось!

Крутнулся на своём сидении, развернулся лицом назад: в боевом отделении было кладбище тел товарищей – никого живого. Из моторного отсека, наверх, в башню, выхлёстывали языки пламени, отсекая возможность выхода из башенных люков. Всполохи огня освещали боевое отделение, которое быстро наполнялась клубами густого дыма. Отбросив чью-то оторванную ногу в сапоге с пола, и разметав движением руки катающиеся по полу отстрелянные гильзы и выбитые из укладки диски для курсового пулемёта, Пашка попытался открыть нижний люк в днище. Срывая ногти, открыл гайки, свернул в сторону задрайки, толкнул люк вниз. Но приоткрыть его смог только на пару сантиметров, никакого просвета под днищем не было – только глина и песок. Танк, закапывая остатки батареи, плотно сел этим участком днища на грунт. Прорваться наверх, к башенным люкам тоже не было никакой возможности – в тесном боевом отделении тела убитых стрелка-радиста, командира, наводчика и заряжающего, и уже бушующий в башне огонь создавали непреодолимое препятствие.

А огонь разгорался всё сильнее и сильнее, подбираясь к снарядам на полу боевого отделения... Пашу сотрясал страшный кашель, невыносимо саднило в горле – удушливый смрад уже плотно заполнил всё боевое отделение.

Завыв от безысходности, Пашка снова уставился на ненавистный люк мехвода. Окончательно распалившись, со злобой, не жалея себя, и разбивая руки в кровь, саданул по нему из всех сил. Никакого результата! Заклинило! Намертво заклинило немецким снарядом!

И вдруг что-то ощутимо толкнулось у него в кармане! Как-то сразу, как проблеск молнии, пришло понимание – это ОН, тот самый нож, подаренный ему в прошлом году Агнюшей-Пичугой! Как утопающий хватается за последнюю соломинку, как за последнюю свою надежду, Паша схватился рукой за рукоять ножа – руку тут же пронзили тысячи ледяных электрических иголочек. Паша рывком выдернул его из ножен – и остолбенел: вместо привычного лезвия перетекая, и завораживая глаз, текла живая струя мерцающего, ощути-мо опасного тумана!

Пашка тяжело и хрипло дышал, пару секунд смотря на нож, как на последнюю надежду. И вдруг... стиснув зубы, и издав нечленораздельный рык, занёс нож над плечом, целя в броню перед собой, чуть выше и левее заклинившего люка!

– А-а-а! – выхрипнул он с надрывом и с неистовой силой вонзил нож в уральскую броню!!

Это был удар ВЕРЫ. Он истово поверил в то, у него всё получится. А иначе, зачем Пичуга подарила ему этот чудо-нож?!

Нож проткнул 45 миллиметров закалённой брони, как кусок сливочного масла! Пашка, тараша широко распахнутые

глаза, сделал рывок рукой в сторону:

– И-ы-ы-х!!! – и нож легко, почти без усилий, сделал в ней длинный, 70-сантиметровый разрез!

Глядя расширенными глазами перед собой, Пашка выдернул всесильный нож из брони, и воткнул его снова, и снова провёл им вдоль кромки люка мехвода, сделав второй разрез, теперь уже вниз, справа от люка! И снова – как в кусок масла!!

Ещё удар! И снова рывок: ещё один разрез в броне сверху-вниз, теперь слева от люка! Четвёртый удар, снова рывок ножом!!! Ещё один сквозной рез! Снизу, под люком.

Дымная, струящаяся полоса всё разрезающего, не знающего преград, живого тумана схлопнулась, и превратилась в обычное, 10-сантиметровое стальное лезвие...

Кровь стучала в горле и черепной коробке, грозя её разорвать изнутри. Тяжело и судорожно дыша, и держа в руке чудо-нож, Пашка секунду замороженно смотрел на вырезанный им в броне квадрат по внешнему контуру заклинившего люка мехвода. Затем упёрся спиной в свою сидушку и толкнул люк обеими руками... скрежеща металлом об металл, квадрат весом в сотню килограмм с заклинившим люком по центру, как-бы нехотя сдвинулся со своего места, и... вывалился наружу! Снопы яркого света ударили по Пашкиным глазам.

Цепляясь за гладкие и блестящие полированным металлом края прорезанного в 45мм броне отверстия, Пашка,

ошалевший от счастья и в клубах удушливого дыма, вывалился наружу...

Глава 25. Рейхстаг.

– Да давай, проезжай уже! – напирали и вопили сзади. Би-бикали клаксоны, матерились водители.

– Тьфу ты, чёрт! Доехали до Рейхстага! Федька, твою маковку, опять у тебя что-то случилось! – осерчав, капитан Илья Кутеев выпрыгнул из кабины.

– Да щас, щас, товарищ гвардии капитан! Я щас! – шофёр засуетился, выскочил из другой дверцы, и откинул крышку капота.

– Что там, товарищ гвардии капитан? – с кузова свесилось несколько девичих голов – в числе прочих, которым было разрешено увольнение для посещения Берлина, было и несколько девушек из БАО.

Илья только махнул рукой, мол, не до вас.

Андрей Чудилин, тоже сидевший в кузове, через борт легко и пружинисто спрыгнул на землю:

– Слышь, Илья, надо бы машину столкнуть на обочину, посмотри, что сзади твориться!

Сзади продолжали бибикать и материться.

Илья наградил водителя-растяпу злым взглядом, и бросил:

– Да чёрт его дери, растяпу! Придётся... доехали, бля, до Берлина!

Андрей кивнул:

– Сейчас всех, кто в кузове, отмобилизуем... И столкнём.
И в сторону напирających сзади зычно гаркнул:

– А ну, молчать! Сейчас столкнём!

С кузова горохом посыпался народ...

За полминуты совместными усилиями полупорку оттолкали на обочину, и движение по дороге восстановилось.

С натужным воем моторов мимо ехали грузовики, проскочил, всех обгоняя, виллис с усатым майором, показалась колонна танков.

– Слушай, давай отойдём, не могу я видеть его рожу! – в сердцах сказал Илья Андрею, кивая на раздолбая-водителя, – так и дал бы в рыльник!

Они отошли назад, за кузов, Илья нервно курил папиросу. Андрей снисходительно улыбнулся:

– Да, ладно, не серчай. Это не его машина, он не причём.

Илья сердито посопел, выдул струю дыма вбок, облизнул высохшие губы:

– Тебе хорошо, ты ни за что не отвечаешь, сам по себе. А меня назначили командиром всего этого... – он кивнул в сторону нескольких хохочущих девчат, – балагана... мать его! Хотели же, как нормальные люди, взять виллис, да вчетвером и смотаться по-быстрому... так нет же! Навязали этих... хи-хи, да ха-ха! Тьфу! Виллис оставьте, берите грузовик! Взяли... мать их...

Илья ругался и зло сплёвывал, а Андрей, щурясь на тёплом майском солнце, и засунув руки в карманы галифе, на-

слаждался покоем и какой-то снизошедшей тихой и спокойной благодатью. Рядом ревели и урчали танковые дизеля, лязгали гусеницы, а он стоял, и улыбался: войне конец! И против этого факта меркло всё: и заглохший мотор, и грязь на дороге, и...

Из благостного состояния его вырвал истошный вопль:

– Андрюха!!!

Он разом приоткрыл, прищуренные было на солнце, глаза, и увидел съехавший на обочину танк, из переднего люка которого высовывался чумазый донельзя танкист и который орал благим матом:

– Андрюха!!! Друг!!!

– Пашка!!! – Андрей сорвался навстречу.

Пашка Махалов, а это был он, ловко выпростался из люка и бросился навстречу закадычному другу. Обнялись.

Андрей обернулся:

– Ильюха, смотри, это – тот самый Пашка, что нас с Агнюшей тогда спас! Пашка!!!

Они снова бросились в объятия друг друга.

– Ты куда? – Андрей с восторгом смотрел в чумазое лицо своего товарища.

– Как куда?! В Берлин! Ты же помнишь, мы с тобой договаривались! Помнишь?!

– Да помню! Помню! И я туда же! Я тоже помню!!!

– Ну да! Мы же договорились, что в Берлине встретимся!

– Так уже встретились! – захохотал Андрей, хлопая Пашу

по спине.

– Точно, встретились! Правда, до Берлина ещё не доехали! Что, ваш транспорт? – Паша кивнул на стоявший на обочине грузовик.

– Да наш – дали вот... – с легкой досадой засмеялся Андрей.

– Так садись к нам! Вместе поедем! На танке!

Андрей обернулся на Илью, потом снова на Пашу:

– Да я-то со всем удовольствием! А машина? Может, дёрнем, а, Паш?

– Да говно вопрос! Лишь бы был хороший трос! – скаламбурил Пашка, и, надев рукавицы, пошёл сдёргивать буксировочный трос с укладки на борту.

– А трос у нас всегда! А ну, подсобляйте! – махнул он Андрею и Илье.

Через минуту полуторка, после могучего рывка 500-сильного дизеля, неуверенно фыркнула мотором, и весело затахтела на радость всем, кто в ней ехал.

– Ну вот, а ты боялась! Андрюха, давай вали уже к нам! – перекрикивая басовитый гул танкового двигателя, проорал Пашка, высунувшись по пояс из люка мехвода.

Андрей обернулся к Илье. Тот в ответ только махнул рукой:

– Да поезжай, конечно! На танке ещё разок прокатишься! От такого не отказываются! Мы тут сейчас потихоньку-потихоньку... У Рейхстага встретимся! Лады?

– Лады! – и Андрей порысил к тридцатьчетвёрке. Пашка, убедившись, что Андрей уже полез на танк, ловко нырнул в свой люк, а к Андрею сверху протянулись сразу несколько рук и разом втянули его на броню. Взревел дизель, и Т-34-85 рывком сдернувшись с места, встроился в общий поток движения, и меся грязь, уверенно попёр по дороге.

У рейхстага было не протолкнуться, и танки взвода, к которому был приписана и Пашкина тридцатьчетвёрка, остановились, не доезжая до Рейхстага, метров за пятьдесят, но Пашка, расталкивая толпу носом своего танка, и ловко объезжая разложенные повсюду костры, всё-таки умудрился протиснуться на танке почти плотную к зданию Рейхстага. На него орали, матерились, Пашка зычно орал, срывая голос, и матерился в ответ, но упорно продвигал свой танк вперёд. Наконец он заглушил двигатель, и обернувшись, крикнул:

– Слезайте, граждане, приехали, конец! Конечная станция – Берлин, Рейхстаг!

Танкисты, с которыми Андрей уже успел познакомиться, с шутками и прибаутками попрыгали с брони на землю.

– Сейчас умоемся! – Пашка сдёрнул с моторного отсека затрофеенную где-то немецкую 20-литровую канистру: – Андрюха, слей!

И подставил под струю чёрные от масла руки. Танкисты долго мылись, фыркали, Пашка меж делом ещё и успевал давать пояснения своему экипажу:

– Это, парни, тот самый Сталинский сокол! Помните, я

вам рассказывал! Летает, как Бог! Мы с ним в воздушном бою участвовали! Он меня на самолёте прокатил, а тут мессеры, ну, короче, я весь переблевался! Два мессера мы тогда с ним сбили, вот!

– Так получается, не вы, а он сбил! Ты то причём? Ты же блевал! – снисходительно отпарировал командир танка, молоденький младший лейтенант Петр Маслов.

– Ну и что?! Я его морально поддерживал! – нашёлся Пашка.

Все захохотали.

– А вот не верите мне, так вот проверьте!

– Чё проверить-то? То, что ты брехло, так это вся рота знает!

– Брехло?! Хорошо!!! Вот сейчас вы и увидите! – Пашка подошёл к Андрею, хлопнул его по плечу, и глядя на свой экипаж, грозно спросил: – я вам рассказывал про тот самый бой? Так вот, помните, кем Андрюха в том бою у меня в экипаже был? – он вопрошающе уставился на членов своего экипажа.

– А вот теперь давайте у него спросим! – он повернулся к Андрею: – ответь, Андрюха, этим фомам неверующим, кем ты был!

– Заряжающим.

– Вот!!! Видите! – возопил Пашка, поднимая вверх палец, – это первый пункт. И заметьте, я не подсказывал, он сам сказал!

Экипаж, подхохатывая, с удовольствием наблюдал за «концертом».

Пашка, возжелав правды и справедливости, раздухарившись, продолжал:

– А теперь, друг мой, скажи... заметьте! – он повернулся к зрителям, – я не подсказываю! Скажи-ка, друг, сколько мы в тот бой переколошматили фашистских танков, а?!

– Двенадцать. Одиннадцать Пантер и одна трёшка. Плюс один тигр. – спокойно сказал Андрей.

– Во-о-о-от!!! – проорал Пашка в восторге, – теперь, черти полосатые, поверили?!

– Что, серьёзно, не разыгрываешь? – стали наперебой терзать вопросами Андрея танкисты.

– Да не, мужики. Я уж не знаю, что там вам Паша рассказывал, но то, что я вам сказал, это – чистая правда.

– Ну, и за это сейчас тоже выпьем! – наводчик, молодой чернявый парень, стал вытаскивать откуда-то бутылки тёмного стекла.

– А всё почему?! – не унимался неугомонный Паша, – у Андрюхи стрелок-девчонка. Пигалица такая маленькая, Агнией зовут, так это, я вам скажу, снайпер от бога! Она-то всю эту шелупонь и укантропупила! Во, девка, парни! Я её после того боя всё к нам, к танкистам звал! Не согласилась! Я, говорит, с Андрюхой на ероплане летаю, и летать буду, вот так! Верно, Андрюха?

И увидев, как изменился в лице Андрей, сморгнул, облиз-

нул пересохшие губы, и встревоженно спросил:

– Андрюх, ты чего? И... это... пигалица-то твоя где?

Андрей сглотнул и отвернулся. Пашка забежал сбоку, заглянул в глаза:

– Неужто...

Андрей молча кивнул. Паша обернулся к своим, махнул рукой:

– Вы это... давайте, раскладываетесь тут, я щас...

Взял Андрея под локоть, отошёл с ним в сторону, серьёзно посмотрел в глаза:

– Расскажи.

Андрей вздохнул:

– Да чего тут рассказывать... сбили нас, попали в плен. Допрашивали, склоняли к сотрудничеству. Ну, мы их, понятное дело, послали, куда следует... Вырвались – Агнюша там фрицев переколошматила без счёту, меня подстрелили, она меня по болоту да по лесу тащила на себе...

Андрей замолчал – вспоминать это было очень трудно, но продолжил:

– Короче, нашли нас. На самолёте прямо в госпиталь. Мне пулю из спины вынули. А ей... а она... обморозилась вся... и... в общем...

Голос его предательски задрожал, и не в силах продолжать, он снова замолчал – комок поднялся к горлу и не давал говорить.

– Померла? – с замиранием в голосе жалобно спросил Па-

ша.

– Не померла, Паша, не померла. Просто улетела. Забрали её.

– Так значит... значит... это всё правда была? Ну, то, что она... ангел... там...и всё такое...

Андрей молча покивал, не в силах продолжать разговор.

Пашка молча и горестно покачал головой, и, вдруг, желая отвлечь друга от тяжких мыслей, схватил его за плечо:

– Вот что! Сейчас мы с тобой... напишем! Вон, смотри, как люди пишут!

И он кивнул на стену Рейхстага. Андрей вздохнул, отгоняя от себя сумрачные мысли, и посмотрел туда же:

– Слушай, а там уже негде писать – вон, смотри, свободного места нет.

Пашка тут же нашёлся:

– А я сейчас танк подгоню! Задом сдам, мы влезем выше, и напишем!

И он тут же прыгнул в танк, тёплый ещё движок радостно взрыкнул, и обдав всех чёрным выхлопом соляры из патрубков, завёлся.

– Ты куда? – загомонили танкисты.

– Я щас! Андрюха, садись, будешь направлять! – и танк, ворочаясь, как бегемот в болоте, среди заполнявших площадь людей, развернулся, и стал медленно сдавать задом прямо к стене Рейхстага.

Андрей сидел на башне, свесив ноги в люк, командовал

Паше:

– Так... так... ещё чуть-чуть... ещё... стоп!

Скошенная корма тридцатьчетвёрки упёрлась в стену. Андрей прошёл по крыше моторно-трансмиссионного отделения и попытался дотянуться до стены. Да, где писать, место было, но скошенная корма не давала возможности дотянуться до стены. Он спустился чуть ниже, встав ногой на выхлопной патрубок. Чёрт, теперь низковато!

– Щас, щас! Андрюха, вот, держи!

Пашка ухватил валявшуюся 200-литровую бочку, и поднатужась, взгромоздил её на корму танка:

– Ну-ка, подсоби! Сейчас мы вот такой шахер-махер сделаем!

Совместными усилиями они уложили бочку между стеной и скошенной кормой тридцатьчетвёрки.

Андрей попробовал ногой бочку – вроде встала устойчиво. Пашка вскочил на броню:

– Подожди, дай-ка я сперва! У меня тут и угля кусок припасён!

Он вытащил из кармана кусок угля и влез на бочку. Старательно вывел на стене крупными буквами:

«Мы победили!»

И внизу приписал: «ст. серж. Махалов Павел Иванович. 09.05.1945». Сунул кусок угля в руку Андрею и соскочил с бочки на крышу моторного отсека.

– Давай!

Андрей стал на бочку, и подумав, крупно написал:
«Мы дошли! Победа!»

И снизу приписал: «Андрей и Агния». Подумал, и приписал ещё, пониже: «и Антонина».

Слез, отряхнул руки, посмотрел на написанное ими, обернулся на Пашу.

– И Тоня тоже? – потухшим голосом спросил Пашка.

Андрей кивнул:

– Да, Паша, смертью храбрых. Подвиг совершила.

– Расскажешь?

– Давай чуть погодя...

– И то верно, а то уж кишка кишке бьёт по башке! А у нас тут столько заготовлено! С собой целый кутуль снеди везём! Затрофеили по дороге!

У костра уже на расстеленных газетах стояли банки тушёнки, лежал хлеб, котелок с картошкой был водружён на костёр, который бодро разгорался.

Хлопнула первая пробка. Разлили по кружкам.

– Ну, за Победу!

Дружно выпили. Пашка поморщился:

– Винишко – газировка. Хорошо, что много!

Ещё раз дружно выпили, снова за Победу. Закусили тушёнкой.

За разговорами не заметили, как прошло полчаса. Вода в котелке быстро вскипела, и теперь активно булькала, пузырьками весело подбрасывая мелкую картошку. Народ во-

круг веселился, то тут, то там слышались радостные крики, весёлый матерок, в нескольких местах разухабисто рвали меха несколько гармоней. Там где надрывались гармошки, весело оттопывали сапогами – где просто солдаты, а где и с девчонками. Повсюду слышался весёлый смех и песни.

Что-то тревожно ёкнуло. Где-то в животе. Потом чувство тревоги переместилось в голову, неудержимо защекотало в ухе... отметив про себя то, что это уже когда-то было, Андрей почесал ухо, и вдруг...

Откуда-то из-за уха стремглав вылетел маленький, бледно-светящийся пушистый шарик! Он облетел голову Андрея по кругу, и завис, покачиваясь, перед самым его носом. Андрей скосил глаза на Пашу – тот сидел совсем рядом и увлечённо что-то рассказывал. Остальные, подхохатывая, увлечённо слушали. По всему было видно, что никто из них не замечает маленький пушистый шарик, крутящийся вокруг головы Андрея. Участился пульс, по спине пробежал неприятный холодок. Внезапно появилось чувство переполненности мочевого пузыря.

Что за напасть? Только что ничего не хотелось, и вот нате! Андрей встал, отряхнулся.

– Ты куда? – поднял на него смеющиеся глаза Паша.

– Да это... отойду на минутку. Пойдём вдвоём сходим.

– О! точно! – вдруг вскинулся Паша, – я тоже! Мне тоже чего-то захотелось! Пойдём, отольём!

И они, пробираясь между кострами, гармонистами и пля-

шущим народом, пошли к ближайшему зданию.

– Ффффух... как пожарный конь! – выдохнул облегчённо Пашка, застёгивая комбез, – чё-то как-то сидели-сидели, не хотелось, и вдруг... как захотелось!

Андрей тоже застегнул галифе, и согласно кивнул. Он уже было хотел рассказать Паше про пушистый едва светящийся в солнечном свете шарик, и про то, что это самое у него было ровно год назад, в мае 44-го, как где-то недалеко раздался негромкий хлопок, потом свист летящей мины, и прямо посреди толпы празднующего победу народа, раздался взрыв! Всех, кто был рядом, разметало в стороны, многие попадали, все стали крутить во все стороны головами, несколько стволов короткими очередями стали бить куда-то по окнам того дома, у которого они с Пашкой только что справляли нужду. Сверху посыпались битые стёкла и куски штукатурки... Несколько солдат и офицеров, те, что стояли у подъезда, вскочили в подъезд, и рванули вверх по лестнице.

– Чччёрт... там же мои... – растерянно выдохнул Пашка и подхватившись, стремглав помчался, распихивая толпу, к тому месту, где был разложен их костерок. Андрей устремился за ним вослед.

– Всех, всех четверых уложило... прямо в костёр мина угодила... – подбегая к месту костра, расслышал Андрей голоса тех, кто стоял в том месте. Через три секунды он стоял у костра, рядом, в двух шагах, стоял, сгорбившись, Пашка.

Вместо костра зияла небольшая воронка. Обгорелые дро-

ва валялись, разметённые взрывом. В пяти метрах лежал разорванный котелок с разбросанными ошмётками варёной картошки. Битые бутылки, кружки, помятые взрывом банки тушёнки. И посреди всего этого – четыре окровавленных тела, нашпигованных осколками мины. Все вокруг орали, сустились, перевязывали стонущих раненых, кого-то куда-то тащили...

А Пашка стоял, и сдёрнув танкошлем с головы, плакал, как ребёнок.

Андрей стоял рядом, ошеломлённый и подавленный, не в силах успокоить друга. Да и какое тут к чертям собачьим, успокоение?

– Всех... всех... – всхлипывал Паша, – четыре раза я в танке горел! Дважды оставался лишь я один... из всего экипажа! Два раза терял половину экипажа... думал, ну всё... войне конец, до Берлина дошли, всё уже... а оно вон так... опять один остался! И этих тоже... такие парни! эх...

Из подъезда, не церемонясь, волоком тащили кого-то в немецкой форме. Затянутый в круг фриц оказался подростком лет 14..15 из Гитлерюгенда, в мешковато сидевшей на нём немецкой форме. Он, безобразно раззявив разбитый в кровь рот, навзрыд рыдал, и что-то визгливо и с надрывом выкрикивал. За ним следом тащили и небольшой 50-мм миномёт, с которым он и был пойман на чердаке дома.⁴⁴ Паш-

---

⁴⁴ реальная история из жизни мехвода Павла Ивановича Махалова, случившаяся с ним в мае 45-го у Рейхстага.

ка, стиснув кулаки, молча врубился в толпу и зло расталкивая собравшихся, стал стремительно пробиваться к её эпицентру...

Во вспыхнувшей суматохе и находившийся в шоковом состоянии Андрей не заметил, что его вещмешок, валявшийся среди разбросанных взрывом вещей, занялся почти невидимым в солнечном свете неярким пламенем. Бутылка с трофейным спиртом, лежавшая неподалёку, разбилась при взрыве и спирт, попав на его вещмешок, мгновенно вспыхнул. Когда спустя несколько минут, вспомнив о нём, Андрей вернулся к размётанному взрывом кострищу, от вещмешка остались только ляжки...

Всё остальное превратилось в пепел, в том числе и семьдесят одно письмо, которые он за эти полтора года успел написать Агнии.

Глава 26. Высший приоритет.

Агния снова находилась в том же зале. Но теперь она не висела, подвешенная в пространстве, а просто стояла босиком на прохладном полу. Как тяжёлые свинцовые капли падали в душу слова, которые она слышала. Так же, как и тогда, 500 дней назад, вся её эфирная сущность трепетала. Но теперь не от страха, а от радости.

– ...Ты с честью прошла испытание, все 500 дней и 500 ночей. За это время ты не сделала ни одной ошибки. Поздравляю. Теперь насчёт твоей просьбы.

Голос умолк, выдерживая томительную и тревожную для Агнии паузу.

– Ты изъявила желание снова стать человеком. Необычная просьба. Для Ангела. Обычно просят другое.

Долгая, долгая пауза, во время которой Агния, вся трепеща, стояла, переминаясь босыми ногами на холодном каменном полу.

– Во время твоего полуторамесячного наказания ты проявила поразительные способности по решению кризисных ситуаций различными силовыми способами. Такое дано немногим. Это талант, который надо развивать. Тебе предлагается после завершения естественно-го жизненного пути твоего подопечного пройти новый цикл развития. Ты станешь Ангелом-Воителем. Это

большая честь, и ты это знаешь. И такое предложение делается только один раз.

Ноги Ангела дрожат на холодном полу, руки нервно теребят свисающие вниз кончики крыльев...

– Подумай трижды, прежде чем ответить НЕТ.

– **Нет! Нет!! И ещё раз Нет!!!** – выкрикнула она, и многократное эхо, усилив её голос, десятки раз, затихая, отразилось от сводов, теряющихся в вышине.

– **Я! Хочу! Быть! Человеком! Отпустите! Меня! К нему! Я его люблю!**

И снова эхо прогрохотав много-много раз, и затихая, ослабло наконец, и с рокочущим бормотаньем растворилось в пространстве.

Наконец, Голос, выдержав долгую-предолгую паузу, промолвил негромко и внушительно:

– *Ты ещё раз изъявила желание снова стать человеком. Основным и единственным мотивом ты назвала то, что за время отбывания твоего наказания у тебя и у твоего подопечного возникло чувство взаимной Любви.*

Снова долгая и томительная пауза...

– *Высший Суд, руководствуясь принципом, что Любовь является Высшим Приоритетом и Смыслом Бытия, решил удовлетворить твою просьбу – ты снова станешь человеком.*

Глаза Агнии просияли, лицо озарила улыбка.

– *Но покинуть свой пост ты сможешь только через*

100 дней и 100 ночей. Этот срок отводится тебе для того, чтобы ты смогла подготовить себе преемника. Ибо не один человек не может существовать без личного Ахранителя. Введите рекрута!

Подуло сквозняком, тяжело хлопнула дверь в зал. Агния обернулась...

– Ну, здравствуй, родная...

– Здравствуй, Агнюшенька!

Глава 27. Сбывшиеся пророчества.

Вокзал в городе Харьков в этот июньский день жил своей жизнью – важно пыхтели, пуская струи пара и дыма, и с лязгом толкая вагоны, паровозы, на платформе колготился народ, обходчики в промасленных робах внимательно и сосредоточено сновали вдоль составов.

Один из эшелонов стоял уже с утра, на платформах стояли зачехлённые танки, получившие серьёзные боевые повреждения, которые невозможно было отремонтировать в ПАР-Ме, и поэтому доставленные на завод для капитального ремонта.

Паша важно и не спеша, засунув руки в карманы широченных галифе, прохаживался вдоль эшелона.

– Слышь, Павлуха, айда к нам, в подкидного перебросимся! – слышалось сверху.

Паша, неопределённо хмыкнув, дёрнул плечом, и продолжил фланировать вдоль рядов вагонов, зорко оглядывая платформу насчёт появления на ней женского полу.

– Слышь, Павло, ну давай уже к нам, хорош там круги нарезать, от тебя в глазах мельтешит! Ну чего ты, как тигр в зоосаде – без передыху по клетке бегаешь?!

Вдали, на самом конце платформы, мелькнуло цветастое платье... второе... третье! Прищурясь, и не обращая внимания на призывные крики товарищей, Паша зорко и вни-

мательно вглядывался в приближающуюся стайку девушек, идущих в его сторону. Так, трое! Ближе, ближе... да, так и есть, три девушки.

Всё в точности, как говорила Агния! Пора действовать!

Пашка сорвался с места. Но пробежав два десятка метров, спохватился, и перешёл на важный шаг – негоже фронтовику-ветерану бегать, подобно мальчишке. Рассчитав упреждение, свою скорость и курс, он ловко перехватил троицу на середине платформы.

– Здравствуйте, красавицы! – козырнул он, – разрешите представиться: старший сержант Махалов, Павел Иванович, танковые войска.

И без паузы, волнуясь, выпалил:

– Кто из вас по фамилии Марфенко?

Девушки сначала изумлённо посмотрели на Пашу, а потом взорвались хохотом:

– Да мы все Марфенко!

– К... как... все?! – опешил он.

– Да так, все! Мы же сёстры! Я – Маруся Марфенко, она – Лена Марфенко, а это – Дарья Марфенко! Мы её из эвакуации пришли встречать! Она ещё осенью сорок первого вместе с другими работниками завода эвакуировалась, там, в эвакуации, завод танки и делал! А сейчас всех обратно... вот и она тоже! – самая худенькая из всех троих показала на свою сестру, в руке у которой был небольшой чемоданчик.

У Паши отлегло от сердца.

– Фу-у! – он вытер выступивший на лбу пот, но на всякий случай, для 100-процентной уверенности, уточнил ещё и последнюю деталь: – стало быть, это вы и есть Марфенко Дарья Алексеевна?

– Да, я самая, – ответила девушка с чемоданчиком в руке и заинтересованно посмотрела на бравого военного.

– Вот вас-то мне и надо! Я по поручению, очень важному. Но сначала позвольте вас всех угостить мороженым! А потом я расскажу, как на ваших, Дарья Алексеевна, танках мы Берлин брали! Пойдёмте, пойдёмте!

И перехватив рукой её чемоданчик, он увлёл хохочущую стайку девушек за собой...

***

Теплое августовское солнышко изрядно припекало, по спине, между лопаток весело, одна за другой, бежали струйки пота. Толкаясь в толпе уезжающих, шумно бравших приступом готовый вот-вот тронуться состав, майор Степан Дунько стоял на платформе вокзала Будапешта и тревожно вглядывался в то место, где рельсы сходились в одну точку. Наконец, далеко-далеко, показалось мутное тёмное пятнышко. Пятнышко росло, постепенно превращаясь в чёрный столб дыма из паровозной трубы, под которым уже угадывались контуры паровоза...

Паровоз, пытая и выбрасывая на платформу белые бакенбарды из пара, с шумом проехал мимо Степана. Вытягивая шею, и приподнимаясь на носки, он тревожно вглядывался в

лица тех, кто начал выходить из ближайших вагонов. Неделю назад его Вера, наконец-то, смогла вырваться из Киргизии, где работала всю войну после окончания горного техникума, и дала телеграмму, что выезжает. Война уже несколько месяцев, как закончилась, но только сейчас Степан смог вызвать её к месту своей службы в Румынию. И вот теперь, после недели напряжённого ожидания, он тревожно всматривался в лица сходящих с поезда: он не знал ни номера поезда, на котором она должна была приехать, ни, тем более, вагона. Он знал только одно – что она ДОЛЖНА сегодня приехать.

И она приедет.

Мелькнуло в дверях тамбура знакомое и милое лицо. Ёкнуло сердце. Вера, его Вера, на пару секунд задержалась на ступеньках лесенки, вглядываясь в толпу встречающих. Не увидев Степана, она с чемоданчиком и большой сумкой стала неловко спускаться на платформу.

Степан молча врुбился в толпу, и мощно работая плечами и локтями, прорвался, наконец-то, к невесте.

Изумлённые, широко открытые глаза, растерянность, радость, восторг...

– Стёпа!!!

– Веруська!!!

Единым движением Степан сгрёб в охапку невесту, вместе с чемоданом и сумкой, поднял, закружил, расталкивая ругающихся людей. Долгий поцелуй...

– Я приехала...

– Я так ждал!

Он схватил в одну руку чемодан с сумкой, другой подхватил невесту за талию, и увлёк её за собой:

– Пошли, пошли, милая! Идём.

– Да, да! Идём! Мне так много надо рассказать тебе, Стёпа!

– И мне тоже! Мне тоже есть, что рассказать тебе...

Вырвались, наконец-то на привокзальную площадь...

– Слушай, Веруська! У меня ж наказ есть один, обещал исполнить! Пока помню.

– Что за наказ? – на него снизу вверх доверчиво смотрели такие близкие глаза.

– Да видишь, какая история приключилась... В конце сорок третьего попал наш батальон в переплёт, думал, живыми не выйдем. Но вот подишь ты, батальон наш тогда выстоял, а помог нам наш, советский танк, случайно он на нас вышел, из окружения наши танкисты выбирались. Так вот, в экипаже танка там э-э... девушка была, наводчиком, знаешь, такая... ну, не такая, как все.

– Какая такая «не такая»? – в глазах любимой мелькнули искорки удивления и лёгкого недоверия.

– Да нет, ты не подумай, это не то! Я о другом! Понимаешь, она всё наперёд знала, ну, как Мессинг, что ли... Знаешь, такой прорицатель есть? В Москве сейчас живёт! Так вот, она, девчущка эта, всё-всё обстоятельно мне объяснила, где и как фашисты наступать будут, сколько их на нас

пойдёт, и что надо делать. Собственно, благодаря ей-то мы и выстояли! Так вот, она, прощаясь, сказала, чтобы я о ней тебе рассказал, мол, ты знаешь, кто она была, и наверняка её вспомнишь!

Степан пытливо посмотрел в глаза любимой и произнёс:

– Её звали Агния.

– Агния? – любимая широко распахнула свои глаза.

– Да.

– Агния... Я помню только одну Агнию. Агнушей её ещё звали. Да. Мы в Тубоссе жили, отец при церкви там служил, это Вышневолоцкий район, Тверская губерния, в двадцать восьмом отца раскулачили, и на поселение отправили, а я сбежала, и бегом, бегом, к двоюродной сестре, Александре Ильинской. Пятнадцать вёрст! Она в селе Берёзка живёт, в двухэтажном доме, да... Ей тогда уже около тридцати было. Так вот, она ж мне вместо матери стала, там я и выросла. Я ж тебе про это рассказывала, помнишь?

– Ну да, помню. А Агния что ж?

– А-а... Агния. Так она родная сестра моей двоюродной сестры, которая Александра Николаевна. Но живой я её не видела, только на фото. Её фотография у нас в уголке зеркала стояла. Она ещё в девятнадцатом умерла, за два года до моего рождения. Александра говорила, что Агнуша зимой простудилась, заболела, и... и всё. А почему ты... Подожди, а как ты её мог видеть, ежели она давным-давно померла?

– Да, вот, видишь, какая загадка природы! Выходит, что

сначала померла, а потом... вот взяла и воскресла!

Какой-то седой дядька с вислыми усами чувствительно пихнул Степана в спину своим мешком, который он нёс, перекинув через плечо.

Степан нахмурил брови, уже вознамерился что-то сказать в ответ, но взглянув на любимую, разгладил морщинки на лбу, широко улыбнулся и подытожил:

– Ладно, потом расскажу! Будет ещё время, интересная история, там тако-о-ое...

И обняв улыбающуюся Веру за плечико, он повлёл её с привокзальной площади.

Глава 28. Берегиня.

Счастье вдруг в тишине постучалось в двери.

Неужель ты ко мне? Верю и не верю!

Падал снег, плыл рассвет, осень моросила...

Столько лет, столько лет, где тебя носило?

Погожим, теплым сентябрьским днём по Лиговскому проспекту шёл офицер. Шёл он домой от Московского вокзала, куда полчаса назад его привёз поезд. Конечно, он мог подъехать и на трамвае, но он специально решил пройти пешком по родному городу, которого он не видел четыре года. На плечах его были погоны капитана, на груди тихонько, в такт шагам, побрякивали боевые награды: орден Красной звезды, орден Отечественной войны, орден Суворова, медали за оборону Ленинграда, за взятие Берлина....

Офицер шёл, и с изумлением оглядывался по сторонам. Всё что происходило вокруг него, радовало и наполняло сердце восторгом и тихой печалью. Как изменился город! И при этом остался прежним, родным Ленинградом! Вокруг шумел многоголосый гул голосов, люди спешили по своим делам, где по одному, а где и весёлыми крикливыми стайками пробегали детишки. Под ногами суетливо чирикали вездесущие воробьи. Гулко и утробно ворковали голуби, женихаясь к голубкам...

Разбрасывая искры своими токосъёмниками, звенели на

поворотах трамваи, бибикая, проносились грузовые и легковые машины. Проехал набитый людьми, возвращающимися с работы, пузатый автобус. Жизнь кипела. И идя пешком по Лиговскому проспекту, Андрей заново привыкал к этой жизни большого города, колыбели трёх революций.

Из этого благостного состояния созерцания его вырвал до боли знакомый голос:

– Нет, нет, мил человек, ты что-то попутал – подмётку я тебе вчера, да, ставил, да вот только не на левый ботинок, а на правый! Ну-ка, покажь правый! Покажь, покажь, не стесняйся! Во-о-от! Видишь, стоит, родимая, зубами не оторвёшь. А то, что у тебя сегодня на левом башмаке подмётка слетела, так то не моя вина! Я ж тебе вчера говорил: давай обе поменяю, дешевле выйдет! Так нет же – решил сэкономить! Я теперь мне ещё и туфту гонишь, что, дескать, подмётка снова отлетела, делай заново, да забесплатно! Не на тех напал! Ты как хошь, мил человек, а подмётку новую поставить – это денег стоит. Потому, как труд. А пролетариев за их труд надо уважать...

Ёкнуло сердце, Андрей обернулся, и ... встретился глазами с одноногим сапожником, сидящим в своей маленькой будочке и яростно спорившим с посетителем. Тот, почувствовав на себе посторонний взгляд, тоже поднял глаза на Андрея, и....

– Андрюха!!! – истошно завопив и бросив инструмент, он оттолкнул посетителя, схватил костыль, и бросился к Ан-

дрею. Коля Никишин, а это был именно он, прыгая на костыле, подскочил к обалдевшему Андрею, и облапил того своими ручищами.

– Колька!!!

– Андрюха!

– Колька!

– Андрюха... ты как, откуда...

– Домой. Демобилизовали! Иду, слышу – голос знакомый!

А это ты!

– А это я! – Николай ласково гладил Андрея по волосам, – ах ты... Андрюха... сколько ж мы с тобой не виделись...

– Колян... я вот... иду...

– Домой? С вокзала, что ль? Пешочком?

– Ну да, город посмотреть, так давно не видел! Трамваи, люди... памятники. Соскучился!

– А уж как я по тебе соскучился! Знаешь, что, я сейчас лавочку закрою, и мы ко мне пойдём...

– Так ты что, сапожничаешь?

– А то! У меня ж батяня был знатный сапожник! – Колька нагнулся, ловко подобрал упавший костыль, – Ещё при царе сапоги шил, губернатору! Ну и я, значит, тоже не пальцем деланный! Ну а с одной ногой-то куда возьмут? Вот я и сми-китил, что так-то оно вроде как и прожить можно... Живу, короче! Ну, пойдём, пойдём!

– Да куда пойдём?

– Как куда? Ко мне, говорю! Сейчас Шурка пока на рабо-

те, вот придёт... а мы пока с тобой...

– Погоди, погоди! Какая Шурка? Неужто...

– Ну да! Та самая! Наша Шурка Ерофеева! Она ж за меня замуж вышла! Ещё в сорок четвёртом! Теперь Никишина! Ты не знал?!

– Да откуда?!

– А... ну, там такая история приключилась: она ж в сентябре 44-го в госпиталь попала по ранению... Это-то ты должен знать!

– Ну, да, было дело.

– Так вот, её после госпиталя и демобилизовали, как и меня. Отправили её домой, к себе в деревню, значит... а от дома-то ейного одна труба осталась! Там же такие бои были! Помыкалась она, помыкалась по соседям, да и поехала в Ленинград – у неё тут подруга. Сама-то она из-под Гатчины, ага! Недалеко, значит. Ну, и встренились мы, вот... то да сё... сошлись, короче. Нет, ты Андрюх не подумай, я её сразу так в лоб и спросил: как же говорю, Андрей? А она мне: а что Андрей? У него Агния. Кстати, об Огоньке что-нибудь слышно, нет? Не давала о себе весточку?

Андрей молча помотал головой. Колька горестно кивнул, помолчал, и продолжил:

– А, ну вот... ну, и сошлись, значит. Живём ладно. Правда, ты знаешь, насчёт этого... – Николай выразительно щёлкнул себя в район кадыка, – она больно ругачая! У меня иногда бывает... ну, ты понимаешь, ремесло-то деньги приносит,

ага! Ну и я... А она... У-у-у, тогда держись! Слушай, пошли, пошли, я щас мигом в гастроном сгоняю!

Он похлопал себя по карманам, оглянулся на свою будочку:

– А-а-а! Чёрт! Я ж вчера... Зараза, и этот, чёрт гунявый с подмёткой оторванной ушёл! Слушай, Андрюх, а у тебя...

– Да, конечно, есть! На, держи! – Андрей сунул Кольке несколько бумажек.

– Ох, да куда так много-то! – умилился Колька, – так, ты стой здесь, я щас в гастроном... Это быстро, тут за углом!

– Нет, нет, нет! – Андрей выставил перед собой руки, – давай завтра! Мне надо домой. Четыре года не был! Ну, давай, завтра зайду.

– Я здесь почти каждый день! – Колька показал пальцем на будочку, – и это... приходи обязательно! Посидим! Там... за встречу! – и потряс бумажками, зажатыми в руке: – я завтра отдам!

Распрощавшись, Андрей, улыбаясь, пошёл дальше, не замечая, что за ним на некотором расстоянии увязались два парня-подростка. Метров через сто он наткнулся на тележку с мороженым. Весёлая тётенька в чепчике быстро и ловко продавала свой товар. Андрей остановился, и решил, что после четырёх лет войны поесть мороженого – это хорошая идея, просто замечательная. Двое подростков приблизились с двух сторон, но близко пока не подходили.

Взяв мороженого, Андрей не спеша пошёл дальше.

– Дяденька, дай двадцать копеек! – задрал голову вверх, рядом с ним стоял какой-то маленький шкет. От горшка два вершка. Усмехнувшись, Андрей переложил мороженное из руки в руку, и полез в карман за деньгами. Вынув оттуда несколько смятых бумажек вперемешку с монетками, он бумажки положил обратно в карман, и сунул мальцу несколько монеток:

– На, держи, на мороженное!

И не спеша пошёл далее.

Тревожный червячок зашевелился только через некоторое время... спешно доев мороженное, Андрей сунул руку в карман и похолодел – бумажек в кармане не было! А была большая, сквозная дырка, сквозь которую провалились пальцы!

– Вот ведь зараза! – в сердцах плюнул Андрей, – развелось хулиганье!

Денег, конечно, там было немного, так, на первое время... но и это первое время надо было как-то прожить! Пока ехал домой, строил планы на будущее: вот приеду, сразу пойду на завод, в отдел кадров, устраюсь на работу. Возьмут ли? Возьмут, куда денутся?! С таким-то «иконостасом» на груди! Фронтвик, орденоносец! Да и стаж, в конце концов, имеется, до войны-то пару лет он успел поработать! И разряд есть!

Да-а-а... А вот теперь... когда ещё первая зарплата будет... Ладно, хоть Колька обещал отдать долг. «Ну, ничего, как-нибудь проживём», подбадривал он себя.

С таким немного подпорченным настроением он всё ближе и ближе подходил к своему дому. Пересёк улицу Стачек, вот улица Новоовсянниковская, дворик... с замиранием сердца он подошёл к своему подъезду. Встал в нерешительности, огляделся. Слева какая-то седая тётка развешивала бельё на верёвке, протянутой через полдвора. Андрей в ней с трудом узнал Клавдию Ивановну, соседку этажом выше – так она постарела за годы войны.. Она оторвалась от своего дела и с любопытством посмотрела на стоявшего молодого офицера.

Приглядевшись, она всплеснула руками, и схватившись за сердце, растерянно выдохнула:

– Андрюшка... Чудилин... Родненький ты мой! Вернулся!

Она бросилась его целовать:

– Вернулся, живой! Как хорошо-то! Живёхонький! Вот радость-то!

– Да тётъ Клава, да, ладно вам! – отбивался он её лобызаний Андрей, – ну живой, ну вернулся. Так что с того?

– Как что? Да у нас, почитай, из всех, кто жил, только четверть и осталась! И дядя Миша, и Дядя Ваня, и Любка с Ларисой, их бомбой убило, когда они за хлебом пошли, и Сергей Иваныч с десятой квартиры, и... твои... тоже...

Андрей кивнул:

– Я знаю, тётя Клава, мне об этом ещё дядя Ваня в сорок втором говорил, госпитале встретились случайно.

– Ох, дядя Ваня! В сорок втором же и погиб он! В декабре похоронка пришла. А ты, Андрюшенька, как, насовсем? Или на побывку?

– Насовсем, насовсем, тётъ Клава! Всё, демобилизовался!

– Ну, пойдём, родной, пойдём, расскажешь, что да как. Я тебя чаем напою!

Андрей помотал головой:

– Нет, тётъ Клав, я... потом, всё потом. Хочу домой. Четыре года не был. Ключик у вас?

– У меня, у меня, дорогой, у меня!

Тут она запнулась, и всплеснула руками:

– Матерь божия! Совсем забыла, старая дура! У тебя ж гостья!

Тяжкой наковальной ухнуло сердце...

– К..к..какая гостья?

– А вот такая! – затараторила соседка, – вся из себя, симпатичная такая, всё при ней, – она руками показала параметры фигуры, – в теле девка!

Андрей в сопровождении соседки на ватных ногах поднимался по лестнице, и терялся в догадках: кто это? Приехала двоюродная сестра из Самары? Так она тощая, как вобла, а тут «в теле девка»... Шурка? Да нет... она не может знать, что я приехал... Кто?

А соседка продолжала рассказывать подробности:

– И так пришла такая... мне говорит, «к Андрею», а я говорю: «к какому Андрею?» «к Чудилину», «так, говорю, нету

его, как на фронт, говорю, забрали, так и всё, ни ответа, ни привета. Воюет, поди!» а она такая: «я его здесь подожду, сейчас придёт», а я ключик-то давать ей не спешу – мало ли жулья всякого, а она ключик-то, ключик-то, слышишь, из своего кармашка вынает, и крак, замочек-то и открыла... а я ещё думаю, откуда у неё ключ-то? Да! Она ж в форме, военная, стало быть, и орден тож... блестящий такой, вокруг лучики золотые, звёздочка вся лаковая...

С прыгающим сердцем, не чуя ног, Андрей стоял у своей двери...

Сердце молотило, как кузнечный молот. Ду-дух... ду-дух... ду-дух... как будто стокилограммовые фугаски падали на дно ущелья.

Неужто?

Неужто?!

Неужто?!!

Он рывком распахнул дверь... Сердце долбанув по рёбрам, ухнуло вниз.

Первое, что он увидел, были ЕЁ глаза.

ОНА сидела у окна на стуле, и улыбаясь, смотрела на Андрея.

Огромные, добрые, бесконечно родные, карие глаза. На ней была ладно сидевшая гимнастёрка, подпоясанная ремнём, форменная юбка, аккуратные укороченные сапоги. Пилотка, сложенная, лежала рядом на столе. На груди блеснул золотыми лучами орден Отечественной Войны.

Андрей пошатнулся, сглотнул, моргнул глазами – раз, другой, всерьёз опасаясь, что это ему снится, и в любой момент прекрасное видение может исчезнуть.

Прекрасное видение не исчезало. В горле мгновенно пересохло...

– Агнюша... – хрипло, не своим голосом, ещё не веря собственному счастью, произнёс Андрей.

Она встала со стула и тихо-тихо произнесла:

– Я вернулась, Андрюшенька.

Не помня себя от счастья, Андрей вихрем пролетел разделявшее их расстояние, и подхватив её за талию, закружил. Её руки обвили его шею, она прижавшись к нему всем телом, взвизгнула, и подогнув колени, повисла у него на шее...

Откружив её, и поставив ногами на пол, Андрей стоял, смотрел ей в глаза и не мог оторваться. В горле стоял ком, не дающий произнести ни единого слова. Но глаза его красноречиво говорили за него. Вихрь мыслей колобродил в голове. Он держал её за талию и смотрел, смотрел, смотрел ей в глаза...

В голове как тогда, 20 месяцев назад, прошёлся маленькой, мягкой лапкой котёнок – это был верный признак того, что... В восторженном взгляде Андрея появились тревожные нотки. Его беспокойство отразилось у него на лице.

Агния мягко улыбнулась, погладила его волосы, и спокойно промолвила:

– Не беспокойся, я уже не ангел. Я человек. И я никуда не

улечу, я здесь навсегда.

Андрей выразил свои чувства, поцеловав её в губы, она ему тут же горячо ответила.

– Я... я... – оторвавшись от её губ, он не мог найти слова, чтобы выразить своё счастье, – я... так рад! Я.. так ждал! Я... так верил!

Она смотрела на него снизу вверх, и улыбаясь, произнесла:

– Помнишь, я тебе написала – «любовь стоит того, чтобы ждать»?

– Да, да, конечно! Вот... – и он торопливо вынул из нагрудного кармана бережно хранимый там у самого сердца аккуратно свёрнутый вчетверо листок, – вот!

Она накрыла своими ладошками его руку со сложенным листком:

– Ты ждал, и ты верил! И вот видишь, сбылось! По вере вашей и воздастся вам! Если бы ты не верил, в то, что я вернусь, то меня бы здесь сейчас не было!

– Как всё просто... и сложно одновременно.

Наглядевшись в её глаза, он смотрел теперь на её волосы, шею, плечи, гладил её по спине...

– Что, подросла немного? – лукаво улыбаясь, и наклонив голову, спросила Агния.

Андрей отошёл на шаг, впрочем, не выпуская её руку из своей, и с изумлением осмотрел её всю с ног до головы. Она, чтобы усилить эффект, подняла свою руку, за которую он

её продолжал держать, над своей головой, и демонстративно крутнулась на месте.

– Ну-у-у, как?

Андрей ошеломлённо смотрел на свою любимую, не веря своим глазам! Всё было при ней: и прекрасная, женственная фигура, и высокая грудь, и рост...

Андрей сморгнул, отгоняя видение...

– Что, нравлюсь я тебе такая? – опять так же лукаво щурясь, рассмеялась она.

Андрей не верил своим глазам – это действительно была та самая, его Агния, но... какая-то другая, ещё лучше, ещё прекраснее!

И ноги были на месте!!

Эта, нынешняя Агния, что сейчас стояла перед ним, была значительно красивее той, которую он знал! Как такое возможно?!

Она прильнула к нему и тихонько сказала на ушко:

– Возвращаясь сюда, я испросила разрешения немного подправить моё тело. И мне разрешили. А знаешь почему?

Андрей, не в силах отвести от неё восхищённого взора, молча помотал головой. Она легонько оттолкнулась от него, и серьёзно посмотрела Андрею в глаза:

– А потому, что тогда, двадцать месяцев назад, ты был готов любить меня даже ту, искалеченную, без ног!

И продолжая так же серьёзно смотреть ему в глаза, она продолжила:

– И то, что ты сейчас видишь перед собой, это тебе – награда. Награда за твою Веру, Надежду и Любовь.

Андрей, желая отогнать от себя наваждение, шумно выдохнул, и снова схватил её за обе руки:

– Не могу поверить... неужели это всё мне?!

Она, кивнув, радостно подтвердила:

– Ага! Тебе, кому же ещё?!

– И больше никуда не улетишь?!

– Ну куда я улечу? Я тут, пока тебя не было, уже и пыль протёрла, и прочий порядок навела. Я ведь теперь твоя жена? Кстати, ведь ты не ужинал? И я, пока тебя тут ждала, проголодалась, как тыща волков!

Андрей спохватился, принялся торопливо развязывать вещмешок, потом вспомнив, что ничего съестного у него там уже нет, полез по карманам:

– Так это... сейчас в магазин ходим, купим чего-нибудь...

Пальцы позорно провалились в дыру, прорезанную ловким карманником.

– Тут это... такое дело... незадача приключилась, – растерялся Андрей и виновато улыбнулся: – жулики лиговские, шпана... мать их! Всё, что осталось, всё слямзили...

Агния тихонько, чтобы его не обидеть, рассмеялась, и протянув к нему руку ладошкой вверх, ласково произнесла:

– Растеряша ты мой! Не жалея о тех деньгах. Плюнь! Деньги – брызги! Я тебе другие дам, точно такие же, на, дер-

жи свои денюжки, и больше не теряй!

И на её ладошке, о чудо! Прямо из воздуха, как и тогда, 20 месяцев назад, появились... да, да! Несколько смятых купюр!

Андрей сглотнул, изумлённо взял смятые бумажки с её ладони, поднял на неё глаза:

– Так ты... всё же ангел? Или как...

– Я уже не ангел, я тот самый «или как»! – заразительно расхохоталась она, да так, что чуть не упала со стула.

И отсмеявшись, пояснила:

– Я не ангел, но кое-что из тех фокусов у меня всё же осталось! Ну, к примеру, я так же, как и тогда, могу кое-что сотворить, и я так же, как и тогда, слышу твои мысли. Ты расстроен?

– Нет! Что ты! – с жаром возразил Андрей, – это даже лучше! Но почему у тебя осталось эти возможности? Ведь обычным людям это недоступно?

– Так я и не обычный человек. Я была твоим Ангелом-хранителем, а теперь я – твоя Берегиня. Хранила тебя оттуда, а теперь буду беречь тебя здесь, – она снова обвила его шею руками, и жарко его поцеловала.

Отдышавшись, он всё же, решил уточнить:

– Так значит, теперь у меня нет Ангела-хранителя?

– Ну почему же нет? Есть! И ещё какой! Смотри!

Агния опять наградила его своей прекрасной, лучезарной улыбкой, и... откуда-то из её волос выпорхнул маленький,

светящийся шарик. Покружившись вокруг головы обалдевшего Андрея, шарик метнулся к стене и превратился в солнечный зайчик! Осмысленно попрыгав по стене, он вдруг замер на месте, его очертания поплыли, изменились, и... Андрей явно увидел, что на стене теперь светится смеющееся лицо Антонины. Она была, как живая, смотрела на него, и весело улыбалась. Наконец, она лихо подмигнула ему, и... видение исчезло.

– Так значит... так значит... Антонина?!!!

Агния кивнула:

– Она самая! Я же её и обучала. 100 дней. Не бойся, она не такая растяпа, какой была я...

Андрей взял её лицо в свои ладони и долго-долго смотрел, наконец, спросил:

– А у тебя... у тебя... есть Ангел-хранитель, или Берегине не полагается?

– А ты как думал? Есть и у меня, дали! Догадайся с одного раза, кто? – она, наклонив голову набок, и загадочно улыбаясь, с интересом смотрела на Андрея. Его ответ она узнала за секунду до того, как он его озвучил:

– Славка? Миронов?! Угадал?!

Она тихо и важно кивнула.

– Ангел-Воитель?!

– Молодец, помнишь... С таким А-хранителем мне ничего не грозит. А тебе – с Антониной. Они в паре работают, как у лётчиков принято – ведущий и ведомый. Плюс я, бе-

регины, на подхвате, так, на всякий случай.

Потом подошла к нему вплотную, и тихонько погладила его по щеке, заглянула в глаза:

– И ещё: я хотела сказать тебе большое спасибо за все те письма, что за эти полтора года ты мне написал.

Андрей смутился, сглотнул и виновато улыбнулся:

– Так сгорели письма-то... в Берлине, когда мы с Пашкой встретились... Там ещё весь его экипаж...

Агния кивнула:

– Знаю я и про Пашу, и про Берлин. Экипаж его, увы, спасти не удалось. А вот до Пашиного А-хранителя я смогла тогда достучаться, успела, – она улыбнулась и добавила: – а письма твои... вот они, держи!

Она протянула к Андрею руку, и на её ладони медленно протаял, прямо из воздуха, увесистый пакетик, завёрнутый в чистую, белую тряпицу.

Андрей, затаив дыхание, трясущимися руками развернул ткань и... о чудо! Там ровной стопкой лежали все его письма, написанные с января 1944-го по май 1945-го года, и безвозвратно сгоревшие 8 мая 45-го года в Берлине!

Довольная произведённым эффектом, Агния лукаво смотрела на него:

– А ты думал, они пропали безвозвратно? ТАКИЕ письма не горят!

Чувства переполняли Андрея: хотелось бежать сломя голову, прыгать через пропасть, лететь куда-то, крутить на са-

молёте высший пилотаж! Он вскочил, подхватил любимую, снова закружил её по комнате, не обращая внимания на падающие вокруг стулья...

Немного запыхавшись, и поставив её на пол, выпалил:

– Так... пойдём!

– Да куда?

– Пойдём! На улицу! Я всем скажу! Всем! Что я тебя люблю! И что ты у меня есть! Всем! Пойдём к соседям, пойдём к Кольке, к Шурке... отпразднуем! Там Шурка! Ты знаешь?!

– Да знаю я, знаю! – хохотала она от переполнявшего и её счастья.

– Вот! И пойдём, я мороженого тебе куплю! Целый короб!

Пойдём!

Он схватил её за руку и повлёк за собой.

– Да куда пойдём? Андрюшенька! Не продают уже мороженого, поздно уже, вон, темнеет!

– А как хочется накормить тебя мороженым до отвала!

Эх, придётся до завтра ждать!

– Не придётся. – она смотрела на Андрея, и хитро улыбалась. – ну, целый короб я не смогу, да и не осилим мы с тобой столько, а вот это... пожалуйста!

И в её руке прямо из воздуха появились, прямо как из воздуха протаяли, две порции мороженого. Широко улыбаясь, она вымолвила:

– Угощаю!

От избытка чувств Андрей снова привлёк её, держащую

мороженое в обеих руках, к себе, жарко поцеловал. А потом смотрел, смотрел и смотрел в её глаза... И не мог насмотреться!

Она улыбалась в ответ, и... столько всего читалось в её глазах! Столько обещающего, манящего...

Андрей почувствовал её мысленный посыл, и, замирая сердцем, выдохнул одними губами:

– Неужели это навсегда?!

Она коротко и утвердительно кивнула:

– Навсегда! На всю жизнь!

Конец.